

БИБЛІОТЕКА

ТВОРЕНІЙ СВ. ОЦЕВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ

ЗАПАДНЫХЪ

издаваемая при Кіевской Духовной Академіи.

КНИГА 5.

Творенія блаженнаго Іеронима
Стридонскаго.

ЧАСТЬ 3.

К І Е В Ъ.

Типографія аренд. Е. Т. Керерь, Большая Владимірская улица, домъ № 22.

1880.

ТВОРЕНІЯ
БЛАЖЕННАГО ІЕРОНИМА

Стридонскаго.

ЧАСТЬ 3.

К І Е В Ъ.

Типографія аренд. Е. Т. Керерь, Большая Владимірская улица, домъ № 22.

1880.

Изъ журнала «Труды Кіевской духовной Академіи»
за 1868, 1869 гг.

ВЛАЖЕННАГО ІЕРОНИМА ПИСЬМА.

87. Письмо къ Летѣ.

Апостоль Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ, наставляя юную церковь въ священныхъ правилахъ, между прочими заповѣдями, дать и слѣдующую: *жена еще имать мужа невѣрна. и той благоволитъ жити съ нею. да не оставляетъ его* *Святится бо мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ, и святится жена невѣрна о мужи вѣрнѣ: иначе бо чада ваша нечиста были бы, нынѣ же свята суть* (1 Кор. 7, 13 и 14). Если, быть можетъ, кому либо доселѣ казалось, что узы дисциплины здѣсь крайне ослаблены и что учитель неумѣренно снисходителенъ: то пусть онъ посмотритъ на домъ отца твоего, хотя мужа и знаменитѣйшаго и ученѣйшаго, но еще ходящаго во тмѣ (язычества),— и онъ увидитъ, что совѣтъ апостола направленъ къ тому, чтобы горечь корня вознаграждалась сладостію плодовъ и неблагородныя лозы давали драгоценный бальзамъ. Ты родилась отъ брака неравнаго; отъ тебя и отъ моего Токсоція родилась Павла. Кто повѣрилъ бы, что у Понтифекса Альбина, въ слѣдствіе материнскаго обѣта, родится внука, которая, въ присутствіи обрадованнаго дѣда, еще лепечущимъ языкомъ малютки будетъ пить Христово *алмадуя*? Кто повѣрилъ бы, что старикъ воспитаетъ въ своихъ нѣдрахъ

есть то перворожденное, которое приносилось въ жертву по закону (Исх 13). Такъ зачатъ былъ Самуиль; такъ родился Самисонъ (суд, 13); такъ Іоаннъ Креститель воспрянулъ и възыгралъ при входѣ Маріи (Лук. 1): потому что слышалъ слова Господа, возгремѣвшаго устами Дѣвы, и вспрыгивалъ, чтобы вырваться на встрѣчу Ему изъ чрева матери. И такъ рожденное въ слѣдствіе обѣта должно получить отъ родителей и воспитаніе, достойное своего происхожденія. Самуиль воспитывается во храмѣ; Іоаннъ готовится въ пустынѣ. Тотъ почтенъ священными волосами, не пьетъ вина и сикера; будучи еще малюткою, бесѣдуетъ съ Богомъ. Этотъ бѣжитъ городовъ, опоясывается кожанымъ поясомъ, питается саранчою и дикимъ медомъ, и для олицетворенія покаянія, которое долженъ былъ проповѣдывать, одѣвается въ кожи горбатѣйшаго животнаго ¹⁾.

Душа, имѣющая быть храмомъ Божиимъ, должна быть воспитываема слѣдующимъ образомъ. Пусть учится она слушать и говорить только то, что относится къ страху Божию. Постыдныхъ словъ пусть она не понимаетъ, пѣсенъ мірскихъ—не знаетъ; еще младенческой языкъ ея пусть научится сладкимъ псалмамъ. Общество рѣзвыхъ мальчиковъ должно быть удалено отъ нея: самыя дѣвушки и горничныя должны воздерживаться отъ мірскихъ разговоровъ съ нею, чтобы тому, что онѣ худо поняли сами, не научили еще хуже. Для нея должны быть сдѣланы азбучныя буквы изъ буковаго дерева или изъ слоновой кости, и названы каждая своимъ именемъ. Пусть она забавляется ими, чтобы самая забава была для ней ученіемъ. И не только порядокъ буквъ должна помнать она, и названія ихъ обратить для себя въ пѣсни; но нужно азбуку часто приводить въ безпорядокъ, смѣшивать послѣднія буквы съ средними и сред-

¹⁾Т. е. верблюда.

нія съ первыми, чтобы она узнала ихъ не только по звуку, но и по виду. А когда начнетъ она дрожащею рукою водить перомъ по бумагѣ, необходимо или кому нибудь водить ея нѣжными пальчиками, или вырѣзать буквы на доскѣ, чтобы проводимая по бороздкамъ черта тянулась въ окраинахъ и не могла выходить за предѣлы ихъ. Пусть она соединяетъ слоги для того, чтобы получить награду, и подарочки, служащія забавою для этого возраста, пусть будутъ побуждающимъ для нея средствомъ. Пусть учится она вмѣстѣ съ подругами, которымъ она могла бы завидовать, похвалы которымъ могли бы подстрекать ее. Если она будетъ меньше ихъ понятлива, бранить ее не слѣдуетъ; но нужно возбуждать ея способности похвалами, чтобы она радовалась, когда одержитъ надъ ними верхъ, и жалѣла, когда онѣ превзойдутъ ее. Больше всего должно остерегаться, чтобы она не возненавидѣла ученія, чтобы отвращеніе къ нему, предзанятое въ дѣтствѣ, не перешло за молодые годы. Самыя имена, надъ которыми по немногу будетъ пріучаться она складывать слова, не должны быть какія нибудь случайныя, но извѣстныя и выбранныя нарочито, какъ-то: имена пророковъ и апостоловъ, и весь рядъ именъ патріарховъ, начиная отъ Адама, какъ онѣ проведенъ Матѳеемъ и Лукою; это для того, чтобы занимаясь однимъ, она подготовляла память свою къ другому, будущему. Учителемъ должно выбрать человѣка зрѣлыхъ лѣтъ, доброй жизни и съ хорошими свѣдѣніями; я не думаю, чтобы ученый мужъ постыдился принять на себя по отношенію къ родственницѣ или благородной дѣвицѣ такія же точно обязанности, какія принялъ на себя Аристотель по отношенію къ сыну Филиппа, чтобы самому учить азбукъ за такую же дешевую цѣну, какую получаютъ писцы. Не слѣдуетъ презирать, какъ маловажное, то, безъ чего невозможно и великое. Самое произношеніе буквъ и первые начатки ученія иначе преподаются ученымъ,

и ипаче невѣждоу. Поэтому позаботься и ты, чтобы дочь твоя не усвоила нелѣпаго обычая женщины коверкать изъ ласкательства слова, и чтобы не привыкла забавляться золотомъ и пурпуромъ: первое вредить языку, послѣднее— нравамъ; пусть не учится въ дѣтствѣ тому, отъ чего послѣ нужно будетъ отвыкать. Пишуть, что краснорѣчію Гракховъ принесла великую пользу рѣчь матери, которую слушали они съ дѣтства. Рѣчь Гортензія привилась къ нему еще въ отцовскихъ объятіяхъ. Съ трудомъ истребляется то, что впечатлѣвается въ молодыя души. Кто возвратитъ прежнюю бѣлизну шерсти, окрашенной въ пурпуръ? Новый кувшинъ долго хранить вкусъ и запахъ того, чѣмъ впервые былъ палить. Греческая исторія разсказываетъ, что Александръ, будучи могущественнѣйшимъ царемъ и побѣдителемъ вселенной, долго не въ силахъ былъ освободиться отъ недостатковъ въ характерѣ и въ походкѣ учителя своего. Леонида, которыми заразился еще въ дѣтствѣ. Соревнованіе дурному очень легко, и если не въ силахъ бываешь раздражать добродѣтелямъ другихъ, за то скоро усвоишь ихъ пороки. Самая мамка должна быть не пьяница, не вертлявая, не болтушка; няньку должна она имѣть скромную, воспитателя—степеннаго. Когда же увидитъ дѣда, пусть бросится на грудь его, повиснетъ на шеѣ, и хоть бы не хотѣлъ онъ, пусть повторяетъ *аллилуйя*. Бабка будетъ уносить ее силою; отца будетъ она привѣтствовать улыбками; всѣ стануть любить ее; и весь родъ вашъ будетъ утѣшаться розою, отъ него родившеюся. Но въ тоже время пусть она узнаетъ, какую другую бабку и какую тетку имѣетъ она; чтобы поняла, для какого императора, для какого войска воспитывается въ лицѣ ея маленькій воинъ. Къ нимъ она должна стремиться, и отбытіе ея къ нимъ будетъ грозить тебѣ.

Самый наружный видъ и одежда ея должны подготавливать ее къ тому, къ чему она предназначена. Не прогалы-

вай, предостерегаю тебя, ея ушей; бѣлилами и румянами не разрисовывай лица, посвященнаго Христу; не души ей шею золотомъ и жемчугомъ; не отягощай головы драгоценными камнями; не подцѣчивай волосъ въ красный цвѣтъ, и не напоминай ей чѣмъ бы то ни было огня геенны. Пусть она имѣетъ другаго рода жемчужины, продавши которыя, она купитъ себѣ впослѣдствіи драгоценнѣйшую жемчужину. Случилось нѣкогда, что вельможная, изъ знатнѣйшей фамиліи женщина, по приказанію мужа своего Гиметія, бывшаго дядею дѣвы Евстохіи, перемѣнила ей одежду и нарядъ, и волосы, бывшіе до того времени въ пренебреженіи, заплела по обычаю свѣтскому, рассчитывая побѣдить намѣреніе дочери и желаніе матери. Но вотъ, въ ту же самую ночь видитъ она во снѣ — пришелъ къ ней ангелъ, на страшномъ лицѣ котораго видѣлась угроза казнями, и прерывающимся отъ гнѣва голосомъ, говоритъ ей: «какъ ты приказаніе мужа осмѣлилась предпочесть Христу? Ты осмѣлилась коснуться святотатственными руками своими главы дѣвы Божіей? Эти руки уже сохнутъ, чтобы страданія дали тебѣ почувствовать твой поступокъ; а пройдетъ пятый мѣсяць, ты сойдешь въ преисподнюю. Если же ты станешь упорствовать въ преступленіи, потеряешь вмѣстѣ и мужа, и дѣтей». Такъ все буквально и исполнилось, и быстрая смерть несчастной была признакомъ, что она запоздала покаяніемъ. Такъ наказываетъ Христось осквернителей храма своего; такъ предостерегаетъ отъ дорогихъ камней и драгоценнѣйшихъ украшеній! Этотъ рассказъ привелъ я не изъ желанія издѣваться надъ бѣдствіями, но съ цѣлію напомнить, съ какимъ страхомъ и осмотрительностію должно выполнять торжественно данные Богу обѣты.

Священникъ Ілій подвергся гнѣву Божію за пороки дѣтей своихъ (1 Цар. гл. 2 и 3). Епископомъ не можетъ быть тотъ, кто имѣетъ дѣтей невоздержныхъ и непокорныхъ

(1 Тим. 34). И наоборотъ, о женщинѣ пишется, что она *спасется чадородіа ради, аще пребудетъ въ вѣрѣ и любви и во святыхъ съ црломудріемъ*. (1 Тим. 2, 15). Если образъ жизни дѣтей совершеннаго возраста и вышедшихъ изъ-подъ отцовской власти вмѣняется родителямъ: то не тѣмъ ли болѣе на отвѣтственности родителей лежитъ тотъ возрастъ ихъ, младенческій и слабый, который, по словамъ Господа (Іоан. 4, 11), не знаетъ руки правой и лѣвой, т. е. различія между добромъ и зломъ? Если ты съ заботливостію присматриваешь за дочерью, чтобы не ужалила ее эхидна: почему не присмотришь съ такою же заботливостію, чтобы не поразилъ ее *млатъ всяя земли* (Іер. 50, 23), чтобы не пила она изъ золотой чаши Вавилона, чтобы не выходила вмѣстѣ съ Диною, ища знакомства съ дщерями страны чужой (Быт. 34, 1), не кокетничала пожками, не тащила за собою туники? Яды даются не иначе, какъ въ меду; и пороки обольщаютъ не иначе, какъ подъ видомъ и предлогомъ добродѣтели! А какимъ же образомъ, спросишь ты, говорится, что дѣти не отвѣчаютъ за пороки отцовъ и отцы за пороки дѣтей, но *душа согръшающая. та умретъ* (Іезек. 18, 20)? — Говорится это о тѣхъ, которые сами могутъ понимать вещи, о тѣхъ, о которыхъ сказано въ Евангеліи: *самъ возрастъ имать, самъ о себѣ да глаголетъ* (Іоан. 9, 21). А кто еще очень малъ и смыслъ имѣетъ малютки,—все доброе и дурное его вмѣняется родителямъ, пока не войдетъ онъ въ лѣта мудрости, и пока Пифагорова буква не приведетъ его на распутіе ¹⁾. Ужъ не думаешь ли ты, что дѣти христіанъ, не получившія крещенія, только сами виновны въ грѣхѣ, а тѣмъ и не вмѣняется это въ

¹⁾ Греческая буква *υ* была у пифагорейцевъ символомъ жизни. Развѣтвляясь, она представляла для нихъ одною стороною путь добродѣтели, другою—порока.

преступленіе, которые на захотѣли дать его, — не захотѣли въ такое особенно время, когда имѣющія принять его и не могли противорѣчить: между тѣмъ какъ, наоборотъ, спасеніе дѣтей приносить пользу и родителямъ? Принести ли дочь (въ даръ Богу) или нѣтъ, это было въ твоей власти (такъ какъ положеніе твое было иное: ты обрекла ее прежде, чѣмъ зачала); но какъ скоро ты посвятила ее, нерадѣніе о ней грозитъ тебѣ опасностію. Кто принесетъ въ жертву хромое и изуродованное, и запятнанное какою нибудь нечистотою, тотъ виновенъ въ святотатствѣ (Лев. 22): насколько же большее наказаніе понесетъ тотъ, кто приготовляетъ къ объятіямъ Царя часть тѣла своего и чистоту цѣломудренной души, и будетъ дѣлать это съ небрежностію?

Когда же станетъ она подростать, и, по образу Жениха своего, укрѣпляться въ премудрости, въ лѣтахъ и благодати у Бога и людей (Лук. 2, 40 и слѣд.), пусть ходитъ въ храмъ истиннаго Отца съ родителями своими; но изъ храма пусть не выходитъ вмѣстѣ съ ними. Пусть ищутъ ее на пути міра между толпами и многочисленностію родныхъ, и пусть никогда не находятъ ее нигдѣ, кромѣ святилища Писаній, — поучающеся у пророковъ и апостоловъ о духовныхъ бракахъ. Пусть подражаетъ она Маріи, которую Гавріиль нашелъ одинокою въ ея спальнѣ, и которая потому, быть можетъ, пришла въ великій ужасъ, что увидѣла мужчину, которыхъ не привыкла видѣть. Пусть подражаетъ той, о которой говорится: *вся слава дочери царицы внутрь* (Ес. 44, 14). Пусть и она, уязвленная любовію, говоритъ о возлюбленномъ: *введе мя царь въ ложницу свою* (Пѣсн. 1, 3). Никогда да не выходитъ она вонъ, чтобы не встрѣтили ее обходящіе городъ, не били ее, не нанесли ей ранъ, не отняли покрывала скромности и не оставили ее нагою, покрытою кровью; пусть лучше она вмѣстѣ съ другими стучится въ двери его (жениха), и говоритъ: *азъ стѣны, и сосцы*,

моя яко столпи. Умыхъ нозѣ мои, како оскверню ихъ (Пѣсн. 8, 10; 5, 3).

Она не должна обѣдать въ обществѣ, т. е. на пирахъ у родителей, чтобы не видѣла кушаньевъ, которыхъ могла бы пожелать. Хотя нѣкоторые и считаютъ большою добродѣтелию—презирать дѣйствительныя удовольствія; но я полагаю, что для воздержанія безопаснѣе не знать того, къ чему бы ты могъ устремиться. Когда-то, мальчикомъ, я читалъ въ школахъ: «съ трудомъ будешь бороться съ тѣмъ, къ чему допустилъ въ себѣ привычку». Скажетъ кто нибудь: стало быть и вина въ это время пить уже не слѣдуетъ, потому что въ этомъ будетъ невоздержаніе? Слѣбимъ, прежде достиженія зрѣлаго возраста, воздержаніе и опасно, и трудно. До того времени, если бы потребовала необходимость, пусть она ходитъ и въ бани, пусть употребляетъ въ умѣренномъ количествѣ и вино ради желудка, пусть кушаетъ и мясную пищу, чтобы ноги не ослабѣли прежде, чѣмъ придется бѣжать. Но я говорю это по снисхожденію, а не какъ-бы давалъ предписаніе,—говорю, опасаясь изнеможденія, а не учу невоздержной жизни. Напротивъ того, если суевѣріе побуждало іудеевъ воздерживаться, до нѣкоторой степени, отъ употребленія извѣстныхъ животныхъ и яствъ, если и индійскіе брамины и египетскіе гимнософисты употребляли пищу только изъ ячменной муки, сарацинскаго пшена и овощей: то почему дѣвѣ Христовой не быть воздержною во всемъ вообще? Если такъ цѣнилось стекло, почему бы не цѣнить гораздо выше жемчугъ? Рожденная въ слѣдствіе обѣта должна жить такъ, какъ жили тѣ, которые были рождены по обѣту. Одинаговая благодать должна сопровождаться и одинаковымъ подвигомъ. Къ музыкѣ пусть она будетъ глуха. Она не должна знать, для чего существуетъ флейта, лира, арфа.

Каждый день она должна представить тебѣ свой урокъ,

какъ пучокъ цвѣтовъ, набранныхъ изъ писаній. Пусть учить греческіе стихи. Но съ этимъ вмѣстѣ пусть изучаетъ она и латинскую рѣчь; если къ ней не приучить нѣжнаго языка съ самаго начала, звуки иностранные испортятъ рѣчь, и отечественный языкъ будетъ неприятно поражать слухъ ошибками, свойственными иностранцу. Ты будь ей учительницею; пусть тебѣ подражаетъ молоденькое дитя. Ни въ тебѣ, ни въ отцѣ своемъ не должна она видѣть ничего такого, чему подражая, она могла бы согрѣшнить. Помните, что вы родители дѣвочки, и что вы можете учить ее болѣе примѣрами, чѣмъ словомъ. Быстро вянуть цвѣты; быстро губительный вѣтеръ сушитъ фіалки, лиліи и шафранъ. Въ общественныхъ мѣстахъ она никогда не должна появляться безъ тебя. Въ базилики мучениковъ и въ церкви пусть не входитъ безъ тебя. Никакой юноша, никакой кудрявый не долженъ улыбаться ей. Дни бдѣній и торжественныя всенощныя бдѣнія наша дѣвочка должна праздновать такъ, чтобы не отходила отъ матери ни на волосъ. Не желалъ бы я, чтобы она любила какую либо изъ своихъ служанокъ столько, чтобы перешептывалась съ нею въ тихомолку. Что говоритъ она съ одною, то должны знать всѣ. Пусть выберетъ себѣ въ компаньонки не щеголиху и красавицу, которая плавнымъ горломъ пріятно распѣвала бы пѣсни, но женщину серьезную, блѣдную, одѣтую бѣдно, нѣсколько печальную. Къ ней должна быть приставлена дѣвица старая, испытанной вѣры и нравовъ, которая научила бы ее и приучила собственнымъ примѣромъ вставать ночью для молитвы и псалмовъ, поутру пѣть гимны, въ третьемъ, шестомъ и девятомъ часу становиться на подвигъ, какъ слѣдуетъ подвижницѣ Христовой, и когда зажжется лампадка—принести жертву вечернюю. Такъ пройдетъ день, такъ застанетъ ее трудящаяся ночь. За молитвою будетъ слѣдовать чтеніе, за чтеніемъ—молитва. Короткимъ покажется время, занятое такимъ разнообразіемъ дѣятельности.

Пусть оне учится готовить лень, держать мычку, носить на поясѣ корзину, крутить веретено, вести пальцами нитку. Пусть учится раздѣлять ткань шелковичнаго червя, шерсть Серовъ ¹⁾, и золото—на гибкія нити. Пусть готовится одежды такія, которыя защищаютъ отъ холода, а не такія, которыя обнажаютъ одѣтое тѣло. Пищею ей должны служить овощи и тому подобное, и изрѣдка рыба; и чтобы не вдаваться въ изложеніе правилъ касательно употребленія пищи, о которыхъ въ другомъ мѣстѣ я говорилъ подробнѣе, замѣчу, что она должна такъ ѣсть, чтобы всегда чувствовать нѣкоторый голодъ, чтобы тотчасъ по принятіи пищи могла читать и пѣть псалмы. Не нравятся мнѣ долгіе и неумѣренныя посты въ очень молодые годы,—посты, которые тянутся на цѣлыя недѣли и въ которые запрещается употребленіе въ пищу и масла, и овощей. Изъ опыта научился я, что молодой осель, уставши на пути, дѣлаютъ повороты съ дороги. Такъ дѣлаютъ поклонники Изиды и Цибелы; въ обжорливомъ воздержаніи жрутъ они фазановъ и дымящихся горлицъ, для того, видите ли, чтобы не осквернить даровъ Цереры ²⁾. Это должно быть всегдашнимъ правиломъ для поста, чтобы не смотря на долгій путь, силы постоянно оставались равными, и чтобы, пробѣжавъ первую упряжку, могли мы пробѣжать и другую. Впрочемъ, какъ и прежде писалъ я, въ сорокадневную паруса воздержанія должны быть натянуты, и возница долженъ ослабить спѣшницимъ конямъ всякія возжи. Впрочемъ, иное положеніе мірянина, иное дѣвы и монаха. Мірской человекъ, въ сорокадневную, уменьшаетъ обжорство чрева и подобно улиткѣ,

¹⁾ *Серы* одинъ изъ народовъ, наедавшихъ Индію.

²⁾ Поклонники Изиды и Цибелы воздерживались отъ употребленія въ пищу хлѣба; за это они вознаграждали себя обильнымъ употребленіемъ мясной пищи.

питаюсь собственнымъ сокомъ, готовится брюшко къ будущимъ пышнымъ объѣдамъ и обжорству. Дѣва и монахъ должны въ четыредесятницу гнать коней своихъ не забывая въ тоже время, что имъ придется ѣхать на нихъ всегда. Трудъ, ограниченный срокомъ, долженъ быть больше; трудъ, не ограниченный опредѣленнымъ временемъ, — умѣреннѣе. Въ первомъ случаѣ мы отдыхаемъ, въ послѣднемъ — продолжаемъ путь безостановочно.

Если переѣзжаешь въ загородный домъ, не оставляй дочь дома; пусть она и не умѣетъ, и не будетъ въ состоянiи жить безъ тебя; пусть она дрожитъ отъ страха, если останется одна. Она не должна вести разговоръ съ людьми свѣтскими; съ дурными дѣвицами не должна имѣть сообщества. На бракахъ рабовъ она не должна присутствовать, и въ играхъ шумнаго характера не должна принимать участiя. Знаю, что нѣкоторые запрещали дѣвѣ Христовой мыться съ евнухами и съ замужними женщинами: потому что первые не теряютъ мужскихъ расположенiй, а послѣднiя, полнотою живота въ беременности, знакомятъ съ срамными вещами. А я, съ своей стороны, вовсе не одобряю бани для молодой дѣвицы; она должна стыдиться самой себя, и для ней должно быть невозможностию видѣть себя нагою. Если она изсушаетъ тѣло свое бдѣниемъ и постомъ, и повергаетъ его въ рабство; если пламя похоти и всѣ возбужденiя кипучаго возраста она хочетъ погасить холодомъ воздержанiя; если приучивши себя къ суровой простотѣ, она старается стереть естественную красоту: то зачѣмъ ей, напротивъ того, припарками въ баняхъ возбуждать уснувшiе огни?

Вмѣсто драгоценныхъ камней и шелку она должна любить божественныя Писанiя; не червчатая ткань изъ золота и вавилонской шерсти, а внимательное и прилежное изслѣдованiе относящагося къ вѣрiю должно увлекать ее. Пусть прежде всего изучаетъ Псалтирь, и пѣснями ея утѣ-

шаеть себя; въ Притчахъ Соломоновыхъ пусть изучаеть науку жизни. Изъ Екклесіаста она пріобрѣтетъ навыкъ презирать мірское. Въ книгѣ Іова найдетъ примѣры добродѣтели и терпѣнія. Когда перейдетъ къ Евангеліямъ, пусть никогда не выпускаеть ихъ болѣе изъ рукъ. Дѣянія и посланія апостольскія она должна глубоко напечатлѣть въ своемъ сердцѣ. А когда хранилище сердца своего обогатитъ этими сокровищами, пусть упражняетъ свою память надъ Пророками, Пятокнижіемъ, надъ книгами Царствъ, Паралипоменомъ, также—Ездры и Есѣири. Книгу же Пѣснь Пѣсней пусть изучаеть, безъ опасенія, уже въ заключеніе всего; это для того, чтобы читая ее съ начала, она не повредила душѣ своей, не будучи въ состояніи понять, что это подъ чувственными образами—брачная пѣснь духовнаго супружества. Всякихъ апокрифовъ она должна остерегаться. А если бы когда нибудь захотѣла она читать ихъ не ради истинности ученія, а ради уваженія къ ихъ заглавіямъ, пусть знаеть, что это книги не тѣхъ лицъ, кому онѣ приписываются въ заглавіяхъ, что въ нихъ много допущено погрѣшностей и что нужно великое благоразуміе умѣть выбирать золото изъ грязи. Сочиненьица Кипріана она должна имѣть всегда подъ руками. Письма Аѳанасія и книги Иларія пусть читаеть безпрепятственно. Увлекать ее должны сужденія и одушевленная рѣчь только тѣхъ писателей, въ книгахъ которыхъ нѣтъ слѣдовъ колебанія въ вѣрѣ. Остальныхъ она должна читать такъ, чтобы болѣе судить о нихъ, чѣмъ усвоять ихъ навѣру.

Ты скажешь: какимъ образомъ успѣю я присмотрѣть за всѣмъ этимъ,—я, женщина свѣтская, въ такомъ многочисленствѣ, какое въ Римѣ? Въ такомъ случаѣ не бери на себя бремени, превышающаго твои силы; а отнявъ отъ груди, какъ отнимали Исаака, и облекши ее, какъ Самуила, отошли къ бабѣ и теткѣ. Отдай драгоцѣннѣйшій камень на ложе

Маріи, положи его въ колыбель Іисуса, плачущаго младенца ¹⁾. Пусть она воспитывается въ монастырѣ, вступитъ въ лики дѣвъ, не знаетъ, что такое клятва, считаетъ ложь святотатствомъ, не имѣетъ понятія о мірѣ, живетъ по-ангельски, будетъ въ тѣлѣ такъ, какъ-бы безъ тѣла, весь родъ человѣческій воображаетъ похожимъ на нее, и чтобы не распространяться о прочемъ, пусть освободитъ тебя, по крайней мѣрѣ, отъ трудности пристрастия и опасности охраненія. Для тебя лучше скучать въ ея отсутствіи, чѣмъ бояться при всякомъ случаѣ—что-то будетъ говорить она, съ кѣмъ будетъ говорить, кому она киваетъ, на кого поглядываетъ съ удовольствіемъ. Отдай малютку Евстохіи; каждый крикъ ея—мольба къ тебѣ объ этомъ. Отдай Евстохіи спутницу въ святой жизни, будущую наслѣдницу. Пусть малютка увидитъ ее, полюбитъ ее, удивляется ей съ первыхъ лѣтъ,—ей, чья рѣчь, походка, одежда служить наукой добродѣтелей. Пусть перейдетъ она на ложе бабки, и бабка пусть повторитъ надъ внукою то, что сдѣлала для дочери; она долгимъ опытомъ научилась воспитывать, охранять и учить дѣвъ, и въ стократный вѣнецъ ея ежедневно влетается цѣломудріе ²⁾. Счастливая дѣва, счастливая Павла Токсоціева! Чрезъ добродѣтели бабки и тетки, она благородна по святости еще больше, чѣмъ по происхожденію. О если бы случай привелъ тебя увидѣть твою свекровь и родственницу, и обратить вниманіе на великія души въ ихъ маленькихъ тѣлахъ! Я не сомнѣваюсь, что по врожденному тебѣ цѣломудрію, ты предупредила бы дочь, и первому Бо-

¹⁾ Разумѣется монастырь, устроенный Павлою въ Вилеємѣ подлѣ пещеры рожденія Христа Спасителя.

²⁾ Иеронимъ намекаетъ на постоянное увеличивающееся число дѣвъ въ основанныхъ бабкою (Павлою) монастыряхъ. Объ этой Павлѣ см. слѣдующее письмо.

жіему приговору предпочла бы второй евангельскій законъ ¹⁾. Да, ты перестала бы желать болѣе другихъ дѣтей; но скорѣе принесла бы въ жертву Богу саму себя. Но поелику есть *время обымати, и время удалятися отъ обыманія* (Евкл. 3, 5), и *жена своимъ тѣломъ не владѣетъ* (1 Кор. 7, 4), и *каждо, въ немже (званіи) призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ предъ Господомъ* (Тамъ же ст. 24), и тотъ, кто подъ ярмомъ, долженъ бѣжать такъ, чтобы впряженнаго вмѣстѣ съ нимъ не оставлять въ грязи: то перенеси на дѣтей все, что при другихъ обстоятельствахъ ты выказала бы на себѣ. Анна, принесши въ скнию сына, обреченнаго Богу, уже не брала его обратно: она находила непристойнымъ, чтобы будущій пророкъ возрасталъ въ домѣ ея, потому что желала имѣть и другихъ еще дѣтей. Кромѣ того, зачавши и родивши, она не осмѣлилась прійти во храмъ и явиться предъ лицомъ Божиимъ съ пустыми руками прежде, чѣмъ воздасть должное: когда же принесла она такого рода жертву,—возвратившись домой, родила пять дѣтей себѣ, потому что перворожденнаго родила Богу. Удивляешься счастію святой жены?—Подражай ей вѣрѣ. Если приплешь Павлу, даю торжественное обѣщаніе, что самъ буду лично и учителемъ ея, и воспитателемъ. Я буду носить ее на рукахъ; хоть и старикъ—буду лепетать по-дѣтски; далеко превзойду философа свѣтскаго: потому что буду учить не царя македонскаго, имѣющаго погибнуть отъ яда вавилонскаго, но рабу и невѣсту Христову, чтобы представить ее въ небесныя царства.

¹⁾ Подъ первымъ приговоромъ разумѣется Божіе благословеніе: *раститеся и множитесь* (Быт. 1, 28)... Подъ евангельскимъ закономъ—извѣстныя слова Спасителя о дѣвствѣ (Мат. 19).

88. Письмо къ Евстохіи.

Если бы всѣ члены моего тѣла обратились въ языки и всѣ составы стали издавать человѣческой голосъ, и тогда я не сказала бы ничего достойнаго добродѣтелей святой и досточтимой Павлы. Она была благородна по происхожденію, но гораздо болѣе благородна по святости; нѣкогда располагала огромными богатствами, въ послѣднее время стала болѣе знаменита нищетою Христовою. Вѣтвь Гракховъ, отрасль Сципіоновъ, наслѣдница Павла, отъ котораго получила и самое имя, дѣйствительный и прямой потомокъ Марціи Паниріи, матери Афризанскаго, она предпочла Риму Вилеесмъ, и блистающія золотомъ кровли промѣняла на безобразную глину. Мы не грустимъ, что потеряли такую; но благодаримъ за то, что имѣли и даже не перестанемъ имѣть. Ибо въ Богъ всѣ живы, и что возвращается къ Господу,—причисляется къ семейству. Ибо земная хранина есть лишнее онаго небеснаго дома; и пока она была въ тѣлѣ, была переселенкою Господнею (2 Кор. гл. 5), и со слезами молилась всегда, говоря: *увы мнѣ, яко пришельствіе мое продолжися, вселихся въ селеніи кидарскими; много пришельствови душа моя* (Пс. 119, 5. 6). И неудивительно, что плакала она о жизни *во мракъ* (ибо это значитъ *Кидаръ*): потому что міръ во злѣ лежитъ, и *яко тма ея, тако и свѣтъ ея* (Пс. 138, 12), и *свѣтъ во тмѣ свѣтитсѣ, и тма его не обзятъ* (Іоан. 1, 5). Почему и вспоминала она часто извѣстныя слова: *присельникъ азъ есмь и пришлецъ якоже вси отцы мои* (Пс. 38, 13); и еще: *желаніе имый разрѣшитисѣ, и со Христомъ быти* (Филип. 1, 23). Всякій разъ, какъ мучила ее тѣлесная болѣзнь, (которую получила она вслѣдствіе невѣроятнаго воздержанія и удвоеннаго поста), она повторяла слѣдующее: *умерщвляю тѣло мое, и порабощаю, да не како, инымъ проповѣдая,*

сама неключима *буду* (1 Кор. 9, 27), также: *добро не ясти мясь, ниже пити вини* (Рим. 14, 21), еще: *смиряхъ постомъ душу мою* (Пс. 34, 13), еще: *все ложе мое измѣнила я въ болѣзни моей* (Пс. 40, 4), и еще: *возвратихся на страсть, егда унзе ми тернъ* (Пс. 31, 4). И въ острыхъ страданіяхъ болѣзни, которая переносила съ удивительнымъ терпѣніемъ, видя небеса какъ-бы открытыми для себя, она говорила: *кто дастъ ми крыль, яко голубинь, и полешу, и почию* (Пс. 54, 7)?

Привожу въ свидѣтели Іисуса и святыхъ Его, и самаго ангела ея, который былъ хранителемъ и спутникомъ дивной женщины, что я не говорю ничего изъ вѣжливости, не говорю ничего изъ лести. Все, что ни скажу я, скажу на основаніи свидѣтельствъ; и все это будетъ ниже заслугъ той, которую воспѣваетъ весь міръ, которой священники дивятся, въ которой лики дѣвъ находятъ предметъ воздѣлѣнныхъ стремленій, которую оплакиваютъ сонмы монаховъ и бѣдныхъ. Хочешь, читатель, знать вкороткѣ о ея добродѣтеляхъ?—Она оставила всѣхъ своихъ бѣдныхъ, сама бѣднѣ ихъ... И нѣтъ ничего удивительнаго, если она доказала это на людяхъ близкихъ и на маленькой своей семьѣ, составленной изъ рабовъ и слугъ обоюга пола, обращенныхъ ею въ братьевъ и сестеръ, оставивши Евстохію дѣву и посвятившую себя Христу дочь, для утѣшенія которой и пишется это сочиненьце, вдали отъ благороднаго родства, богатаго только вѣрою и благодатію!

Но начнемъ разсказъ по порядку. Другіе заводятъ рѣчь о ней издалека, отъ ея пеленокъ и отъ самыхъ, такъ сказать, дѣтскихъ игрушекъ ея, — распространяются о матери ея Блезиллѣ и объ отцѣ Рогатѣ: изъ коихъ мать происходитъ отъ Сципіоновъ и Гракховъ, а отецъ, говорятъ, по родословной, богатству и знатности (если изучать греческую исторію отъ первыхъ временъ до настоящаго), происходитъ

отъ крови Агамемнона, разрушившаго Трою послѣ десятилѣтней осады. Но мы будемъ хвалить только то, что принадлежитъ ей лично, и что истекаетъ изъ чистѣйшаго источника святой души. Господь и Спаситель, когда спрашиваютъ Его апостолы, какое вознагражденіе получать они за то, что оставили все ради имени Его, учить въ Евангеліи, что они получаютъ *сторницею пылъ во время сіе*, и въ будущемъ *животъ вѣчный* (Марк. 10 гл.). Отсюда понятно, что похвально не владѣть богатствомъ, а презирать его ради Христа, не надмѣваться почестями, а пренебрегать ихъ ради вѣры въ Бога. Подлинно, воздалъ Господь и въ настоящемъ, что обѣщалъ Онъ своимъ рабамъ и слугамъ. Она, которая пренебрегла извѣстностію въ одномъ Римѣ, сдѣлалась славною по приговору всего міра; пока жила она въ Римѣ, ее не зналъ никто за стѣнами Рима: но ей удивляется и варварская и римская земля, когда скрывается она въ Винолеемѣ. Ибо изъ какой страны не приходятъ люди къ святымъ мѣстамъ? А въ святыхъ мѣстахъ, кто найдетъ, послѣ Павлы, что-либо болѣе достойное удивленія въ глазахъ людей? Какъ между множествомъ драгоценныхъ камней сверкаетъ драгоценнѣйшій алмазь, и блескъ солнца скрываетъ и затемняетъ маленькіе огоньки звѣздъ: такъ она своимъ смиреніемъ превосходила добродѣтели и подвиги всѣхъ, будучи самою меньшею изъ всѣхъ, чтобы быть большею всѣхъ. И тѣмъ болѣе она умаляла себя, тѣмъ болѣе возвышалъ ее Христосъ. Она скрывалась, и не сокрылась. Убѣгая славы она заслуживала славу: ибо слава эта слѣдуетъ за добродѣтелью какъ тѣнь, убѣгаетъ отъ ищущихъ ее и гонится за тѣми, кто сю пренебрегаетъ. Но что я дѣлаю? Отступая отъ послѣдовательности въ разсказѣ и вдаваясь въ частности, я нарушаю правила краснорѣчія.

Итакъ, принадлежа по рожденію къ такой фамиліи, она вступила въ супружество съ Токсоціемъ, въ жилахъ кото-

раго текла знаменитѣйшая кровь Энея и Юліевъ. Почему, и дочь ея Евстохія, дѣва Христова, называется Юлією; а самъ

„Юлій наслѣдовалъ имя великаго Юла“

(Эпенд. 1).

Говоримъ мы объ этомъ не потому, чтобы оно составляло важность для владѣющихъ имъ, но потому, что презрѣніе, съ какимъ отнеслись они ко всему этому, дѣйстви-тельно достойно удивленія. Свѣтскіе люди преклоняются предъ тѣми, которые пользуются подробными привиллегіями. А мы хвалимъ презрѣвшихъ оныя; и что удивительно,—цѣнящихъ эти привиллегіи уважаемъ мало, а отказавшихся отъ нихъ превозносимъ похвалами. Происходя, говорю, отъ такихъ предковъ, своимъ плодородіемъ и вмѣстѣ цѣломудріемъ, она приобрѣла уваженіе и со стороны мужа, и со стороны родственниковъ, и во мнѣніи всего Рима. Она родила пятерыхъ дѣтей: Блезиллу, по случаю смерти которой я посылая ей утѣшеніе въ Римъ,—Павлину, оставившую наслѣдникомъ своихъ обѣтовъ и имущества святаго и достойнаго удивленія мужа, Паммахія, къ которому мы и писали небольшое сочиненіе касательно смерти ея,—Евстохію, которая представляетъ собою въ настоящее время драгоценнѣйшее ожерелье дѣвства и церкви въ святыхъ мѣстахъ,—Руффину, раннею смертію растерзавшую благочестиво сердце матери, и Токсоція. Послѣ Токсоція она перестала рождать: изъ чего понятно, что она давно не желала выполнять супружескія обязанности, а только повиновалась мужу, который желалъ дѣтей мужескаго пола.

Когда умеръ мужъ, она до такой степени плакала о немъ, что едва не умерла,—до такой степени предалась служенію Господу, что казалось, будто желала его смерти. Что скажу я объ этихъ имуществахъ знаменитаго, благороднаго и нѣкогда богатѣйшаго дома, которыхъ всѣ почти издержаны на бѣдныхъ? Что скажу я объ этой душѣ, милостивѣйшей

ко всѣмъ, объ этой добротѣ, простирающей даже на тѣхъ, кого она никогда не видала? Какой умирающій бѣднякъ не былъ похороненъ въ ея одеждахъ? Какой больной не содержался на ея счетъ? Она разыскивала ихъ по всему Риму, и считала потерю для себя, если кто-либо больнои и голодный получалъ пропитаніе отъ другаго. Она разоряла дѣтей, и когда укоряли ее родственники, говорила, что оставляетъ имъ несравненно большее наслѣдство въ милосердіи Христовомъ.

Не долго была она въ силахъ сносить посѣщенія и знакомства знаменитаго, по мнѣнію свѣта, рода и благороднѣйшей фамиліи. Почести, съ какими относились къ ней, огорчали ее; она спѣшила уклониться отъ похвалъ, и бѣжать. Когда императорскія посланія, по случаю нѣкоторыхъ разногласій между церквами, собрали въ Римъ епископовъ востока и запада, она увидѣла удивительныхъ мужей и первосвященниковъ Христовыхъ, Павлина, епископа Антиохіи, и Епифанія, епископа Саламины кипрской, которая въ настоящее время называется Констанціею; изъ нихъ Епифаній гостилъ у нея, а Павлина, хотя онъ жилъ и въ чужомъ домѣ, принимала по человѣколюбію, какъ роднаго. Увлеченная добродѣтелями ихъ, она въ одну минуту рѣшилась оставить отечество. Забывъ домъ, дѣтей, родство, имѣнія, все, что принадлежитъ міру, одинокая (если можно такъ сказать) и нигѣмъ не сопутуемая, она приготовилась летѣть въ пустыню Антоніевъ и Павловъ. А когда зима прошла, море стало судоходнымъ и епископы начали возвращаться къ своимъ церквамъ, отплыла и она вмѣстѣ съ ними, по общему своему и желанію. Но зачѣмъ я отдаляюсь? Вотъ она сходить къ гавани; ее провождаютъ братья, родные, свойственники, и что всего дороже—дѣти, желающіе любовію своею побѣдить милосерднѣйшую мать. Уже распущены паруса, и подъ веслами гребцовъ корабль выходитъ на глубину. Ма-

лютка Токсоцій съ берега протягиваетъ умоляющія руки. Руфина, уже невѣста, безмолвными слезами умоляетъ подождать ея замужства. И не смотря на то, она поднимала ясные глаза къ небу, побѣждая любовь къ дѣтямъ любовію къ Богу. Она не признавала себя матерію, чтобы доказать, что она раба Христова. Переворачивались ея внутренности, и будто на части разрывалась она въ борьбѣ со скорбію; но тѣмъ удивительнѣе была она для всѣхъ, что преодолевала великую любовь. Быть въ рукахъ враговъ и терпѣть суровыя бѣдствія плѣна не такъ мучительно, какъ разлучаться родителямъ съ дѣтьми. Эту разлуку, противную законамъ природы, она не только переносила съ полною вѣрою, но и желала ее съ радостною душою; и пренебрегая любовію къ дѣтямъ во имя большей любви къ Богу, находила утѣшеніе въ одной Евстохіи, раздѣлявшей и ея намѣреніе, и ея путешествіе. Корабль, между тѣмъ, бороздилъ море, и взоры всѣхъ, отбѣзжавшихъ съ нею, обращены были назадъ, на берегъ; а она смотрѣла въ противоположную сторону, чтобы не видѣть тѣхъ, на кого не могла смотрѣть безъ сердечной муки. Никто, признаться, не любилъ такъ дѣтей, какъ любила она: до своего отбѣзда, она вся была предана имъ; лишая себя на землѣ всего, она все пріобрѣтала въ небѣ.

Теченіе моря принесло ее къ острову Понцій, получившему извѣстность вслѣдствіе ссылки на него, при императорѣ Домиціанѣ, за объявленіе себя христіанкою, знаменитѣйшей нѣкогда изъ женщинъ, Флавіи Домициллы. Видя тѣ маленькія хижины, въ которыхъ проводила она долгіе дни страданій, Павла, поднявъ паруса вѣры, захотѣла посѣтить Іерусалимъ и святыя мѣста. Тихо дули вѣтры, и медленно плылъ корабль, не смотря на кажущуюся быстроту. Пройдя между Сциллою и Харибдою, она ввѣрилась Адриатическому морю и пришла въ Мевону, какъ-бы для стоянки. Подкрѣпивъ здѣсь немного свое слабое тѣло, и

„Солью проникшимъ членамъ на берегу давъ отдыхъ“
(Эп. 1),

она мимо Малей и Цитеры,

„И разбросанныхъ въ морѣ Цикладовъ,
Густо обставленныхъ, по заливамъ, скалами“
(Эп. 3),

прибыла, наконецъ, послѣ Родоса и Ликии, въ Кипрѣ. Здѣсь она пришла къ ногамъ святаго и достопочтеннаго Епифанія, и была удержана имъ на десять дней. Не на отдохновеніе употребила она это время, какъ предполагалъ онъ, а на дѣло Божіе, какъ это объяснилось само собою. Ибо во время посѣщенія всѣхъ монастырей этой страны, она облегчила, на сколько могла, трудность содержанія братій, привлеченныхъ сюда со всего міра любовію святаго мужа. Отсюда быстро преплыла она въ Селевкию, а оттуда, достигнувъ Антиохіи, на нѣсколько времени была задержана любовію святаго исповѣдника Павлина; и потомъ, среди зимы, согрѣваемая огнемъ вѣры, эта благородная женщина, которую прежде носили евнухи на рукахъ, отправилась далѣе, сидя на ослѣ.

Умалчиваю о пути ея по Келесиріи и Финикіи (я и не предполагалъ писать ея дорожника); но назову только тѣ мѣста, о которыхъ упоминается въ священныхъ книгахъ. Оставивъ за собою римскую колонію Берить и древній Сидонъ, въ Сарептѣ, бывшей убѣжищемъ Іліи (3 Цар. 17), она посѣтила башенку ¹⁾; помолившись здѣсь Господу Спасителю, она чрезъ пески Тирскіе, на которыхъ отпечатлѣлъ свои колѣна Павелъ (Дѣян. 21, 5), достигла Акби, которая въ настоящее время называется Птолемаидою, и чрезъ поля Магеддонскія, бывшія свидѣтелями убійства Іосіи (4 Цар.

¹⁾ Какъ видно, во времена блаж. Іеронима въ Сарептѣ показывали еще маленькій домикъ, въ видѣ башенки, въ которомъ жилъ нѣкогда пророкъ Іліи и въ верхнемъ отдѣленіи котораго онъ воскресилъ сына вдовы сарептской.

23, 29), вступила въ землю Филистимскую. Дивилась развалинамъ Дора, нѣкогда могущественнѣйшаго города; и съ удивленіемъ противоположнаго свойства осматривала укрѣпленія Стратона, названнаго іудейскимъ царемъ Иродомъ Кесаріею, въ честь кесаря Августа: здѣсь она видѣла домъ Корнелія, обращенный въ церковь Христову, домигъ Филиппа и спальныя комнаты четырехъ дѣвъ пророчицъ ¹⁾. Затѣмъ посѣтила Антипатриду, полуразрушенный городокъ, названный такъ Иродомъ по имени своего отца, и Лидду, переименованную Діосполисомъ, знаменитую воскресеніемъ и исцѣленіемъ Серны и Энея (Дѣян. 9, 32, и слѣд.). Не далеко отсюда видѣла она Аримаѳію, деревеньку Іосифа, который предаль погребенію Господа, и Номву, бывшую нѣкогда священническимъ городомъ, а теперь—могилу убитыхъ (1 Цар. 22). Посѣтила также Іопсію—портъ, откуда бѣжалъ Іона, и (замѣчу хоть нѣчто изъ басень поэтовъ) мѣсто, гдѣ прикована была къ скалѣ Андромеда. На обратномъ пути видѣла она Никополь, называвшійся прежде Еммаусомъ, гдѣ въ преломленіи хлѣба далъ узнать себя Господь (Лук. 24, 13 и слѣд.) и обратилъ, такимъ образомъ, въ церковь домъ Клеопы. Отправившись отсюда, посѣтила Веаронъ нижній и верхній (2 Пар. 8, 5), города, построенные Соломономъ, но потомъ разрушенные случайностями войнъ. Повернувъ направо, она увидѣла Аглонъ и Гаваонъ, гдѣ Іисусъ Навинъ, сражаясь съ пятью царями, повелѣвалъ солнцемъ и луною, а самихъ гаваонитянъ осудилъ быть водоносами и дровосѣками за союзъ, испрошенный хитростію и лукавствомъ (Нав. гл. 9 и 10). Въ Габаѣ, городъ разрушенномъ до основанія, она провела нѣсколько времени въ воспоминаніяхъ о

¹⁾ И домъ Корнелія сотника, и домигъ, въ которомъ жилъ апостоль Филиппъ съ своими четырьмя дочерьми—пророчицами (Дѣян. гл. 10 и 21), какъ видно, также показывали еще во времена Іеронима.

преступленіи города, о замужней женщинѣ, разсѣченной на части и о тридцати мужахъ колѣна Веніамина, сохраненныхъ ради апостола Павла ¹⁾.

Но зачѣмъ я медлю? Оставивъ вѣвѣ мавзолей Елены, которая будучи царицею Адиабеновъ, доставляла пропитаніе народу во время голода, она вступила въ Іерусалимъ, городъ, носящій три имени—*Евусъ, Салимъ, Іерусалимъ*, возстановленный потомъ изъ развалинъ и пещла Эліемъ Адрианомъ, подъ именемъ Эліи. Палестинскій проконсулъ, знавшій хорошо ея фамилію, велѣлъ было напередъ посланнымъ приставамъ приготовить преторію ²⁾; но она выбрала бѣдную хижинку. Здѣсь она обошла все мѣста съ такимъ жаромъ и любовію, что не въ силахъ была бы оторваться отъ первыхъ, если бы не поспѣшала къ остальнымъ. Повергшись предъ крестомъ, молилась такъ, какъ-бы видѣла Господа висящимъ на немъ. Вступивъ въ пещеру воскресенія, она лобызала камень, отваленный ангеломъ отъ дверей гроба; и къ мѣсту тѣла, на которомъ лежалъ Господь, припала вѣрующими устами такъ, какъ жаждущій припадаетъ къ давно-желаннымъ водамъ. Сколько пролила она тамъ слезъ, сколько излила стонувъ и скорби, свидѣтель весь Іерусалимъ, свидѣтель самъ Господь, которому она молилась. Выйдя оттуда, она взшла на Сіонъ, что значитъ въ переводѣ *зѣмокъ* или *подзорная башня*. Нѣкогда этотъ городъ завоевалъ и возобновилъ Давидъ. О завоеваніи его говорится: *горе тебѣ градъ Аріилъ, т. е. левъ Божій*, и нѣкогда весьма крѣпкій, *нанъ же воева Давидъ* (Ис. 29, 1); а о возобновленномъ сказано: *основанія его на горахъ святыхъ: любитъ Гос-*

¹⁾ Апостоль Павелъ, какъ извѣстно, происходилъ изъ колѣна Веніамина. О преступленіи города Габаи и судьбѣ его рассказывается въ 19 и 20 главѣ книги Судей.

²⁾ Домъ, назначенный для пребыванія претора.

подъ врата Сиона, паче всѣхъ селеній Іаковлихъ (Пс. 86, 1. 8).—Не тѣ врата любить, которыя мы видимъ нынѣ обращенными въ прахъ и пепелъ, а тѣ, которыхъ адъ не одолѣеть, которыми входитъ къ Христу многолюдство вѣрующихъ. Ей показывали колонну, поддерживающую портикъ церковный, окрашенную кровію Господа, къ которой, говорить, Онъ былъ привязанъ для бичеванія. Показывали ей мѣсто, гдѣ сошелъ Духъ Святый на сто двадцать вѣрующихъ душъ, во исполненіе пророчества Іоила (Іоил. 2, 28. 29).

Затѣмъ, раздавши соразмѣрно, по своему маленькому состоянію, деньги бѣднымъ и сослужителямъ, она продолжала путь свой въ Вифлеемъ. Свернувъ съ дороги вправо, она останавливалась у гроба Рахили,—на мѣстѣ, гдѣ родился Веніаминъ, не-Веноні, т. е. *сынъ болѣзни моея* (Быт. 35, 18), какъ назвала было его умирающая мать, но *сынъ правой руки*, какъ назвалъ пророческимъ духомъ отецъ (Быт. 35, 18). Отправившись отсюда, она вступила въ вертепъ Спасителя, и послѣ того, какъ увидѣла священный пріютъ Дѣвы и стойло, въ которомъ *позна волъ стяжавшаго и оселъ ясли Господина своего* (Ис. 1, 3)—во исполненіи написаннаго у того же пророка: *блаженнѣ стьющій при всякой водѣ, идѣже волъ и оселъ попираетъ* (Ис. 32, 20), она клялась въ слухъ мой, что видѣла очами вѣры младенца повитаго пеленами, Господа плачущаго въ ясляхъ, покланяющихся волхвовъ, звѣзду, блистающую съ высоты, мать Дѣву, усерднаго воспитателя, пастырей, пришедшихъ ночью видѣть исполненіе слова, сказаннаго имъ (Лук. 2, 17), и въ то же время уже—начать проповѣдь евангелиста Іоанна: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 1—14),—видѣла младенцевъ избіенныхъ, свирѣпствующаго Ирода, Іосифа и Марію, бѣжащихъ въ Египеть... И смѣшавъ съ радостію слезы, она говорила: «радуйся *Вифлеемъ, домъ хлѣба*, въ которомъ родился хлѣбъ, сходяй съ небесе (Іоан.

6, 33); радуйся *Евфрата*, страна *изобильнѣйшая* и *хар-порфре* ¹⁾, плодомъ которой былъ Богъ.—О тебѣ нѣкогда пророчествовалъ Михей: *и ты Вилееме, доме Евфратовъ, еда малъ еси, еже быти въ тысящахъ Иудиныхъ? Изъ тебе бо мнѣ изыдетъ, еже быти въ князя во Израилѣ, исходи же его изъ начала отъ дней вѣка. Сего ради дастъ я до времени рождающа породитъ, и прочи отъ брати ихъ обратятся къ сыномъ Израилевымъ* (Мих. 5, 2. 3). И въ тебѣ, дѣйствительно, родился Князь, рожденный прежде Денницы (Пс. 109, 3), коего рожденіе отъ Отца восходитъ за предѣлы всякаго времени. И корень рода Давидова сохранился въ тебѣ до тѣхъ поръ, пока не родила Дѣва, и пока остатки вѣрующаго во Христа народа не обратились къ сынамъ Израиля и смѣло не возвѣстили: *вамъ бо льпо первѣ глаголаши слово Божіе; а понеже отвергосте е, и недостойны творите сами себе животу, се обращаемся во языки* (Дѣян. 13, 46). Ибо Господь сказалъ: *нѣсмъ посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева* (Мат. 15, 24). Въ то же самое время исполнились надъ нимъ и слова Іакова: *не оскуднѣтъ князь отъ Иуды, и вождь отъ чреслъ его, дондеже придутъ отложенная ему, и той чашіе языковъ* (Быт. 49, 10). Хорошо клялся Давидъ, хорошо давалъ обѣтъ, говоря: *еще вниду въ селеніе дому моего, еще възыду на одръ постели моя: еще дамъ сонъ очима моима, и въждома моима дреманіе, и покой вискамъ моимъ, дондеже обрѣщу мѣсто Господеву, селеніе Богу Іаковлю* (Пс. 131, 3—5); и тотчасъ же заявилъ, чего желалъ, и того, кто, какъ мы вѣримъ, уже пришелъ, онъ зрѣлъ пророческими очами еще имѣющаго прити. *Се слышахомъ его во Евфратѣ, обрѣтохомъ его въ поляхъ дубравы* (Тамже ст. 6). Ибо еврейское слово *зо*, какъ научилъ

¹⁾ Т. е. плодоносная.

меня ты, означаетъ не Марію, мать Господа, т. е. *αἰτήρ*, но *его*, т. е. *αἰτόν*. Почему и говоритъ онъ съ дерзновеніемъ *внидемъ въ селенія его, поклонимся на мѣсто, идоже стоять нозъ его* (Тамже ст. 7). И я, негодная и грѣшница, удостоена лобызать тѣ ясли, въ которыхъ плакалъ Господь-младенецъ?—молиться въ той пещерѣ, гдѣ Дѣва отроковица родила дитя-Господа? Здѣсь покой мой, потому что это—отечество моего Господа. Здѣсь вселюся я, ибо это мѣсто избралъ мой Спаситель. Я уготовала *свѣтильникъ Христу моему* (Пс. 131, 17). *Душа моя тому живетъ, и свѣтъ мое поработаетъ ему* (Пс. 21, 30. 31). Оттуда она пошла недалеко къ столпу *Гадеръ*, т. е. *стыда* (Быт. 35, 21): подлѣ него пасъ Іаковъ стада свои, и бодрствовавшіе ночью пастыри удостоились слышать: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ челоуцѣхъ благоволеніе* (Лук. 2, 14). Въ то время, какъ стерегли овецъ, они обрѣли Агнца, котораго руно, свѣтлое и чистѣйшее, было одождено небесною росой, при повсемѣстной засухѣ на землѣ (Суд. 6, 37), ко-его кровь омыла грѣхи міра и намазанная на дверныхъ косякахъ обратила въ бѣгство губителя Египта (Исх. 12).

Не останавливаясь здѣсь, она пошла старою дорогою, которая ведетъ въ Газу, къ *силѣ*, или *изобилію* Божію, и въ молчаніи размышляла о томъ, какимъ образомъ евнухъ эіоплянинъ, предобразуя языческіе народы, перемѣнилъ свою кожу, и, перечитывая ветхій завѣтъ, открылъ источникъ евангельскій (Дѣян. 8). Отсюда свернула она направо. За Бетсуромъ ¹⁾ слѣдуетъ *Есколъ*, который переводится словомъ *гроздіе* (Числ. 13, 24. 25). Отсюда, въ доказательство чрезвычайнаго плодородія земли и во образъ того, который сказалъ: *топталъ я точило одинъ, и отъ языка нѣсть мужа со милою* (Ис. 63, 3), соглядатаи вынесли виноградную вѣтвь

¹⁾ По славянски—*Восоръ* (Ис. 63, 1).

изумительной величины. Не въ дальнемъ разстояніи оттуда, она посѣтила хижину Сарры, видѣла мѣсто рожденія Исаака и слѣды дуба Авраамова, подъ которымъ онъ увидѣлъ день Христовъ, и возрадовался. Вышедъ оттуда, отправилась въ Хевронъ, этотъ—*Cariath-arbe*, т. е. *городъ четырехъ мужей*—Авраама, Исаака, Иакова и праотца Адама, котораго евреи считаютъ погребеннымъ тамъ, на основаніи книги Иисуса Навина ¹⁾, хотя многіе считаютъ четвертымъ Халева, о которомъ упоминается тамъ мимоходомъ. Осмотрѣвъ эту мѣстность, она не захотѣла итти далѣе въ *Cariath serpher*, т. е. *оковы писемъ* (Суд. 1): потому что, презирая мертвящую букву, искала духа животворящаго. Съ ббльшимъ удивленіемъ осматривала она *верхнія и нижнія* воды, которыя получилъ во владѣніе Юонимъ, сынъ Исфоніи Кенеца, вмѣсто южной и бесплодной земли (Суд. 1), и, проведши ихъ, напоилъ до тѣхъ поръ страдавшія отъ засухи поля прежняго завѣта, чтобы въ водахъ крещенія обрѣсти искупленіе древнихъ грѣховъ. На другой день, когда возшло уже солнце, она остановилась на вершинѣ *Sarh Baragusha*, т. е. *село благословенія*: до этого мѣста провожалъ Авраамъ Господа. Осматривая оттуда внизу простиравшуюся пустыню и бывшую нѣкогда мѣстность Содома, Гоморры, Адамы и Севоима, она созерцала бальзамные виноградники въ Внгаддахъ (Пѣсн. 1, 13) и Сегоръ, юницу трилѣтнюю (Ис. 15), который назывался сперва *Bala*, а потомъ, въ переводѣ на сирскій языкъ, *Зоара*, т. е. *малютки*. Вспомнила она о пещерѣ Лота, и со слезами обратившись, увѣщевала сопутствовавшихъ ей дѣвъ остерегаться вина, въ которомъ лежитъ невоздержаніе, плодомъ котораго были моавитяне и аммониты (Быт. 19).

¹⁾ Нав. гл. 14, 15 ст. Съ еврейскаго подлинника читается такъ: *онъ Адамъ старѣйшій между еникимлянами.*

Но я долго медлю на югѣ, гдѣ невѣста нашла почи-
 вающимъ жениха (Пѣсн. 1, 6) и гдѣ Іосифъ упился съ
 братьями (Быт. 43, 16—34). Возвращусь въ Іерусалимъ, и
 чрезъ Ѳекую и Апосъ увижу блистающій золотомъ крестъ
 горы Елеонской, съ которой Спаситель взошелъ ко Отцу.
 На этой горѣ каждый годъ сожигалась рыжая юница въ
 жертвоприношеніе Господу, и пепелъ ея искуплялъ грѣхи
 народа израильскаго (Числ. 19); въ ней переселившіеся изъ
 храма херувимы основали, по Езекиілю, церковь Господа
 (Езек. гл. 10, сн. гл. 11, 22. 23). Посѣтивъ, затѣмъ, гробъ
 Лазаря, видѣла она гостепріимный домъ Маріи и Марѳы, и
Вевсефагію. домъ священническихъ челюстей, и то мѣсто,
 на которомъ рѣзвый дѣтенышъ язычества былъ взнуданъ
 божественною рукою, и покрытый апостольскими одеждами,
 подставилъ для сидѣнья мягкую спину (Лук. 19). Потомъ
 прямою дорогою сошла въ Іерихонъ, размышляя, на основаніи
 Евангелія, объ извѣстномъ раненомъ и о милосердіи,
 при жестокосердіи мимопроходившихъ священниковъ и ле-
 витовъ, *самарянина*, т. е. *стража*, который, возложивъ
 полумертваго на свой скоть, отвезъ его въ гостиницу
 церкви (Лук. 10). Посѣтила она и мѣсто Adomim, чтò пе-
 реводится—*кровей*, такъ какъ много крови проливалось тамъ
 во время частыхъ разбойничьихъ набѣговъ, и смоковницу
 Закхея, т. е. благія дѣла покаянія, коими загладилъ онъ
 прежніе кровавые и хищническіе грѣхи, и съ высоты до-
 бродѣтелей узрѣлъ вышняго Господа, и мѣста слѣпыхъ, по-
 длѣ дороги (Матѳ. 20, 30), которые, получивъ прозрѣніе,
 предугадали таинство обращенія къ вѣрѣ въ Господа обоихъ
 народовъ ¹⁾. Вошедши въ Іерихонъ, увидѣла городъ, кото-
 рый основалъ Ахіилъ на Авиронѣ, первородномъ своемъ, и

¹⁾ Т. е. іудеевъ и язычниковъ, предызображенныхъ, по Іерониmu,

врата котораго поставилъ на Сегувѣ, юнѣйшемъ изъ своихъ сыновей (Нав. 6, 25; см. 3 Цар. 16, 34). Осмотрѣла она стань Галгалы и холмъ обрѣзанія—таинственный прообразъ втораго обрѣзанія (Нав. 5), и двѣнадцать камней, вынесенныхъ туда изъ русла Іордана (Нав. 4) и положившихъ твердое основаніе для двѣнадцати апостоловъ; осмотрѣла она и тотъ источникъ, горчайшій и липающій плодородія источникъ закона, который приправилъ и обратилъ въ сладость и плодородіе своею мудростію истинный Елисей (4 Цар. 2, 19—22). Едва минула ночь, во время палящаго зноя, пришла она къ Іордану, остановилась на берегу рѣки, и когда взошло солнце, вспомнила о солнцѣ правды, — вспомнила, какъ среди русла рѣки, священники стали *на сусъ* (Нав. 3, 17), какъ по повелѣнію Іліи и Елисея давала дорогу волна, а воды стояли сюду и сюду (4 Цар. 2), какъ Господь своимъ крещеніемъ очистилъ воды, оскверненныя потопомъ и запятнанныя погубленіемъ всего человѣческаго рода.

Было бы долго рассказывать о долинѣ *Ахоръ*, т. е. *тревоги* и *смятеній*, въ которой осуждены воровство и жадность (Нав. 7), и *Всеплн*, *домъ Божіемъ*, гдѣ на обнаженной землѣ пагой и убогій уснулъ Іаковъ, и, положивъ подъ голову камень, который у Захаріи изображается имѣющимъ *седмь очесъ* (Зах. 3, 9), а у Исаи называется камнемъ краеугольнымъ (Ис. 28, 16), увидѣлъ лѣствицу, досягающую до небесе, на которой утверждался вверху Господь (Быт. 28), подающій руку помощи восходящимъ и низвергающій съ высоты перадивыхъ. Поклонилась она также гробу Іисуса, сына Навина, на горѣ Ефраимъ, и лежащему насупротивъ гробу Елеазара, сына Аарона священника: одинъ изъ нихъ погребенъ въ Тамнаеарѣ, на сѣверной сторонѣ горы Гаазъ, другой въ Габаѣ сына своего Финесса (Нав. 24); и много удивлялась она, что раздавшій владѣнія выбралъ

для себя мѣстность нагорную и утесистую. Что скажу я о Силомѣ, въ которомъ еще въ настоящее время показываютъ развалины алтаря и гдѣ колѣно Веніаминово предупредило Ромулово похищеніе сабиняногъ (Суд. 21)? Она перешла Сихемъ (не Сихарь, какъ читають многіе по ошибкѣ: этимъ именемъ въ настоящее время называется Неаполь), и вступила въ церковь, построенную подлѣ горы Гаризимъ вокругъ колодезя Іаковлева; надъ нимъ сидѣлъ жаждущій и алчущій Господь и насытилъ вѣрою самарянку, которая, послѣ пяти мужей—Моисеевыхъ (пяти) книгъ, и шестаго, котораго не рѣшалась объявить мужемъ, оставивъ заблужденіе Досмоен, познала истиннаго Мессію и истиннаго Спасителя. На возвратномъ пути оттуда, видѣла она двѣнадцать гробницъ патриарховъ, и *Себастію*, т. е. Самарію, которую Иродъ, переведши съ греческаго, назвалъ въ честь Августа—*Августою*. Тамъ погребены пророки: Елисей и Авдій, и Іоаннъ Креститель, *болій* котораго *не воста въ рожденныхъ женами* (Матѣ. 11, 11). Тамъ задрожала она, испуганная мпожествомъ чудеснаго: ибо она видѣла демоновъ, рыкающихъ отъ различныхъ мученій, а предъ гробами святыхъ людей воющихъ какъ волки, лающихъ какъ псы, ржущихъ какъ львы, шипящихъ какъ змѣи, реющихъ какъ быки. Были и такіе, которые оборачивали кругомъ голову и черезъ спину касались земли макушкою; а у женщинъ, висѣвшихъ внизъ головою, одежда не опускалась на лицо. Она сострадала всѣмъ, и проливъ слезы за каждаго, молила Христа о милосердіи. Хотя была и больна, пѣшкомъ взшла на гору, на которой въ двухъ пещерахъ, во время гоненія и голода, Авдій пророкъ кормилъ хлѣбомъ и водою сто пророковъ (3 Цар. 18, 4). Отсюда быстро пробѣжала она Назаретъ, кормилицу Господа, Кану и Капернаумъ, свидѣтелей чудесъ Ёго, озеро Тиверіадское, освященное плаваніемъ Господа, пустыню, въ которой множество тысячъ народа было насы-

щено немногими хлѣбами, а остатками яствъ были наполнены корзины двѣнадцати колѣнъ израилевыхъ. Выходила на гору Фаворъ, гдѣ преобразился Господь. Смотрѣла издали на горы Гермонъ и Гермонскія, и на широко разстилающіяся поля Галилеи, на которыхъ побѣдитель Варагъ низложилъ Сисару и все войско (Суд. 4),—на потокъ Кисонъ, пересѣкающій средину равнины; а подлѣ видѣлся городъ Наинъ, въ которомъ воскрешень былъ сынъ вдовы. Но у меня скорѣе не достало бы жизни, чѣмъ словъ, если бы я захотѣлъ слегка пересмотрѣть все тѣ мѣста, которыя прошла достопочтенная Павла съ неимовѣрною рѣшимостію.

Перейду къ Египту; остановлюсь на нѣсколько времени въ Сохоеѣ и у источника, который извелъ Самсонъ изъ кореннаго зуба челюсти (Суд. 15, 19), и омою засохшія уста, чтобы, освѣживъ свои силы, посѣтить Мерасеимъ—нѣкогда гробъ пророка Михея, нынѣ—церковь. Оставляю въ сторонѣ Хореевъ и Геттеевъ, Марезу, Идумею и Лахистъ, и чрезъ мягчайшіе пески, скрывающіе слѣды идущихъ, и широкое пространство пустыни пойду къ египетской рѣкѣ *Сіоръ*, что въ переводѣ значитъ *бурный*; перейду пять египетскихъ городовъ, *глаголющихъ языкомъ ханаанитскимъ* (Ис. 19, 18), и землю Гессемъ, и поля Танеесовы, на которыхъ сотворилъ Богъ чудеса (Ис. 77, 12). Перейду городъ *Но*, обращенный послѣ въ Александрію, и городъ Божій Нитрію, въ которомъ чистѣйшею селитрою (nitro) ежедневно омываются нечистоты многихъ. Когда увидѣла она этотъ городъ, увидѣла, что идутъ для встрѣчи ея святой и досточтимый епископъ Исидоръ исповѣдникъ и безчисленные сонмы монаховъ, изъ коихъ многіе были украшены саномъ священническимъ и левитскимъ, то хотя и радовалась о савѣ Господа, но признавала себя недостойною такой чести. Что скажу я о Макаріяхъ, Арсеніяхъ, Серапіонахъ и другихъ столпахъ Христовыхъ? Въ чью келью не входила она? къ чьимъ ногамъ

не припадала? Въ каждомъ изъ святыхъ она думала видѣть Христа; и когда дѣлала что-либо для нихъ, радовалась, что дѣлала для Господа. Удивительная пылкость и твердость, едва вѣроятная въ женщинѣ! Забывъ полъ и тѣлесную немощь, она желала съ своими молодыми дѣвушками поселиться между столькими тысячами монаховъ. Можетъ быть, она и достигла бы своего желанія, такъ какъ всѣ были согласны принять ее, если бы любовь къ святымъ мѣстамъ не влекла ее обратно съ большею силою. Почему, проѣхавъ изъ Пелузіи въ Майомъ, по причинѣ страшныхъ жаровъ, водою, она возвратилась съ такою быстротою, къ какой способна птица. Скоро послѣ того, намѣреваясь остаться навсегда въ Виолеемѣ, она прожила три года въ тѣсномъ страннопріимномъ домигѣ, пока не построила келлій и монастырей, и не основала гостинницъ для различныхъ странниковъ по той дорогѣ, по которой Марія и Іосифъ не нашли, гдѣ приклонить голову. Пусть этимъ окончится описаніе пути, по которому прошла она, въ сопутствіи многихъ дѣвъ и дочери.

Теперь я приступлю къ болѣе пространному описанію той добродѣтели, которая была ея отличительнымъ свойствомъ. Предупреждаю, что въ этомъ описаніи, судья и свидѣтель мнѣ Богъ, я ничего не прибавляю, ничего не превеличиваю, какъ имѣютъ обыкновеніе пишущіе похвальныя рѣчи; но напротивъ, чтобы не переступить предѣловъ вѣроятности, многое умалчиваю: пусть мои клеветники и люди, всегда меня злословящіе, не подумаютъ, будто я вымышляю и украшаю Езонову ворону чужими перьями. Въ отношеніи къ первой изъ христіанскихъ добродѣтелей: до такой степени она уничижила себя, что не видѣвшій ея и жаждавшій, ради знаменитости имени ея, видѣть, принималъ ее не за нее, а за послѣднюю изъ служанокъ. А когда окружали ее многочисленные лики дѣвъ, по одеждѣ, по голосу, по виду

и по приемамъ она казалась самою низшею изъ всѣхъ. Послѣ смерти мужа до дня своей кончины не обѣдала она ни съ какимъ мужчиною, хотя бы и знала, что онъ мужъ святой и поставленный на высотѣ первосвященнической. Въ бани входила она для того только, чтобы осмотрѣть ихъ. Мягкихъ перинъ не имѣла она на своей кровати даже во время жесточайшей лихорадки, но, разославъ постель, спала на самой жесткой землѣ,—если, впрочемъ, можно сказать, что спала та, которая дни соединяла съ ночами непрестанными молитвами, исполняя на дѣлѣ сказанное въ Псалтири: *измыю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс. 6, 7). Можно было подумать, что въ глазахъ ея цѣлыя источники слезъ; можно было прийти къ мысли, что она виновна въ ужаснѣйшихъ преступленіяхъ: до такой степени легко начинала рыдать она о грѣхѣхъ. А когда мы, довольно часто, увѣщавали ее щадить глаза и беречь ихъ для чтенія Евангелія, она говорила: «слѣдуетъ обезобразить лице, которое я, вопреки заповѣди Божіей, часто расписывала румянами, бѣлилами и сурьюю. Нужно изнурять тѣло, которое слишкомъ предавалось удовольствіямъ. Продолжительный смѣхъ долженъ быть вознагражденъ непрестаннымъ плачемъ. Нѣжныя ткани и драгоценнѣйшіе шелки должны быть замѣнены жесткою власяницею. Угождавшая мужу и міру, я хочу теперь угождать Христу». Если бы между столькими и такими добродѣтелями я сталъ бы хвалить въ ней цѣломудріе, мои слова были бы лишними: когда была она еще свѣтскою женщиною, была примѣромъ для всѣхъ благородныхъ женщинъ Рима, и вела себя такъ, что даже злая сиротня никогда не осмѣливалась коснуться ея въ чемъ бы то ни было. Ничего не было снисходительнѣе ея сердца, ничего привѣтливѣе въ отношеніи къ простымъ людямъ. Не заискивала она сильныхъ; но не отворачивалась съ презрѣніемъ и отъ гордыхъ и тщеславныхъ.

Если видѣла бѣднаго, помогала,—богатаго, увѣщавала къ благотворительности. Только щедрость въ ней переступала всякія границы. Ссужая въ долгъ, часто сама дѣлала заемъ, чтобы никому изъ просящихъ не отказывать въ помощи. Признаюсь въ своемъ грѣхѣ: когда она бывала очень расточительною въ раздачахъ, я осуждалъ ее, приводя извѣстное мѣсто изъ апостола: *не бо да инымъ убо отрада, вамъ же скорбь: но по изравненію; въ нынѣшнее время ваше избыточествіе во онѣхъ лишеніе; да и онѣхъ избытокъ будетъ въ ваше лишеніе* (2 Кор. 8, 13. 14), и слѣдующее мѣсто изъ Евангелія Спасителя: *имѣяй двѣ ризы, да подастъ не имущему* (Лук. 3, 11); въ то же время говорилъ я ей, что должно разсчитывать такъ, чтобы она всегда была въ состояніи дѣлать то, что дѣлала охотно, и многое тому подобное. Эти возраженія мои она рѣшала съ удивительною скромностію и сдержанностію: она призывала въ свидѣтели Бога, что дѣлала все ради Его имени, что таковъ былъ и обѣтъ ея—умереть самой нищею, не оставить дочери и одной копѣйки и лечь въ свою могилу въ чужомъ саванѣ. Въ заключеніе говорила она: «если попрошу я, найдутся многіе, которые дадутъ мнѣ; а если этотъ нищій не получить отъ меня, которая могу дать ему даже изъ чужаго, и умереть: съ кого тогда взыщется его душа»? Я желалъ, чтобы она была болѣе расчетливою въ своемъ хозяйствѣ; но она, пламенѣя вѣрою, прилѣпилась Спасителю всѣмъ сердцемъ, и нищая духомъ, по доброй волѣ, слѣдовала ничего не имущему Господу, возвращая Ему все, что получала. Наконецъ она достигла чего желала,—оставила дочь свою въ большихъ долгахъ, которые она, не вымативъ еще и до сихъ поръ, надѣется покрыть не изъ собственныхъ средствъ, но упованіемъ на милосердіе Христово.

Многія благородныя женщины имѣютъ обычай надѣлать подарками своихъ трубачей, и, будучи расточительны черезъ

мѣру по отношенію къ немногимъ, скупы по отношенію къ остальнымъ: за нею совершенно не было такого порока; она дѣлила свое достояніе между всѣми, чтобы каждый имѣлъ потребное ему не для роскоши, но на необходимыя издержки. Ни одинъ бѣднякъ не возвратился отъ нея съ пустыми руками. Что пріобрѣтала она, пріобрѣтала не для увеличенія богатства, но для мудраго употребленія; она всегда повторяла: *блаженнѣ милостивѣи, яко тиѣ помиловани будутъ* (Матѣ. 5. 7). И еще: *огнь горящъ угаситъ воды, и милостыня очиститъ грѣхи* (Сир. 3, 30). Еще: *сотворите себѣ други отъ мамоны неправды, да примутъ вы въ вѣчныя кровы* (Лук. 16, 9). И еще: *дадите милостыню, и се вся чиста вамъ будутъ* (Лук. 11, 41). Равно и слова Даниила, который увѣщавалъ царя Навуходоносора искупить милостынями свои грѣхи (Дан. 4, 24). Она хотѣла издерживать деньги не на эти камни, которые имѣютъ потерять цѣнность вмѣстѣ съ землею и вѣкомъ, но на тѣ живые камни, которые катятся по землѣ (Зах. 9, 16), изъ которыхъ, въ Апокалипсисѣ Іоанна (21, 10 и слѣд.), созидается градъ великаго царя: Писаніе замѣчаетъ, что они должны обратиться въ сапфиръ, смарагдъ, яспіеъ и другіе драгоценныя камни.

Впрочемъ, все это можетъ быть у нея общимъ съ немногими; и діаволъ знаетъ, что не въ этомъ верхъ добродѣтелей. Почему, послѣ того, какъ имущество Іова погибло, домъ руазрушенъ, дѣти убиты, онъ говоритъ Господу: *кожу за кожу, и вся, елика имать человекъ, дастъ за душу свою. Обаче послѣ руку твою, и коснися кости его, и плоти его, аще не въ лице Тѣ благословитъ* (Іов. 2, 4. 5). Мы знаемъ, что многіе давали милостыню, но себѣ ни въ чемъ не отказывали, оказывали помощь нуждающимся, но побѣждаемые похотию плоти, красили являющееся *внѣзуду, внутрѣзуду же* оставались *полни костей мертвыхъ* (Мат. 23, 27). Но Павла была не такова; воздержаніе ея было такъ

велико, что переступало почти должныя границы, и чрезмѣрные посты и подвиги разстроили ея здоровье. Исключая дни праздничные, она едва позволяла себѣ употреблять въ пищу масло, такъ что по этому одному можно судить, какъ она смотрѣла на вино и бульонъ, на рыбу, молоко, медъ, яйца, и прочее, пріятное на вкусъ. Употребляя въ пищу послѣднее, нѣкоторые воображаютъ себя самыми воздержнѣйшими, и считаютъ свое цѣломудріе въ полной безопасности, если всѣмъ этимъ нагрузили свое брюхо.

Но добродѣтель всегда преслѣдуется завистію, «и молніи поражаютъ горы, превосходящія другія высотой» (*Горацій*). Нечему удивляться, если я говорю подобное о людяхъ, когда даже Господь нашъ былъ распятъ по зависти фарисеевъ; всѣ святые имѣли завистниковъ, и въ самомъ раю былъ змѣй, *завистію* котораго *смерть* *вниде* *въ міръ* (Прем. 2, 24). Воздвигъ ей Господь Адада Идумеянина (3 Цар. 11, 4), который зашамъ ее, да не превозносится, и, будучи какъ-бы нѣкимъ бичемъ для ея плоти (2 Кор. 12, 7), часто напоминалъ ей, чтобы она не преувеличивала своихъ добродѣтелей, и, имѣя предъ глазами пороки другихъ женщинъ, не считала себя утвердившеюся въ своемъ превосходствѣ. Нужно уступить злобѣ, говорилъ я ей, нужно дать мѣсто гнѣву. Такъ поступилъ Іаковъ по отношенію къ брату своему Исаву, и Давидъ по отношенію къ заклятѣйшему изъ враговъ своихъ—Гаулу; первый изъ нихъ бѣжалъ въ Месопотамію, послѣдній предался иноплеменникамъ, лучше желая быть подвластнымъ врагамъ, чѣмъ завистникамъ. Но она отвѣчала мнѣ на это: «сказанное тобою было бы совершенно справедливо, если бы діаволь велъ войну противъ рабовъ и рабынь Божіихъ не повсемѣстно, и убѣгающіе не встрѣчали его впереди себя всюду, куда ни убѣгаютъ; если бы, кромѣ того, меня не удерживала любовь къ святымъ мѣстамъ, и я могла найти свой Вифлеемъ въ другой части

свѣта. Почему бы мнѣ не побѣдить злобы терпѣніемъ? почему бы не сокрушить гордости смиреніемъ, и ударяющему въ ланиту не подставить другую? Говорить же апостолъ Павелъ: *побѣждайте благимъ злое* (Рим. 12, 21)? Не хвалились ли апостолы, когда терпѣли поношеніе ради Господа? А самъ Спаситель не умалилъ ли Себя, *зракъ раба пріимъ, и послушливъ бывъ Отцу даже до смерти, смерти же крестныя* (Филипп. 2, 7. 8), чтобы спасти насъ своими страданіями? Если бы Іовъ не боролся и не побѣдилъ въ борьбѣ, онъ не былъ бы увѣнчанъ за свою праведность и не услышалъ бы отъ Господа: *мнѣши ли Мя инако тебѣ сотворша, развѣ да явишия правдивъ* (Іов. 40, 2)? Въ Евангеліи называются блаженными тѣ, которые терпятъ гоненіе правды ради (Мат. 5, 10). Чистая совѣсть знаетъ, что терпимъ мы не за грѣхи, и что оскорбленія въ этомъ вѣѣ—предметъ награды. Если врагъ бывало становился наглѣе и доходилъ до открытой брани, она повторяла извѣстное мѣсто изъ Псалтири: *всегда востати грѣшному предо мною, онъ тмъхъ и умолчашъ отъ благъ* (Пс. 38, 2. 3); и еще: *азъ же яко глухъ не слышай, и яко тмъ не отверзай устъ своихъ; и быхъ яко человекъ не слышай, и не имый во устѣхъ своихъ обличенія* (Пс. 37, 14. 15). Въ искушеніяхъ она твердила слова Второзаконія: *искушаетъ васъ Господь Богъ вашъ, еже увидѣти, аще любите Господа Бога вашего всѣмъ сердцемъ вашимъ, и всю душою вашею* (Втор. 13, 3). Въ скорбяхъ и бѣдствіяхъ размышляла о словахъ Исаи; *иже отдоени отъ млека, отторженны отъ сосца, печали на печаль ожидайте, надежды къ надежды, еще мало, еще мало*, ради худости устенъ, ради языка иного (Ис. 28, 9—11). И свидѣтельство Писанія было ей утѣшеніемъ: такова доля, затверживала она, отдоенныхъ, т. е. достигшихъ зрѣлаго возраста,—терпѣть печаль за печалью, чтобы удостоиться получать надежду за надеждою:

въдыше, яко скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ (Рим. 5, 3—5); и еще: *аще вѣншній намъ человекъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется; и еже нынѣ легкое и мгновенное печали наша тяготу вѣчныхъ славъ содѣловаетъ намъ, не смотряющимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ: видимая бо временна; невидимая же вѣчна* (2 Кор. 4, 17. 18). И время не будетъ продолжительнымъ, если бы оно и казалось долгимъ для человѣческаго нетерпѣнія; ибо скоро слѣдуетъ помощь отъ Бога, который говоритъ: *во время пріятно послушахъ тебе, и въ день спасенія помогохъ ти* (Ис. 49, 8). Не слѣдуетъ бояться ни лукавыхъ губъ, ни языковъ людей нечестивыхъ, но радоваться о Господѣ помощникѣ и слушать Его, который увѣщаетъ чрезъ пророка: *не бойтесь укоренія человекъ, и похуленія ихъ не страшитесь: якоже бо риза снѣдены будутъ червемъ, и яко сукно избѣдены будутъ мольми.* (Ис. 51, 7. 8). И еще: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* (Дук. 21, 19). Еще: *недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славы явитися въ насъ* (Рим. 8, 18). И въ другомъ мѣстѣ: *скорбь на скорбь примемъ, и все елико аще нанесено намъ будетъ, долготерпимъ* (Сир. 2, 4). — Ибо долготерпимъ мужъ много въ разумъ: *малодушній же крѣпко безуменъ* (Прит. 14, 29).

Во время упадка силъ и частыхъ болѣзней, она говорила: *егда немоществую, тогда силенъ есмь* (2 Кор. 12, 10). *Имамы сокровище сіе въ скудельныхъ сосудѣхъ* (тамже 4, 7), пока тлѣнное сіе не облечется въ нетлѣніе, и смертное сіе не облечется въ безсмертіе (1 Кор. 15, 54). И еще: *якоже избыточествуютъ страданія Христова въ насъ, тако Христомъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше* (2 Кор. 1, 5). И затѣмъ: *якоже обилиицы есте страстемъ, тѣкожде будете и утѣшенію* (Тамже ст. 7). Когда бывала

печальна, пѣла: *вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя?* Уповай на Бога, яко исповѣмся Ему, спасеніе лица моего, и Богъ мой (Пс. 41, 12). Во время опасностей она говорила: *аще кто хоцетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и послѣдуетъ Ми* (Лук. 9, 23). И еще: *иже хоцетъ душу свою спасти, погубитъ ю; а иже погубитъ душу свою Мене ради, сей спасетъ ю* (тамже ст. 24). Когда ее извѣстили о потеряхъ по хозяйству и о разореніи всего оставшагося ей отъ отца имущества, она сказала: *кая польза чловѣку, аще мѣръ весь пріобрѣщетъ, душу же свою отщуетъ?* или *что дастъ чловѣкъ измѣну за душу свою* (Мат. 16, 26)? И еще: *нагъ изыдохъ отъ чрева матере моея, нагъ и отиду. Яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословено* (Іов. 1, 21). Тамже: *не любиле міра, ни яже въ мѣръ. Яко все, еже въ мѣръ, похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская: нѣсть отъ Отца, но отъ міра сего естъ. И мѣръ преходитъ, и похоть его* (1 Іоан. 2, 15. 16. 17). Мнѣ извѣстно, что ей писали о жестокихъ болѣзняхъ дѣтей и особенно Токсоціа, котораго она любила больше всѣхъ. И хотя она съ мужествомъ оправдала на себѣ извѣстное: *смятохся и не глаголахъ* (Пс. 76, 5), невольно высказалась въ слѣдующихъ словахъ: *иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Мат. 10, 37). И молясь ко Господу, говорила: «обладай, Господи, *сыны умерщвленныхъ* (с. 78, 11), умерщвляющихъ ради Тебя повседневно тѣла свои». Зналъ я одного наушника (родъ людей самый зловредный!), который, подъ личиною доброжелателя, донесъ ей, что нѣкоторые считаютъ ее безумною за чрезмѣрную горячность въ добродѣтели и говорятъ, что у ней должно быть воспаленіе въ мозгу. Она отвѣтила ему: *позоръ быхомъ міру, и ангеломъ, и чловѣкомъ* (1 Кор. 4, 9); и еще: *мы буимъ Хри-*

ста ради (тамже ст. 10): но *буге Божіе премудрѣе чело-
вѣкъ есть* (1 Кор. 1, 25). Почему и Спаситель говоритъ ко
Отцу: *Ты увидѣлъ еси безуміе мое* (Гс. 68, 6); и еще: *яко
чудо быхъ многимъ, и Ты помощникъ мой крѣпокъ* (Ев.
70, 7), какъ сготъ быхъ у Тебе, и азъ выну съ Тобюю
(Пс. 72, 22). Хотѣли же, по словамъ Евангелія, родственники
связать Его, какъ-бы не въ полномъ умѣ находившагося
(Марк. 3), а враги безславили же Его, говоря, что Онъ бѣса
имать, и самарянинъ есть (Іоан. 8, 48), и о *Веельзевулъ
князь бесовствъ изгонитъ бѣсы* (Матѹ. 12, 24). Но мы
слышимъ увѣщаніе апостола: *похваленіе наше сіе есть,
свидѣтельство совѣсти нашея, яко въ простотѣ и чи-
стотѣ, и благодатию Божіею живомъ въ мѣръ* (2 Кор.
1, 12). Слышимъ и Господа, говорящаго апостоламъ: *се-
го ради ненавидитъ васъ мѣръ, яко отъ мѣра нѣсте. Аще
отъ мѣра бысте были, мѣръ убо свое любилъ бы* (Іоан. 15,
19). И обращалась она къ самому Господу съ такими сло-
вами: *Ты вѣси тайная сердца; и еще: сія вся придоша
на ны, и не забыхомъ Тебе, и не неправдовахомъ въ жи-
вотѣ Твоемъ, и не отступи вспятъ сердце наше* (Пс. 43,
22—18. 19). Еще: *Тебе ради умерщвляемъ есмь весь день,
вмѣнихомся, якоже овцы заколенія* (Рим. 8, 36); но *Го-
сподь мнѣ помощникъ, и не убоюся, что сотворитъ мнѣ
человѣкъ* (Пс. 117, 6). Ибо она читала: *сыне, чти Господа,
и укрѣпишиися, и, кромѣ Господа, не бойся много* (Прит. 7,
1). Такими и подобными мыслями Писаній, какъ-бы нѣкимъ
Божіимъ оружіемъ, вооружилась она какъ противъ всякихъ
ругательствъ, такъ особенно противъ ожесточенной къ ней
ненависти, и укрощала неистовство бѣшеннаго сердца терпѣ-
ливымъ перенесеніемъ оскорбленій. Наконецъ, въ день смерти
ея, стали ясными для всѣхъ и терпѣніе ея, и зависть дру-
гихъ, зависть, которая грызла самаго виновника своего, и
унижалась только собственнымъ внутреннимъ бѣшенствомъ

въ то время, какъ старалась нанести оскорбленіе тому, кого ненавидѣла.

Скажу и объ устройствѣ ея монастырской жизни,—о томъ, какъ обратила она въ свою пользу общежитіе святыхъ. Она сѣяла тѣлесное, чтобы пожать духовное (1 Кор. 9, 11), давала земное, чтобы взять небесное, уступала преходящее, чтобы получить вмѣсто него вѣчное. Устроивъ монастырь мужескій и передавъ его въ управленіе мужчинамъ, она раздѣлила на три общины и монастыря то множество дѣвъ какъ благородныхъ, такъ средняго и низшаго состоянія, которое собрала изъ разныхъ странъ,—раздѣлила такъ однакоже, что, будучи раздѣлены въ работахъ и пищѣ, онѣ соединялись въ псалмопѣніи и молитвахъ. Когда было пропѣто *аллелуія* (это былъ знакъ, призывавшій въ собраніе), никому не дозволялось оставаться дома. Пришедши сама первою, или въ числѣ первыхъ, она побуждала къ приходу другихъ, призывая ихъ къ подвигу стыдомъ и примѣромъ, а не страхомъ. Поутру, въ часъ третій, шестой, девятый, ввечеру и полночь онѣ пѣли Псалтирь по уставу. Каждая изъ сестеръ должна была знать псалмы, и каждый день выучивать что-либо изъ священныхъ Писаній. Только въ день воскресный онѣ приходили въ церковь, вблизи которой жили. Каждое отдѣленіе ихъ шло, въ этомъ случаѣ, за своею матерью, и, возвратившись оттуда въ такомъ же порядкѣ, онѣ ревностно продолжали распределенныя между ними работы, и приготовляли одежды себѣ, или другимъ. Благороднымъ по происхожденію не дозволялось имѣть сожительницею кого-либо изъ своего семейства, чтобы послѣдняя, помня прежнюю жизнь, не вызвала въ воображеніи давнихъ заблужденій рѣзваго дѣтства, не возобновляла ихъ въ памяти частымъ разговоромъ. Для всѣхъ была одна одежда. Полотно употребляли онѣ только для утиранья рукъ. Отъ мужчинъ было такое разлученіе, что она удаляла ихъ даже отъ свнуховъ, чтобы не подать

никакого повода злорѣчивому языку ихъ, который привыкъ, въ утѣшеніе ихъ безсилія, поносить святыхъ. Если какая либо изъ дѣвъ приходила позже другихъ на пѣніе псалмовъ, или была лѣнивѣе другихъ въ работахъ, она приступала къ исправленію ея различными способами. Если та была гнѣвлива, начинала ласкою, если терпѣлива—выговоромъ, подражая извѣстному правилу апостола: *что хотите, съ палицею ли прииду къ вамъ, или съ любовію и духомъ кротости* (1 Кор. 4, 21)? Кромѣ пищи и одежды, не дозволялось имѣть ничего другаго, сообразно съ словами апостола: *имѣюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. 6, 8); это для того, чтобы обычай имѣть больше не далъ мѣста жадности, которая не удовлетворяется никакими богатствами, и чѣмъ больше имѣть, тѣмъ большаго ищетъ; и ни изобиліе, ни бѣдность у нихъ не уменьшались. Соорившихся между собою мирила полною кротости рѣчью. Рѣзвую плоть молоденькихъ дѣвушекъ смиряла частыми и удвоенными постами, желая, чтобы лучше страдалъ ихъ желудокъ, чѣмъ душа. Если видѣла кого-либо разряженною, съ нахмуренными бровями и печальнымъ видомъ, обличала заблуждающую, говоря, что чистота тѣла и одежды признакъ нечистоты души. Слово срамное и сладострастное никогда не должно было исходить изъ устъ дѣвственныхъ: ибо это служить знакомъ души сладострастной и обнаруживаетъ чрезъ внѣшняго человѣка пороки человѣка внутренняго. Если замѣчала, что какая либо изъ дѣвъ болтушка, щебетуха и любить ссоры, и не исправляется послѣ частыхъ увѣщаній;—такую становила она на молитву у дверей столовой, между самыми послѣдними и внѣ общества сестеръ, и заставляла принимать пищу отдѣльно, чтобы исправить стыдомъ, если ее не исправляли выговоры. Воровство считала также гнуснымъ, какъ и святотатство. Что между свѣтскими людьми считается маловажнымъ или ничтожнымъ, то въ монастыряхъ

она называла преступленіемъ ужаснѣйшимъ. Нужно ли мнѣ вспоминать объ ея милосердіи и внимательности къ больнымъ, за которыми ухаживала она съ удивительною предупредительностію и услужливостію? Когда заболѣвали другіе, она доставляла имъ въ изобиліи все, и даже кормила мясною пищею; но когда сама заболѣвала, къ себѣ не бывала снисходительною, и казалась не безпристрастною въ томъ, что снисходительность въ отношеніи къ другимъ, она перемѣняла на жесткость въ отношеніи къ себѣ.

Ни одна изъ юныхъ дѣвушекъ съ здоровымъ и крѣпкимъ тѣломъ не предавалась такому воздержанію, какому предавалась она съ своимъ истомленнымъ, старческимъ, дряхлымъ маленькимъ тѣломъ. Признаюсь, что въ этомъ отношеніи она была наиболѣе упряма, не щадила себя и не уступала ничьимъ увѣщаніямъ. Расскажу, что узналъ я по собственному опыту. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, во время страшныхъ жаровъ, заболѣла она горячкою; послѣ совершенно безнадежнаго состоянія, по милости Божіей, она стала поправляться и врачи, для укрѣпленія тѣла, предписывали пить легкое, умѣренной крѣпости вино, чтобы отъ употребленія воды не случилась водяная болѣзнь. Я тайкомъ попросилъ блаженнаго папу Епифанія, чтобы онъ убѣдилъ и даже принудилъ ее пить вино; но она, будучи умна и проницательна, тотчасъ же поняла хитрость и съ улыбкою объявила, что все, что ни говорилъ онъ, говорилъ мое. Чего больше? Когда блаженный первосвященникъ, послѣ долгихъ увѣщаній, вышелъ изъ дверей и я спросилъ его, что онъ успѣлъ сдѣлать, — онъ отвѣтилъ: я такъ успѣлъ, что меня, стараго человека, она почти убѣдила не пить вина. Рассказываю объ этомъ не потому, чтобы одобрялъ труды, предпринимаемые безразсудно и сверхъ силъ, имѣя въ виду увѣщаніе Писанія: *тяжести на себѣ не убавляй*; но потому, что этою твердостію ея я хотѣлъ доказать горячность ея сердца и

желанія вѣрной души, поющей: *возжажда Тебе душа моя, коль множицею Тебе плоть моя* (Пс. 62, 2). Трудно соблюдать мѣру во всемъ. А между тѣмъ совершенно справедливо, сообразно съ мнѣніемъ философовъ, считается *μεσότης ἢ ἀρετὴ, ὑπερβολὴ κακία*¹⁾; что мы можемъ выразить однимъ и краткимъ изрѣченіемъ: *ничего черезъ мѣру*. Но высказывавшая такое упрямство въ пренебреженіи къ пищѣ, она была кротка въ скорби и не могла безъ сокрушенія переносить смерть родныхъ, особенно дѣтей. Смерть мужа и дѣтей всегда лежала у ней на сердцѣ. Когда знаменовала она лице и животъ, и печатію креста старалась облегчить материнскую скорбь, душевная мука пересиливала ее, и чувства матери колебали вѣрующій умъ: побѣждая духомъ, она склонилась предъ немощію тѣла. Одинъ разъ, скрывая печаль, она долго владѣла собою; но этимъ причинила она безпокойство намъ и опасность себѣ. Отраду находила она въ томъ, что ежеминутно воспоминала: *окаленъ азъ человекъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего* (Рим. 7, 24)? Благоразумный читатель скажетъ, что вмѣсто похвалъ, я пишу ей укоры. Свидѣтель Іисусъ, которому служила она и которому хочу и я служить, что ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи я не выдумываю ничего; но какъ христіанинъ рассказываю о христіанкѣ сущую истину, т. е. пишу исторію, а не панегирикъ, говорю и о недостаткахъ ея, и о добродѣтеляхъ другихъ. Говорю о недостаткахъ, какъ слѣдующаго собственному образу мыслей, такъ и желанію всѣхъ сестеръ и братьевъ, которые всѣ любили ее и всѣ жалѣемъ объ ея утратѣ.

Впрочемъ, она свое теченіе скончала, вѣру соблюла, и, получивъ теперь вѣнецъ правды (2 Тим. 4. 7, 8), слѣдуетъ за Агнцемъ, *а може аще поидетъ* (Апок. 14, 4). Она насы-

¹⁾ Умѣренность—добродѣтель, излишество—порокъ.

щается теперь, потому что алгала, и поеть въ восторгѣ: *якоже слытахомъ, тако и видѣхомъ во градъ Господа силъ, во градъ Бога нашего* (Быт. 47, 9). О блаженная переменна состоянія! Она плакала, чтобы вѣчно смѣяться; отвернулась отъ грязной лужи, чтобы открыть источникъ— Господа; одѣвалась власяницею, чтобы теперь облечься въ свѣтлыя одежды, и сказать: *растерзалъ еси вретнице мое, и препоясалъ мя еси веселиемъ* (Пс. 29, 12). Пепель какъ хлѣбъ ѣла, и питіе свое съ плачемъ растворяла (Пс. 101, 10), говоря: *быша слезы моя мнѣ хлѣбъ день и ночь* (Пс. 41, 4); а теперь вѣчно питается она хлѣбомъ ангельскимъ, и поеть: *вкусите и видите, яко благъ Господь* (Пс. 33, 9), и еще: *отрыгну сердце мое слово блиго, глаголю азъ дѣла моя цареви* (Пс. 44, 1). И увидѣла она, что исполнились на ней слова Исаи, или вѣриѣе — слова Господа чрезъ Исаю: *се работающіи Ми ясти будутъ, вы же взалчете; се работающіи Ми пити будутъ, вы же возжаждете; се рабдтающіи Ми возрадуются, вы же посрамитесь; се работающіи Ми возвеселятся въ веселии сердца, вы же возопіете въ бользни сердца вашего, и отъ сокрушенія духа восплачетесь* (Ис. 65, 13, 14). Я сказалъ, что она убѣгала всегда лужь, чтобы найти источникъ Господа, чтобы пѣть съ восторгомъ: *имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ души моя къ Тебѣ, Боже. Богди прииду и явлюся лицу Божию* (Пс. 41, 2 3).

Сдѣлаю мимоходомъ замѣчаніе о томъ, какимъ образомъ она убѣгала грязныхъ лужь еретиковъ и считала ихъ наравнѣ съ лужами язычниковъ. Одинъ старый плутъ, считавшій себя за человѣка ученаго и знающаго, сталъ безъ моего вѣдома задавать ей вопросы, и говорить: чѣмъ согрѣшило дитя, что должно внасть въ руки демона? Въ какомъ возрастѣ мы воскреснемъ? Если въ томъ же, въ какомъ уми-

раемъ: то по воскресеніи, будутъ нужны кормилицы. Если въ другомъ, будетъ не воскресеніе изъ мертвыхъ, а превращеніе въ другихъ людей. Равнымъ образомъ, будетъ ли различіе половъ мужскаго и женскаго, или не будетъ? Если будетъ, то естественно будутъ и браки, и сожителство, и рожденіе дѣтей. Если не будетъ, то съ уничтоженіемъ разностей пола, воскреснутъ не тѣже самыя тѣла: ибо *земное жилище обременяетъ умъ многопечителенъ* (Премуд. 9, 15), но тѣла тонкія, духовныя, по слову апостола: *стѣтся тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное* (1 Кор. 15, 44). Всѣмъ этимъ онъ хотѣлъ доказать, что разумныя твари пали въ тѣла за нѣкоторыя проступки и древніе грѣхи; при этомъ, по различію и важности грѣховъ онѣ раждаются въ такомъ или другомъ состояніи; и потому, или пользуются здоровьемъ тѣлеснымъ, богатствомъ и знатностію родныхъ, или, входя въ тѣла болѣзненныя и въ дома бѣдняковъ, несутъ наказаніе за прежнія преступленія и заключаются, какъ въ тюрьму, въ настоящую жизнь и въ тѣла. Когда она выслушала все это, то передала мнѣ, назвавши говорившаго человека. На мнѣ легла необходимость противостать негодной ехиднѣ и смертоносному звѣрю, о которыхъ воспоминаетъ Псалмопѣвецъ, говоря: *не предаждь звѣремъ душу исповѣдающуюся Тебѣ* (Пс. 73, 19), и *запрети, Господи, звѣремъ тростнымъ* (Пс. 67, 31), которые, пиша неправду, говорятъ ложь на Господа и высоко поднимаютъ свою голову. Я сошелся съ этимъ человѣкомъ, и, такъ какъ онъ старался хитрить, остановилъ потокъ его рѣчи короткимъ вопросомъ: вѣритъ ли онъ въ будущее воскресеніе мертвыхъ, или нѣтъ? Когда онъ отвѣчалъ, что вѣритъ, я прибавилъ: тѣже ли тѣла воскреснутъ, или другія? Когда онъ отвѣчалъ—тѣже, я спросилъ: того же пола, или другаго? Когда онъ на послѣдній вопросъ не отвѣчалъ, а подобно змѣѣ, избѣгающей удара, новорачивалъ голову то въ ту, то въ дру-

гую сторону, я сказалъ: такъ какъ ты молчишь, я отвѣчу за тебя самъ себѣ, и подведу итоги. Если женщина не воскреснетъ женщиною, а мужчина мужчиною: то воскресенія мертвыхъ не будетъ, потому что полъ отличается членами, а изъ членовъ слагается цѣлое тѣло. Если же половъ и членовъ не будетъ, чтѣ будетъ за воскресеніе тѣлъ, которое не мыслимо безъ половъ и членовъ? Далѣе, если воскресенія тѣлъ не будетъ, не будетъ, тѣмъ болѣе, и воскресенія мертвыхъ. Что же касается твоего возраженія относительно браковъ: если де будутъ тѣже члены, то должны заключаться браки,—оно рѣшено словами Спасителя: *премъщается, не въдуща писанія, ни силы Божія. Въ воскресеніе бо ни женятся, ни посягаютъ, но яко ангели Божіи суть* (Матѣ. 22, 29. 30). Словами—*ни женятся, ни посягаютъ* доказывається различіе половъ. О камнѣ и бревнѣ никто не скажетъ: *ни женятся, ни посягаютъ*, потому что не въ природѣ ихъ женитьба; но такъ можно сказать о тѣхъ, которые могутъ жениться, а не женятся по благодати Христовой и ради добродѣтели. Но ты возразишь: какимъ образомъ будемъ мы подобны ангеламъ, когда между ангелами нѣтъ мужчинъ и женщинъ? Выслушай коротко: Господь общается намъ не естество ангеловъ, но ихъ образъ жизни и блаженство. Въ такомъ смыслѣ названъ ангеломъ и Іоаннъ Креститель еще прежде, чѣмъ былъ обезглавленъ (Лук. 7, 27): въ такомъ смыслѣ ведутъ жизнь ангельскую еще въ этомъ вѣкѣ всѣ святые и дѣвы Божіи. Ибо, когда говорится: будете подобны ангеламъ, общается подобіе, а не перемѣна естества.

Вмѣстѣ съ этимъ, скажи мнѣ, какъ объясняешь ты то обстоятельство, что Ѳома осязалъ руки воскресшаго Господа и видѣлъ Его бокъ, прободенный копьемъ (Іоан. 20)? Какимъ образомъ Петръ видѣлъ Господа, стоящаго на берегу и вкушавшаго часть жареной рыбы и сотъ меду (Лук. 24)? Тотъ, кто стоялъ, имѣлъ, безъ сомнѣнія, ноги. Кто показы-

валъ раненый богъ, непременно имѣлъ и животъ и грудь, безъ которыхъ не было бы и боковъ, находящихся въ связи съ животомъ и грудью. Кто говорилъ, говорилъ съ помощію языка, нѣба и зубовъ. Какъ смычокъ по струнамъ, такъ ударяетъ языкъ о зубы, и даетъ членораздѣльный звукъ. Тотъ, чьи руки были осязаемы, имѣлъ уже поэтому и плечи. Итакъ, если говорится, что Онъ имѣлъ всё члены, то необходимо долженъ былъ имѣть тѣло въ цѣломъ его видѣ, какъ оно слагается изъ членовъ, и непременно — не женское, а мужское, т. е. того же пола, въ которомъ Онъ умеръ. Ты возразишь: стало быть и мы по воскресеніи будемъ ѣсть? Потомъ, какимъ образомъ Онъ вошелъ дверемъ заключеннымъ, когда это противно натурѣ тѣлъ грубыхъ и твердыхъ? Выслушай: изъ-за пищи не порицай вѣру въ воскресеніе. И воскресенной дочери архисинагога Онъ повелѣлъ дать *ясти* (Марк. 5, 43); и о Лазарѣ, бывшемъ четыре дня во гробѣ, говорится въ Писаніи, что возлежалъ съ Нимъ на вечери (Іоан. 12, 2): это для того, чтобы воскресеніе ихъ не показалось мечтою. Если же Онъ вошелъ дверемъ заключеннымъ, и на основаніи этого ты стараешься доказать, что тѣло Его было духовное и воздушное: то можно будетъ съ равною вѣроятностію заключить, что Онъ и прежде имѣлъ тѣло духовное, потому что ходить по морю противно натурѣ тяжелыхъ тѣлъ. Да придется прійти къ убѣжденію, что и апостолъ Петръ имѣлъ тѣло духовное, потому что и онъ робкою поступью шелъ по водамъ; хотя въ тѣхъ случаяхъ, когда что-либо бываетъ вопреки законамъ природы, высказывается, главнымъ образомъ, могущество и сила Божія. И что именно во множествѣ чудесъ обнаруживается не измѣненіе природы, а всемогущество Божіе, обрати вниманіе на слѣдующее: тотъ, кто ходилъ по вѣрѣ, сталъ утонать по невѣрію; его спасла только рука Господа, который сказалъ: *маловѣре, почто усумился еси* (Мат, 14, 31)?

Удивляюсь я и тому безстыдству, съ какимъ выслушиваешь ты слова Господа: *принеси персть твой съмо, и виждь руцѣ мои; и приими руку твою, и вложи въ ребра моя, и не буди невѣренъ, но вѣренъ* (Іоан. 20, 27). И въ другомъ мѣстѣ: *видите руцѣ мои и нозѣ мои, яко самъ есмь. Осяжите Мя и видите, яко духъ плоти и кости не имать, якоже Мене видите и муща. И сіе рекъ, показавъ руцѣ и нозѣ* (Лук. 24, 39. 40). Слышишь о костяхъ, о плоти, ногахъ и рукахъ, и выдумываешь шары стоиговъ и всякія воздушныя бредни.

Далѣе ты спрашиваешь: почему дитя, не согрѣшившее, должно впасть въ руки демона; или, въ какомъ возрастѣ воскреснемъ мы, умирающіе въ различныхъ возрастахъ? Выслушай, хоть и съ неохотою: *судьбы Божіи бездна многа* (Пс. 35, 7). И еще: *о глубина богатства и премудрости и разума Божія! Яко не испытани судове Его, и не изслѣдовани путіе Его Кто бо разумъ умъ Господень: или кто совѣтникъ Ему бысть* (Рим 11, 33. 34)? Равнымъ образомъ различіе возрастовъ не измѣняетъ существа тѣлъ. Тѣла наши измѣняются ежедневно, и—то растутъ, то умаляются; неужели же, поэтому, будетъ изъ насъ столько людей, сколько ежедневныхъ перемѣнъ? Неужели я былъ однимъ, когда имѣлъ десять лѣтъ, другимъ, когда—сорокъ, и инымъ, когда вся голова моя стала сѣдою? Итакъ, сообразно съ преданіемъ церквей и апостоломъ Павломъ, слѣдуетъ отвѣчать, что мы имѣемъ воскреснуть *въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. 4, 13): въ такомъ возрастѣ, думаютъ іудеи, погребенъ Адамъ; въ такомъ возрастѣ, какъ читаемъ мы, воскресъ и Господь Спаситель; къ подтвержденію того же служить и многое другое, что приводилъ я изъ обоихъ завѣтовъ для пораженія еретика.

Съ тѣхъ поръ она стала до такой степени гнушаться этимъ человѣкомъ и всѣми, раздѣлявшими его ученіе, что

открыто провозглашала ихъ врагами Господа. Все это сказала я не съ цѣлю, краткимъ образомъ, опровергнуть ересь, для отвѣта на которую нужно много книгъ; но съ цѣлю показать вѣру женщины,—женщины такой, которая рѣшилась лучше подвергнуться всегдашней враждѣ людской, чѣмъ вредною дружбою оскорбить Бога

Итакъ продолжу начатое. Ничего не было воспримчивѣе къ ученію ея ума. Косная *глаголати*, она была скоро *услышати* (Іак. 1, 19), помня извѣстную заповѣдь: *слыши, Израиллю, и молчи* (Втор. 27, 9). Священныя Писанія она знала наизусть. Хотя она и любила исторію и называла ее основаніемъ истины, однако понимала ее болѣе въ духовномъ смыслѣ, и въ этомъ полагала верхъ своего образованія. Наконецъ она пригласила меня, чтобы, пользуясь моими разъясненіями, перечитать вмѣстѣ съ дочерью ветхій и новій завѣтъ. По скромности, я отказывался; но уступая настойчивости и постояннымъ ея просьбамъ, я долженъ былъ согласиться, имѣя въ виду и самому учиться тому же, чему хотѣлъ учить,—учиться не у себя, т. е. не изъ предзанятаго, что было бы самымъ худшимъ родомъ ученія, но у знаменитѣйшихъ отцовъ церкви. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ я колебался и откровенно сознавался въ своемъ невѣдѣніи, она ни коимъ образомъ не хотѣла оставлять меня въ покоѣ; но постоянными вопросами вынуждала указать между многими и различными мнѣніями такое, которое казалось мнѣ болѣе вѣроятнымъ. Скажу и нѣчто другое, что людямъ завистливымъ можетъ показаться невѣроятнымъ. Тотъ языкъ еврейскій, который я изучилъ, отчасти, съ юныхъ лѣтъ съ великимъ трудомъ и потомъ, и надъ которымъ, чтобы не забыть, неутомимо упражняется моя мысль, она рѣшилась изучать и изучила, — изучила такъ, что пѣла по-еврейски псалмы, и выговаривала безъ всякаго оттѣнка латинскаго выговора. Все это мы видимъ въ настоящее время и въ свя-

той дочери ея, Евстохіи (послѣдняя до такой степени всегда была привязана къ своей матери и до такой степени послушна была ея волѣ, что безъ нея никогда не ложилась, никогда не выходила, никогда не принимала пищи, чтобы не имѣть въ своемъ распоряженіи ни одной монеты; и радовалась, когда мать раздавала бѣднымъ отцовское и материнское состоянїице, и почтеніе къ родительницѣ считала самымъ большимъ наслѣдствомъ и богатствомъ). Не могу пройти молчаніемъ и того восторга, съ какимъ услышала она, что ея внука Павла, рожденная отъ Леты и Токсоціи и зачатая по обѣту посвятить ее въ будущемъ дѣвственной жизни,—въ пеленкахъ и съ погремушками, лепечущимъ языкомъ поетъ *аллилуїя*, и ломаню рѣчью полувывговариваетъ имена бабки и тетки. Одного желала она, вспоминая о родинѣ: услышитъ ли она, наконецъ, что ея сынъ, невестка, внука отреклись отъ міра и служатъ Христу? Желанія ея исполнились отчасти. Ибо внука ея приготавливалась стать невестою Христовою; а невестка вѣрою и милостынями подражала дѣламъ свекрови, и старалась въ Римѣ вести такую же жизнь, какою послѣдняя вела въ Іерусалимѣ.

Но что съ тобою, душа? Отчего ты страшишься перейти къ ея смерти? Книга становится уже довольно растянутою, а мы еще боимся подвинуться къ концу, какъ будто, если бы мы молчали о немъ и распространились въ похвалахъ ей, смерть могла быть отсрочена! До сихъ поръ мы плыли подъ счастливыми вѣтрами, и корабль быстро бороздилъ кудрявыя равнины моря. Теперь рѣчь набѣжала на скалы, вздымаются горы волнъ и неизбежное кораблекрушеніе грозитъ намъ со всѣхъ сторонъ такъ, что мы принуждены воззвать: *Учителю, списи ны, яко погибаемъ* (Мат. 8, 25 и Марк. 4, 39); *и востани, вскую списи, Господи* (Пс. 43, 24)? Ибо кто можетъ безъ слезъ рассказывать о смерти Павлы? Она впадала въ такую жесточайшую болѣзнь,

что достигла наконецъ, чего желала; а желала оставить насъ и соединиться тѣснѣе съ Господомъ. Во время этой болѣзни, испытанная всегдашняя привязанность къ матери дочери Евстохіи еще болѣе подтвердилась въ глазахъ всѣхъ. Она сама сидѣла у постели, держала опахало, поддерживала голову, подкладывала подушечку, терла ноги, согрѣвала рукою желудокъ, охлаждала горячую воду, прикладывала салфетку, предупреждала услуги всѣхъ служанокъ, и что успѣвала сдѣлать другая, то считала потеряннымъ изъ слѣдующаго ей вознагражденія. Съ какими молитвами, съ какимъ плачемъ и стономъ перебѣгала она отъ ложа матери къ вертепу Господа, чтобы не лишиться ея сожителства, не жить въ ея отсутствіи, — чтобы быть вынесенною на тѣхъ же самыхъ носилкахъ! Но увы, брѣнное и тлѣнное естество человѣческое! Не превознеси его до неба вѣра Христова, не будь обѣтованія о вѣчности души, тѣлесныя условія наши были бы одинаковы со звѣрями и скотами. Тотъ же конецъ праведному и нечестивому, доброму и злему, чистому и нечистому, приносящему жертвы и не приносящему жертвъ. Въ этомъ отношеніи равны добрый и грѣшникъ, клянуційся и тотъ, кто боится клятвы. И люди и скоты одинаково обращаются въ дымъ и пепелъ.

Но зачѣмъ я слишкомъ медлю, и, стараясь развлечь скорбь свою, дѣлаю ее болѣе продолжительною? Мудрѣйшая изъ женщинъ почувствовала приближеніе смерти, и, когда оконечности тѣла и членовъ стали охлаждѣвать и только въ святой груди трепеталъ огонекъ жизни, она, будто переходя къ своимъ и оставляя чужихъ, шептала извѣстные стихи: *Господи, возлюбихъ благолюбіе дому твоего, и мѣсто селенія славы твоея* (Пс. 25, 8); и, *коль возлюбленна селенія твоя, Господи силъ. Желаетъ и скончается душа моя во дворы Господни* (Пс. 83, 2. 3); и еще: *изволихъ приметатися въ дому Бога моего паче, неже жити ми*

въ селеніяхъ грѣшничихъ (Тамже ст. 11). А когда я спросилъ, отчего она молчитъ, отчего не хочетъ отвѣчать на вопросы, не скорбитъ ли она о чемъ: она отвѣчала по-гречески, что нисколько не печалится, но на все смотритъ мирно и спокойно. Послѣ этого она умолкла, и, закрывъ глаза, какъ-бы уже мертвые, до самаго исхода души повторяла все тѣже стихи, такъ тихо, что, когда говорила, едва могли мы слышать; и, положивъ палецъ на уста, чертила на губахъ крестное знаменіе. Дыханіе прекращалось и она испускала послѣдніе вздохи; но душа, съ восторгомъ улетающая, обращала въ хвалу Господа самое хрипѣніе, которымъ оканчивается жизнь смертныхъ. При этомъ присутствовали епископы Іерусалима и другихъ городовъ, и безчисленное множество пресвитеровъ низшей степени и левитовъ. Весь монастырь наполнился ликами дѣвъ и монаховъ. Тотчасъ же, какъ услышала она зовъ Жениха: *востани, прииди, ближняя моя, добрая моя, голубице моя: яко се зима прейде и отыде, и дождь отыде* (Пѣсн. 2, 10. 11),—съ радостію отвѣчала: *цвѣти явившаяся на земли, время обрѣзанія пристъ* (Тамже ст. 12); и *впрюю видѣти благая Господня на земли живыхъ* (Пс. 26, 13).

Послѣ этого, вмѣсто вопля, вмѣсто рыданія, какъ это бываетъ у свѣтскихъ людей, загремѣли на разныхъ языкахъ псалмы. Ее несли на рукахъ своихъ епископы, склонивъ шею подъ носилки; другіе первосвященники несли впереди лампы и свѣчи, или заправляли хорами псаломѣвцевъ: она была поставлена по срединѣ церкви пещеры Спасителя. На погребеніе ея сошло множество народа изъ палестинскихъ городовъ. Ни одного изъ монаховъ, скрывающихся въ пустынѣ, не задержала его келья. Ни одной изъ дѣвъ не скрыла ея уединенная спаленка. Всякій считалъ святотатствомъ не отдать послѣдняго долга такой женщинѣ. Вдовицы и бѣдные показывали полученные отъ нея, какъ нѣкогда

отъ Серны, одежды (Дѣян. 9, 39). Неисчислимое множество пищихъ взывало, что потеряло въ лицѣ ея мать и кормилицу. И что удивительно, блѣдность нисколько не измѣнила ея наружнаго вида; но напротивъ лице ея было исполнено нѣкотораго достоинства и важности до такой степени, что она казалась не мертвою, а спящею. Псалмы пѣлись попеременно на греческомъ, латинскомъ и сирскомъ языкѣ; не только въ продолженіи трехъ дней, пока она не была похоронена подъ церковью, подлѣ пещеры Господней, но и цѣлую недѣлю всѣ приходившіе считали обязанностію почитать ее своими погребальными молитвами и своими слезами. Достопочтенная дѣва,—дочь ея Евстохія, какъ отнятая отъ груди малютка отъ своей матери, не могла оторваться отъ своей родительницы: она цѣловала ея глаза, припадала къ лицу, обнимала все тѣло, и хотѣла быть похороненною вмѣстѣ съ матерью.

Свидѣтельствуюсь Іисусомъ, что не оставила она дочери ни одной монеты, а оставила только, какъ уже сказалъ я прежде, большіе долги; и что еще труднѣе долговъ—оставила безчисленное множество братьевъ и сестеръ, которыхъ содержать было невозможно, а прогнать нечестиво. Что можетъ быть удивительнѣе такой добродѣтели, когда женщина, благороднѣйшей фамиліи и нѣкогда богатѣйшая, расточила все съ такою вѣрою, что дошла почти до крайней бѣдности? Правда, и другіе расточаютъ богатства, вкладуть въ корвану Божию скопленныя трудомъ деньги, приносятъ дары, висящіе на золотыхъ цѣпочкахъ. Но никто не далъ бѣднымъ больше той, которая не оставила себѣ ничего. Теперь она наслаждается тѣми богатствами и тѣми благами, *иже око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и на сердце чловѣку не въздоумаетъ* (1 Кор. 2, 9). Мы скорбимъ о собственной участи, и еслибы захотѣли оплакивать еще долѣе ту, которая теперь царствуетъ, скорѣе показались бы завидующими ея славѣ.

Будь покойна, Евстохія; огромное наследство твое только отсрочено. Часть твоя Господь. И тѣмъ болѣе радуйся, что мать твоя получила вѣнецъ послѣ долгаго мученичества. Ибо не одно пролитіе крови считается за исповѣдничество, но и непорочное служеніе благочестивой души есть ежедневное мученичество. Тотъ вѣнецъ плетется изъ розъ и фіалокъ, этотъ изъ лилій. Почему и пишется въ пѣсни пѣсней: *братъ мой бѣлъ и черменъ* (Пѣсн. 5, 10)—и во время мира, и во время войны побѣждающимъ даетъ одинаковыя награды. Твоя мать, говорю, услышала вмѣстѣ съ Авраамомъ: *изыди отъ земли твоея, и отъ рода твоего, и иди въ землю, юже ти покажу* (Быт. 12, 1), и повелѣніе Господне чрезъ Іеремію: *бѣжите изъ среды Вавилона, и спасите души ваши* (Іер. 48, 6),—и до дня своей смерти не возвратилась въ Халдею; не пожалѣла ни о котлахъ, ни о мясныхъ бульонахъ египетскихъ (Исх. 16, 3), но, сопутствуемая ликами дѣвъ, сдѣлалась гражданкою Спасителя, и, взшедши изъ маленькаго Виелеема въ небесныя царства, говоритъ истинной Ноеммини: *людіе твои, людіе мои, и Богъ твой, Богъ мой* (Руф. 1, 16).

Эту книгу я продиктовалъ тебѣ въ два ночныхъ при-сѣста, полный той же скорби, какую переносишь ты. Сколько ни принимался я чертить стилемъ, писать обѣщанное письмо,—каждый разъ окостенѣвали пальцы, отнималась рука, изнемогало чувство. Отсюда и эта необработанная рѣчь, доказывающая, что пишущій исполнялъ обѣщаніе, нисколько не заботясь объ изяществѣ и красотѣ выраженій.

Прощай, Павла, и помогай молитвами дряхлой старости твоего почитателя! Твоя вѣра и твои дѣла соединяютъ тебя со Христомъ; находясь предъ лицомъ Его, ты легче испросишь то, о чемъ помолишься. *Поставилъ я памятникъ прочимъ мѣди* ¹⁾, который не въ состояніи разрушить ни-

¹⁾ Герацкій од. ultim. lib. 3. carn,

какая давность. Вырѣзалъ я на гробѣ твоемъ надпись, которую и привожу въ концѣ этой книги, чтобы каждый читатель, до котораго дойдутъ наши строки, зналъ, что тебя благословляли, что ты похоронена въ Виѳлеемѣ.

Вотъ надпись на гробѣ:

*Рожденная Сиппиономъ, происшедшая отъ родителей
Павла,
Потомокъ Гракховъ, знаменитая отрасль Агамем-
нона
Лежитъ въ этомъ гробѣ. Предки звали ее Павлою.
Родительница Евстохи, знатнѣйшая изъ римскихъ
сенаторицъ,
Предпочла она нищету Христову и виѳлеемскую
деревню.*

На лицевой сторонѣ пещеры:

*Видишь ли тѣсный гробъ, въ обрывистой скаль?
Это—гостинница Павлы, царствующей въ небесахъ.
Оставивъ брата, родныхъ, Римъ и отчизну съ бо-
гатствомъ, потомствомъ,
Она похоронила себя въ вертепъ виѳлеемскомъ.
Здѣсь твои ясли, Христе, и здѣсь волхвы поднесли
Таинственные дары Тебѣ, человеку и Богу.*

Упокоилась святая и блаженная Павла въ седьмой день февральскихъ календъ, въ субботу, въ третьемъ часу по заходѣ солнца. Погребена въ пятый день тѣхъ же календъ, въ шестое консульство Гонорія Августа и Аристенета. Жила въ святомъ обѣтѣ въ Римѣ пять лѣтъ, въ Виѳлеемѣ двадцать лѣтъ. Всей жизни ея было пятьдесятъ шесть лѣтъ восемь мѣсяцевъ двадцать одинъ день.

89. Письмо къ Гипарію пресвитеру.

Получить отъ тебя въ первый разъ письмо и не отвѣчать, было бы признакомъ гордости, а отвѣчать—познакомъ безразсудства. Ибо ты спрашиваешь о такихъ предметахъ, о которыхъ и распространяться, и слушать—святотатство. Ты говоришь, что Вигиланцій, названный этимъ именемъ хат *ἀντίφρασις* ¹⁾ (ибо вѣрнѣе ему слѣдовало бы назваться Дормитанцій), снова раскрылъ смрадный ротъ и распространяетъ сѣверное зловоніе противъ останковъ святыхъ мучениковъ, а насъ, принимающихъ ихъ, называетъ пепельниками ²⁾ и идолопоклонниками, обожающими кости мертвыхъ. Несчастныи онъ человекъ и достойный слезъ во всѣхъ отношеніяхъ! Онъ не понимаетъ, что, говоря такъ, оказывается самаряниномъ и іудеемъ, которые, слѣдуя убивающей буквѣ, а не духу животворящему, считали тѣла мертвыхъ за нечистыя, и смотрѣли, какъ на оскверненныя, на всѣ сосуды, находившіеся въ одномъ съ умершимъ домѣ. Мы не обижаемъ, не говорю уже объ останкахъ мучениковъ, ни солнца и луны, ни ангеловъ, ни архангеловъ, ни херувимовъ, ни серафимовъ, ни *всякаго имене именуемаго не точію въ възъ семъ, но и во грядущемъ* (Еф. 1, 21),—не почитаемъ твари болѣе, чѣмъ Творца, благословеннаго во вѣки. Но мы воздаемъ честь останкамъ мучениковъ, чтобы этимъ самымъ почитать Того, чьи мученики. Мы воздаемъ честь рабамъ, чтобы эту честь распространить на Господа, который говоритъ: *уже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ* (Мат. 10, 40). Неужели, въ самомъ дѣлѣ, нечисты останки Петра и Павла?

¹⁾ По противоположенію, т. е., онъ названъ Вигиланцій—*бодрствующій*, вмѣсто Дормитанцій—*спящій*, какъ слѣдовало бы назвать.

²⁾ *Cinerarii*, отъ *cinis*—*пепель*, *зола* и *пудра*, которою убивали головы.

Неужели будетъ нечисто тѣло Моисея, которое, по еврейскому подлиннику, погребено самимъ Господомъ (Втор. 34, 6)? И всякій разъ, какъ входимъ мы въ базилики апостоловъ, пророковъ и всякаго рода мучениковъ, всякій разъ мы воздаемъ поклоненіе храмамъ идоловъ? А зажженные предъ гробами ихъ свѣчи—символы идолопоклонства? Скажу нѣчто болѣе: пусть только это обратится на голову виновника, и либо вылечить наконецъ сумазбродный мозгъ, либо уничтожить его совершенно, чтобы подобнымъ святотатствомъ не совращалъ души простыхъ людей... — Неужели и тѣло Господа, положенное во гробъ, было нечисто? И ангелы, облеченные въ свѣтлыя одежды, стояли на стражѣ у мертваго и нечистаго трупа, въ ожиданіи, что спустя нѣсколько вѣковъ начнетъ бредить и изрыгать гнуснѣйшія послѣдствія пьянства Домитанцій, и вмѣстѣ съ гонителемъ Юліаномъ станетъ или рузрушать, или обращать въ капища базилики святыхъ?

Удивляюсь, какъ святой епископъ, въ области котораго онъ состоитъ, говорятъ, пресвитеромъ, терпитъ его неистовство, а не сокрушить жезломъ апостольскимъ, жезломъ желѣзнымъ бесполезный сосудъ, и не *предастъ его во изможденеіе плоти, да духъ спасется* (1 Кор. 5, 5)! Пусть бы онъ вспомнилъ извѣстное изрѣченіе: *ище видѣлъ еси татя, тебѣ еси съ нимъ, и съ прелюбодѣемъ участіе твое полагаалъ еси* (Пс. 49, 18). И въ другомъ мѣстѣ: *воутрѣя избивахъ вся грѣшныя земли, еже потребити отъ града Господня вся дѣлающія беззаконіе* (Пс. 100, 8). И еще: *не ненавиждія ми Тя, Господи, возненавидѣхъ, и о врагъ твоихъ истаяхъ? Совершенною ненавистію возненавидѣхъ я* (Пс. 138, 21). Если останки мучениковъ не должны быть почитаемы, то какимъ же образомъ читаемъ мы: *честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его* (Пс. 115, 6)? Если кости мертвыхъ оскверняютъ прикасаю-

щихся къ нимъ, то какимъ образомъ мертвый Елисей воскресилъ мертваго, и тѣло, презираемое, по Вигилиянцию, какъ нечистое, дало жизнь (4 Цар. 13, 21)? Послѣ этого, были нечистыми и всѣ станы войска израильскаго и народа Божія, потому что евреи несли съ собою по пустынь тѣла Іосифа и патриарховъ, и донесли нечистый прахъ до святой земли? И самъ Іосифъ, прообразовавшій Господа Спасителя, былъ нечестивъ, потому что съ такою пышностію перенесъ въ Хевронъ кости отца, чтобы присоединить его къ дѣду и прадѣду и прибавить къ мертвымъ мертваго? Да, этотъ языкъ слѣдовало бы медикамъ урѣзать, да полечить и эту сумазбродную голову, чтобы неумѣющей говорить, научился наконецъ молчать! Нѣкогда я видѣлъ это чудовище, и хотѣлъ свидѣльствами Писаній, какъ-бы иппократовскими бандажами, связать бѣшенаго; но онъ уклонился, ускользнулъ, убѣжалъ, вырвался, и, вооружаясь противъ насъ, завопилъ между Адриатическимъ моремъ и Котійскими Альпами. Ибо что ни говоритъ мой доброжелатель, все то слѣдуетъ называть крикомъ и воплемъ.

Можетъ быть, въ глубинѣ души своей ты осуждаешь меня за то, что нападаю на отсутствующаго. Открою тебѣ недугъ свой. Я не могу слышать равнодушно подобнаго святотатства. Читалъ я о сулицѣ Финееса (Чис. 25), о суровости Іліи (3 Цар. 18), ревности Симона Хананея, строгости Петра, умерщвляющаго Ананію и Сапфиру (Дѣян. 5), твердости Павла, осудившаго на вѣчную слѣпоту волхва Елима, противившагося путямъ Господнимъ (Дѣян. 13). Любовь къ Богу не есть жестокость. Поэтому и въ законѣ говорится: если братъ твой, или другъ твой, или жена, яже на лонѣ твоемъ, захотятъ совратить тебя, да будетъ рука твоя на нихъ, да прольешь кровь ихъ и да измени злое отъ Израиля (Втор. 13 и 17). Повторю еще разъ: неужели останки мучениковъ нечисты? Зачѣмъ же допустили апостолы

погребети съ такую честію нечистое тѣло Стефана и творить надъ нимъ плачь велиій, чтобы этотъ плачь ихъ обратился къ нашу радость? Ты говоришь еще, что онъ гнушается бдѣній. И на этотъ разъ онъ опровергаетъ данное ему имя; Вигилияній хочетъ спать, и не слушаетъ словъ Спасителя: *такъ ли не возмогосте единого часа побдѣти со мною? Бдите и молитесь, да не увидите въ напасть. Духъ убо бодръ, плоть же немощна* (Мат. 26, 40. 41). И въ другомъ мѣстѣ воспѣваетъ пророкъ: *полунощи востахъ исповдаться Тебѣ о судьбахъ правды твоея* (Пс. 118, 62). Въ Евангеліи мы читаемъ, что и Господь проводилъ ночи безъ сна (Мат. 14, 23 и слѣд.); и апостолы, заключенные въ темницѣ, проводили всю ночь въ бдѣніи, такъ что вслѣдствіе псалмопѣнія ихъ, потряслась земля, увѣривалъ стражъ темничный, ужаснулись правители и граждане города (Дѣян. 16). Павелъ говоритъ: *въ молитвъ терпите, бодрствующе въ ней* (Колос. 4, 2); и въ другомъ мѣстѣ: *во бдѣніихъ множицею* (2 Кор. 11, 27). Итакъ пусть спитъ Вигилияній, и ждетъ во снѣ погибели вмѣстѣ съ египтянами отъ руки погубляющаго Египеть (Исх. 12). Мы же будемъ говорить съ Давидомъ: *се не воздремлетъ, ниже уснетъ храняй Израиля* (Пс. 120, 4); да снидетъ къ намъ Святыи и аіг, что переводится—*бодрый* (Дан. 4, 10). И если когда нибудь, по грѣхамъ нашимъ, уснетъ, скажемъ Ему: *востани, вскую спиши, Господи* (Пс. 43, 24)? и разбудимъ Его; и когда волны станутъ носить ладью нашу, возопіемъ: *Учителю, спаси ны, погибаемъ* (Мат. 8, 25 и Марк. 4, 39).

Дигтоваль бы я еще больше, если бы ограниченные предѣлы письма не обязывали къ умѣренности въ рѣчи, и если бы ты потрудился прислать намъ самыя выдержки изъ его книгъ, чтобы мы могли знать, на что должны отвѣчать. А теперь мы били воздухъ, и не столько заявили о его невѣ-

ри, ясномъ для всѣхъ, сколько о собственной нашей вѣрѣ. Впрочемъ, если захочешь, чтобы мы написали противъ него книгу пообширнѣе, пошли къ намъ его сказки и нечѣлости; тогда онъ услышитъ проповѣдь Іоанна Крестителя: *уже и секира при корени древа лежитъ. Всяко убо древо, еже не творитъ плоди добра, постыжаемо бываеиъ, и во огнь вметаемо* (Мат. 3, 10).

90. Письмо къ Августину.

Господину истинно святому и блаженнѣйшему папѣ Августину Іеронимъ желаетъ о Христѣ здравія.

Черезъ діакона Кипріана получилъ я разомъ три посланія или лучше три краткихъ книжки твоего достоинства, содержащія различныя — какъ ты называешь — вопросы и какъ я понимаю — опроверженія моихъ сочиненій. Въ отвѣтъ на нихъ нужно было бы писать книгу, но я по возможности постараюсь не выходить изъ предѣловъ довольно длиннаго письма и не задерживать брата, который спѣшитъ. Онъ спросилъ у меня писемъ за три дня до своего отправления, такъ что я вынужденъ былъ наскоро набросать эти мысли, каковы бы онѣ ни были, и отвѣчать второпяхъ не съ обдуманностію человѣка сочиняющаго, но съ поспѣшностію диктующаго, что большею частію служить не въ пользу, а къ ущербу письма, подобно тому какъ нападеніе врасплохъ приводитъ въ замѣшательство и самыхъ храбрыхъ воиновъ и они обращаются въ бѣгство прежде чѣмъ успѣютъ взяться за оружіе.

Впрочемъ, оружіе наше — Христосъ; апостоль Павелъ въ посланіи къ Ефесеямъ учитъ: «примите всеоружіе Божіе, дабы вы могли противустать въ день злый» (Еф. 6, 13), и еще: «станьте, препоясавъ чресла ваши истиною, и облечись въ броню праведности, и обувъ ноги въ готовность благовѣствовать миръ. А паче всего возьмите щитъ вѣры,

которымъ возможете угасить всѣ распаленныя стрѣлы лукаваго; и шлемъ спасенія воспріимите и мечъ духовный, который есть слово Божіе» (тамъ же ст. 14—17). Симъ-то облекшись оружіемъ, царь Давидъ выходилъ нѣкогда на единоборство, и, взявъ изъ потока пять гладкихъ камней, испивъ отъ потока на пути ¹⁾, показывалъ, что въ его расположеніяхъ нѣтъ ничего грубаго и нечистаго изъ тревоженій міра сего, и посему вознесъ главу и прегордаго Голіафа умертвилъ болѣе своихъ собственнымъ мечемъ, поразивъ богохульника въ лобъ, нанеши ударъ въ ту часть тѣла, въ которую пораженъ былъ проказою и незаконно восхитившій священство Озія (2 Парал. 26), тогда какъ святой хвалится о Господѣ говоря: *знаменася на насъ свѣтъ лица твоего, Господи* (Пс. 4, 7). Поэтому и я скажу: *готово сердце мое, Боже, готово сердце мое: воспую и пою во славу моей. Востани псалтирю и гусли: востану рано* (Пс. 56, 8. 9; 107, 1), чтобы и на мнѣ могло исполниться сказанное: *расшири уста твоя, и исполню я* (Пс. 80, 11) и: *Господь дастъ глаголъ блиговѣствующимъ силою многою* (Пс. 67, 12). Не сомнѣваюсь, что и ты желаешь того же самаго, чтобы въ нашемъ спорѣ восторжествовала истина; ибо ты ищешь не своей славы, а Христовой. И если ты побѣдишь, то восторжествую и я, потому что сознаю свое заблужденіе; и наоборотъ при моей побѣдѣ побѣждаешь ты, потому что не дѣти для родителей, а родители для дѣтей собираютъ имѣнія. И въ книгѣ Паралипоменонъ читаемъ, что сыны Израилевы выступили на сраженіе съ *расположеніемъ мирныхъ*, и среди оружія кровопролитія и труповъ убитыхъ помышляя не о своей побѣдѣ, но о побѣдѣ мира. Итакъ буду отвѣчать на всѣ пункты и на многосложные вопросы, если

¹⁾ Примѣненіе къ словамъ 109 псалма: *отъ потока на пути піить: се о ради вознесетъ главу.*

Христось благоизволить, буду давать краткія рѣшенія. Опускаю благожелательныя привѣтствія, которыми ты гладилъ мою голову, умалчиваю о любезностяхъ, которыми стараешься утѣшить меня при порицаніи; перейду къ самымъ обвиненіямъ.

Ты говоришь, что отъ нѣкаго брата получилъ ты книгу мою, не имѣвшую заглавія, въ которой я перечислялъ какъ греческихъ, такъ и латинскихъ церковныхъ писателей, и что, когда ты спросилъ у него—говоря твоими словами—*почему заглавная страница не надписана, или: какъ называется эта книга*, то онъ отвѣчалъ, что она называется Эпитафія; противъ этого ты доказываешь, что она правильно могла бы носить такое названіе, если бы ты видѣлъ въ ней біографіи или сочиненія только тѣхъ писателей, которые уже умерли; но такъ какъ въ ней упоминаются произведенія многихъ, кои были живы и во время составленія книги и живы и теперь, то ты удивляешься, почему я далъ ей такое заглавіе. Полагаю, что мудрость твоя понимаетъ, что изъ самаго сочиненія ты могъ бы узнать его заглавіе. Ты знаешь, что и греки и латиняне, писавшіе біографіи знаменитыхъ людей, никогда не давали подобнымъ сочиненіямъ заглавія *эпитафія*, но озаглавливали ихъ: о знаменитыхъ людяхъ, напр. полководцахъ, философахъ, ораторахъ, историкахъ, поэтахъ, эпикахъ, трагикахъ, комикахъ; а эпитафією надписываются сочиненія о людяхъ умершихъ, какъ и я когда-то сдѣлалъ по успеніи блаженной памяти пресвитера Непоціана. Итакъ эта книга должна называться: *о знаменитыхъ мужахъ* или собственно *о церковныхъ писателяхъ*, хотя многими неискусными исправителями она выдается подъ заглавіемъ: *о авторахъ*.

Въ другомъ мѣстѣ ты спрашиваешь, почему въ толкованіи на посланіе къ Галатамъ я сказалъ, что Павелъ не могъ порицать въ Петрѣ того, что онъ самъ дѣлалъ и обвинять другаго въ притворствѣ, въ которомъ самъ былъ ви-

новень,—и говоришь, что порицаніе апостольское было не расчитанное, а истинное, и что я не долженъ проповѣдывать лжи, но что все написанное должно имѣть тотъ смыслъ, какъ написано.—На это прежде всего отвѣчу, что твоя мудрость должна была помнить краткое предисловіе къ моимъ толкованіямъ, которое отъ моего лица говорить: «итакъ, чтоже, я глупъ или неразумѣнь, что обѣщаю то, чего не могъ сдѣлать онъ? Пимало, а скорѣе неразумѣнь въ томъ, какъ мнѣ кажется, что, чувствуя слабость своихъ силъ, будучи слишкомъ остороженъ и боязливъ, я слѣдовалъ комментаріямъ Оригена. Этотъ мужъ собственно на посланіе Павла къ Галатамъ написалъ пять книгъ, краткимъ объясненіемъ этого посланія дополнилъ десятую книгу своихъ Строматъ и кромѣ того составилъ различные трактаты и извлечения, которыхъ однихъ было бы достаточно. Не говорю о прозорливцѣ моемъ Дидимѣ, Лаодикіянинѣ, недавно вышедшемъ изъ церкви, давнемъ еретикѣ Александрѣ, Евсевіѣ Емизенскомъ и Θεодорѣ Гераклеяскомъ, которые также оставили нѣкоторые небольшіе комментаріи объ этомъ предметѣ. Если бы я даже немногое извлекъ изъ нихъ, то составилось бы нѣчто не совсѣмъ достойное пренебреженія. Итакъ,—искренно сознаю, — я прочиталъ все это, и очень многое собравши въ умѣ своемъ, позвавши писца, диктовалъ ему то свое, то чужое, не помня ни порядка, ни словъ, а иногда даже мыслей. Отъ моего неискусства да не погибнетъ, по милости Господа, доброе слово другихъ и да не будетъ въ презрѣніи у виѣшнихъ то, что хорошо для своихъ».—Поэтому, если въ моемъ объясненіи ты нашелъ что-нибудь достойнымъ порицанія, то при своей учености ты долженъ былъ спросить: есть ли у греческихъ толкователей то, что я написалъ, чтобы только въ томъ случаѣ, если бы они не писали этого, осуждать собственно мое мнѣніе,—тѣмъ болѣе, когда я въ предисловіи откровенно сознался, что я слѣдо-

валь комментаріямъ Оригена и диктовать то свое, то чужое, и въ концѣ того отдѣленія, которое ты опровергаешь, писалъ: «если кто не хочетъ принять объясненія, по которому оказывается, что ни Петръ не согрѣшилъ, ни Павелъ не смѣло обличилъ старѣйшаго апостола, тотъ долженъ объяснить: какимъ образомъ Павелъ въ другомъ порицаетъ то, что допустилъ самъ». Этимъ я показаль, что я не защищаю безусловно того, что читаль у греческихъ толкователей, а только излагаю, что читаль, предоставляя произволу читателя соглашаться съ этимъ или не соглашаться.

Ты, чтобы не сдѣлать того, о чемъ я просилъ, нашель новое рѣшеніе вопроса, доказывая, что язычники, увѣровавшіе во Христа, свободны отъ ига закона, а увѣровавшіе изъ іудеевъ подчинены закону, такъ что по личному отношенію тѣхъ и другихъ и Павелъ, какъ учитель языковъ, справедливо упрекаль соблюдавшихъ законъ, и Петръ получилъ справедливый упрекъ за то, что онъ, глава обрѣзанныхъ, внушалъ язычникамъ то, что должны были соблюдать одни происходившіе отъ іудеевъ. Эту мысль—что вѣрующіе изъ іудеевъ обязаны исполнять законъ—если тебѣ она правится, или даже потому, что она тебѣ правится, ты, какъ извѣстнѣйшій во всемъ мірѣ епископъ, можешь распространять и привлекать всѣхъ епископовъ къ единомыслию съ собою; а я въ маленькой келліи гдѣ съ монахами, т. е. согрѣшниками своими не осмѣливаюсь постановлять рѣшенія о предметахъ высокихъ, а могу только развѣ откровенно сознаться, что я читаю писанія бывшихъ прежде меня и въ комментаріяхъ, по обычаю всѣхъ излагаю различныя толкованія, чтобы каждый изъ многихъ объясненій слѣдовалъ, чему хочетъ. Думаю, что и ты читаль и одобряль подобное и въ свѣтской литературѣ, и въ книгахъ духовныхъ.

А это толкованіе, которому слѣдовалъ прежде всего Оригенъ въ десятой книгѣ Строматъ, гдѣ онъ объясняетъ

послание Павла къ Галатамъ а затѣмъ и прочіе толкователи—приводятъ преимущественно съ тою цѣлію, чтобы опровергнуть богохульника Порфирія, который обличаетъ Павла въ дерзости, что тотъ главу апостоловъ—Петра осмѣлился упрекать и порицать въ глаза и утверждать, что онъ попустилъ дурно, то есть заблуждался, тогда какъ въ этомъ заблужденіи былъ самъ обличавшій проступокъ другаго. Что сказать объ Іоаннѣ, управлявшемъ нѣкогда въ санѣ первосвященническомъ константинопольскою церковію, который собственно на эту главу написалъ очень большую книгу, въ которой слѣдовалъ мнѣнію Оригена и древнихъ? Итакъ, если ты меня обличаешь въ заблужденіи, то прошу обратить вниманіе на то, что я заблуждаюсь съ столь великими мужами; и увидѣвши, что я имѣю многихъ сторонниковъ своего заблужденія, ты долженъ будешь представить хоть одного единомысленника своей истины.—Это объ изъясненіи одной главы изъ посланія къ Галатамъ.

Но чтобы не показалось, что я противъ твоего доказательства опираюсь только на множество свидѣтелей и за знаменитыми мужами увертываюсь отъ истины и не смѣю состязаться съ тобою,—я предлагаю въ короткіе доказательства изъ Писанія. Въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ говорится: былъ голосъ къ Петру, говорящій: *воставъ, Петре, заколи и яждь* (Дѣян 10, 13), т. е. всѣхъ животныхъ изъ четвероногихъ и гадъ земли и птицъ небесныхъ. Этими словами показывается, что ни одинъ человекъ нечистъ по природѣ, но что всѣ равно призываются къ благодати Христовой. На это Петръ отвѣчалъ: *никакоже, Господи: яко николиже ядохъ всяко скверно или нечисто. И се гласъ паки къ нему вторицею: яже Богъ очистилъ есть, ты не скверни*. Петръ пошелъ въ Кесарію и, вошедши къ Корнилію, *отверзъ уста, своя, рече: поистинѣ разумѣваю, яко не на лица зритъ Богъ, но во всякомъ языкѣ бояйся Его и дѣлаий правду*

приятенъ Ему есть Наконецъ—нападе Духъ Святой на вся слышащія слово. И ужасошася иже отъ обрѣзанія вѣрніи, елицы приидоша съ Петромъ, яко и на языки даръ Святаго Духа изляся. Тогда отвѣща Петръ: еда воду возбранити можетъ кто, еже не креститися симъ, иже Духъ Святой пріяша якоже и мы; повелъ же имъ креститися во имя Исусъ Христово. Слышаша же апостоли и братія сущи во Иудеи, яко и языцы пріяша слово Божіе. И егда възиде Петръ во Иерусалимъ, препирахуся съ нимъ иже отъ обрѣзанія, глаголюще: яко къ мужемъ обрѣзанія не илущимъ вше.ъ еси и ялъ еси съ ними (Дѣян. 10, 44—48; 11, 1—3). Изложивъ имъ все обстоятельство дѣла, Петръ наконецъ заключаетъ свою рѣчь такими словами: аще убо равенъ даръ даде имъ Богъ, якоже и намъ вѣровавшимъ въ Господа нашего Исуса Христа, азъ же кто бѣхъ могій возбранити Бога? Слышавше же сія умолкоша и славяху Бога, глаголюще: убо и языкомъ Богъ покаяніе даде въ животъ (ст. 17—18). Также, когда спустя долгое время Павелъ и Варнава пришли въ Антиохію и, собравъ церковь, повѣдали, елика сотвори Богъ съ ними и яко отверзе языкомъ дверь вѣры (Дѣян. 14, 27. 28), то нѣцыи, сшедше отъ Иудеи, учашу братію, яко аще не обрѣжетесь по обычаю Моисеову, не можете спастися. Бывшей же распри и стлзанію немалу Павлу и Варнаву къ нимъ, учиниша взыти и обвиняемымъ и обвинявшимъ ко апостоламъ и старцемъ во Иерусалимъ о вопрошеніи семъ. И когда пришли въ Иерусалимъ восташи нѣцыи отъ ереси фарисейскія вѣровавши во Христа, глаголюще: яко подобаетъ обрѣзати ихъ, заветъ же блюсти законъ Моисеовъ. Многу же взысканію бывшу объ этомъ вопросѣ, Петръ съ обычною свободою рѣчи сказалъ: мужіе, братіе, вы вѣстє, яко отъ днѣй первыхъ Богъ въ насъ избри усты моими услышати языкомъ слово благовѣстія и вѣровати.

И сердцевъдець Богъ свидѣтельствова имъ, давъ имъ Духа Святаго, якоже и намъ, и ничтоже расуди между нами же и онѣми, очисти сердца ихъ. Нынѣ убо что искушаете Бога, хотяще возложити нго на выи ученикомъ, егоже ни отцы наши, ни мы возмогохомъ понести; но благодатию Господа Иисуса Христа вѣруемъ спаситися, якоже и они. Умолча же все множество и къ мнѣнію его (Петра) перешли апостоль Іаковъ и съ нимъ все пресвитеры (гл. 15).

Это не должно казаться скучнымъ читателю, но полезно и мнѣ и ему, для доказательства того, что апостоль Павелъ уже прежде зналъ, что Петръ былъ главою того мнѣнія, что законъ послѣ Евангелія соблюдать не должно. Наконецъ Петръ имѣлъ такой авторитетъ, что Павелъ въ посланіи своемъ писалъ: *потомъ по триехъ лѣтъхъ въздохъ во Іерусалимъ соглядати Петра, и пребыхъ у него дній пятнадцатъ* (Гал. 1, 18). И ниже еще говоритъ: *по четырнадцати лѣтъхъ наки въздохъ во Іерусалимъ съ Варнавою, поемъ съ собою и Тита Въздохъ же по откровенію, и предложихъ имъ благовѣствованіе, еже проповѣдую во языцехъ* (Гал. 2, 1), показывая, что безъ одобрительнаго отзыва Петра и другихъ апостоловъ, бывшихъ съ нимъ, онъ не имѣлъ увѣренности въ своей проповѣди Евангелія. И затѣмъ тотчасъ слѣдуетъ: *и предложилъ особо знаменитѣйшимъ, не напрасно ли я подвизалось, или подвизался. Для чего особо, наединѣ, а не публично? Можетъ быть для того, чтобы для вѣрующихъ изъ числа іудеевъ, которые думали, что вѣруя во Христа Спасителя должно соблюдать и законъ, не произошло отъ этого соблазна для вѣры. Поэтому и въ то время, когда Петръ пришелъ въ Антиохію (хотя въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ объ этомъ не говорится, но должно вѣрить свидѣтельству Павла), то Павелъ—какъ пишетъ онъ—лично противусталъ ему, потому*

что онъ подвергался нареканію: ибо до прибытія нѣкоторыхъ отъ Іакова, ѿлъ вмѣстѣ со язычниками, а когда тѣ пришли, сталъ таиться и устраниваться, опасаясь обрѣзанныхъ. Вмѣстѣ съ нимъ лицемѣрили и прочіе іудеи, такъ что даже Варнава былъ увлеченъ ихъ лицемѣріемъ. *Но егда видѣхъ, говоритъ онъ, яко не право ходятъ во истинѣ благовоствованія, рекохъ Петру предъ всеми: еще ты іудей сый. язычески, а не іудейски живещи, почто языки нуднии іудейски жителствовати?* И такъ несомнѣнно, что апостоль Петръ первый высказалъ то убѣжденіе, въ измѣнѣ которому онъ теперь обвиняется. А причина измѣны—боязнь іудеевъ, потому что Писаніе говоритъ, что сначала онъ ѿлъ вмѣстѣ съ язычниками, а когда пришли нѣкоторые отъ Іакова, таился и устранился, боясь обрѣзанныхъ. А боялся іудеевъ потому, что былъ ихъ апостоломъ, опасался, чтобы они изъ-за язычниковъ не отступили отъ вѣры Христовой и чтобы ему, подражателю Пастыря добраго, не потерять ввѣреннаго ему стада.

И такъ я показалъ, что Петръ, хотя право мыслилъ объ отмѣненіи закона Моусеева, но по страху былъ вынужденъ къ лицемѣрному соблюденію его; посмотримъ же, не дѣлалъ ли чего-нибудь подобнаго самъ Павелъ, обличавшій другаго. Въ той же книгѣ читаемъ: *проходяше Павелъ Сирію и Киликію, утверждая церкви* (Дѣян. 15, 41). *Приде же въ Дервію и Листру: и се ученикъ нѣкій бѣ ту, именемъ Тимовей, сынъ жены нѣкія іудеяныи вѣрны, отца же еллина: иже свидѣтельствованъ бѣ отъ сущихъ въ Листръ и Иконіи братій. Сего восхотѣ Павелъ съ собою изыти и приеъмъ обрѣза его, іудей ради сущихъ на мѣстѣхъ оныхъ: вѣдаху бо вси отца его, яко еллинъ бѣше* (Дѣян. 16, 1—3). О блаженный апостоле Павле,—ты, который обличилъ Петра въ лицемѣріи за то, что онъ устранился отъ язычниковъ страха ради іудеевъ, пришедшихъ

отъ Іакова:—почему ты вопреки своему убѣжденію принудилъ обрѣзаться Тимоѳея—сына язычника и бывшаго язычникомъ, такъ какъ онъ, не будучи обрѣзанъ, не былъ іудеемъ? Ты отвѣтишь мнѣ, что изъ-за іудеевъ, которые были въ тѣхъ мѣстахъ. Извиняя такимъ образомъ себя въ обрѣзаніи ученика, пришедшаго изъ язычниковъ, извини и предшественника своего Петра, что онъ что-нибудь сдѣлалъ изъ-за страха увѣровавшихъ іудеевъ. Опять написано: *Павелъ, еще пребывая дни доволны и цѣловалъ братію, отплы въ Сирію и съ нимъ Акила и Прикилла: остригъ главу въ Кеохреяхъ: обрѣся бо бѣ* (Дѣян. 18, 18). Пусть тамъ изъ-за страха іудеевъ онъ былъ принужденъ сдѣлать противное своему желанію: но зачѣмъ онъ по обѣту отростилъ волосы и потомъ въ Кеохреяхъ остригъ ихъ, что обыкновенно дѣлали назореи, посвящавшіе себя Богу—по закону Моисееву (Числ. 6, 18)?

Но это незначительно въ сравненіи съ слѣдующимъ. Лука, писатель священной исторіи, повѣствуетъ: «когда мы пришли въ Іерусалимъ, любезно приняли насъ братія, и на слѣдующій день Іаковъ и всѣ старцы, бывшіе съ нимъ, одобливъ его благовѣстіе, сказали ему ¹⁾: *видиши ли, брате, какъ много тамъ есть іудей въровавшихъ; и вси ревнители закону суть. Увѣстившася же о тебѣ, яко отступленію учиши отъ закона Моисеова живущыя во языцехъ вся іудей, глаголя не обрѣзовати имъ чадъ своихъ, ниже во обычаехъ отеческихъ ходити. Что убо есть? всяко подобаетъ народу снитися: услышатъ бо, яко пришелъ еси. Сие убо сотвори, еже ти глаголемъ: суть у насъ мужіе четири обѣщавше себе Богу. Сія поумь, очистися съ ними и иждиви на нихъ, да острижутъ си главы, и разумютъ вси, яко возвыщенная имъ о тебѣ ничтоже суть,*

¹⁾ Такъ читаетъ Іеронимъ; въ славянскомъ нѣсколько иначе.

но пребываеши и самъ законъ зряя. Тогда Павелъ, по-
емъ мужы оны. наутрѣ съ ними очистися, вниде во свя-
тылице, възвѣщая исполненіе дней очищенія, доидеже
принесено бысть за единого коегождо изъ приношеніе
(Дѣян. 21, 17—26). Относительно этого опять спрашиваю
тебя, Павелъ: зачѣмъ ты позволилъ убѣдить себя остричься,
зачѣмъ совершилъ очищенія по обрядамъ іудеевъ, зачѣмъ
принесъ жертвоприношенія и за тебя закланы были жертвы
по закону? Конечно ты скажешь: для того, чтобы не со-
блазнялись увѣровавшіе изъ іудеевъ. Итакъ ты лицемѣрно
выдавалъ себя за іудея, чтобы приобрести іудеевъ, и этому
самому лицемѣрью научили тебя Іаковъ и прочіе пресвитеры.
Однако ты не могъ укрыться, потому что, при возмущеніи,
когда тебя хотѣли убить, ты былъ взятъ тысященачальни-
комъ и имъ посланъ былъ въ Кесарію подъ бдительною во-
енною стражею (Дѣян. 23, 23), чтобы тебя не убили іудеи,
какъ лицемѣра и нарушителя закона; и оттуда, прибывши
въ Римъ, въ гостинницѣ, которую ты нанялъ себѣ, ты про-
повѣдывалъ Христа и іудеямъ и язычникамъ и мнѣніе твое
утверждено мечемъ Нерона.

Я доказалъ, что изъ-за боязни іудеевъ и Петръ и Па-
велъ равно притворно показывали, что они соблюдаютъ за-
повѣди закона. Съ какою же совѣстію, съ какою дерзостію
Павелъ сталъ бы упрекать въ другомъ то, что дѣлалъ самъ?
Я и даже другіе раньше меня изложили причину, которую
они признавали, защищая не официальную ложь, какъ ты
пишешь, но показывая честную предусмотрительность—чтобы
показать и мудрость апостоловъ и обуздать безстыдство бо-
гохульника Порфирія, который говоритъ, что Павелъ и Петръ
вступили между собою въ ребяческую ссору и что Павелъ
даже возненавидѣлъ доблести Петра и съ тщеславіемъ опи-
сывая то, чего или онъ вовсе не дѣлалъ, или если и сдѣлалъ,
то сдѣлалъ нагло, упрекая другаго за то, что допускалъ

самъ. Они истолковали, какъ могли: какъ же будешь ты толковать это мѣсто? Конечно, отвергая мнѣніе древнихъ, ты скажешь что-нибудь лучшее.

Ты пишешь ко мнѣ въ своемъ письмѣ: «мнѣ не учить тебя, какъ нужно понимать сказанное тѣмъ же апостоломъ: *быхъ иудеємъ яко иудей, да иудеи приобряшю* (1 Кор. 9, 20) и прочее,—что говорится тамъ въ смыслѣ сострадательнаго милосердія, а не въ смыслѣ лживаго притворства. Ибо ухаживающій за больнымъ бываетъ какъ больной не въ томъ случаѣ, если онъ представляется страдающимъ лихорадкою, а въ томъ, если въ чувствѣ состраданія онъ думаетъ, какихъ бы услугъ онъ хотѣлъ самъ, если бы самъ былъ боленъ. Конечно, Павелъ былъ иудей; сдѣлавшись же христианиномъ, не оставилъ иудейскихъ обрядовъ, какіе этотъ народъ совершалъ по закону и въ законное время, въ какое слѣдовало; и поэтому, и сдѣлавшись уже апостоломъ Христа, сталъ проповѣдывать соблюденіе этихъ обрядовъ, такъ что училъ, что они не вредятъ тѣмъ, кои хотятъ сохранять оныя такъ, какъ приняли отъ отцевъ по закону—не вредятъ даже и по обращеніи ихъ ко Христу, хотя они не должны уже въ этихъ обрядахъ утверждать надежду спасенія, ибо чрезъ Господа Иисуса пришло само то спасеніе, которое обозначалось этими обрядами». Смыслъ всей твоей рѣчи, которую ты растянулъ въ слишкомъ длинномъ словопреніи,—такой: Петръ не заблуждался въ томъ, что признавалъ необходимость соблюденія закона увѣровавшими изъ иудеевъ, но уклонился отъ прямого пути въ томъ, что принуждалъ язычниковъ иудействовать, а принуждалъ не по власти учителя, а по примѣру сообщенія съ иудеями. И Павелъ въ своихъ словахъ не высказалъ противорѣчія тому, что онъ самъ дѣлалъ, а упрекалъ Петра за то, что онъ побуждалъ иудействовать тѣхъ, кои были изъ язычниковъ.

Такимъ образомъ сущность вопроса или мнѣнія твоего

въ томъ, что послѣ Евангелія Христова вѣрующіе іудеи хорошо дѣлаютъ, если исполняютъ предписанія закона, т. е. если приносятъ жертвы, какія принесъ Павелъ, если обрѣзываютъ сыновей, если соблюдаютъ субботу, какъ соблюдалъ Павелъ въ лицѣ Тимоѳея и всѣ іудеи. Если это такъ, то мы впадаемъ въ ересь Керинеа и Евіона, которые за то только были анаѳематствованы отцами, что, вѣруя во Христа, примѣшивали къ Евангелію Христову обряды закона и такъ исповѣдывали новое, что не оставляли древняго. Что сказать объ евіонитахъ, которые притворно выдаютъ себя за христіанъ? До сего дня во всѣхъ синагогахъ востока между іудеями есть ересь, которая называется ересью Минеевъ ¹⁾, и которая фарисеями осуждается даже теперь. Въ простонародіѣ ихъ называютъ назореями; они вѣруютъ во Христа Сына Божія, рожденнаго отъ Дѣвы Маріи, и говорятъ, что Онъ тотъ, который пострадалъ при Понтіѣ Пилатѣ и воскресъ, — въ котораго и мы вѣруемъ; но, желая быть и іудеями и христіанами, они—ни іудеи, ни христіане. Итакъ, если ты считаешь нужнымъ врачевать нашу маленькую рану, то я прошу тебя уврачевать рану этого мнѣнія, рану просверленную, проколотую острымъ оружіемъ, нанесенную копьемъ и, такъ сказать, тяжестію фаларики ²⁾; ибо представлять при изъясненіи писаній различныя мнѣнія предковъ и снова вводить въ церковь нечестивѣйшую ересь—преступленія неодинаковыя. А если намъ настоятъ необходимость принять іудеевъ съ ихъ законными обрядами и имъ дозволено будетъ въ церкви Христовой соблюдать то, что они

¹⁾ *Миней* значитъ еретикъ. Это извѣстіе Іеропима подтверждается и еврейскими свидѣтельствами, изъ которыхъ видно, что во времена Гамалила старшаго эта ересь такъ усилилась, что была даже особая формула проклятія этихъ еретиковъ.

²⁾ Фаларика—копье самой большой величины.

исполняли въ синагогахъ сатаны: то—я скажу что думаю— не они сдѣлаются христіанами, а насъ сдѣлають іудеями.

Кто изъ христіанъ можетъ благосклонно выслушать содержащееся въ твоёмъ письмѣ: *«Павелъ былъ іудей, а сдѣлавшись христіаниномъ, не оставилъ іудейскихъ обрядовъ, какіе этотъ народъ совершалъ по закону и въ законное время, въ какое слѣдовало; и поэтому и сдѣлавшись уже апостоломъ Христа сталъ проповѣдывать исполненіе этихъ обрядовъ и училъ, что они не вредны тѣмъ, кои хотятъ сохранять оныя такъ, какъ приняли отъ отцевъ по закону»*. Опять, умоляю тебя, выслушай скорбь мою съ свойственнымъ тебѣ миролюбіемъ: Павелъ соблюдалъ іудейскіе обряды, уже бывъ апостоломъ Христа, и ты говоришь, что они не вредны тѣмъ, кои хотѣли соблюдать ихъ такъ, какъ они приняли отъ отцевъ. Я, напротивъ, буду говорить и во всеуслышаніе буду провозглашать, хотя бы противъ меня былъ весь міръ,—что обряды іудейскіе для христіанъ и вредны и смертоносны и что всякій, соблюдающій ихъ изъ іудеевъ ли или изъ язычниковъ, низверженъ въ бездну діавола. *Кончина бо закона Христосъ въ правду всякому вѣрующему* (Рим. 10, 4), т. е. іудею и язычнику, ибо законъ не будетъ концемъ къ праведности всякому вѣрующему, если іудей исключается. Въ Евангеліи читаемъ: *«законъ и пророки до Іоанна Крестителя»* (Матѳ. 11, 12) и въ другомъ мѣстѣ: *и сего ради наче искаху Его іудее убити, яко не токмо ризоряше субботу, но и Отца своего глаголаше Боги. равеня творя Богу* (Іоан. 5, 18) и еще: *отъ исполненія Его мы вси прияхомъ и благодать возблагодать: яко законъ Моисеомъ данъ бысть, благодать же и истина Іисусъ Христомъ бысть* (Іоан. 1, 16. 17). вмѣсто переходящей благодати закона мы получили во вѣки пребывающую благодать Евангелія, и вмѣсто сѣней и образовъ ветхаго завѣта чрезъ Іисуса Христа дана истина. И

Иеремія отъ лица Божія пророчествуетъ: *се днѣ грядутъ, глаголетъ Господь, и завѣщаю дому Израилеву и дому Иудину завѣтъ новъ, не по завѣту, егже завѣщавъ отцемъ ихъ въ день, въ оныѣ емишу Ми за руку ихъ, извести я отъ земли египетскія* (Іер. 31, 31). Замѣть, что говоритъ Богъ,—что Онъ обѣщаетъ новый завѣтъ Евангелія не народу языческому, который до того времени не получалъ завѣта, но народу іудейскому, которому далъ законъ чрезъ Моисея, чтобы они жили не въ ветхости писемени, но во обновленіи духа. А Павелъ, изъ-за имени котораго поднимается этотъ вопросъ, часто представляетъ такого рода миѣнія (изъ нихъ для краткости я укажу немногія): *се, изъ Павелъ глаголю вамъ, яко аще обрѣзаетея, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ* (Гал. 5, 2) и еще: *упразднистеся отъ Христа, иже закономъ оправдаетея: отъ благодати отпадосте* (ст. 4) и ниже: *аще духомъ водимы есте, нѣсте подъ закономъ* (ст. 18). Этимъ апостоль не по расчету, какъ хотѣли наши предки, а уже истинно, какъ ты понимаешь, показываетъ, что кто состоитъ подъ закономъ, тотъ не имѣетъ Духа Святаго. И посмотримъ, каковы заповѣди законныя, по ученію Господа: Я далъ имъ, говоритъ Онъ, заповѣди не благія и оправданія, въ которыхъ они не имѣютъ жить. Это я говорю не для того, чтобы подобно Манесу и Маркіону разрушать законъ, который, по апостолу, мы признаемъ святымъ и духовнымъ, а потому, что съ пришествіемъ вѣры и исполненія временъ послалъ Богъ Сына своего, раждаема отъ жены, бываема подъ закономъ, да подзаконныя искупить, да воспріимемъ всыновленіе чадъ и живемъ не подъ пѣстуномъ, а какъ совершеннолѣтніе и наслѣдники Божіи (Гал. 4).

Въ письмѣ твоёмъ говорится далѣе: *поэтому онъ* (Павелъ) *не одобрилъ Петра за то, что онъ соблюдалъ отеческія преданія; и если онъ это захотѣлъ сдѣлать, то*

дѣлать не живо и не незаконно. Спячь говорю тебѣ: ты епископъ и учитель церквей Христовыхъ; для доказательства истины своихъ убѣжденій допусти, чтобы какой-нибудь іудей, сдѣлавшись христіаниномъ, обрѣзалъ родившагося у него сына, соблюдалъ субботу, воздерживался отъ яствъ, которыя Богъ создалъ для употребленія съ благодареніемъ,— въ четырнадцатый день перваго мѣсяца къ вечеру закалалъ агнца: допусти это, и, когда ты это сдѣлаешь, или лучше не сдѣлаешь (потому что я знаю, что ты христіанинъ и не сдѣлаешь святотатства), то волею неволею отречешься отъ своего убѣжденія и тогда узнаешь на дѣлѣ, что труднѣе подтвердить свое, чѣмъ опровергнуть чужое. И чтобы мы почему-нибудь тебѣ не повѣрили или не помнили твоихъ словъ (ибо слишкомъ растянутая рѣчь часто неудобопонятна и когда ее не понимаютъ, то менѣе и опровергаютъ), ты прибавляешь и дѣлаешь оговорку, что *Павелъ оставилъ то, что іудеи имѣли нехорошаго* Что это за нехорошее іудейское, которое Павелъ оставилъ? Безъ сомнѣнія то, что они *неразумлюще Божія правды и свою правду умлюще поставили, правду Божіей не повиновшася* (Рим. 10, 3); «потомъ то, что послѣ страданія и воскресенія Христа, когда была дана и явлена тайна благодати по чину Мельхиседекову, они полагали нужнымъ соблюдать древніе обряды и соблюдать не по формальному обычаю, а по необходимости этихъ обрядовъ для спасенія, которые однако, если бы никогда не были необходимыми, то напрасно и тщетно сдѣлались бы за нихъ мучениками Маккавеев»;—наконецъ то, «что христіанскихъ проповѣдниковъ благодати іудеи преслѣдовали, какъ враговъ закона. Эти и подобнаго рода заблужденія и пороки онъ вмѣняетъ, какъ говоритъ онъ, въ тщету и уметы, да Христа приобрящеть» (Фил. 3, 8).

Мы узнали отъ тебя, что Павелъ оставилъ изъ того, что было у іудеевъ нехорошаго; теперь узнаемъ изъ тво-

его ученія, что онъ удержалъ изъ ихъ добрыхъ обычаевъ. (Ты говоришь о предписаніяхъ закона, которыя исполняютъ они по отеческому обычаю, такъ какъ они исполняемы были самимъ Павломъ безъ всякой необходимости ихъ для спасенія). Я не советѣмъ понимаю, что хочешь ты сказать словами: «безъ всякой необходимости для спасенія»; потому что если они не приносятъ спасенія, то для чего же соблюдаются? а если должны соблюдаться, то безъ сомнѣнія приносятъ спасеніе, въ особенности тѣ, кои соблюдающихъ оныя дѣлаютъ мучениками, такъ какъ они не соблюдались бы, если бы не давали спасенія. Они не безразличны между добромъ и зломъ, какъ разсуждаютъ философы. Воздержаніе—добро, роскошь—зло. Безразлично между тѣмъ и другимъ—прохаживаться, производить желудочныя отправленія, выбрасывать носомъ головныя нечистоты, плевать. Это—ни добро, ни зло, потому что сдѣлаешь ли это, или не сдѣлаешь, не будешь ни правъ, ни виноватъ. А соблюденіе обрядовъ закона не можетъ быть безразлично, но есть или доброе или не доброе дѣло. Ты говоришь, что доброе; я утверждаю, что не доброе и дурное для увѣровавшихъ не только изъ язычниковъ, но и изъ народа іудейскаго. Въ этомъ мѣстѣ, если не ошибаюсь, ты, избѣгая одного, запутываешься въ другое: боясь богохульника Порфирія, натыкаешься на сѣти Евіона, доказывая, что вѣрующимъ изъ іудеевъ должно соблюдать законъ. И такъ-какъ ты понимаешь опасность того, что говоришь, то и стараешься ограничить свою мысль излишними словами: *безъ всякой необходимости для спасенія: не такъ какъ требуютъ исполненія ихъ іудеи, или по лживому притворству, за что Павелъ упрекалъ Петра.*

Итакъ Петръ притворно соблюдалъ законъ, а тотъ порицатель Петра смѣло исполнилъ предписанія закона, такъ какъ далѣе въ письмѣ твоёмъ говорится: «ибо если Павелъ

исполнять эти обряды потому, что выдавалъ себя за іудея, чтобы пріобрѣсти іудеевъ: то почему онъ и съ язычниками не приносилъ жертвъ, поелику и для чуждыхъ закона онъ былъ какъ чуждый закона, чтобы пріобрѣсти и ихъ (1 Кор. 9, 21)? Почему, если не потому, что и первое онъ дѣлалъ какъ іудей по природѣ и сказалъ все послѣднее не въ томъ смыслѣ, какъ будто онъ выдавалъ себя тѣмъ, чѣмъ онъ не былъ, а въ томъ, что онъ сознавалъ необходимымъ такъ снисходительно относиться къ нимъ, какъ будто онъ самъ страдалъ тѣмъ же заблужденіемъ,—т. е. не съ хитростію притворяющагося, а съ любовью сострадающаго». — Хорошо защищаешь ты Павла, что онъ не притворялся въ заблужденіи іудейскомъ; но въ такомъ случаѣ онъ дѣйствительно окажется заблуждающимся. Онъ не хотѣлъ подражать притворству Петра, чтобы выдавать себя тѣмъ, чѣмъ онъ не былъ, но съ полною свободою говорилъ, что онъ іудей. Новая снисходительность апостола: желая сдѣлать іудеевъ христіанами, онъ самъ сдѣлался іудеемъ: ибо онъ не могъ иначе привести сластолюбивыхъ къ воздержанію, какъ доказавши, что онъ самъ сластолюбивъ и въ чувствѣ состраданія не могъ иначе помочь несчастнымъ, какъ чувствуя самого себя несчастнымъ. Поистинѣ несчастныя и достойны сострадательнаго сожалѣнія тѣ, кои въ жару спора и по любви своей къ упраздненному закону апостола Христова сдѣлали іудеемъ. И небольшое различіе между моимъ и твоимъ мнѣніемъ, по которому я говорю, что и Петръ и Павелъ притворно соблюдали предписанія закона изъ-за страха вѣрныхъ іудеевъ, а ты утверждаешь, что они дѣлали это по милосердію, не по лживой хитрости, а по сострадательной любви,—небольшое различіе, если только несомнѣнно, что по страху ли или по милосердію они выдавали себя тѣмъ, чѣмъ они не были. А то доказательство, которое ты употребляешь противъ меня—что онъ долженъ бы былъ и для языч-

никовъ быть язычникомъ, если для іудеевъ сталъ іудеемъ— болѣе служить въ мою пользу; ибо какъ онъ не былъ въ сущности іудеемъ, такъ не былъ въ сущности и язычникомъ, и какъ не былъ въ дѣйствительности язычникомъ, такъ не былъ дѣйствительно и іудеемъ. А подражаетъ онъ язычникамъ въ томъ, что въ вѣрѣ Христовой онъ снова принимаетъ пеобрѣзаніе и безразлично позволяетъ питаться яствами, которыя запрещаютъ іудеи, по—не почитать идоловъ, какъ думаешь ты. *О Христѣ бо Іисусъ ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе* (Гал. 5, 6; 6, 15), но исполненіе заповѣдей Божіихъ.

Прошу тебя и еще и еще умоляю: прости мнѣ за противорѣчіе и себя вини за то, что я вышелъ изъ своихъ границъ: ты вынудилъ меня отвѣчать и какъ у Стезихора отнялъ у меня глаза. Не считай меня учителемъ лжи: я слѣдую Христу, Который говоритъ: *Азъ есмь путь, истина и животъ* (Іоан. 14, 6), и не можетъ быть, чтобы я, почитатель истины, склонился предъ ложью. Не возбуждай противъ меня толпу невѣждъ, которая тебя почитаетъ, какъ епископа и по уваженію къ священному сану благоговѣетъ при твоей проповѣди въ церкви, а меня въ преклонныхъ лѣтахъ и почти старика, живущаго въ уединеніи монастыря и деревни, мало уважаетъ. Ищи для себя, кого учить или обличать, потому что до насъ, раздѣленныхъ отъ тебя такимъ пространствомъ моря и суши, едва достигаетъ звукъ твоего голоса, и если когда-нибудь напишешь письмо, то Италия и Римъ получаютъ его прежде, чѣмъ оно доставлено будетъ мнѣ, которому должно быть послано.

А что въ другихъ письмахъ ты спрашиваешь: почему въ первомъ моемъ переводѣ въ каноническихъ книгахъ есть звѣздочки и отмѣтки черточками. тогда какъ послѣ я издалъ другой переводъ безъ этихъ знаковъ: то я съ твоего позволенія сказалъ бы тебѣ, что мнѣ кажется ты не пони-

маешь, о чемъ ты спросилъ меня. Первый переводъ есть переводъ Седмидесяти Толковниковъ, и вездѣ, гдѣ есть черточки, указываются мѣста, гдѣ Семьдесятъ сказали болѣе, чѣмъ сколько есть въ еврейскомъ, а гдѣ звѣздочки,—тамъ Оригеномъ прибавлено изъ изданія Θεοδοтіона. Тамъ я переводилъ греческое, здѣсь изложилъ, что понималъ, съ самого еврейскаго, иногда сохраняя болѣе истину мыслей, чѣмъ расположеніе словъ. И я удивляюсь, какъ ты читаешь книги Седмидесяти Толковниковъ не въ чистомъ ихъ видѣ, какъ они были изданы ими, а исправленные Оригеномъ или испорченные черточками и звѣздочками; и не слѣдуй переводу христіанина, въ особенности когда прибавленное въ немъ онъ перепесть изъ изданія іудея и богохульника послѣ страданія Христова. Хочешь быть истиннымъ почитателемъ Седмидесяти Толковниковъ?—Не читай того, что отмѣчено звѣздочками, даже изгладь изъ списковъ, чтобы доказать свою любовь къ древнему. И если ты это сдѣлаешь, то заставишь попортить всѣ церковныя библіотеки, потому что едва найдется одна или двѣ книги, въ которыхъ не было бы этихъ вставокъ.

Далѣе ты говоришь—что я послѣ древнихъ не долженъ былъ заниматься переводами и употребляешь для этого новый силлогизмъ: «переведенное Седмидесятью было или не понятно или понятно; если не понятно, то нужно полагать, что и ты въ переводѣ могъ ошибаться; если понятно, то очевидно они не могли ошибаться при переводѣ». Отвѣчаю тебѣ твоими же словами. Всѣ древніе учителя, которые предварили насъ о Господѣ и которые объясняли свящ. Писаніе, объясняли или не понятное или понятное. Если не понятное, то какимъ образомъ ты осмѣлился разсуждать о томъ, чего не могли объяснить они? Если понятное, то излишнее съ твоей стороны желаніе разсуждать о томъ, что не могло утаиться отъ нихъ—въ особенности относительно объясненія псалмовъ,

которые у грековъ изъясняли во многихъ сочиненіяхъ во-первыхъ Оригенъ, во-вторыхъ Евсевій кесарійскій, въ третьихъ Осодоръ ираклійскій, въ четвертыхъ Астерій скиѳопольскій, въ пятыхъ Аполлинарій лаодикійскій, въ шестыхъ Дидимъ александрійскій. Извѣстны небольшія сочиненія на нѣкоторые псалмы и другихъ лицъ. А у латинянъ епископы: Иларій пиктавійскій и Евсевій верчелльскій перевели Оригена и Евсевія, изъ коихъ первому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слѣдовалъ и нашъ Амвросій. Пусть отвѣтитъ мнѣ мудрость твоя—зачѣмъ ты послѣ столь великихъ и столь многихъ толкователей въ изъясненіи псалмовъ мыслилъ иначе? Ибо если псалмы непонятны, то нужно полагать, что и ты ошибался при изъясненіи ихъ, а если понятны, то, думается, и они могли ошибаться при изъясненіи; и посему и въ томъ и другомъ случаѣ объясненіе твое будетъ излишне, и по этому закону послѣ первыхъ никто не посмѣетъ говорить и, какъ скоро одинъ предвосхитилъ, другому чрезъ него не дозволено будетъ писать. И твоя снисходительность тѣмъ болѣе должна позволять и другимъ то, что ты позволяешь себѣ. Ибо я, переводя въ исправленномъ видѣ для людей моего языка съ греческаго на латинскій, заботился не столько о томъ, чтобы измѣнять прежніе переводы, сколько о томъ, чтобы возстановить тѣ свидѣтельства, которыя или опущены или искажены іудеями, чтобы наши знали, что содержалось въ еврейскомъ подлинникѣ. Кому не угодно читать, того никто насильно и не принуждаетъ: пусть онъ пьетъ съ наслажденіемъ старое вино и презираетъ мои новизны, находяціяся (вирочемъ) въ толкованіи древнихъ, и имѣющія цѣлю, чтобы мѣста непонятныя въ еврейскомъ болѣе уяснились изъ моего перевода. А какому способу должно слѣдовать при переводѣ св. Писанія—это показываютъ написанная мною книга «о лучшемъ способѣ перевода»¹⁾ и веѣ

¹⁾ См. выше письмо 53.

краткія предисловія къ св. книгамъ, предпосланныя моему изданію, и къ нимъ прошу обратиться благоразумнаго читателя. И если ты, какъ говоришь, одобряешь меня въ исправленіи Новаго Завѣта и излагаешь причину, почему одобряешь: то поелику очень многіе знающіе греческій языкъ могли бы судить о моемъ дѣлѣ, то ты долженъ былъ повѣрить, что и въ Ветхомъ Завѣтѣ у меня таже неисторченность, что я не свое измыслилъ, а перевелъ божественное (Писаніе) такъ, какъ нашель у евреевъ. Если въ чемъ сомнѣваешься, то спроси у евреевъ.

Но ты можетъ быть скажешь: что если евреи или не захотятъ отвѣчать, или захотятъ сказать неправду?—Неужели вся масса іудеевъ будетъ молчать относительно моего перевода? И неужели не найдется ни одного знающаго еврейскій языкъ, или всѣ будутъ подражать тѣмъ іудеямъ африканскаго городка, которые всѣ, по твоимъ словамъ, стоворились ругать меня? Ты въ письмѣ своемъ сплетаешь такого рода басню: «одинъ братъ нашъ епископъ, установивъ въ подвѣдомой ему церкви читать твой переводъ, открылъ, что въ книгѣ пророка Іоны у тебя нѣчто поставлено совершенно отличное отъ того, что утверждено было въ умѣ и памяти каждаго и проповѣдано въ преданіяхъ столькихъ вѣковъ. Въ народѣ возникло такое смятеніе, —особенно когда греки стали обличать ложь и кричать противъ нее, —что епископъ (это было въ городѣ) вынужденъ былъ просить рѣшенія вопроса у іудеевъ. Но они по невѣжеству ли или злоумышленно отвѣчали, что и въ еврейскихъ кодексахъ стоитъ также, какъ было въ греческихъ и латинскихъ. Чтоже дальше? Епископъ, послѣ этого великаго смятенія, не желая остаться безъ народа, принужденъ былъ исправить это мѣсто какъ ложное. Поэтому и мнѣ кажется, что кое въ чемъ иногда и ты могъ ошибаться».

Ты говоришь, что я кое-что дурно перевелъ въ книгѣ пророка Іоны и что изъ-за невѣрности одного слова при волненіи, возникшемъ въ народѣ, епископъ едва не потерялъ священный санъ; а что такое я дурно перевелъ, объ этомъ ты умалчиваешь, отнимая у меня возможность защиты, чтобы я своимъ отвѣтомъ не опровергъ все, что бы ты ни сказалъ. Можетъ быть и теперь, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ, дѣло идетъ о тыквѣ, — что я неправильно вмѣсто *тыква* перевелъ *плющъ*, — какъ доказывалъ Корнелій и Азиній Полліонъ ¹⁾ того времени. Объ этомъ предметѣ я очень подробно отвѣчалъ въ толкованіи на пророка Іону. Теперь я нахожу достаточнымъ сказать только то, что въ этомъ мѣстѣ, гдѣ Семьдесятъ Толковниковъ перевели *тыква*, а Аквила съ прочими *плющъ*, т. е. *κισσῶν*, въ еврейскомъ поставлено *сісеіон*, что сиріяне въ простонарѣчьи называютъ *сісеіан*. Это — родъ кустарника съ широкими листьями на подобіе виноградныхъ. Когда его посаждать, это растеніе быстро развивается въ деревцо, держась только на своемъ пнѣ безъ всякой опоры твердаго ствола и твердыхъ вѣтвей, которыхъ не имѣютъ и тыква и плющъ. Если бы я это растеніе, переводя слово въ слово, назвалъ *сісеіон*, — то никто не понялъ бы; если бы — *тыквою*, то сказалъ бы не то, что поставлено въ еврейскомъ; поэтому, согласно съ другими переводчиками, я поставилъ *плющъ*. А если ваши іудеи, какъ ты самъ увѣряешь, съ злымъ умысломъ или по невѣжеству сказали, что и въ еврейскихъ спискахъ стоитъ тоже, что и въ греческихъ и латинскихъ, то очевидно, что они или не знаютъ еврейскихъ буквъ, или захотѣли солгать, чтобы посмѣяться надъ тыквенниками. Въ заключеніе письма прошу тебя: не вынуждай воевать и снова подвергаться жизненнымъ бурямъ старика, живущаго на покой и давно

¹⁾ Имена двухъ дурныхъ критиковъ времени Цицерона.

уже отслужившаго свой срокъ. Ты, какъ человекъ молодой и поставленный на первосвященнической высотѣ, долженъ учить народъ и обогащать римскія кровли плодами Африки, а для меня достаточно въ маленькомъ углу монастыря шепотомъ переговариваться съ слушателемъ и читателемъ.

91 Письмо къ Теофилу ¹⁾.

Блаженнѣйшему папѣ Теофилу Иеронимъ.

Слишкомъ поздно послалъ я твоему блаженству книгу твою въ переводѣ на латинскій языкъ. Многое препятствовало мнѣ въ этомъ дѣлѣ:—внезапное вторженіе исаврянъ, опустошеніе Финикіи и Галилеи, ужасъ, объявшій Палестину и особенно Іерусалимъ и забота о созиданіи стѣнъ, а не книгъ; къ этому—жестокая зима, голодъ, особенно невыно-

¹⁾ Теофилъ, епископъ александрійскій (385—412), какъ извѣстно, былъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ враговъ св. Іоанна Златоустаго. Рассорившись съ Іоанномъ по дѣлу оригенистовъ, къ которымъ Златоустъ обнаруживалъ болѣе снисходительности, принявъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ общеніе константинопольской церкви, Теофилъ былъ не только главнымъ обвинителемъ Златоуста на соборѣ 403 года и виновникомъ изгоянія и ссылки его, но и написалъ противъ него на греческомъ языкѣ, какъ говоритъ Факундъ, „безобразную по ругательствамъ и страшную по обвиненіямъ“ книгу, изъ которой сохранились только отрывки, приводимые у Факунда. Чтобы оправдать осужденіе Златоуста и выяснить дѣло и для западныхъ христіанъ, у которыхъ также Златоустъ пользовался высокимъ авторитетомъ, Теофилъ особымъ письмомъ просилъ Иеронима перевести книгу его съ греческаго на латинскій языкъ. Послѣдній исполнилъ просьбу Теофила и перевелъ книгу его противъ Златоуста; но нельзя не замѣтить, что Иеронимъ, стоявшій въ близкихъ сношеніяхъ съ Теофиломъ и уважавшій его, пчѣмъ не выражаетъ своего сочувствія къ дѣлу его противъ Златоуста. Въ письмѣ своемъ онъ вставляетъ только общую и слишкомъ обычную у него похвалу краснорѣчію и пользѣ книги и—что особенно важно—къ переводу своему въ видѣ предисловія присовокупляетъ въ латинскомъ переводѣ самое письмо Теофила, въ которомъ

симый для меня, которому ввѣрено попеченіе о многихъ братьяхъ. Среди этихъ затрудненій переводъ подвигался насильственными и такъ сказать воровскими трудами по ночамъ и уже вчернѣ былъ написанъ и во дни св. четыредесятницы переписанъ набѣло и только оставалось перечитать его, какъ я былъ пораженъ весьма тяжкимъ недугомъ и, уже вступая въ предверіе смерти, милосердіемъ Господа и твоими молитвами былъ сохраненъ—можетъ быть для того, чтобы исполнить твое приказаніе и краснорѣчивѣйшую книгу, которую соткалъ ты изъ цвѣтовъ Писаній, перевести съ такою же красотою, съ какою она тобою написана, хотя слабость тѣла и печаль духа и притупляли остроту ума, и плавно льющуюся рѣчь какъ-бы запирали какими-то плотинами.

Въ сочиненіи твоемъ я съ уваженіемъ призналъ пользу его для всѣхъ церквей,—чтобы невѣжды, вразумленные свидѣтельствами Писаній, научились, съ какимъ благоговѣніемъ должны они почитать святыню и совершать служеніе при алтарѣ Христовомъ,—научились, что священные сосуды и святыя покровы и прочее, принадлежащее къ богослуженію страданія Господня, не есть нѣчто не имѣющее священнаго значенія, какъ пустое и неимѣющее смысла, но, по соприсношенію (*consortio*) съ тѣломъ и кровію Господа, должно быть почитаемо такимъ же величіемъ, какъ тѣло и кровь Его.

Итакъ прійми книгу твою или мою или, вѣриже сказать, нашу. Если ты одобришь меня, то одобришь себя, потому

тотъ просилъ его о переводѣ своей книги, „чтобы всѣ, кто будетъ читать, говорить Иеронимъ, знали, что я предпринялъ этотъ трудъ не по дерзости или тщеславію, а по приказаніямъ твоего блаженства“. Видно, что, исполняя эти „приказанія“, Иеронимъ своимъ переводомъ не хотѣлъ выразить сочувствія Теофилу противъ Златоуста. Изъ письма Теофила къ Иерониму, въ которомъ тотъ просилъ его о переводѣ книги, сохранилось только нѣсколько первыхъ строкъ; настоящее письмо служитъ отвѣтомъ на это письмо Теофила.

что для тебя работаль мой умъ, и я хотѣлъ только греческое богатство уравнивать бѣдностію латинскаго языка. Я не слово въ слово перевелъ, какъ дѣлають краснорѣчивые переводчики, и не прибавилъ денегъ, которыя ты давалъ мнѣ по частямъ, а отвѣсилъ въ равной мѣрѣ, чтобы не было никакого ущерба въ мысляхъ, хотя бы кое-чего и недоставало въ словахъ. А письмо твое я перевелъ на латинскій и приложилъ въ началѣ этой книги для того, чтобы всѣ, кто будетъ читать, знали, что я предпринялъ этотъ трудъ, превышающій мои силы, не по дерзости или тщеславію, а по приказаніямъ твоего блаженства. Достигъ ли я этого—предоставляю судить тебѣ. Во всякомъ случаѣ если ты и будешь недоволенъ недостатками труда, то найдешь извинительнымъ мое намѣреніе.

92. Письмо къ Августину.

Господину истинно святому и блаженнѣйшему папѣ Августину Іеронимъ желаетъ о Христѣ здравія.

Спросивъ съ заботливостію у брата нашего Фирма о твоёмъ состояніи, я съ удовольствіемъ услышалъ, что ты здоровъ; и такъ какъ я не скажу надѣялся, а домогался получить отъ тебя письмо, то онъ сказалъ, что онъ отправился изъ Африки безъ твоего вѣдома. Итакъ, обнимая тебя съ искреннею любовію, я посылаю тебѣ черезъ него благожелательныя привѣтствія и молю простить моей совѣстливости,—что я не могъ отказать, когда ты давно просилъ меня отвѣтить. Не я отвѣчалъ тебѣ, а обвиненіе отвѣчало на обвиненіе. И если есть вина въ томъ, что я отвѣтилъ, то—прошу терпѣливо выслушать—гораздо больше вины въ томъ, что ты вызвалъ меня на отвѣтъ. Но да не будетъ подобныхъ препирательствъ, пусть будетъ между нами истинное братство и затѣмъ будемъ посылать другъ другу

письма любви, а не словопрений. Святые братія, служащіе со мною Господу, много привѣтствуютъ тебя. Прошу привѣтствовать почтеніемъ моимъ святыхъ, несущихъ съ тобою легкое иго Христово и въ особенности святаго и достопочитаемаго папу Алипія. Христосъ Богъ нашъ всемогущій здоровымъ и меня не забывающимъ да сохранить тебя, господинъ истинно-святый и блаженнѣйшій папа. Если ты прочиталъ книгу объясненій на Іону, то полагаю не поднимешь снова смѣшнаго вопроса о тыгвѣ. А если тотъ другъ, который первый напалъ на меня съ мечемъ, отраженъ стилемъ ¹⁾, то пусть любовь и справедливость твоя признаетъ виновнымъ обвинителя, а не отвѣтника. Если угодно, будемъ подвизаться на поприщѣ Писаній, не оскорбляя другъ друга.

93 Письмо къ матери и дочери, живущимъ въ Галліи.

Предисловіе.

Одинъ братъ изъ Галліи разсказалъ мнѣ, что у него есть сестра дѣвица и мать вдова, которыя въ одномъ и томъ же городѣ живутъ въ отдѣльныхъ домахъ и по гостепримству ли, или для сбереженія своихъ маленькихъ средствъ приняли къ себѣ распорядителями какихъ-то клириковъ, — чтобы, отдѣлившись одна отъ другой, еще съ большимъ безчестіемъ жить съ людьми чужими. Когда я жалѣлъ объ этомъ и выражалъ гораздо больше молчаніемъ, чѣмъ словами, то онъ сказалъ: прошу тебя, обличи ихъ письмомъ своимъ

¹⁾ Настоящее письмо служитъ какъ-бы прибавленіемъ къ предшествующему письму къ Августину (пис. 90). Въ указанномъ мѣстѣ под именемъ друга, который первый напалъ на него съ мечемъ, Иеронимъ разумеетъ того же критика „Корнелія и Азинія Полліона того времени“ — о которомъ по вопросу о словѣ тыква онъ упоминаетъ въ концѣ предвѣщающаго письма къ Августину.

и призови къ согласію, чтобы мать простила дочь и дочь простила мать.—Прекрасное,—говорю ему я,—порученіе возлагаешь ты на меня:—чтобы я, человекъ чужой, примирилъ тѣхъ, кого не могъ примирить сынъ и братъ. Какъ будто я занимаю епископскую кафедру, а не плачу о прежнихъ грѣхахъ или не стараюсь избѣгать настоящихъ, заключившись въ келліи и удалившись отъ бурь житейскихъ; да и несообразно скрываться тѣломъ, а языкомъ бродить по всему свѣту.—Слишкомъ робокъ ты,—сказалъ онъ мнѣ; гдѣ же та сила, съ какою ты, осмѣивая весь міръ, кое въ чемъ напоминалъ Люциліана?—Это-то, говорю я, и пугаетъ меня и не позволяетъ раскрыть устъ: потому что послѣ того, какъ обличая пороки, я самъ сталъ пороченъ, и, по истертой въ народной рѣчи пословицѣ, когда меня ругаютъ и отрекаются всѣ, я думаю, что у меня нѣтъ ни ушей, ни осязанія,—послѣ того какъ самыя стѣны стали давать отзвукъ брани противъ меня *и о мнѣ пояху пѣющіи вино* (Пс. 67, 14):—я поневолѣ выучился молчать при видѣ зла, считая болѣе справедливымъ полагать *храненіе устомъ моимъ и дверь огражденія о устнахъ моихъ*, чѣмъ уклонять *сердце мое въ словеса лукавствія* и, обличая пороки, впадать въ порокъ порицанія.—Когда я сказалъ это, онъ возразилъ: говорить правду не значитъ злословить и частное обличеніе не есть наставленіе для всѣхъ, такъ какъ или рѣдко кто или никого не найдется, кто бы могъ подлежать обвиненію въ такомъ преступленіи. Прошу же тебя, не допусти, чтобы я, истомившись въ такой дальней дорогѣ, напрасно приходилъ къ тебѣ: видитъ Богъ, что послѣ посѣщенія святыхъ мѣстъ особенно важною цѣлію моего путешествія было помочь сестрѣ и матери письмомъ твоимъ.—Тогда я сказалъ ему: хорошо, сдѣлаю, чего ты желаешь, потому что письмо пойдетъ за море и слово, примененное къ частному случаю, найдетъ немногихъ, кого можетъ за-

дѣть. А тебя прошу хранить это письмо въ тайнѣ. И когда ты вмѣсто подорожной отъ меня донесешь его, то я буду радъ, если послушаютъ моего голоса, а если оставятъ безъ вниманія, какъ я болѣе предполагаю, то я потерялъ слова, а ты—дальнюю дорогу.

Мать и дочь! прежде всего я хочу извѣстить васъ, что я пишу не потому, что подозрѣваю относительно васъ что-нибудь недостойное, но что прошу вашего примиренія для того, чтобы не подозрѣвали другіе. Въ противномъ случаѣ (чего да не будетъ), если бы я думалъ, что вы опутаны грѣховными узами, то никогда не сталъ бы писать: я зналъ бы тогда, что рассказываю сказку глухимъ. Затѣмъ прошу васъ, что если я напишу что-нибудь слишкомъ колкое, то считайте это слѣдствіемъ не столько моей строгости, сколько моего огорченія. Загнившія части тѣла излечиваются вырѣзываніемъ и прижиганіемъ, яды выгоняются змѣинымъ противоядіемъ; небольшая болѣзнь изгоняется болѣшимъ страданіемъ. Наконецъ скажу и то, что если этотъ вашъ порокъ и не имѣетъ раны, то молва разноситъ нехорошіе слухи. Мать и дочь—это имена любви, слова нѣжныхъ отношеній, узы природы, второй союзъ послѣ Бога. Нѣтъ похвалы въ томъ, если вы любите другъ друга; но есть преступленіе въ томъ, что вы другъ друга ненавидите. Господь Иисусъ повиновался родителямъ своимъ (Лук. 2), почиталъ мать, для которой самъ былъ отцемъ, чтилъ воспитателя, котораго самъ питалъ: помнилъ Онъ, что Его носило чрево одной и руки другаго. Поэтому, и вися на крестѣ, Онъ поручаетъ ученигу родительницу (Іоан. 19), которую никогда не оставлялъ до креста.

А ты, дочь (я уже перестаю обращаться къ матери, которую можетъ быть извиняють и лѣта, и слабость, и любовь

къ уединенію)—ты, говорю, дочь, развѣ считаешь тѣснымъ для себя домъ той, чрево которой было для тебя не тѣсно? Десять мѣсяцевъ жила ты заключенная во чревѣ, а теперь и одного дня не можешь побыть съ матерью въ одной комнатѣ? Или ты не можешь сносить ея взгляда и избѣгаешь имѣть въ домѣ свидѣтельницу въ той, которая очень легко понимаетъ всѣ твои расположенія, т. е. въ той, которая родила, воспитала и вырастила тебя до этого возраста? Если ты дѣвственница, то зачѣмъ боишься бдительнаго надзора? если пала, то почему открыто не вступаешь въ бракъ? Исправить дурное начало по крайней мѣрѣ этимъ средствомъ—это спасительная доска послѣ кораблекрушенія. И я говорю этимъ не то, что я отрицаю покаяніе послѣ грѣха, чтобы дурно начатое ты могла и продолжать дурно, но то, что я не надѣюсь на расторженіе этой связи. Въ противномъ же случаѣ, если послѣ паденія ты переселишься къ матери, то съ нею удобнѣе можешь оплакивать то, что потеряла чрезъ ея отсутствіе. А если ты еще невинна и не потеряла (дѣвства), то сохраняй его, чтобы не потерять. Какая тебѣ необходимость жить въ домѣ, гдѣ ты по необходимости ежедневно имѣешь или погибнуть или побѣдить? Кто изъ смертныхъ беззаботно спитъ около ехидны, которая если и не поражаетъ, то во всякомъ случаѣ внушаетъ опасеніе. Безопаснѣе не имѣть возможности погибнуть, чѣмъ не погибнуть около опасности. Въ первомъ случаѣ спокойствіе, во второмъ—умѣнье дѣйствовать; тамъ спокойно наслаждаемся, здѣсь избѣгаемъ опасности.

Но, можетъ быть, скажешь на это: мать моя не добрыхъ нравовъ, желаетъ предметовъ мірскихъ, любитъ богатство, не знаетъ поста, натираетъ бѣлилами лицо, хочетъ ходить разодѣтая, вредитъ обѣту моему; я не могу жить съ такою. Прежде всего, если она и такова, какъ ты говоришь, то тѣмъ большую награду ты получишь, если не оставишь

такой. Она долго носила тебя во чревѣ, долго воспитывала, и дѣтскіе капризы переносила съ нѣжною любовію. Мыла грязное бѣлье и часто сама была запачкана нечистотами, сидѣла при тебѣ во время болѣзни и преодолевавшая изъ-за тебя свою брезгливость должна преодолѣть и твою. Она выростила тебя до такихъ лѣтъ; научила любить Христа. Тебѣ не должно быть непріятно сожителство съ тою, которая дѣвственницею посвятила тебя жениху твоему. Если ты не можешь сносить этого и избѣгаешь ея наслажденій, если (какъ обыкновенно говорятъ въ народѣ) мать—женщина свѣтская, то ты имѣешь другихъ дѣвицъ, имѣешь святой лигъ цѣломудрія. Зачѣмъ, оставляя мать, ты выбираешь того, который также, можетъ быть, оставилъ сестру и мать? Та несносна, этотъ пріятель; та бранчива, этотъ ласковъ. Скажи мнѣ: пошла ли ты отъ матери къ этому человѣку или послѣ нашла его? Если ты пошла къ нему, то очевидно ты оставила мать. Если нашла его послѣ, это этимъ ты показываешь, чего ты не могла найти въ домѣ матери. Тяжела скорбь моя и направляетъ противъ меня мое же оружіе. «Кто ходитъ просто, говоритъ Премудрый, тотъ ходитъ смѣло» (Притч. 10, 9). Я молчалъ бы, если бы меня угрызала совѣсть, если бы въ другихъ я обличалъ свое собственное преступленіе и чрезъ бревно своего глаза видѣлъ сучекъ въ глазу другаго. А теперь, такъ какъ я, живя вдали среди братій и пользуясь сообществомъ ихъ честно, при свидѣтеляхъ рѣдко и вижу кого и самъ показываюсь: то тебѣ очень стыдно не подражать скромности того, чьему примѣру ты, какъ видно, слѣдуешь. Если ты скажешь на это: и для меня довольно моей совѣсти; Богъ мнѣ судія—свидѣтель моей совѣсти; я не забочусь о томъ, что говорятъ люди:—но послушай, что пишетъ апостоль: *промышляюще добрая не только предъ Богомъ, но и предъ всеми челоуки* (Рим. 12, 17). Если кто порицаетъ тебя за то, что ты христіанка,

что ты дѣвственница, то не безпокойся, что ты оставила мать для того, чтобы жить въ монастырѣ среди дѣвственницъ: такое порицаніе для тебя похвала. Когда въ отроковицѣ Божіей порицають не сладострастіе, а суровость; тогда такая жестокость есть любовь. Ибо ты предпочитаешь матери Того, Кого повелѣвается тебѣ предпочитать даже душѣ своей, и если бы предпочла Его и сама мать твоя, то видѣла бы въ тебѣ и дочь и сестру.

Итакъ что же, преступно имѣть общеніе съ святымъ человѣкомъ? Ты за шею тащишь меня къ суду, чтобы я или говорилъ то, чего не хочу, или навлекъ на себя ненависть многихъ. Святой человѣкъ никогда не разлучаетъ дочери отъ матери: онъ беретъ къ себѣ ту и другую и ту и другую почитаетъ. Какъ бы ни была свята дочь, мать вдова есть выраженіе цѣломудрія. Если этотъ твой—не знаю кто—однихъ лѣтъ съ тобою, долженъ почитать ее, какъ свою мать; если онъ старше тебя, долженъ любить тебя какъ дочь и подчиняться руководству родительницы. Не дѣлаетъ чести обоимъ вамъ, что онъ любитъ больше тебя, чѣмъ мать: можетъ казаться, что въ тебѣ онъ предпочитаетъ не привязанность, а только возрастъ. И это я могъ бы сказать, если бы у тебя не было брата монаха, если бы ты не имѣла домашней охраны. А теперь, о несчастіе! Зачѣмъ поселяется чужой между матерью и братомъ и между матерью-вдовою и братомъ-монахомъ? Хорошо было бы, если бы ты знала себя и дочь и сестрою; а если не можешь быть и тою и другою, то если отвергаешь мать, какъ суровую женщину, пусть будетъ пріятель тебѣ по крайней мѣрѣ братъ; а если жестокъ братъ, пусть же будетъ нѣжна для тебя та, которая родила тебя. Что блѣднѣешь? что волнуешься? что краснѣешь и трясущимися губами выдаешь сердечную тревогу? Ничто не превышаетъ любви къ матери и брату—кромѣ любви къ мужу.

Кромѣ того, я слышалъ, что ты съ родственниками и знакомыми и людьми подобнаго рода ѣздишь по подгороднымъ деревнямъ и прекраснымъ виламъ. Я не сочиняюсь, что въ удовольствіяхъ новаго рода тебя сопровождаетъ родственница или сестра; я не подозреваю также, чтобы ты искала общества мужчинъ, хотя бы они были и близкіе знакомые или родственники твои. Прошу же тебя, дѣвица, скажи мнѣ: одна ходишь ты, въ сопровожденіи родственниковъ, или съ своимъ возлюбленнымъ? Какъ бы ты ни была безстыдна, ты не осмѣлишься выдавать его предъ глазами свѣтскихъ людей, потому что если ты это сдѣлаешь, то о тебѣ и о немъ запоетъ все общество, всѣ будутъ указывать на васъ пальцами, и даже та самая сестра, родственница или знакомая, тѣ, которыя въ угоду тебѣ называютъ его при тебѣ святымъ и монахомъ, чуть отвернувшись отъ тебя, будутъ смѣяться надъ нимъ, какъ надъ незаконнымъ супругомъ твоимъ. Если же ты будешь ходить одна (что я болѣе и предполагаю), то конечно ты — дѣвица въ черномъ платьѣ — будешь гулять среди раболѣпныхъ мальчиковъ, среди женщинъ замужнихъ или имѣющихъ выйти замужъ, среди бойкихъ дѣвицъ и завитыхъ и приглашенныхъ юношей. Кто-нибудь съ маленькою бородкою подастъ тебѣ руку, будетъ поддерживать, когда ты устанешь, и пожавъ пальцы, или соблазнится или соблазнитъ. Случится тебѣ обѣдать среди мужей и замужнихъ женщинъ: ты увидишь чужіе поцѣлуи, вкусныя блюда, и не безъ соблазна для себя будешь удивляться шелковымъ и позолоченнымъ платьямъ. И на самомъ обѣдѣ, чтобы ты ѣла мясное, тебя будутъ принуждать къ этому какъ-бы противъ твоей воли; чтобы пила вино, будутъ хвалить созданіе Божіе; чтобы мылась въ банѣ, будутъ упрекать въ нечистотѣ; и когда ты послѣ отговорокъ сдѣлаешь чтонибудь изъ того, къ чему тебя побуждаютъ, то всѣ будутъ превозносить тебя чистою, невин-

ною, женщиною съ самообладаніемъ и истинно благородною. Между тѣмъ за столомъ запоетъ какой-нибудь пѣвецъ и среди льющихся сладкою гармонією пѣсней, не смѣя смотрѣть на чужихъ женъ, слишкомъ часто будетъ бросать взгляды на тебя, неимѣющую сторожа. Минами онъ будетъ разговаривать съ тобою и то, что боится высказать словами, выразитъ страсными движеніями. Среди такихъ сладострастныхъ сѣтей и желѣзныя души порабощаетъ похоть; а она особенно голодна въ дѣвицахъ, считая очень пріятнымъ все, чего не знаетъ. Языческія сказки рассказываютъ, что заслушавшись цѣнія сиренъ корабельщики наталкиваются на острые подводные камни, и лирою Ороея смягчаются деревья, звѣри и твердые кремни. Среди пиршествъ трудно сохранить цѣломудріе. Работящійся о наружности выказываетъ грязную душу.

Мальчигами въ школѣ мы читали и ловили носившіеся на улицахъ слухи, что кто-то, едва имѣя однѣ кости, старалъ преступною любовію и прежде умереть, чѣмъ оставилъ свою болѣзнь. Какъ ты, — дѣвица здоровая, нѣжная, полная, цвѣтущая, пылкая, — какъ ты будешь вести себя среди мясныхъ яствъ, винъ и бань въ обществѣ людей женатыхъ и юношей? Если ты и не позволишь себѣ чего нибудь, о чемъ тебя будутъ просить, то все же будешь огносить къ своей красотѣ, если тебя будутъ просить. Сладострастно настроенный умъ съ большимъ увлеченіемъ предается безчестному и въ недозволенномъ подозрѣваетъ больше удовольствіе. Самое платье простое и темное — есть вывѣска скромности, — если нѣтъ на немъ складокъ, если не влочится оно по землѣ, чтобы казаться тебѣ выше, если не расшито оно нарочито, чтобы кое-что показывать, закрывать неприличное и открывать благообразное. И чернецкіе лакированные полушапочки своимъ скрипомъ, когда ты ходишь, зовутъ къ себѣ юношей. Груды стягиваются перевязками и извивающимся поясомъ туго сжимаются станъ; волоса спадаютъ то на лобъ,

то на уши; иногда спускается мантилья, чтобы обнажить бѣлыя плечи, и кокетка, какъ-бы не желая, чтобы видѣли, поспѣшно закрываетъ то, что открыла съ намѣреніемъ; и при постороннихъ закрывая лицо какъ-бы по скромности, она по пріемамъ публичныхъ женщинъ открываетъ только то, что въ открытомъ видѣ можетъ болѣе нравиться.

Ты скажешь: какъ ты знаешь меня и какимъ образомъ ты видишь меня изъ такой дали?—Разсказали мнѣ это слезы и тяжелые ежеминутные стоны брата твоего. И о если бы онъ лгалъ и говорилъ болѣе съ опасеніемъ этого, чѣмъ съ увѣренностію въ этомъ. Но повѣрь мнѣ: никто не плачетъ, говоря неправду. Онъ сѣтуетъ на то, что ему предпочтенъ юноша—хоть не завитой, не въ шелковой одеждѣ, а грубый и въ рубищѣ, который самъ завязываетъ мѣшки, занимается ткацкимъ станкомъ, раздаетъ жалованье, распоряжается при-слугою, покупаетъ на рынкѣ все нужное. Его, распорядителя и господина, исполняющаго обязанности работниковъ, грызутъ всѣ слуги и что бы ни подарила ему госпожа, кричатъ, что онъ укралъ. Недовольный народъ—эти слуги, и имъ всегда очень мало, сколько бы ты ни давала. Они разсуждаютъ не о томъ, за сколько, а о томъ, сколько дается, и свое недовольство вымещаютъ, сколько можно, ругательствами. Одинъ называетъ его нахлѣбникомъ, другой обманщикомъ, тотъ домогающимся наслѣдства, этотъ какимъ нибудь новымъ прозвищемъ. Разглашаютъ, что во время болѣзни онъ сидитъ около твоей постели, принимаетъ акушеровъ, выносить судно, нагрѣваетъ простыни, дѣлаетъ перевязки. Люди очень легко вѣрятъ дурному и выдуманное дома очень скоро разносится въ обществѣ. И не удивляйся, если служанки и рабы говорятъ объ васъ это, когда и мать и братъ жалуются на тоже самое.

Сдѣлай же то, къ чему я убѣждаю, умоляю тебя: примириь прежде всего съ матерью, а потомъ, если этого нель-

зя, то по крайней мѣрѣ съ братомъ. Или, если ты не хочешь враждебно раздѣлять этихъ столь дорогихъ именъ, то отдѣли ихъ отъ того, кого ты, какъ говорятъ, предпочла матери и брату. А если этого не можешь сдѣлать, если не можешь оставить своего пріятеля, то почти достойно своихъ кровныхъ и установи болѣе честныя отношенія къ своему другу. Пусть будутъ у васъ отдѣльные дома и особый столъ, чтобы злые люди не говорили, что, живя подъ одною кровлею, вы имѣете и общую постель. Для своихъ нуждъ ты можешь имѣть въ немъ какого угодно помощника, и хоть отчасти не имѣть всеобщаго безславія. Нужно бояться того пятна, котораго, по Іереміи, нельзя смыть никакою селитрою, никакимъ составомъ суконщиковъ. Когда захочешь, чтобы онъ видѣлся съ тобою и навѣстилъ тебя, пригласи свидѣтелей, друзей, дѣтей, прислугу. Чистая совѣсть не боится ничьихъ глазъ. Пусть входитъ онъ безъ страха и выходитъ безъ опасенія. Скромные глаза, тихая рѣчь и положеніе всего тѣла выражаютъ или безпокойство или увѣренность въ безопасности. Прошу тебя: открой уши свои и послушай, что кричитъ цѣлый городъ. Вы потеряли уже свои имена и получили прозвища другъ отъ друга: ты называешься его, а онъ твоимъ. Братъ и мать слышатъ это, и готовы, умоляютъ васъ, чтобы вы раздѣлили себя между ними и падающее на васъ однихъ безчестіе изъ-за вашей связи обратили къ общей чести. Ты будь съ матерью, а онъ пусть будетъ съ братомъ. Ты можешь смѣлѣе любить друга твоего брата, для матери будетъ честнѣе любить друга сына, чѣмъ дочери своей. Если ты не захочешь исполнить этого, если, наморщивъ лобъ, оставишь въ пренебреженіи мои убѣжденія, то письмо это прямо скажетъ тебѣ: зачѣмъ владѣешь ты чужимъ рабомъ? зачѣмъ дѣлаешь слугою себѣ служителя Божія? Посмотри на народъ, взгляни въ лице каждому. Онъ читаетъ въ церкви,—на тебя смотрятъ всѣ—

не иначе какъ потому, что своимъ развратомъ ты похваляешься почти какъ супружескимъ правомъ. Наглость ты называешь свободою; *лице жены блудницы бысть тебѣ, не хотѣла еси постыдиться* (Іер. 3, 3).

Ты опять называешь меня злобнымъ, подозрительнымъ и сплетникомъ. Я ли подозрителенъ, я ли золь, который въ началѣ письма сказалъ напередъ, что я писалъ потому, что не подозрѣвалъ? А не ты ли распутна, развратна, преступна,—не ты ли, которая, будучи двадцати пяти лѣтъ, своими объятіями какъ сѣтями опутала юношу, еще не обросшаго хорошо бородою—подлинно превосходнаго педагога, который бы могъ тебя удерживать, внушать страхъ своею суровостію! И хотя преступная связь не обезпечена ни въ какомъ возрастѣ, но при сѣдыхъ уже волосахъ она безопасна по крайней мѣрѣ отъ открытаго позора: прійдетъ, прійдетъ время (наступить оно нечаянно), когда твой красавчикъ—такъ какъ женщины скоро старѣютъ, особенно тѣ, которыя находятся около мужчинъ—найдетъ или болѣе богатую или болѣе молодую. Тогда расквешься ты въ поведеніи своемъ и пожалѣешь объ упорствѣ своемъ,—когда потеряешь и наслажденіе и добрую славу, когда дурная связь получить хорошій разрывъ. Или ты безопасна отъ этого и при укрѣпленіи связи въ теченіе столь долгаго времени не боишься разрыва?

И ты, мать, если ты и не боишься нареканій по своей старости, не мсти дочери грѣхомъ. Пусть лучше она отдѣляется отъ тебя, а не ты отъ нея. У тебя есть сынъ и дочь и зять, или лучше сожитель дочери твоей. Зачѣмъ ищешь ты чужаго общества и раздуваешь уже потухшій огонь? Для тебя болѣе чести терпѣть по крайней мѣрѣ вину дочери, чѣмъ искать случая быть самой виновной. Пусть будетъ съ тобою сынъ-монахъ въ охрану благочестія и вдовства твоего. Зачѣмъ ищешь себѣ чужаго человѣка особенно въ томъ

домѣ, который не могъ принять сына и дочь? Ты уже въ такомъ возрастѣ, что могла бы имѣть внуковъ отъ дочери. Прими къ себѣ и того и другую. Та, которая вышла отъ тебя одинокою, пусть возвратится съ мужчиною. Съ мужчиною, говорю, а не съ мужемъ, и пусть никто не обижается: я хотѣлъ указать полъ, а не супружескую связь. Или, если она стыдится, отказывается и считаетъ тѣснымъ тотъ домъ, въ которомъ родилась, то вы переселитесь въ ея домикъ; хотя бы онъ былъ и тѣсенъ, онъ удобнѣе можетъ вмѣстить мать и брата, чѣмъ челоуѣка чужаго, съ которымъ живя въ одномъ домѣ и въ одной комнатѣ, вѣрно она не могла остаться чистою. Пусть будутъ въ одномъ домѣ двѣ женщины и два мужчины. А если и тотъ третій *ὑπερβόσκος* ¹⁾ твой не хочетъ жить съ вами и поднимаетъ ссоры и распри, то пусть будетъ двое (мужчинъ); а если трое будутъ, то братъ вашъ или сынъ твой дастъ ему и сестру и мать. Пусть другіе называютъ его вотчимомъ и зятемъ, онъ будетъ звать его попечителемъ и братомъ.

Наскоро, въ короткій присѣтъ продиктовалъ я это, желая удовлетворить просьбѣ требовавшаго письма и какъ-бы дѣлая утѣшенія на школьническую тему, потому что онъ приходилъ ко мнѣ въ тотъ день, въ который имѣлъ отправляться. Вмѣстѣ съ тѣмъ и своимъ порицателямъ я хотѣлъ показать, что и я могу говорить все, что взбредетъ на умъ. Поэтому мало приводилъ я и изъ Писаній и цвѣтами ихъ не пересыпалъ рѣчи своей. какъ обыкновенно дѣлалъ въ другихъ книгахъ. Поспѣшно и съ такою быстротою диктовалъ я при свѣтѣ свѣчи, что языкъ упреждалъ руки писцовъ и при скорости рѣчи употреблялось много знаковъ и сокращеній словъ. Это высказалъ я для того, чтобы кто не прощаетъ уму, простилъ бы по крайней мѣрѣ времени.

¹⁾ Т. е. питатель въ старости.

94. Письмо къ Юліану.

Сынъ мой, братъ твой Авзоній уже въ самую минуту отъѣзда, поздно подаривъ меня своимъ посѣщеніемъ и скоро отнявши его и въ одно и тоже время сказавши мнѣ и здравствуй и прощай, заявилъ, что онъ возвратится ни съ чѣмъ, если не принесетъ тебѣ чего нибудь изъ наскоро набросанныхъ мною пустячковъ. Уже съ полученнымъ паспортомъ сѣдлался общественный конь и благороднаго юношу, одѣтаго въ алую тунику обтягиваль поясъ, однако жъ онъ, приставивъ писца, принуждалъ меня говорить, чтобы наскоро сказанное хватала быстрая рука и поспѣшную рѣчь ловили письменные знаки. Итакъ, исполняя простой долгъ вѣжливости, прерываю долгое молчаніе не съ раченіемъ нишущаго, а съ необдуманностію диктующаго. Письмо поспѣшное, безъ порядка въ мысляхъ, безъ изысканности и искусства въ выраженіяхъ, — чтобы ты все находилъ въ немъ дѣломъ друга и ничего дѣломъ оратора. Считаю его высказаннымъ на ходу, даннымъ въ напутствіе отправляющемуся. Священное Писаніе говоритъ: *мусикія во плачи — безвременная повѣсть* (Сир. 22, 6): поэтому и я, пренебрегая красотами риторическаго искусства и украшеніями ребячески-ласкающей рѣчи, обращаюсь къ силѣ св. Писаній, въ которыхъ находится истинное врачество ранъ, въ которыхъ вѣрныя средства противъ скорбей. Тамъ мать снова приобрѣтаетъ единственнаго сына на смертномъ одрѣ, тамъ настигшему горю говорится: *не умре дѣвица, но спитъ* (Марк. 5, 39), тамъ и четырехдневный мертвецъ выходитъ сповитый на голосъ зовущаго Господа (Іоан. 11).

И слышалъ, что ты въ короткое время ночи въ одно погребеніе похоронилъ двухъ дочерей своихъ дѣвушекъ и что скоропостижная смерть похитила у тебя и цѣломудреннѣйшую и вѣрнѣйшую супругу или лучше по силѣ вѣры

сестру твою Фавстину, въ которой одной ты находилъ утѣшеніе послѣ потери дѣтей. Это похоже на то, что потерпѣвшій кораблекруженіе на берегу встрѣчаетъ разбойниковъ и что по изреченіямъ пророковъ убѣгающій отъ медвѣдя наталкивается на льва и простирающій руку къ стѣнѣ уязвляется змѣю. Не говорю о послѣдовавшемъ за тѣмъ ущербѣ въ хозяйствѣ; умалчиваю объ опустошеніи варварскимъ неприятелемъ всей провинціи и о разореніи во время общаго опустошенія твоихъ собственныхъ имѣній; не говорю о захваченномъ вьючномъ и рогатомъ скотѣ, о взятыхъ въ плѣнъ и убитыхъ рабахъ; — и отъ единственной дочери, которая стала для тебя еще дороже отъ столь частыхъ потерь и для которой избралъ ты благороднѣйшаго зятя, — и отъ единственной дочери ты получилъ больше печали, чѣмъ радости. Вотъ перечень испытаній твоихъ, вотъ борьба исконнаго врага съ Юліаномъ, страдальцемъ Христовымъ. Испытанія эти велики, если ты примѣняешь ихъ къ себѣ; но если примѣнить ихъ къ самому сильному воителю, то это игра и тѣнь борьбы. Блаженному Іову послѣ испытаній бѣдствіями была оставлена худшая изъ женъ, чтобы научить его богохульству; у тебя взята лучшая, чтобы ты не имѣлъ утѣшенія въ бѣдствіяхъ. Иное дѣло терпѣть ненавистную и иное желать любимой жены. Онъ столь многихъ сыновей похоронилъ въ одномъ гробѣ—въ развалинахъ дома своего,—и, растерзавъ ризы въ выраженіе родительской любви, простершись на землю, поклонился (Господу) и сказалъ: *нагъ изыдохъ отъ чрева матери моея, нагъ и отъиду: Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословено* (Іов. 1, 21). Ты, говоря очень умѣренно, при погребеніи своихъ близкихъ шелъ за гробомъ въ сопровожденіи многихъ родственниковъ и утѣшающихъ друзей. Онъ вмѣстѣ съ этимъ потерялъ все богатство и, когда одинъ за другимъ приходили вѣстники

бѣдствій, онъ твердо переносилъ удары при каждомъ пораженіи, выполняя на себѣ сказанное о мудрецѣ: «если сокрушенный разрушается міръ, безтрепетно падаетъ онъ подъ его развалинами» (Horat. lib 3, ed 2). Тебѣ оставлена большая часть имѣнія, чтобы искусить тебя настолько, сколько ты можешь снести, потому что ты не достигъ еще той степени, чтобы можно было направить противъ тебя всѣ средства испытанія.

Прежде богатый владѣтель и еще болѣе богатый отецъ вдругъ сталъ нищъ и нагъ. И такъ какъ во всемъ приключившемся ему онъ не согрѣшилъ предъ Богомъ и не сказалъ ничего безумнаго, то Господь, радуясь о побѣдѣ раба своего и терпѣніе его считая торжествомъ для Себя, сказалъ діаволу: *внялъ ли еси мыслию твоею рабу моему Іову; яко нѣсть такови отъ сущихъ ни земли: человекъ незлобивъ, истиненъ, непороченъ, благочестивъ, удаляйся отъ всякаго зла, еще же придержитъся незлобія* (Іов. 2, 3). Хорошо присовокупилъ: *еще же придержитъся незлобія*, потому что трудно не сожалѣть о невинности, угнетенной несчастіями, и не поколебаться въ вѣрѣ при сознаніи невинности страданій. Въ отвѣтъ на это діаволь говоритъ Господу: *кожу за кожу и вся елика имать человекъ дастъ за душу свою: обаче послѣ руку твою и коснися костемъ его и плоти его, ище не въ лице Тя благословитъ* (Іов. 2, 4. 5). Хитрый и заматорѣвшій въ дняхъ злобы врагъ знаетъ, что есть вещи внѣшнія, которыя философами міра называются *ἀδιάφορα*, т. е. безразличными и въ потерѣ или презрѣніи которыхъ нѣтъ полной добродѣтели, и есть другія вещи—внутреннія, которыя, какъ любимыя, составляютъ предметъ сожалѣнія для мудраго. Поэтому онъ смѣло отрицаетъ похвалу Божию и говоритъ, что нисколько не достоинъ похвалы тотъ, кто ничего не далъ отъ себя, а все отвѣдъ себя, который за кожу свою далъ кожу дѣтей и лишился

имѣнія, чтобы пользоваться здравіемъ тѣла. Изъ этого пусть усмотритъ мудрость твоя, что твои искушенія достигли только до этого предѣла, что ты далъ кожу за кожу, плоть за плоть и что все, что имѣешь ты, готовъ отдать за душу свою; но что не простерлась еще на тебя рука Божія, не тронута плоть твоя и не сокрушены кости, при боли которыхъ трудно не стнать и трудно въ лице благословлять Бога, вмѣсто того чтобы хулить. Поэтому и о Навуеѣ въ книгѣ Царствъ говорится, что онъ не благословилъ Бога и цари и потому народомъ побить былъ камнями (3 Цар. 21). А Господь, зная подвижника своего, зная, что этотъ сильный мужъ не можетъ быть побѣжденъ и въ самой опасной и упорной борьбѣ, сказалъ діаволу: *се предаю ти его: токмо душу его соблюди* (Іов. 2, 6). Тѣло святаго мужа передается во власть діавола, и сохраняется неприкосновенность души, чтобы вина падала на грѣшника, а не на того, кто, поразивъ умъ и чувства, извратилъ душевное состояніе.

Итакъ пусть другіе хвалятъ тебя и превозносятъ панегириками побѣды твои надъ діаволомъ, пусть хвалятъ за то, что благодушно перенесъ ты смерть дочерей, что благочестивѣйшую супругу свою ты проводилъ не какъ покойницу, а какъ временно разлучающуюся съ тобою, что въ сороковой день по успеніи ихъ ты перемѣнилъ траурную одежду и освященіе мощей мученика возвратило тебѣ бѣлую одежду, чтобы ты не скорбѣлъ о потерѣ своей, о которой скорбѣлъ весь городъ, но радовался при торжествѣ мученика. Я никоимъ образомъ не буду обманывать тебя лестью и ласкать опасною похвалою. Скажу лучше то, что тебѣ полезно услышать: *чадо. аще приступаеши работати Господеви Богу. уготови душу свою во искушеніе* (Сир. 2, 1). Когда исполнишь все, заповѣданное тебѣ, говори: я рабъ ничего не стоящій, потому что сдѣлалъ, что долженъ былъ сдѣлать. Взялъ Ты у меня (Господи) дѣтей, которыхъ Ты

самъ далъ мнѣ; отъялъ помощницу, которую далъ мнѣ въ непродолжительное утѣшеніе. Не сѣтую за то, что отъялъ, но возсылаю благодареніе за то, что далъ. Богатый юноша нѣкогда хвалился, что онъ исполнилъ все предписанное въ законѣ; но Господь сказалъ ему въ Евангеліи: одного ты не докончилъ: *иже хочещи совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ и гряди въ слѣдъ Мене* (Матѣ. 19, 21). Говорившій, что онъ все сдѣлалъ, при первой борьбѣ не могъ побѣдить богатства. Поэтому-то и съ трудомъ богатые входятъ въ царство небесное, которое требуетъ обитателей свободныхъ, на легкихъ крыльяхъ воспаряющихъ къ небу. *Иди*, говоритъ, *и продаждь* не часть имѣнія, а все, чѣмъ владѣешь, и *даждь нищимъ*, не друзьямъ, не сродникамъ, не ближнимъ, не женѣ, не дѣтямъ,— скажу нѣчто болѣе: ничего не оставляя для себя изъ-за опасенія собственной бѣдности, чтобы не подвергнуться осужденію съ Ананією и Сапфиною (Дѣян. 5), но все дай нищимъ и сотвори себѣ друзей отъ мамоны неправды, чтобы они приняли тебя въ вѣчные крѣвы (Лук. 16), чтобы слѣдовать за Мною и стяжаніемъ своимъ имѣть Господа міра; чтобы ты могъ воспѣвать съ Давидомъ: *часть моя Господь* (Пс. 15, 5; 72, 26) и чтобы, какъ истинный левитъ, ничѣмъ ты не владѣлъ изъ земнаго наслѣдства. И еще при-совоюкупаю: продай и отдай имѣніе, если хочешь быть совершеннымъ, если желаешь достигнуть вершины апостольской славы, если хочешь, подъявъ крестъ, слѣдовать Христу, взявшись за рало, не оглядываться назадъ, если, будучи поставленъ на высокой кровлѣ, ты презираешь прежнія одежды и если, чтобы убѣжать отъ госпожи египтянки, ты оставляешь верхнюю одежду міра (Быт. 39). Поэтому и Илія, посѣвшая въ царство небесное, не можетъ войти туда съ милотію, но одежду міра оставляетъ въ мірѣ (4 Цар. 2). Но это, скажешь ты, дѣло апостольскаго величія и того,

кто хочетъ быть совершеннымъ. А почему же и ты не хочешь быть совершеннымъ? Почему и тебѣ, первому въ мірѣ, не быть первымъ и въ дому Христовомъ? Развѣ потому, что ты имѣлъ жену? Но ее имѣлъ и Петръ, и однако оставилъ ее съ сѣтями и лодками. Промыслительный Господь, желающій спасенія всѣхъ, и хотящій болѣе покаянія, чѣмъ смерти грѣшника, отнялъ у тебя это оправданіе, чтобы не она тебя притягивала къ семьѣ, а чтобы ты слѣдовалъ за нею, когда она влечетъ тебя въ райскія обители. Для дѣтей, предварившихъ тебя о Господѣ, стяжи блага такъ, чтобы части ихъ служили не къ обогащенію сестры, а къ искупленію души твоей и на пропитаніе бѣднымъ. Этими-то уборовъ просятъ у тебя твои дочери; этими-то драгоценностями хотятъ они украсить свои головы. То, что имѣло погибнуть въ шелковыхъ одеждахъ, пусть сохранится въ дешевыхъ туникахъ бѣдныхъ. Онѣ просятъ у тебя частей своихъ; соединившись съ женихомъ, онѣ не хотятъ быть бѣдными и незнатными и требуютъ принадлежащихъ имъ украшеній.

И не чѣмъ защитить тебѣ знатности и богатства. Посмотри на святаго мужа Паммахія и пламеннаго въ вѣрѣ Павлина пресвитера, которые не только богатство, а и самихъ себя принесли Богу. Противъ козней діавола они посвятили Богу не кожу за кожу, а плоть и кости и души свои. Они могутъ руководить тебя къ высшему и примѣромъ и наставленіемъ, т е. и дѣломъ и словомъ. И ты благороденъ, и они; но они во Христѣ благороднѣе. И ты богатъ и почетенъ, и они; они даже изъ богатыхъ и почетныхъ бѣдны и безславны,—и потому болѣе богаты и болѣе знамениты, что ради Христа бѣдны и безславны. И ты благотворишь, потому что, говорятъ, служишь потребностямъ святыхъ, призираешь монаховъ, очень много жертвуешь церквамъ. Но это—первые только опыты твоего воинство-

ванія. Ты презираешь золото: презирали его и философы міра. Одинъ изъ нихъ,—не говорю о другихъ,—бросилъ въ море деньги, вырученныя за продажу многихъ имѣній, говоря: идите отъ меня въ глубину злыя склонности; я топлю васъ, чтобы самому не быть потоплену вами ¹⁾. Философъ—это животное, жаждущее славы и презрѣнный рабъ народной молвы—разомъ бросилъ всю свою казну; а ты думаешь, что уже сталъ на верху добродѣтели, если пожертвовалъ часть изъ цѣлаго? Самого тебя хочетъ Господь въ жертву живую, благоугодную Богу. Тебя, говорю, а не твоего, и увѣщаетъ къ этому различными испытаніями, потому что Израиль вразумляется многими наказаніями и скорбями и потому что *егоже любитъ Господь наказуетъ, бьетъ же всякаго сына, егоже приемлетъ* (Притч. 8, 13). Бѣдная вдова двѣ лепты бросила въ сокровищницу, и такъ какъ она пожертвовала все, что имѣла, то о ней говорится, что она всѣхъ богатыхъ превзошла своею жертвою Богу (Марк. 12; Лук. 21), которая цѣнится не по качеству своему, а по расположенію приносящихъ. Хотя многимъ раздавалъ ты деньги свои и хотя нѣкоторые облагодѣтельствованы твоею щедростію, но гораздо больше такихъ, которымъ ты ничего не далъ, ибо и сокровища Дарія и богатство Креза не могутъ удовлетворить бѣдныхъ всего міра. И если ты себя самого отдашь Господу и, будучи совершеннымъ въ апостольской добродѣтели, начнешь идти въ слѣдъ Спасителя, то тогда поймешь, гдѣ ты былъ и какое послѣднее мѣсто занималъ въ воинствѣ Христовомъ. Ты не оплакивалъ умершихъ дочерей и слезы отца на щекахъ твоихъ были осушены страхомъ Христовымъ. Но насколько выше Авраамъ, который добровольно закололъ единороднаго сына (Быт. 22) и не усум-

¹⁾ Въ книгѣ противъ Ювиніана Иеронимъ этого философа называетъ Кратесомъ Фивскимъ.

мнился, что будущій наслѣдникъ міра будетъ жить и послѣ смерти. Іефѳай принесъ въ жертву дочь-дѣвицу (Суд. 11) и потому-то упоминается апостоломъ въ перечнѣ святыхъ. Не то только приноси Богу, что можетъ похитить воръ, ограбить непріятель, отнять конфискація, что можетъ и прійти и отойти, что поступаетъ во владѣніе господамъ, смѣняющимся какъ волны и что, —объединяя все однимъ словомъ, — волею неволею ты долженъ будешь оставить при смерти;—а приноси то, что у тебя не можетъ отнять никакой врагъ, похитить никакой тиранъ, то, что съ тобою пойдетъ въ адъ или въ царство небесное и въ обители райскія. Ты строишь монастыри и по островамъ Далмаціи получаетъ отъ тебя содержаніе большое число святыхъ: но ты лучше сдѣлалъ бы, если бы и самъ жилъ святымъ между святыми. *Святѣ будите, яко Азъ святъ есмь, глаголетъ Господь* (Лев. 19, 2. 20, 7). Апостолы хвалятся, что они оставили все и послѣдовали за Спасителемъ: читаемъ, что они ничего не оставили кромѣ сѣтей и корабля, и однако они увѣнчиваются на будущемъ судѣ. Это потому, что, принося самихъ себя, они оставили все, что имѣли.

Это говорю я не въ порицаніе дѣлъ твоихъ и не для того, чтобы умалить благотворительность и милостыни твои, но потому, что я не хотѣлъ бы, чтобы ты былъ монахомъ среди мірскихъ людей или мірскимъ среди монаховъ. Слыша, что душа твоя предана божественному служенію, я ожидаю отъ тебя всего. Если этому совѣту моему противится или другъ, или пріятель, или родственникъ твой и отзываетъ тебя къ наслажденіямъ роскошнаго стола, то знай, что онъ помышляетъ не о душѣ твоей, а о своемъ чревѣ, и что всѣ богатые и роскошные пиры оканчиваются скоропостижною смертію. Въ теченіе двадцати дней ты потерялъ двухъ дочерей восьми и шести лѣтъ, и неужели думаешь, что можетъ долго жить старикъ? Послушай у Давида, какъ про-

должителенъ вѣкъ его: *днѣ лѣтъ нашихъ въ нижше седмдесятъ лѣтъ, аще же въ силахъ осмдесятъ лѣтъ, и множае ихъ трудъ и болѣзнь* (Пе. 89, 10). Счастливъ и достоублажаемъ тотъ, кого старость застигнетъ работающимъ Христу, кого послѣдній день застанетъ подвизающимся ради Спасителя, кто не постыдится, когда будетъ говорить съ врагами во вратахъ (Пе. 126, 5), кому въ преддверіи рая будетъ сказано: «ты воспріялъ все злое въ жизни своей, теперъ же здѣсь утѣшайся» (Лук. 16, 25). Богъ не мститъ дважды за одно и то же. Богатаго, облакавшагося въ порфиру, поглотило пламя геенны, а бѣдный и покрытый струпьями Лазарь, гнойное тѣло котораго лизали псы и который сдва питалъ бѣдную душу свою отъ крупиць стола богатаго, — принимается на лоно Авраамово и утѣшается, имѣя отцемъ столь великаго патриарха. Трудно, даже невозможно, чтобы кто-нибудь наслаждался и настоящими и будущими благами, чтобы и здѣсь питалъ чрево и тамъ питалъ духъ, отъ однихъ удовольствій переходилъ къ другимъ, былъ первымъ въ томъ и другомъ вѣгѣ, и являлся во славѣ и на небѣ и на землѣ.

Если тайное помышленіе возбудитъ въ тебѣ сомнѣніе—почему я самъ, увѣщатель, не таковъ, какимъ желаю, чтобы былъ ты, и что ты знаешь многихъ, которые пали и на пути болѣе легкомъ,—въ отвѣтъ на это я кратко скажу, что слова мои не мои, а Господа Спасителя, что я увѣщаваю тебя не къ тому, что могъ бы сдѣлать я самъ, а къ тому, что долженъ хотѣть или дѣлать тотъ, кто имѣетъ быть рабомъ Христовымъ. Борцы сильнѣе тѣхъ, которые возбуждаютъ ихъ, и однагоже слабѣйшій возбуждаетъ къ борьбѣ сильнѣйшаго. Смотри не на Іуду отрицающагося, а на Павла исповѣдывающаго (Христа). Іаковъ, сынъ весьма богатаго отца, одинъ и безъ всего, только съ посохомъ идетъ въ Месопотамію; утомившись въ пути, ложится на землѣ и въ нѣгѣ воспитанный матерью своею Ревеккою вмѣсто подушки

кладеть подь голову камень. Во снѣ видѣлъ онъ лѣстницу отъ земли до неба и восходящихъ и нисходящихъ по ней ангеловъ и Господа, утверждавшагося на верху ея, чтобы простирать руку падшимъ, чтобы взоромъ своимъ укрѣплять въ подвигъ восходящихъ. Поэтому и мѣсто то называется *Вевиль*, т. е. *домъ Божій*, въ которомъ ежедневно восходятъ и нисходятъ: ибо и святые падаютъ, если будутъ небрежны и грѣшники снова получаютъ потерянную степень, если скверны свои омоютъ слезами. Это я сказалъ для того, чтобы тебя не нисходящіе устрашали, а восходящіе ободряли. Съ худаго никогда не берутъ примѣра; даже и въ дѣлахъ мірскихъ возбужденія къ доброму берутся отъ лучшей стороны.—Забывъ объ обѣщаніи и краткости письма, я хотѣлъ диктовать больше; по важности предмета и достоинству твоей личности незначительно все, что говорится здѣсь; но вотъ нашъ Авзоній сталъ требовать письма тебѣ, понуждать писцовъ и при ржаніи горячаго коня, торопясь сталъ укорять слабый умъ мой въ медленности. Не говоря о другихъ примѣрахъ,—слѣдуй домашнему образцу святой Веры ¹⁾, которая, истинно (*vere*) послѣдовавъ Христу, терпѣливо переноситъ скорби странствованія, и пусть будетъ тебѣ «женщина руководительницею въ столь великомъ дѣлѣ» (*Aeneid.* 1 l).

95. Письмо къ Минервію и Александру монахамъ.

Уже въ самую минуту отъѣзда св. брата нашего Сисинія, доставившаго мнѣ ваши письма, я вынужденъ продиктовать что бы то ни было: не могу я не отвѣтить на вопросы вашей мудрости; только прошу не считать этого слова за лесть, и тѣмъ болѣе за долгъ приличія, потому что я говорю вамъ такъ, какъ самому себѣ. Онъ (Сисиній)

¹⁾ Вера (*Vera*) была сестра Юліана, къ которому написано это письмо.

доставилъ мнѣ много вопросовъ св. братій и сестеръ изъ вашей провинціи, вопросовъ, на которые я думалъ изготovitъ самый пространный отвѣтъ только ко дню Богоявленія. Но когда, занимаясь урывками по ночамъ, на большую часть вопросовъ я составилъ уже отвѣты, и, удовлетворивъ другихъ, берегъ свои силы для отвѣта на вашъ вопросъ, какъ наиболѣе трудный,—неожиданно приходитъ ко мнѣ Сисиній, говоря, что онъ сейчасъ отправляется, и когда я просилъ его отложить отъѣздъ, то онъ сталъ представлять мнѣ голодь въ Ливіи, нужды монастырей египетскихъ, маловодіе Нила, беспомощное положеніе многихъ, такъ что удерживать его здѣсь долѣе было бы почти грѣхомъ предъ Богомъ. Итакъ то, что я приготовилъ на подкладку для вашей тунники - основу, утокъ и станъ, только это и посылаю вамъ въ неотдѣланномъ видѣ, чтобы вашею мудростію было сотвано то, чего недостаетъ у меня. Вы благоразумны, вы образованы и отъ собачьяго, какъ говоритъ Аппій, велерѣчія перешли уже къ Христовой красотѣ слова. Мнѣ нѣтъ нужды много трудиться для васъ, подобно тому какъ, по рассказамъ басней, испыталъ одинъ философъ, уча простеца. «Едва только, говорилъ онъ, я скажу, бывало, половину, онъ остальное уже понималъ». Точно также и я, при недостаткѣ времени, представилъ вамъ только мнѣнія каждаго изъ оставившихъ толкованія на св. Писаніе, и большую часть этихъ мнѣній перевелъ слово въ слово, чтобы и самому мнѣ избавиться отъ возраженій, и вамъ самимъ представить авторитетъ древнихъ писателей, чтобы, читая и одобряя мнѣніе того или другаго, вы дѣлали это не по моему желанію, а по своей волѣ.

Вы спрашиваете, въ какомъ смыслѣ сказано, и какъ нужно читать въ первомъ посланіи апостола Павла къ Коринтянамъ 15 гл. 51 ст.—такъ ли: *вси бо успнемъ, не вси же измънимся*, или, по другимъ спискамъ, *вси бо не усп-*

немъ, вси же измѣнимся: ибо то и другое чтеніе встрѣчается въ греческихъ кодексахъ. Теодоръ изъ города Ираклеи, называвшагося прежде Перинѳомъ, въ краткихъ толкованіяхъ на апостола (Павла) говорилъ такъ. «*Хотя не вси мы умремъ, но вси измѣнимся*». Ибо Енохъ и Ілія, побѣдивъ законъ смерти, отъ земнаго общества восхищены въ небесное царствіе такъ, какъ были въ тѣлахъ (Быт. 5, 4; 3 Цар. 2). Отсюда и тѣ святые, которыхъ день гибели и суда застанетъ въ тѣлахъ, восхищены будутъ на облакахъ въ срътеніе Христу вмѣстѣ съ другими святыми, воскресшими изъ мертвыхъ, не вкусятъ смерти и всегда будутъ съ Господомъ, поправъ тяжкій законъ смерти. Поэтому апостоль и говоритъ: *вси бо не уснемъ, вси же измѣнимся;* ибо и воскресшіе изъ мертвыхъ и живые, восхищенные на облакахъ, перейдутъ въ нетлѣніе и отъ смертности измѣнятся въ безсмертіе,—измѣнятся не во время какое либо, ни даже въ краткое протяженіе времени, но въ атомъ, точку времени, въ мгновеніе, въ какое вѣко глазное можетъ моргнуть при послѣдней трубѣ. И воскресеніе мертвыхъ совершится такъ быстро, что живые, которыхъ послѣднее время застанетъ въ ихъ тѣлахъ, не успѣютъ предварить мертвыхъ, встающихъ изъ гробовъ. Очевидно, подтверждая это, апостоль Павелъ говоритъ: *вострубитъ бо (труба), и мертвіи востанутъ нетлѣнни, и мы измѣнимся* Подобаетъ бо тлѣнному сему облецися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облецися въ безсмертіе (1 Кор. 15, 52. 53), чтобы могло оно жить вѣчно въ томъ и другомъ случаѣ—въ мукахъ ли, или въ царствіи небесномъ».

Діодоръ, епископъ тарсійскій, опустивъ это отдѣленіе, въ дальнѣйшемъ объясненіи сдѣлалъ краткое замѣчаніе на слова: *и мертвіи востанутъ нетлѣнни, и мы измѣнимся.* «Если, говоритъ онъ, мертвые востанутъ нетлѣнными и безъ сомнѣнія и они будутъ измѣнившимися къ лучшему: то за-

чѣмъ нужно было говорить—и мы измѣнимся? Не хотѣли ли онъ этимъ дать разумѣть, что нетлѣніе обще всемъ, а измѣненіе только праведнымъ, такъ какъ они наслѣдуютъ не только нетлѣніе и безсмертіе, но и славу?»

Аполлинарій, хотя и другими словами, сказалъ тоже, что и Феодоръ, именно, что нѣкоторые не умрутъ и отъ настоящей восхищены будутъ въ будущую жизнь, чтобы по измѣненіи и прославленіи тѣлъ навсегда быть со Христомъ, что, вѣруемъ, и теперь совершается съ Елохомъ и Иліею.

Дидимъ не стопами, а словами переходя на сторону мнѣнія Оригена, идетъ противоположнымъ путемъ. О словахъ: *тайну вамъ глаголю: вси бо уснемъ, не вси же измѣнимся*, онъ разсуждалъ такъ. «Если бы воскресеніе не нуждалось въ толкованіи, и не имѣло никакой темноты для разумѣнія, то Павелъ послѣ того многого, что онъ сказалъ о воскресеніи, никогда бы не прибавилъ: говорю вамъ тайну: хотя все уснемъ, т. е. умремъ, но не все, а только одни святые, измѣнимся. Знаю, что въ нѣкоторыхъ кодексахъ написано: *вси бо не уснемъ, вси же измѣнимся*; но нужно обратить вниманіе на то, — предшествующему: *вси измѣнимся* можетъ ли соотвѣтствовать послѣдующее: *мертвіи востанутъ нетлѣнни, и мы измѣнимся*. Ибо если все измѣнится и это обще всемъ, то излишне было бы говорить, *и мы измѣнимся*. Поэтому должно читать такъ: *вси бо уснемъ, не вси же измѣнимся*. Ибо если въ Адамѣ все умираютъ, и смерть есть не что иное, какъ сонъ, то слѣдовательно все уснемъ, или, все умремъ. Засыпаетъ же, по свойству Писаній, тотъ, кто умеръ съ надеждою будущаго воскресенія. И всякій, кто засыпаетъ, конечно пробуждается, если только не поразитъ его внезапная смерть и смерть не соединится со сномъ. Если же, такимъ образомъ, все уснутъ по закону природы, то измѣнятся къ лучшему и по тѣлу и по душѣ только одни святые: такъ что не-

тлѣніе будетъ принадлежать всѣмъ воскресшимъ, слава же и измѣненіе только святымъ». Тотъ же Дидимъ дальнѣйшія слова по греческому тексту: ἐν ἰσχύϊ, ἐν ῥοπῇ, или ἐν ῥοπῇ ὀφθαλμοῦ (потому что читается и такъ и иначе), — слова, которыя наши перевели in momento et in ictu или in motu oculi — изъяснилъ такъ: «по совмѣстномъ воскресеніи всѣхъ восхищены будутъ во срѣтеніе Христу, — но тѣ, коихъ разрѣшитъ смерть, что означаетъ предшествующія слова. Ибо когда говорить, что воскресеніе всѣхъ будетъ въ самое краткое время, въ мгновеніе ока, въ моментъ, то этимъ исключаетъ всякій вымыселъ о первомъ и второмъ воскресеніи, т. е. будто одни воскреснутъ первыми, другіе послѣдними. Атомъ есть такая частица времени, которая не можетъ раздѣляться и раздробляться. Потому-то и Эпикуръ изъ своихъ атомовъ строить міръ и все производить. Мигъ же или мгновеніе она, что по-гречески читается ῥοπῇ, пробѣгаетъ такъ быстро, что почти ускользаетъ отъ сознанія наблюдающаго. Поелику же въ большей части кодексовъ вмѣсто ῥοπῇ, т. е. мигъ или мгновеніе, читается ῥιπή¹⁾, то это мы должны понимать въ томъ смыслѣ, что какъ легкій пухъ, или соломинка, или тонкій и сухой листъ легко поднимаются вѣтромъ и бурей, то также во мгновеніе ока по мановенію Божію воздвигнуты будутъ и тѣла всѣхъ мертвыхъ, уготовляясь къ пришествію Судии. А что далѣе присовокупляетъ апостоль, говоря: *въ послѣдней трубѣ: воспрубимъ бо и мертвіи востанутъ нетлѣнни, и мы измѣнимся. Подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облещися въ безсмертіе,* — это имѣетъ двойкій смыслъ, или тотъ, что звукъ трубы или голоса обозначаетъ торжественность, какъ сказано: *яко трубу возвыси гласъ твой* (Исаи 58, 1); или открытое воскресеніе

¹⁾ Толчокъ, увлеченіе, унесеніе.

всѣхъ, соотвѣтственно словамъ Евангелія: *егда убо творими милостыню, не воструби предъ собою* (Матѳ. 6, 2), т. е. твори дѣла милосердія тайно, скрытно, дабы не показалось, что ты тщеславишься чрезъ несчастіе другаго. Но спрашиваю: почему апостоль написалъ, что мертвые востанутъ по послѣдней трубѣ? Потому что, если упоминается послѣдняя, то, конечно, ей будутъ предшествовать и другія. Въ Апокалипсисѣ Іоанна изображаются семь ангеловъ съ трубами, и показывается, что совершается при трубномъ звукѣ каждаго, т. е. перваго, втораго, третьяго, четвертаго, пятаго и шестаго (Апок. 8 и 9 гл.); по трубному же громгласному звуку послѣдняго возстаютъ мертвые, воспринимая нетлѣнныя тѣла, бывшія прежде тлѣнными. Потому-то апостоль то, что послѣдуетъ за послѣднею трубою, изображаетъ такъ: *вострубитъ бо (труба), и мертвіи востанутъ нетлѣнни, и мы измѣнимся*. Когда говоритъ *мы*, показываетъ, что онъ и тѣ, которые съ нимъ, будутъ иными,—кромѣ умершихъ. При объясненіи этого мѣста, одни говорятъ, что мертвые, которые востанутъ нетлѣнными, суть тѣла мертвыхъ; подъ тѣми же, о которыхъ говорится, что они измѣнятся, нужно разумѣть души, поелику онѣ измѣнятся для большей славы и достигнуть въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова (Еф. 4, 13). Другіе же утверждаютъ, что подъ мертвыми нужно разумѣть грѣшниковъ, которые востанутъ нетлѣнными для того, чтобы могли терпѣть вѣчныя мученія; тѣ же, которые измѣнятся, суть святые, которые переходяхъ отъ силы въ силу, отъ славы въ славу. Потому-то къ нетлѣнію мертвыхъ присовокупляетъ: *подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе: а къ словамъ,—мы измѣнимся, присоединяетъ: и мертвенному сему облещися въ безсмертіе*. Ибо не одно и то же безсмертіе и нетлѣніе, точно также какъ иное смертное и иное тлѣнное: все смертное есть въ то же время и тлѣнное;

но не все тлѣнное есть уже и смертное. Тлѣнны тѣла, въ которыхъ нѣтъ души, и однако они не суть смертны; поелику они никогда не имѣли жизни, которая свойственна собственно одушевленнымъ существамъ. Потому-то апостоль такъ ясно сопоставилъ тлѣніе съ нетлѣніемъ и смертность съ бессмертіемъ, имѣющимъ послѣдовать во время воскресенія».

Акакій, послѣ Евсевія Памфила епископъ Кесаріи, называвшейся прежде башнею Стратона, въ четвертой книгѣ *συμβολῶν ζητημάτων*, задавшись этимъ же вопросомъ, очень подробно разсуждаетъ о немъ, и принимая то и другое чтеніе, повидимому, противоположныя между собою, послѣ введенія, которое я опускаю, говоритъ такъ: «скажемъ прежде о томъ, что встрѣчается въ большей части кодексовъ: «говорю вамъ тайну: хотя всѣ мы умремъ, но не всѣ измѣнимся». Намъ реваясь подробно говорить о воскресеніи, апостоль назвалъ его тайною, желая возбудить вниманіе слушателей. Такъ какъ усненіе, усыпленіе, означаетъ самую смерть, которая общій удѣлъ всѣхъ: то апостоль весьма справедливо сказалъ, что всѣ *уснемъ*, т. е. умремъ, подобно тому какъ выше онъ сказалъ: *якоже о Адамъ вси умираютъ. такоже и о Христѣ вси оживутъ*. А тогда какъ, такимъ образомъ, всѣ должны умереть, внемлите тайнамъ, которыя возвѣщаю вамъ: хотя всѣ умремъ, т. е. уснемъ, но не всѣ измѣнимся. *Вострубитъ бо (труба), безъ сомнѣнія седьмой ангель, и мертвіи встанутъ нетлѣнни*. Если же мертвые будутъ нетлѣнными, то какимъ образомъ они не измѣнятся, когда уже самое нетлѣніе есть измѣненіе? Но измѣненіе, какимъ измѣнится Павелъ и святые, нужно понимать здѣсь въ смыслѣ прославленія; а нетлѣніе будетъ удѣломъ всѣхъ потому, что и грѣшники чрезъ оное будутъ еще несчастнѣе, чтобы мучиться во вѣки и не уничтожаться смертнымъ и тлѣннымъ тѣломъ. Въ томъ же посланіи апо-

стола, когда онъ разсуждаетъ о тайнахъ, мы читаемъ, что воскресшіе будутъ различаться не по свойству тѣлъ, а по различію славы, такъ какъ одни воскреснутъ для вѣчнаго мученія, другіе же для вѣчной славы; ибо иная плоть у птицъ, иная у рыбъ, иная у скотовъ; есть тѣла небесныя, и тѣла земныя: *такжеже, говоритъ, и воскресеніе мертвыхъ* (1 Кор. 15, 39. 40. 42). Церковь преимущественно согласуется съ этимъ мнѣніемъ, что всѣ умираемъ по общему закону смерти, но не всѣ измѣняемся въ славу, по слову Давида: *мнози отъ спящихъ въ земный персти, востанутъ: сіи въ жизнь вѣчную, а оии во укоризну и въ стыднѣе вѣчное* (Дан. 12, 12). Ибо тѣ, которые востанутъ въ поношеніе и вѣчный позоръ, конечно не востанутъ въ вѣчную славу, въ которую измѣнится Павелъ и сущіе съ нимъ. Если же это такъ и въ такомъ смыслѣ должно быть понимаемо, то нужно принимать измѣніе только относительно тѣхъ, которые востанутъ въ славу; а относительно грѣшниковъ и невѣрныхъ, которые называются мертвыми и воскреснутъ негнѣнными, должно признать не измѣненіе, а вѣчныя мученія».

Переходимъ ко второму чтенію, которое въ большей части кодексовъ читается такъ: *все бо не уснемъ, все же измѣнимся*. На основаніи такого чтенія нѣкоторые утверждаютъ, что многіе живыми останутся въ тѣлахъ, потому что если не всѣ уснутъ, то не всѣ и умрутъ; если же не всѣ умрутъ, то не всѣ и воскреснутъ, потому что воскресеніе относится собственно къ прежде умершимъ. Подтверженіе этому они хотятъ видѣть въ первомъ посланіи Павла къ солунянамъ: *мы живущіи, оставшіи въ пришествіе Господне, не имамы предварити умершихъ: яко Самъ Господь въ повелѣніи, во гласъ архангеловъ, и въ трубѣ Божіи спидетъ съ небесе, и мертвіи о Христѣ воскреснутъ первыи (имаче первіи): потомъ же мы живущіи оставшіи, кунно съ ними восхитени будемъ на облацехъ*

въ срътеніе Господне на воздухъ: и тако всегда съ Господемъ будемъ (1 Солун. 4, 15 и слѣд.). На основаніи этихъ словъ стараются доказать, что апостоль Павелъ и писавшіе съ нимъ посланіе думали, что они не умрутъ, но въ день суда будутъ застигнуты въ тѣлѣ. Если такъ, то Павелъ, полагая, что въ этотъ день онъ будетъ въ тѣлѣ, погрѣшилъ и былъ введенъ въ заблужденіе человѣческимъ мнѣніемъ, такъ какъ послѣдствія показали несправедливость этого мнѣнія. Это же разумѣли и сами солуняне, не зная тайнъ мистическихъ словъ, волновались различными догадками и говорили: если Павелъ будетъ застигнутъ въ тѣлѣ, то значитъ очень близокъ день суда. Поэтому Павелъ, пиша второе посланіе, исправлялъ ихъ взглядъ, говоря: *молимъ вы, братіе, о пришествіи Господа нашего Иисуса Христа, и нашею собраніи о Немъ, не скоро подвизатися вамъ отъ ума, ни ужасатися, ниже духомъ, ниже словомъ, ни посланіемъ аки отъ насъ посланнымъ, яко уже настощъ день Христовъ. Ди никтоже васъ прельститъ ни по единому же образу: яко аще не придетъ отступленіе прежде, и открытѣся человекъ беззаконія, сынъ погибели, противникъ и превозносящій паче всякаго глаголемаго бога или чтилища, якоже ему състи въ церкви Божіей аки Богу, показующу себе, яко Богъ есть. Не помните ли, яко еще живыи у васъ, сія глаголахъ вамъ* (2 Солун. 2, 1 и слѣд.). Этими словами апостоль старается отклонить ихъ отъ заблужденія, чтобы они не думали, будто близокъ день суда,—и внушить имъ, чтобы написанное имъ прежде:—*мы живущи оставшии въ пришествіе Господне, не имамы предварити умершихъ*, понимали иначе, въ томъ смыслѣ, какой соединялъ съ ними самъ писавшій. Ибо не можетъ быть, чтобы тотъ, который писалъ къ Тимоѳею: *азъ бо уже жренъ бываю, и время отшествія моего наста* (Тим. 4, 6), думалъ, будто онъ всегда останется во плоти и никогда не умретъ и что онъ

изъ земной жизни непосредственно перейдетъ въ царство небесное, въ особенности, когда въ посланіи къ Римлянамъ онъ сказалъ тоже самое: *кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего?* (Рим. 7, 24), и къ Коринѳянамъ: *живуще въ тѣлѣ, отходимъ отъ Господа. Дерзаемъ же и благоволимъ наце отъити отъ тѣла, и внити ко Господу* (2 Кор. 5, 8). Говорившій это, конечно, зналъ, что онъ умретъ. Итакъ лучше понимать написанное въ духовномъ смыслѣ и успеніе въ настоящемъ мѣстѣ признавать не въ значеніи смерти, которою душа отдѣляется отъ тѣла но въ значеніи грѣха и оскорбленія Бога послѣ принятія вѣры, въ значеніи успенія послѣ крещенія, о которомъ апостоль говорилъ и къ Коринѳянамъ: *сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи и спятъ доволни* (1 Кор. 11, 30), и въ другомъ мѣстѣ: «поэтому и усопшіе во Христѣ погибли» (15, 18), т. е. они хотя умерли, но не погибнуть вѣчною смертію, послѣгу связаны не смертнымъ, а легкимъ и незначительнымъ грѣхомъ. Желая избѣжать этого, и другой святой говорилъ: *да не когда усну въ сметръ* (Пе. 12, 4). Ибо есть усныленіе грѣховное, которое ведетъ къ смерти, и есть усныленіе незначительнаго проступка, которое не сопровождается смертію. Слѣдовательно, кто будетъ жить тою жизнью, которая говоритъ, *азъ есмь животъ* (Іоан. 14, 6) (ибо *животъ нашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ* (Кол. 3, 3)), и никогда не будетъ отдѣляться отъ нея, не согрѣшитъ къ смерти, тотъ причисляется къ тѣмъ живымъ и вѣчно-живымъ, о которыхъ Спаситель въ Евангеліи Іоанна сказалъ таинственнымъ образомъ: *въруай въ Мя, аще и умретъ, оживетъ И всякъ живей и въруай въ Мя, не умретъ во вѣки* (Іоан. 11, 25. 26). Отсюда и апостоль послѣдую стопамъ своего Господа, училъ учениковъ тому, чему самъ научился отъ Учителя. Итакъ все не уснемъ. Кто со всею тщательностію охраняетъ свое сердце, блюдетъ

повелѣнія Христовы и памятуеть заповѣдь Его, которая говоритъ: *бдите убо, яко не вѣсте, въ кій часъ Господь вашъ приидетъ* (Матѳ. 24, 42), и въ другомъ мѣстѣ: *не даждь сна твоими очима, ниже да воздремлемъ твоими вѣждома* (Прит. 6, 4), чтобы спастись, какъ серна, отъ тенеть и какъ птица отъ сѣтей,—тотъ не уснетъ. Если же такимъ образомъ нѣкоторые—тѣ, которые всегда живутъ во Христѣ и бодрствуютъ,—не уснутъ, то слѣдуетъ, что все не уснуть, но напротивъ все измѣнится не измѣненіемъ славы, которая принадлежитъ только святымъ, но тѣмъ измѣненіемъ, что это тлѣнное станетъ нетлѣннымъ, чтобы каждый получилъ или вѣчное наказаніе или вѣчную награду. Уснувшій во Христѣ, заснувшій сномъ нерадѣнія, пусть обратитъ вниманіе на слова: *еда спяй не приложитъ воскреснути* (Пс. 40, 9); а не спящій и бодрствующій, всегда живой во Христѣ перейдетъ отъ жизни къ жизни, или восхищенъ будетъ на облакахъ, чтобы всегда быть съ Господомъ. Однимъ изъ спящихъ такимъ образомъ былъ Лазарь, о которомъ Господь сказалъ: *Лазарь другъ нашъ усне, и о снѣ котораго говорилъ Марѳа: вѣруяй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ. И всякъ живой и вѣруяй въ Мя, не умретъ во вѣки* (Іоан. 11, 11. 25, 26). Ибо кто всею сердцемъ предается Христу, тотъ если, какъ человекъ падшій, и умретъ во грѣхѣ, то вѣрою своею живетъ во вѣки. Въ другомъ значеніи общая смерть одинаково есть удѣлъ и вѣрующихъ и невѣрующихъ, и все одинаково воскреснутъ—одни для вѣчнаго мученія, другіе, по силѣ вѣры своей, для вѣчной жизни. Итакъ можно стоять на томъ мнѣніи, что вѣрующій во Христѣ не умретъ, и хотя и умретъ, но будетъ жить во вѣки, чего, очевидно, относительно смерти тѣлесной не испыталъ никто, кромѣ Еноха и Ілии (Быт. 5. 4; Вар. 2). Тѣ, которые съ твердою вѣрою живутъ во Христѣ, не уснутъ и не умрутъ; но будутъ подражателями жизни апостоловъ,

которые жили въ законѣ правды и безъ всякаго грѣха, обратившись къ вѣрѣ въ Господа, вѣруя въ Того, Кто называется жизнію и воскресеніемъ, никогда не уснули, никогда не умерли. *Душа, яже согрѣшитъ, та умретъ* (Иезек. 18, 4). Такимъ образомъ, какъ душа грѣшная уже и при жизни тѣла мертва и усыпаетъ въ смерть въ тотъ самый день, въ который согрѣшитъ, по словамъ Екклезіаста: «кто согрѣшилъ, оттолѣ умеръ» (8, 12); такъ душа, сохранившая заповѣди Христовы, будетъ жить во вѣки, хотя тѣло и умретъ. Должно полагать, вѣрнѣе читать такъ: *все уснемъ, не все же измѣнимся* особенно потому, что дальше говорится: *мертвіи востанутъ нетлѣнни, и мы измѣнимся*. Ибо если, по другому чтенію, всѣ должны измѣниться, то какимъ образомъ послѣ прибавлено: *и мы измѣнимся*, какъ что-то особенное, частное и относящееся только къ апостоламъ? Когда, говорить—*мы*, то подъ этимъ разумѣеть всѣхъ святыхъ.

Вы спрашиваете, какъ нужно понимать слова перваго посланія къ Солунянамъ 4 гл. 15 и сл. стих.: *се бо вамъ глаголемъ словомъ Господнимъ, яко мы живущіи оставимъ съ пришествіе Господне, не имамы предварити умершихъ: яко Самъ Господь въ повелѣніи, во гласъ архангеловъ, и въ трубѣ Божіи снидетъ съ небесе, и мертвіи о Христѣ воскреснутъ первѣе: потомъ же мы живущіи оставимъ, купно съ ними восхищени будемъ на облацехъ въ срѣтеніе Господне на воздухъ: и тако всегда съ Господемъ будемъ*. Хотя вышеизложенное разсужденіе Акакія очень полно раскрыло смыслъ этого мѣста, тѣмъ не менѣе нужно сказать и о томъ, что представляется другимъ, т. е. Теодору, Аполлинарію и Діодору, которые всѣ держатся одного мнѣнія. Изъ нихъ Діодоръ писалъ слѣдующее. «Апостолъ Павелъ говоритъ—*оставимъ и живущіи* не въ томъ смыслѣ, будто онъ и другіе останутся въ тѣлѣ въ день воскресенія; но онъ говоритъ *мы* вмѣсто того, чтобы сказать *правед-*

ны, въ числѣ коихъ нахожусь и я; ибо только праведные будутъ восхищены во срѣтеніе Христу, а и не грѣшники вмѣстѣ съ ними. Подѣ живущими же мы не разумѣемъ по тропологическому смыслу святыхъ, которые не умерли во грѣхѣхъ, но разумѣемъ всѣхъ, которыхъ пришествіе Христово застанетъ въ тѣлѣ. Послѣдующія слова—*не имамы предвартити умершихъ* также никакъ не должно относить къ грѣшникамъ; ибо грѣшники не будутъ вмѣстѣ съ праведными восхищены во срѣтеніе Христу, но будутъ восхищены только праведные, разрѣшившись отъ узъ смерти. Но зачѣмъ я разъясняю это и какъ-бы не довѣряю словамъ апостола, когда онъ самъ весьма ясно говоритъ: *мы оставшіе въ пришествіе Господне?* А кто—эти оставшіися, мы узнаемъ изъ словъ Спасителя: *якоже во дни Ноевы женияхуся и послѣгаху: и прииде потопъ и погуби вся: тако будетъ и пришествіе Сына человѣческаго* (Матѣ. 24; Лук. 17). Этими словами утверждается, что при концѣ міра останется много живыхъ и въ тѣлахъ. Далѣе: въ повелѣніи, во гласъ архангеловъ мертвіи воскреснутъ первіи. И объ этомъ Спаситель говоритъ въ Евангеліи: *по нуноци же вопль бысть: се Женихъ грядетъ* (Матѣ. 25, 6). Женихъ, конечно, найдетъ живыхъ въ тѣлѣ, такъ какъ *будета два на одръ единомъ: единъ поемлется, а другій оставляется: будета два вкупъ мелющъ, едина поемлется, а другая оставяется* (Лук. 17 гл.). Изъ этихъ словъ видно, что конецъ міра настанетъ въ полночь, при всеобщей безпечности».

Оригенъ въ третьей книгѣ *ἐξηγητικῶν* (толкованій) на первое посланіе апостола Павла къ Фессалоникійцамъ къ многимъ разнообразнымъ, мудрымъ объясненіямъ, прибавилъ еще слѣдующее, изъ котораго, безъ сомнѣнія, многимъ воспользовался и Акакій. «Что означаютъ слова Павла, Силуана и Тимофея, писанныя ими къ Фессалоникійцамъ: *мы живущіи оставшіи въ пришествіе Господне, не имамы предва-*

рити умершихъ? Кто эти живущіи, которые такъ говорятъ это?—Безъ сомнѣнія Павелъ—не отъ людей и чрезъ людей апостоль (Гал. 1), возлюбленный сынъ его по вѣрѣ Тимоѳею и Силуанъ, связанный съ ними и любовію и доблестію. И эти слова—мы живущіи могутъ сказать не только они, но всѣ, кто подобенъ Павлу по мысли и дѣятельности, коихъ тѣло мертво грѣха ради, а духъ живетъ правды ради и коихъ уды на землѣ умерщвлены, такъ что плоть не похотствуетъ на духъ. Ибо если плоть похотствуетъ, то она еще жива и потому-то и похотствуетъ, что жива, и уды ея на землѣ еще не умерщвлены; а если же они умерщвлены, то никогда не похотствуютъ на духъ, поелику при своемъ умерщвленіи потеряли подобныя похоти. Такимъ образомъ, какъ разрѣшившіеся отъ настоящей жизни и перешедшіе къ лучшей,—тогда-то преимущественно и живутъ, когда освободятся отъ смертнаго тѣла и всѣхъ порочныхъ пожеланій; такъ и тѣ, которые носятъ въ тѣлѣ своемъ мертвенность Іисуса, не живутъ по плоти, а только по духу, живутъ въ томъ, Который есть жизнь, и въ нихъ живетъ Христосъ, о Которомъ сказано: *живо слово Божіе и дѣйственно* (Евр. 4, 12) и Который *есть Божія сила и Божія премудрость*. Ибо живы тѣ, кои совлеклись всякой человѣческой немощи, въ которыхъ живетъ Божія сила, въ которыхъ живетъ премудрость, сокровенная въ Богѣ, и въ которыхъ живетъ и дѣйствуетъ правда. Ибо Христосъ содѣлался для насъ не только правдою отъ Бога, но премудростію и всѣмъ, что составляетъ силу (1 Кор. 1, 30). И такъ-какъ въ настоящемъ мѣстѣ пишущіе это посланіе отдѣляли себя отъ усопшихъ и умершихъ во Христѣ, то это объясненіе кажется излишнимъ и свидѣтельство, основанное на одномъ мѣстѣ, не имѣло бы силы. А теперъ въ томъ же смыслѣ, поелику и въ томъ же духѣ, говорится и въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ: *вси бо не уснемъ, вси же измѣнимся вскорѣ,*

во мгновѣніи ока, въ послѣдній трубѣ. Вострубятъ бо, и мертвіи востанутъ нетлѣнни. и мы измѣнимся (1 Кор. 15, 51. 55). Сказанное въ объясняемомъ нами мѣстѣ (въ посланіи къ Солунянамъ)—*въ трубѣ Божіи снидетъ съ небесе*, сравни съ тѣмъ, что говорится въ посланіи къ Коринѣянамъ: *въ послѣдній трубѣ: вострубятъ бо труба* (1 Кор. 15, 52); а съ словами въ посланіи къ Солунянамъ—*мертвіи о Христѣ востанутъ первѣе* (1 Сол. 4, 15) сличи написанное къ посланіи къ Коринѣянамъ—*и мертвіи востанутъ нетлѣнни*. Дальнѣйшему же: *потомъ мы живущіи оставшіи* соотвѣтствуютъ слова: *и мы измѣнимся*. То и другое мѣсто можно понимать такъ: мы—живые, оставшіеся въ пришествіе Господа, мы измѣнимся; мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые называются мертвыми, но мы—живые: потому мы ожидаемъ пришествія Господа не въ смерти, но въ жизни, потому что мы изъ рода израильскаго и отъ насъ избранъ останокъ, о которомъ Господь нѣкогда говорилъ: *Я оставилъ Себѣ семь тысячъ мужей, иже не преклонили колѣна Ваалу* (3 Цар. 19, 18), какъ и въ Евангеліи Іоанна изображаются два разряда—живыхъ и не живыхъ: *вспруай въ Мл, аще и умретъ, оживетъ. И всякъ живой и вспруай въ Мл, не умретъ во вѣки* (Іоан. 11, 25, 26). Если мы понимаемъ живыхъ въ томъ смыслѣ, какъ было сказано нами, то подъ усопшими и умершими во Христѣ мы должны признать тѣхъ, кои, хотя и хотѣли жить во Христѣ, но умерли грѣхомъ. Если же подъ живыми разумѣется останокъ Израіля и избранные по благодати, то усопшими и мертвыми во Христѣ должны быть признаны тѣ, кои не право вѣруютъ и не происходятъ отъ избраннаго израильскаго племени.

Есть еще объясняющіе это мѣсто такимъ образомъ. Живыми называются тѣ, которые никогда не умирали грѣхомъ; а тѣ, которые согрѣшили и умерли, потому что со-

грѣшили, и потомъ обратившись къ покаянію, заглаживаютъ прежнія преступленія,—эти, какъ согрѣшившіе, называются мертвыми, но мертвыми во Христѣ, поелику всецѣло обратились къ Богу. Далѣе, живые и имѣющіе свидѣтельство вѣры, но еще не получившіе обѣтованія Господа, предусмотрѣвшаго относительно ихъ нѣчто лучшее, дабы они достигли совершенства не безъ праведныхъ (Евр. 11, 40), находятъ блаженство въ томъ, что имѣють добрую совѣсть, живутъ и оставлены въ пришествіе Господа Спасителя. Но поелику Богъ милостивъ и хочетъ спасти даже усопшихъ и умершихъ во Христѣ, то живые не предварятъ этихъ мертвыхъ, и не одни будутъ восхищены на облакахъ, но, по слову евангельской притчи, получаютъ одинъ динарій, одинаковую награду спасенія и работавшіе въ виноградникѣ съ одиннадцатаго только часа и работавшіе съ перваго (Матѣ. 20). И это не должно казаться кому нибудь несправедливымъ, что не одинаковый трудъ награждается одинаково: ибо великое различіе между тѣми, которые исцѣлены послѣ ранъ, и тѣми, которые никогда не видали страха смерти. Объ этихъ послѣднихъ, думаю, сказано: *кто есть человекъ, иже проживетъ и не узритъ смерти, избавитъ душу свою изъ руки адовы?* (Пс. 88, 49). Ибо «кто» здѣсь сказано не въ смыслѣ «никто», но какъ-бы такъ: «кто-ты думаешь», точно также какъ въ этомъ же смыслѣ сказано: *кто премудръ и уразумѣетъ сія* (Осіи 14, 10). И въ другомъ мѣстѣ: *Господи, кто обитаетъ въ жилищи твоимъ?* (Пс. 14, 1) и еще: *кто бо разумъ умъ Господень?* (Рим. 11, 34). Итакъ немногіе изъ оставшихся вѣрующихъ увидятъ пришествіе Господа, и увидятъ не въ униженіи плоти воплотившагося Бога-Слова, но въ славѣ побѣдителя. Еще нужно обратить вниманіе на то, почему апостолъ тѣхъ, которыхъ живые не могутъ предварить, назвалъ сначала усопшими, а потомъ мертвыми во Христѣ. Кто не сохранитъ написаннаго: *не*

даждь сна твоима очима, ниже да воздремлеши твоима въждма: да спасешися аки серна отъ тенетъ, и яко птица отъ съти (Прит. 6, 4. 5), тотъ заснетъ и оцѣпѣетъ въ грѣховномъ снѣ, и когда заснетъ, то перейдетъ къ смерти, потому что какъ бодрствующій находится въ движеніи, такъ спящій лежитъ неподвижно и безъ чувствъ какъ мертвый. А что дѣйствительно смерть слѣдуетъ за сномъ, это видно изъ перваго посланія къ Коринѣянамъ, въ которомъ говорится: *нынѣ же Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ усопшимъ бысть. Понеже бо человекомъ смерть бысть, и человекомъ воскресеніе мертвыхъ* (1 Кор. 15, 20. 21): и немного послѣ: *вси бо не уснемъ, вси же измѣнимся вскорѣ, во мгноveníи ока, въ послѣдней трубѣ. Вострубитъ бо и мертвіи востанутъ нетлѣнни, и мы измѣнимся* (тамъ же 51. 52). Слѣдовательно, когда такъ говорится о снѣ и смерти, и притомъ мы читаемъ у апостола: *востани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ, и освятитъ тя Христосъ* (Еф. 5, 14), то поклоняемся Господу и дадимъ каждый въ сердцѣ своемъ обѣтъ Богу Іаковлю: *аще възду на одръ постели моя: аще дамъ сонъ очима моима, и въждома моима дреманіе. дондеже обрящу мѣсто Господеви.* безъ сомнѣнія въ душѣ своей *селеніе Богу Іаковлю* (Пс. 131),—чтобы въ этомъ селеніи Богъ сотворилъ вѣчный престолъ Себѣ. Далѣе слѣдуетъ: *яко Самъ Господь въ повелѣннн* и проч. Ибо сойдетъ съ неба посланный отъ Отца, Слово Божіе и премудрость, и истина, и правда, сойдетъ не съ силою различныхъ чудесъ, но со властію судии, и сойдетъ къ тѣмъ, которые находятся на землѣ. И хотя удостоиваемые Его сошествія умерли, но тѣмъ не менѣе они не чужды Ему, потому что называются мертвыми во Христѣ. Живые же имѣють то преимущество, что они составляютъ избранную часть между весьма многими. При всемъ томъ тѣ и другіе, и мертвые во Христѣ и живые, равно

будутъ восхищены на облакахъ во срѣтеніе Христу, дабы не ожидать Его, пока Онъ будетъ сходить въ земныя юдоли, но наслаждаться лицезрѣніемъ Его и общеніемъ съ Нимъ въ горнихъ обителяхъ. И сколь милостивъ Христосъ, что для нашего спасенія не только сталъ плотію, но и сошелъ даже къ мертвымъ и въ самой смерти водрузилъ знамя жизни! Ибо изъ ребра Его истекли вода и кровь (Іоан. 19, 34). Итакъ Слово Божіе сходитъ предшествуемое гласомъ архангела, который предуготовляетъ Ему путь въ тѣхъ, которые могутъ вынести Его присутствіе. Чтобы приблизить это къ нашему разумѣнію, рассмотримъ тайну перваго пришествія. Объ Іоаннѣ, который былъ Предтечею Господа, написано, что онъ говорилъ въ пустынь: *я гласъ волюю аго въ пустынь* и проч. Что же провозглашалъ этотъ голосъ въ пустынь? *Уготовайте путь Господень, привы творите стези Его* (Матѣ. 3, 3; Лук. 3, 4; Мар. 1, 3; Іоан. 1, 23). Для каковаго возмездія и для какой награды?— *Всяка дебрь наполнится, и всяка гора и холмъ смирится: и будутъ: вся стропотная въ право, и острая въ пути гладки: и узритъ всяка плоть спасеніе Божіе* (Исаи 40. 4. 5); это потому, что *Слово плоть бысть, и вселися въ ны* (Іоан. 1, 14). Но теперь будетъ уготовлять путь не голосъ пророка въ пустынь, но голосъ архангела, который уготовитъ путь идущему не въ униженіи плоти, но Тому, Который у Отца Богъ (слово. Тогда нѣкоторые выходили въ пустыню, чтобы слышать предтечу вочеловѣчившагося и видѣть трость колеблемую вѣтромъ (Лук. 7, 25), изъ которой были сдѣланы флейты и звонкая свирѣль, издавающая пріятную гармонію въ устахъ отроковъ, поющихъ на улицахъ и говорящихъ: *нискахомъ вамъ и не плясате* (Матѣ. 11, 17; Лук. 7, 32). Теперь же гласомъ архангела, предыдущаго Господу, сходящему съ небесъ, громогласнѣйшею трубою каждый изъ вѣрующихъ призывается или на борьбу, или для

священническаго служенія. Въ книгѣ Числъ читаемъ (10, 3), что предъ дверями скинии трубили священныя трубы. И если силенъ гласъ ангела и трубы архангельской, то насколько сильнѣе будетъ гласъ трубы Божіей, которая уготовитъ пути сначала усопшихъ и умершихъ во Христвѣ, и потомъ оставшихся живыхъ и ожидающихъ призывнаго гласа Божія? Можетъ быть, звукъ простой трубы требуется для спящихъ и мертвыхъ во Христвѣ; голосъ же архангела и трубы Божіей нуженъ для тѣхъ, которые живутъ и сохраняются присутствію Господа. Разсмотримъ, какъ можно понимать и послѣдующія слова: *купно съ ними восхищени будемъ*. Думаю, что этимъ словомъ апостоль хотѣлъ показать мгновенный переходъ къ лучшему, хотѣлъ назвать себя восхищеннымъ потому, что быстрота этого перехода превышала самое ощущеніе и мысль о немъ. И въ другомъ мѣстѣ апостоль обозначилъ это дѣйствіе особеннымъ смысломъ того же слова: *въмъ чловѣка о Христвѣ, прежде лтъ четыренадесяти: аще въ тѣлѣ не въмъ: аще ли кромъ тѣла, не въмъ: Богъ вътъ: восхищена бывша таковаго до третяго небесе: И въмъ такова чловѣка: аще въ тѣлѣ, или кромъ тѣла, не въмъ: Богъ вътъ. Яко восхищенъ бытъ въ рай, и слыша неизреченны глаголы, ихже нелтъ есть чловѣку глаголати* (2 Кор. 12, 2 и слѣд.). Ибо иныя преуспѣвая и, такъ сказать, постепенно восходя къ большому, возрастали, пока не сдѣлались, по Писанію, великими зѣло, и нѣкоторые, какъ читаемъ, взяты были на небо. Но Павелъ, этотъ сосудъ избранный, восхищенный восходитъ на третіе небо, и потому слышитъ неизреченныя глаголы. А что восхищаемые на облакахъ восхищаются во срътеніе Христу, это нужно рассмотреть со всею тщательностію. Извѣстно, что облака означаютъ пророковъ, которымъ Богъ повелѣлъ не дождитъ надъ Израилемъ, когда онъ исполнилъ мѣру отцовъ своихъ, а такъ какъ законъ и пророки были до Іоанна

Крестителя (Матѣ. 11, 13) и послѣду Богъ поставилъ въ церкви твоей во-первыхъ апостоловъ, во-вторыхъ пророковъ (Еф. 4, 11), то подъ облаками нужно разумѣть не только пророковъ, но и апостоловъ. Итакъ если кто восхищается ко Христу, то онъ восходитъ на облака закона и Евангелія, на пророковъ и апостоловъ и, взявъ крылья голуби, учениемъ ихъ подъятый къ горнему, идетъ во срѣтеніе Господу не долу, но въ высшнихъ сферахъ и въ духовномъ разумѣніи Писаній. А срѣтая Господа въ мірѣ духовномъ и оставивъ земное, усопшій ли, или мертвый во Христѣ, или живый и оставшійся въ пришествіе Его, всегда будетъ съ Господомъ и вѣчно будетъ наслаждаться словомъ Божиимъ, мудростію, истиною и правдою.

Эти мнѣнія ученыхъ мужей относительно того и другаго мѣста, и ихъ доказательства въ пользу своихъ мнѣній я наскоро продиктовалъ, предлагая ихъ ващей мудрости. Авторитетъ моего недостатка, такъ какъ я ничто и только открытъ для ругательствъ завистниковъ, — далеко не таковъ, какъ авторитетъ предварившихъ меня о Господѣ. Но я не хочу, подобно ученикамъ Пифагора, и безусловно предпочитать мнѣнія учителя, но думаю, что должно взвѣшивать самыя основанія ученія. Если же кто нибудь со стороны противной будетъ нашептывать, зачѣмъ я читаю изъясненія тѣхъ, съ догматическими мнѣніями которыхъ не соглашаюсь, — тотъ пусть знаетъ, что я охотно слѣдую словамъ апостола: *вся искушающе, добрая держите* (1 Сол. 5, 20), и словамъ Спасителя: *будьте искусными лживицами*, чтобы фальшивой монеты, не имѣющей изображенія весаря и потому не признанной за государственную монету, не принимать; а ту, которая въ ясномъ свѣтѣ представляетъ ликъ Христа, слагать въ сокровищницу сердца нашего. Ибо если я хочу ознакомиться съ діалектикою, или съ философскими мнѣніями, если я хочу, — обращаюсь къ своему предмету, —

видѣть знаніе Писаній, то конечно я долженъ спрашивать объ этомъ не мужей церкви изъ простецовъ, которые имѣютъ другіе дары; и всякій богатъ въ своемъ родѣ [особенно когда въ великомъ дому Отца нашего находится большое разнообразіе сосудовъ (2 Тим. 2, 20)]; но долженъ спрашивать тѣхъ, которые научились искусству отъ мужей искусныхъ и поучались въ законѣ Господнемъ день и ночь. Какъ во время юности, такъ и теперь, въ старости, я убѣжденъ, что Оригенъ и Евсевій кессарійскій—ученѣйшіе мужи, но что они заблуждались въ догматическихъ истинахъ. Это же могу я сказать и о Теодорѣ, Акакіѣ, Аполлинаріѣ, и однако всѣ они оставили намъ память трудовъ своихъ въ изъясненіи Писаній. Въ землѣ находятъ золото и со дна рѣкъ достаютъ блестящій песокъ, и Патколъ ¹⁾ гораздо богаче грязю, чѣмъ водою. За что грызутъ меня друзья мои, и хрюкаютъ эти жирныя свиньи, когда я ничего не говорю имъ? Вся забота ихъ и даже верхъ ихъ знаній состоитъ въ томъ, чтобы ругать знанія другихъ; они такъ доказываютъ невѣріе древнихъ, что теряютъ свою собственную вѣру; а у меня принято за правило—читать древнихъ учителей, одобрять каждого, держаться добраго и не отступать отъ вѣры католической церкви.

Я хотѣлъ было теперь же продиктовать что нибудь изъ своего, или изъ чужаго въ отвѣтъ на другіе небольшіе вопросы; но братъ Сисиній убѣдилъ меня вамъ и прочимъ святымъ братьямъ, удостоивающимъ меня своею любовію, написать особое письмо. Итакъ покончу на этомъ,—и, если буду живъ, поберегу себя для будущаго труда, чтобы по частямъ выполнить наложенное вами послушаніе и чтобы мое созрѣвшее и старческое тѣло могло вынести умѣренный трудъ. Въ заключеніе кратко замѣчу, что находящагося въ латин-

¹⁾ Златопесчаная рѣка въ Лидіи.

скихъ кодексахъ: «хотя всѣ воскреснемъ, но не всѣ измѣнимся», въ греческихъ нѣтъ, постоитъ или—*все уснемъ, но не все измѣнимся*, или: *все бо не уснемъ, все же измѣнимся*. Какой смыслъ этихъ словъ, я сказалъ выше.

96. Письмо къ Гебидіѣ.

Предисловіе.

Будучи незнакома мнѣ по наружности, ты весьма знакома мнѣ по пламенной вѣрѣ. Съ крайнихъ предѣловъ Галліи ты вызываешь укрывающагося въ виодеемской деревнѣ къ отвѣту на вопросы относительно св. Писанія и чрезъ человѣка Божія, сына моего Аподемія, просишь у меня комментарія, какъ будто не имѣешь въ своей провинціи ученыхъ и совершенныхъ въ законѣ Божиємъ мужей, или, быть можетъ, желаешь больше испытать меня, чѣмъ получить отъ меня назиданіе и хочешь знать, какъ и я думаю о томъ, о чемъ ты слышала отъ другихъ. Предки твои Патера и Делфидій, изъ которыхъ одинъ преподавалъ реторику въ Римѣ еще до моего рожденія, а другой, когда я уже былъ юношею, блисталъ умомъ своимъ въ прозѣ и стихахъ во всѣхъ Галліяхъ,—они уже усопшіе и безмолвные справедливо упрекаютъ меня, что я осмѣливаюсь что-нибудь говорить потомкамъ ихъ рода; хотя, уступая имъ въ силѣ краснорѣчія и въ учености свѣтской, я справедливо умаляю въ нихъ знаніе закона Божія, котораго никто не можетъ пріобрѣсть, если не будетъ дано ему отъ Отца свѣтовъ (Іак. 1), *иже просвѣщаетъ всякаго человека грядущаго въ міръ* (Іоан. 2) и пребываетъ среди вѣрующихъ, которые соберутся во имя Его (Матѣ. 18). Поэтому я открыто говорю (и не боюсь, что говорю высокоумно), что я пишу тебѣ не въ наученныхъ словесахъ человѣческой премудрости, которую Богъ погубить, но въ словесахъ вѣры, соображая духовное съ духовнымъ

(1 Кор. 2, 13), чтобы бездна ветхаго завѣта призывала бездну евангельскую (Пс. 41), во гласѣ водѣ многихъ, т. е. пророковъ и апостоловъ, и чтобы истина Господня достигла до облаковъ, коимъ заповѣдано не дождити на невѣрующаго Израиля, но орошать нивы язычниковъ и услаждать мертвое море. И такъ молись, чтобы истинный Елисей оживотворилъ во мнѣ бесплодныя и мертвыя воды и яство предлагаемое мною приправилъ солю апостоловъ, которымъ говорилъ: *вы есте соль земли* (Матѣ. 5, 13), потому что никакая жертва не приносится Господу безъ соли. И не увлекайся блескомъ мірскаго краснорѣчія, которое Іисусъ видѣлъ какъ молнію съ небеси спадшую (Лук. 10), но взирай лучше на Того, Который не имѣеть ни вида, ни доброты: *человѣкъ въ язвѣ сый и вѣдый терпѣти болѣзнь* (Ис. 53, 2. 3), и знай, что въ отвѣтахъ своихъ я говорю не по дерзновенности человѣческаго слова, но по вѣрѣ Того, Который обѣщаль: *расшири уста твоя и исполню я* (Ис. 80. 11).

ГЛАВА I.

Ты спрашиваешь: какъ кто-нибудь можетъ быть совершенъ и какъ должна жить вдова, оставшаяся безъ дѣтей. Объ этомъ же и въ Евангеліи спрашиваетъ учитель закона: *Учителю, что сотворю, да имамъ животъ вѣчный?* Господь отвѣчаетъ ему: *соблюди заповѣди*. Онъ говоритъ: *кѣмъ?* Іисусъ сказалъ: *еже не убѣиши, не прелюбы сотвориши, не украдеши, не лжесвидѣтельствуеши: чти отца и мать и возлюбии искренняго твоего яко самъ себе*. И когда тотъ сказалъ: *вся сія сохранихъ*, Іисусъ присовокупилъ: одного недостаетъ тебѣ: *аще хоцещи совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ: и грядь въ слѣдъ Мене* (Матѣ. 19, 16—21). Поэтому и я отвѣчу тебѣ словами Господа нашего: *если хочешь быть совершенною и*

поднять крестъ свой и слѣдовать Господу Спасителю и подражать Петру, который говоритъ: *се мы оставихомъ вся и въ слѣдъ Тебе идехомъ* (Матѣ. 19, 27):—иди и продай все, что имѣешь, и дай бѣднымъ и иди въ слѣдъ Спасителя. Не сказалъ Христосъ: дай дѣтямъ, дай братьямъ, дай родственникамъ, которыхъ если бы и имѣла ты, то и тогда справедливо должно было бы предпочесть имъ Господа, но сказалъ: *даждь нищимъ*, еще болѣе дай Христу, Который питается въ лицѣ нищихъ, Который, бывъ богатъ ради насъ, сдѣлался нищимъ и Который говоритъ въ тридцать девятомъ псалмѣ: *Азъ же нищъ есмь и убогъ, Господь попечется о Мнѣ* (ст. 18). О Немъ же и начало тотчасъ слѣдующаго сороковаго псалма: *блаженъ разумѣвалъ на нища и убога* (40, 1). Потребно разумѣніе, чтобы послѣ блаженства разумѣнія познать кто есть нищій и убогій. Безъ сомнѣнія не тотъ, кто живетъ въ бѣдности и нечистотѣ, и однако не удаляется пороковъ, но тѣ нища и убога, о которыхъ апостолъ говоритъ: *точною нищихъ да помнимъ* (Гал. 2, 10), для облегченія которыхъ Павелъ и Варнава трудились въ церквахъ язычниковъ, чтобы были сборы въ первый день по субботѣ и приношеніе это слѣшили не чрезъ другихъ переслать, а сами передать тѣмъ, кои оставили свои имѣнія Христа ради, которые потерпѣли гоненія и сказали своему отцу и матери, женамъ и дѣтямъ: «не знаемъ васъ» (Втор. 33, 9). Они исполнили волю Отца и послушали Господа Спасителя, который говоритъ: *иже аще сотворитъ волю Отца моего, иже есть на небесахъ, той братъ мой и сестра, и мати (Ми) есть* (Матѣ. 12, 49), и это я говорю не въ томъ смыслѣ, какъ-бы я запрещаю творить милостыню бѣднымъ іудеямъ или язычникамъ или нищимъ какого бы-то ни было народа, но въ томъ, что мы должны невѣрнымъ предпочитать бѣдныхъ изъ христіанъ и вѣрующихъ, и между самими христіанами есть большое различіе, грѣш-

нигъ ли бѣдный или святой. Поэтому и апостоль, одобряя милостыню всеѣмъ вообще, прибавляетъ: *паче же приснымъ въ смерть* (Гал. 6, 10). Присный въ вѣрѣ тотъ, кто соединенъ съ тобою единствомъ вѣры и кого не отдѣляютъ грѣхи отъ братскаго общенія съ тобою. И если и въ отношеніи къ врагамъ намъ заповѣдуются питать ихъ, если они алчутъ, и поить, если жаждутъ, чтобы, творя это, собирать угли огненные на голову ихъ (Рим. 12, 20): то не тѣмъ ли болѣе относительно тѣхъ, кои не враги, а христіане и святыя? А что говорится: *сіе бо творя углие огненно собираеши на главу его*—это должно понимать не въ дурную, а въ хорошую сторону. Ибо когда врагамъ своимъ мы оказываемъ благодѣянія, то своєю добротою побѣждаемъ злобу ихъ, смягчаемъ жестокость ихъ и гнѣвное расположеніе ихъ склоняемъ къ мягкости и благорасположенности, и такимъ образомъ на голову ихъ собираемъ горячіе угли, о которыхъ написано: *стрѣлы сильнаго изощрены, со угльми пустынными* (Пс. 119, 4), чтобы, подобно тому какъ уголь, взятый серафимомъ съ алтаря, очистилъ уста пророка (Ис. 6, 6. 7), очистились и грѣхи нашихъ враговъ, чтобы мы побѣждали бланымъ злое (Рим. 12, 21) и благословили проклинающихъ насъ и подражали Отцу нашему, который солнце свое сіяетъ на добрыхъ и злыхъ и дождитъ на праведныхъ и неправедныхъ (Матѣ. 5, 45). И такъ и ты, такъ какъ нѣтъ у тебя немногихъ дѣтей, сотвори себѣ весьма многихъ друзей отъ мамоны неправедной, чтобы они приняли тебя въ вѣчныя обители (Лук. 16, 9). Прекрасно сказалъ: *отъ неправедной*; ибо всякое богатство исходитъ отъ неправды, и если одинъ не потеряетъ, другой не можетъ приобрѣсти. Отсюда и известное народное мнѣніе мнѣ кажется весьма справедливымъ. Богатый или самъ неправеденъ, или наслѣдникъ неправеднаго. Когда учитель закона услышалъ слова Господа и не могъ снести ихъ, то Господь, обратившись къ ученикамъ, сказалъ:

како неудобь и муции богатство въ царствіе Божіе внидутъ (Марк. 10, 23; Матѣ. 19, 23; Лук. 18, 24). Не сказалъ невозможно, но трудно, хотя употребилъ сравненіе невозможности: *удобѣе есть вѣлбуду сквозь иглины уши проити, неже богату въ царствіе Божіе внити* (Матѣ. 19, 24). Это не столько трудно, сколько невозможно; потому что никогда не можетъ быть, чтобы верблюдъ прошелъ сквозь игольные уши. И такъ богатый никогда не можетъ войти въ царствіе небесное. Верблюдъ тяжелъ, горбатъ и обремененъ ношею: и мы, поэтому, когда идемъ по стезямъ лукавымъ и оставляемъ правый путь Господа и обременяемъ богатствомъ міра или тажестью грѣховъ, не можемъ войти въ въ царствіе Божіе. Если же слагаемъ тяжелую ношу и беремъ себѣ крылья голубя: то полетимъ и успокоимся и будетъ сказано намъ: *аще постите посредь предѣлъ, криль голубинъ посребренъ и междорамія ея въ блещаніи злати* (Пс. 67, 14). Хребетъ нашъ, который прежде былъ безобразенъ и подавленъ тяжкою ношею, долженъ имѣть блескъ золота, что объясняется въ таинственномъ смыслѣ,—и посребренные крылья, подъ воими разумѣются изреченія писаній, чтобы мы могли войти въ царствіе Божіе. Апостолы говорятъ, что они оставили все свое и за этотъ подвигъ дерзновенно требуютъ награды. Господь отвѣчалъ имъ: *всякъ, иже оставитъ домъ, или братію, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села, имене Моего ради, сторицею приметъ и животъ вѣчный наследитъ* (Матѣ. 19, 29). О сколько великое блаженство воспріять за малое великое, за скоропреходящее вѣчное, за смертное всегда живущее и имѣть должникомъ Господа! А если какая вдова имѣетъ дѣтей, и особенно если она благородной фамиліи, то она не должна оставлять дѣтей своихъ въ бѣдности, но должна одинаково любить ихъ; но памятуя прежде всего о душѣ своей и зная, что она отвѣтствуетъ и за дѣтей, вмѣ-

сто того, чтобы все оставить дѣтямъ, пусть она лучше раздѣлитъ съ ними свою благотворительность и Христа сдѣластъ сонаслѣдникомъ своихъ дѣтей. Это трудно, тяжело, противоестественно,—скажешь ты. Но послушай, что отвѣчаетъ тебѣ Господь: *могий вмѣстити, да вмѣститъ* (Матѳ. 19, 12). Если хочешь быть совершенною, на тебя не налагаетъ Онъ ига необходимости, но оставляетъ свободный произволь твоимъ силамъ. Хочешь быть совершенною и стать на первой ступени славы, сдѣлай, что сдѣлали апостолы; продай все, что имѣешь, и дай нищимъ; слѣдуй за Спасителемъ, за бѣднымъ и одинокимъ крестомъ иди бѣдною и одинокою. Не хочешь быть совершенною, но хочешь удерживать вторую степень добродѣтели,—оставь все, что имѣешь, отдай дѣтямъ, отдай родственникамъ. Никто не упрекаетъ тебя, если слѣдуешь менѣе высокому, когда знаешь, что тебѣ по справедливости предпочтена та, которая избрала первое. Ты скажешь: это подвигъ апостоловъ и мужей, а женщина благородная, которая нуждается во многихъ средствахъ для этой жизни, не можетъ продать всего: послушай же увѣщанія апостола: «не требуется, чтобы другимъ было облегченіе, а вамъ тяжесть; но чтобы была равномѣрность. Нынѣ вашъ избытокъ въ основаніе ихъ недостатка, а послѣ ихъ избытокъ въ основаніе вашего недостатка» (2 Кор. 8, 13. 14). Поэтому Господь говоритъ: *имѣйи двѣ ризы, да подастъ* (другую) *не имущему* (Лук. 3, 11). А что, если бываютъ скиѣскіе морозы и альпійскіе снѣга, которые устраняются не двумя или тремя туниками, а едра только кожами животныхъ? Подъ именемъ одной одежды нужно разумѣть все, что можетъ удовлетворить нашему тѣлу и служить пособіемъ для слабости людей, которыхъ природа производитъ нагими; точно также какъ и пищу одного дня называется все, что необходимо для питанія въ настоящее время. Поэтому заповѣдано: *не пекутся на утрей* (Матѳ. 6, 34),

т. е. о будущемъ времени; и апостоль говоритъ: *имѣюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. 6, 8). Если имѣешь болѣе, чѣмъ сколько тебѣ необходимо для пищи и одѣянія, то раздай это лишнее и считай себя должною въ этомъ лишнемъ. Ананія и Сапфира заслужили притворъ апостоловъ за робкое сохраненіе своего имѣнія (Дѣян. 5). Неужели же, поэтому, нераздавшій своего имѣнія достоинъ наказанія? Нимало. Они наказаны за то, что хотѣли солгать Духу Святому и какъ-бы сохраняя только необходимое для жизни, какъ совершенно отрeksiеся отъ міра, искали суетной славы. Въ другихъ обстоятельствахъ можно по произволу давать или не давать, хотя для того, кто хочетъ быть совершеннымъ, бѣдность настоящая будетъ вознаграждена богатствомъ будущимъ. А какъ должна жить вдова—это апостоль выражаетъ въ короткихъ словахъ: *вдова, питающаяся пространно, жива умерла* (1 Тим. 5, 6), и объ этомъ и я, думаю, очень подробно говорилъ въ двухъ книгахъ, написанныхъ мною къ Фуріи и Сальвинѣ.

ГЛАВА II.

Какъ нужно понимать слова Спасителя у Матѳея: *глаголю же вамъ, яко не имамъ пити отнынь отъ сего плода лознаго до дне того, егда е пїю съ вами н во въ царствїи Отца Моего* (Матѳ. 26, 29)? Изъ этого мѣста нѣкоторые строятъ басню о тысячи лѣтъ, въ продолженіи коихъ, утверждаютъ, Христосъ будетъ царствовать тѣлесно и пить вино, котораго съ того времени не имѣетъ пить до кончины міра. А мы обратимъ вниманіе на то, что хлѣбъ, который преломилъ Господь и далъ ученикамъ своимъ, есть тѣло Господа Спаса, какъ Онъ самъ говоритъ имъ: *прїимите. ядите: сіе есть тѣло Мое*, и чаша есть та, о которой также сказалъ: *пїйте отъ нея вси: сіа бо*

есть кровь *Моя новаго завѣта, яже за многія изливаема* ¹⁾ (Матѣ. 26, 26—28; Марк. 14, 22—24). Это та чаша, о которой у пророка читаемъ: *чашу спасенія прииму* (Пс. 115, 4) и въ другомъ мѣстѣ: *чаша твоя уповающии мя яко державна* (Пс. 22, 5). Итакъ если хлѣбъ, который сходитъ съ неба, есть тѣло Господа и вино, которое Онъ далъ ученикамъ, есть кровь Его новаго завѣта, которая пролита за многихъ во оставленіе грѣховъ: то отвергнемъ іудейскія басни и взойдемъ съ Господомъ въ горницу великую, устланную и чистую и примемъ отъ Него горѣ чашу новаго завѣта, и тамъ, праздноу съ Нимъ пасху, ущемся отъ Него виномъ трезвенности: *нѣсть бо царствіе Божіе брашно и питіе, но правда и миръ и радость о Духъ Святъ* (Рим. 14, 17). Не Моисей далъ намъ хлѣбъ истинный, но Господь Іисусъ — самъ и сотрапезникъ и трапеза, самъ и ядущій и ядомый. Пьемъ мы кровь Его, и безъ Него не можемъ пить, и въ жертвахъ Его (in sacrificiis Eius) отъ плода истинной лозы и винограда Сорекъ (Sorec), что значить *избранная*, ежедневно топчемъ красные грозды и изъ нихъ пьемъ новое вино отъ царствія Отца не въ ветхости письмени, но во обновленіи духа, воспѣвая пѣснь нову, которую никто не можетъ пѣть, развѣ только въ царствѣ Церкви (Апок. 14, 3), которое есть царство Отца. Вкушать сего хлѣба желалъ и патриархъ Іаковъ, говоря: *ище будетъ Господь Богъ со мною, и дастъ ми хлѣбъ ясти и ризы облеущися* (Быт. 28, 20). Ибо поколику во Христа крестимся, во Христа облакаемся (Гал. 3, 27) и ядимъ хлѣбъ ангельскій и внимаемъ Господу, Который говоритъ: *Мое брашно есть, да сотворю волю пославшаго Мя и совершу дѣло Его* (Іоан. 4, 34). Итакъ будемъ творить волю Того, Кто

¹⁾ Иеронимъ читаетъ: *изольется—effundetur.*

послалъ насъ — Отца и совершать дѣло Его, и Христосъ будетъ пить съ нами кровь свою въ царствѣ Церкви.

ГЛАВА III.

Почему евангелисты о воскресеніи и явленіи Господа повѣствовали различно? Здѣсь прежде всего ты спрашиваешь: почему Матѳей сказалъ, что Господь воскресъ въ вечеръ суботній на разсвѣтъ перваго дня по субботѣ (Матѳ. 28, 1), а Маркъ замѣчаетъ, что воскресеніе произошло утромъ, говоря такъ: «когда же воскресъ (Иисусъ), въ первый день недѣли, рано (тапѣ) явился Маріи Магдалинѣ, изъ которой изгналъ семь бѣсовъ: и она пошла и возвѣстила бывшимъ съ Нимъ, плачущимъ и рыдающимъ. И они, услышавъ, что Онъ живъ и что она видѣла Его, не повѣрили» (Марк. 16, 9—11) ¹⁾. Вопросъ этотъ разрѣшается двояко: или такъ, что не принимаемъ свидѣтельства Марка, которое сообщается въ рѣдкихъ Евангеліяхъ, тогда какъ почти всѣ греческіе экземпляры этого отдѣленія въ концѣ не имѣютъ ²⁾, въ особенности когда оно повѣствуетъ повидимому отличное и противорѣчащее прочимъ евангелистамъ;—или должно отвѣчать такъ, что тотъ и другой евангелистъ говорили истину—Матѳей сказалъ, когда Христосъ воскресъ,—въ вечеръ суботній, а Маркъ—когда видѣла Его Марія Магдалина, т. е. утромъ въ первый день недѣли. Ибо такъ нужно раздѣлять

¹⁾ Удерживаемъ чтеніе и знаки препинанія Іеронима — значительно несогласныя съ славянскимъ переводомъ.

²⁾ Это свидѣтельство Іеронима подтверждаетъ и Григорій нисскій объ экземплярахъ своего времени: ἐν τοῖς ἀκριβοτέροις τὸ κατὰ Μάρκον εὐαγγέλιον μέχρι τοῦ, ἐφοβοῦντο γὰρ, ἔχει τὸ τέλος. Grat 2, de Resurrect. Но всѣ дошедшіе до насъ греческіе и латинскіе списки и даже древнѣйшіе переводы заключаютъ въ себѣ это продолженіе 16-й главы св. Марка—съ 9 до 20 стиха.

это мѣсто: «когда же воскресъ» (Иисусъ), и немного переведши духъ, продолжать: «въ первый день недѣли, рано явился Маріи Магдалинѣ»,—чтобы выходилъ тотъ смыслъ, что воскресшій въ вечеръ субботній (по Матѳею) рано въ первый день по субботѣ (по Марку) явился Маріи Магдалинѣ; что замѣчаетъ и евангелистъ Іоаннъ (гл. 20), свидѣтельствуя, что Его видѣли утромъ втораго дня.

ГЛАВА IV.

Какимъ образомъ по Матѳею въ вечеръ субботы Марія Магдалина видѣла воскресшаго Господа, а евангелистъ Іоаннъ говоритъ, что она утромъ въ первый день по субботѣ плакала около гроба (Іоан. 20)? Подъ именемъ перваго дня по субботѣ должно разумѣть воскресенье, потому что вся недѣля раздѣляется на субботу, и первый, второй, третій, четвертый, пятый и шестой день по субботѣ, каковыя дни язычники называютъ именами идоловъ и стихій ¹⁾. И апостольскій сборъ денегъ, назначенныхъ для бѣдныхъ, повелѣлъ производить въ первый день по субботѣ (1 Кор. 16, 2). Не должно думать, что Матѳей и Іоаннъ разногласили; они только назвали различными именами одно и тоже время, т. е. полночь и пѣніе пѣтуховъ. Ибо Матѳей пишетъ *въ вечеръ субботній*, то есть поздно, не въ началѣ ночи, а въ глубокую ночь, по прошествіи большей части ночи явился Господь Маріи Магдалинѣ и явился въ вечеръ субботы, свѣтающей на первый день по субботѣ, самъ себя объясняя, что сказалъ онъ словами: *въ вечеръ субботній*, то есть когда уже былъ близокъ разсвѣтъ слѣдующаго дня. И Іоаннъ не безусловно сказалъ: *во едину же отъ субботъ Марія Маг-*

¹⁾ Т. е. Марса, Меркурія, Юпитера, Венеры, и стихій—Солнца и Луны, которые у древнихъ писателей назывались стихіями,

далина придет завтра на гробъ, но присовокуцилъ: еще сущей тмъ. Такимъ образомъ одинъ указалъ конецъ, а другой начало одного и того же времени, т. е. полуночи и времени пѣнія пѣтуховъ. И мнѣ кажется, что евангелистъ Матѳею, писавшій Евангеліе на сврѣйскомъ языкѣ, не столько сказалъ *вечеромъ*, сколько *поздно*, и что переводившій Евангеліе, будучи введенъ въ заблужденіе обоюдностію слова, перевелъ не *поздно*, а *вечеромъ*, хотя по общему употребленію *поздно* обозначаетъ не вечеръ, а запозданіе, потому что обыкновенно говоримъ: поздно пришелъ, т. е. запоздалъ, также: сдѣлалъ поздно, т. е. впоследствии, нескоро, то, что ты долженъ былъ сдѣлать прежде. А если спрашиваютъ: какимъ образомъ таже Марія, которая прежде видѣла Господа воскресшаго, послѣ этого представляется плачущей при гробѣ Его; то на это должно отвѣчать то, что Марія и одна и съ другою Марією или съ другими женами, памятуя благодаренія, оказанныя ей Господомъ, часто притекала ко гробу Его, и въ одномъ случаѣ поклонилась, увидѣвши Его, въ другомъ плакала, ища Его, когда Его не было. Другіе же утверждаютъ, что было двѣ Маріи Магдалины, происходившихъ изъ одного и того же селенія Магдала, и что видѣвшая воскресшаго, по Матѳею, была одна, а искавшая отсутствующаго Господа, по Іоанну, была другая Марія Магдалина. Въ Евангеліяхъ же мы читаемъ, что было четыре Маріи: одна—мать Господа Спасителя, другая—сестра матери Его, которая называлась Марією Клеоповою, третья Марія—мать Іакова и Іосіи, четвертая—Марія Магдалина: хотя нѣкоторые утверждаютъ, что Марія, мать Іакова и Іосіи, была сестра матери Спасителя. Нѣкоторые (чтобы освободиться отъ вопроса) хотятъ видѣть въ Евангеліи Марка одну изъ Марій, но безъ прибавленія прозванія Магдалина, которое излишне прибавлено по ошибкѣ переписчиковъ, а прежде не было поставлено у евангелиста. А мнѣ представляется простой и

ясный отвѣтъ: что святыя жены, не перенося отсутствія Христа, всю ночь не однажды, и не дважды, а часто прибѣгали ко гробу Господа, въ особенности когда и землетрясеніе, и распаденіе камней, и затмѣніе солнца, и смятеніе природы, и (что важнѣе этого) любовь къ Спасителю прерывали сонъ женъ.

ГЛАВА V.

Какимъ образомъ, по Матѳею, Марія Магдалина вечеромъ въ субботу съ другою Марією припадала къ ногамъ Спасителя, когда по Іоанну рано въ субботу (*mane sabbati*) она слышала отъ Господа: *не прикасайся Мнѣ, не убо вздохъ къ Отцу моему* (Іоан. 20, 17)? Та, которая прежде съ другою Марією видѣла воскресшаго Господа и припадала къ ногамъ Его, послѣ, возвратившись въ теченіе ночи (ибо по любви къ Господу она не могла оставаться дома), пришла ко гробу и увидѣвъ, что камень, которымъ закрытъ былъ гробъ, отваленъ, прибѣжала къ Симону Петру и другому ученику, котораго наиболѣе любилъ Іисусъ, и сказала имъ: *взяша Господа отъ гроба, и не вѣмъ гдѣ положиша Его* (Іоан. 20, 2). Заблужденіе жены было соединено съ благочестіемъ. Благочестіе было въ томъ, что она любила Того, о величіи Коего знала; заблужденіе—въ томъ, что она говорила: *взяша Господа отъ гроба* и проч. Потомъ, когда Петръ и Іоаннъ, вошедши во гробъ, увидѣли однѣ пелены и платъ, которымъ повита была глава Господа, особо лежащій, и увѣровали, что Тотъ, тѣла Котораго они не нашли во гробѣ, воскресъ: тогда Марія стояла при гробѣ внѣ и плакала. И когда наклонилась, увидѣла двухъ ангеловъ, въ бѣломъ сѣдящихъ на мѣстѣ гроба, у главы и ногъ, гдѣ лежало тѣло Іисуса,—чтобы при такомъ величіи стражи не думала она, что могъ быть украденъ людьми охраняемый

стражами-ангелами. Ангелы, на которыхъ смотрѣла она, говорятъ ей: *жено, что плачешь*—подобно тому, какъ Господь говорилъ матери: *что есть Мнѣ и тебѣ, жено; не упріде часъ мой*—чтобы, называя женою, обличить ее въ напрасномъ сѣтованіи и сказать: *зачѣмъ плачешь*. Но Марія Магдалина въ изумленіи оцѣпенѣла, и пораженная чудесами какъ-бы помрачилась въ вѣрѣ своей, такъ что не размышляла при видѣ находящихся предъ нею ангеловъ, но поженски отвѣчала и сказала: плачу потому, что взяли Господа моего и не знаю, гдѣ положили Его. О Марія! Если ты вѣруешь въ Господа и Бога твоего, то какъ же ты думаешь, что Его взяли люди? *Не вѣмъ*, говоритъ, *гдѣ положиша Его*. Какъ не знаешь ты о Томъ, Которому незадолго передъ тѣмъ поклонялась? И когда, увидѣвши ангеловъ, она не узнавала, на кого смотрѣла, и въ изумленіи обращала взоры туда и сюда, желая увидѣть только Господа, то обратившись назадъ, увидѣла Иисуса стоящаго и не знала, что это былъ Иисусъ. Не узнала она Его не потому, какъ говорятъ манихеи и другіе еретики, что Господь измѣнилъ свой видъ и лице, такъ что по произволенію могъ казаться инымъ и въ различныхъ видахъ, но потому, что Марія, пораженная чудомъ, лишалась сознанія и считала садовникомъ Того, Кого съ такимъ тщаніемъ искала. И Господь тѣми же словами какъ и ангелы говоритъ ей: *жено, что плачешь?* съ присовокупленіемъ отъ Себя: *кого ищешь?* Она отвѣчала: *Господи. аще ты еси взялъ его, повѣдай ми, гдѣ еси положилъ его, и азъ возму его* Здѣсь Спасителя она называетъ Господомъ не въ исповѣданіи истинной вѣры, но со смиреніемъ и страхомъ выражаетъ этимъ почтеніе предъ садовникомъ. И посмотри, какое невѣдѣніе. Она думаетъ, что Тотъ, Кого стерегъ отрядъ воиновъ и при гробѣ Котораго сидѣли ангелы,—былъ унесенъ однимъ садовникомъ, и не разсуждая о женской слабости, представляетъ и считаетъ

себя столь сильною, что думаетъ, что она, робкая женщина, одна можетъ снести тѣло мужа и притомъ зрѣлаго возраста, тѣло, которое (не говоря о прочемъ) было помазано сто литрами смирны. И когда Иисусъ назвалъ ее по имени и сказалъ *Маріе*,—чтобы она по голосу узнала Того, Кого не узнала по лицу, она, продолжая свое заблужденіе, называетъ Его не Господомъ, но *раввунн*, то есть учителемъ. И посмотри, какой безпорядокъ въ мысляхъ: Кого прежде признавая садовникомъ назвала Господомъ, теперь, признавая Сыномъ Божиимъ воскресшимъ, называетъ учителемъ. Поэтому къ ней, искавшей живаго съ мертвыми, съ женскимъ неразуміемъ и легкомысліемъ бросавшейся туда и сюда и разыскивавшей тѣла какъ убитаго Того, ногъ Котораго уже живаго касалась, — къ ней обращается Господь и говоритъ: *не прикасайся Мнѣ*, ибо для тебя Я еще не восшелъ къ Отцу Моему. Смысль этого такой: не достойна ты касаться живаго Того, Кого ищешь мертвымъ: если ты думаешь, что Я еще не восшелъ къ Отцу, но украденъ людскою хитростію, то ты не достойна прикосновения ко Мнѣ. Говорилъ-же это не для того, чтобы порицать рвеніе искавшей, но для того, чтобы она знала, что истощаніе воспріятой плоти преобразено въ славу божества, и чтобы она не желала быть съ Господомъ тѣлесно, относительно Котораго должна была вѣровать, что Онъ духовно царствуетъ со Отцемъ. Поэтому апостолы имѣли больше вѣры, такъ какъ они, не видѣвъ ангеловъ, не лицезрѣвъ самого Спасителя, увѣровали, что Онъ воскресъ отъ мертвыхъ, послѣ того, какъ не нашли тѣла Его во гробѣ.—Другіе думаютъ, что сначала было то, что рассказано у Іоанна: — что Марія Магдалина пришла ко гробу и увидѣла камень отваленный отъ гроба, и послѣ пришедши опять съ Петромъ и Іоанномъ, одна осталась при гробѣ, и еще не вѣруя въ воскресеніе, была обличена Господомъ; возвратившись домой, опять пришла ко гробу съ

Марією, и получивъ увѣреніе отъ ангела, вышедши изъ гроба, поклонилась Господу и припала къ ногамъ Его, услышавъ отъ Него равнымъ образомъ: *радуйтесь. Онъ же приступльше ястъся за нозъ Его и поклонисться Ему.* Онѣ настолько преуспѣли въ вѣрѣ, что посылаются къ апостоламъ и слышать первое: *не бойтесь,* и затѣмъ: *идите, возвестите брѣтїи моей, да идутъ въ Галилею и ту Мя видятъ* (Матѣ. 28, 9, 10).

ГЛАВА VI.

Какимъ образомъ, при охраненіи гроба отрядомъ воиновъ, Петръ и Іоаннъ свободно вошли во гробъ безъ всякаго препятствїя со стороны кого-либо изъ стражей (Матѣ. 28; Іоан. 20)? Конечно, по той причинѣ, что *въ вечеръ субботній, свѣтающу во едину отъ субботъ, прииде Марїа Магдалина и другая Марїа видѣти гробъ. И трусъ бысть велий: ангелъ бо Господень, сшедъ съ небесе, приступль отвали камень отъ двери гроба и сдѣла на немъ. Бъ же зракъ его яко молнїя, и одѣяніе его было яко снѣгъ. Отъ страха же его сотрясошася стрегущїи и бѣша яко мертви.* Такимъ образомъ тѣ, которые были такъ перепуганы, что казались мертвыми и, должно полагать, или оставили гробъ и бѣжали, или оцѣпенѣли и духомъ и тѣломъ,—не осмѣливались препятствовать не только мужчинамъ, но и женщинамъ, желавшимъ войти во гробъ. Ибо поразилъ ихъ великій ужасъ, когда они увидѣли, что камень отваленъ, когда сдѣлалось землетрясеніе—не обыкновенное, но столь сильное, что грозило разрушеніемъ земли до основанїя, и когда сошелъ съ неба ангелъ съ столь блистательнымъ видомъ, что былъ подобенъ не свѣтильнику или свѣту, зажженному искусствомъ человѣческимъ, но всеосвѣщающей молнїи, такъ что они могли видѣть и въ тем-

ночь. Поэтому-то (Петръ и Иоаннь) входятъ свободно и даже Марія Магдалина, возвѣстившая имъ, видѣла, что камень отваленъ и тѣло Господа взято изъ гроба. Ангель же, должно думать, сошелъ не для того, чтобы при воскресеніи Господа отворить гробъ Ему и отвалить камень, но чтобы послѣ того какъ Господь воскресъ — въ часъ, въ который Самъ восхотѣлъ и который никому изъ смертныхъ неизвѣстенъ, — возвѣстить происшедшее и показать опустѣніе гроба отваленіемъ камня и своимъ присутствіемъ, такъ какъ все это было видимо, когда сіяніе лица его свѣтомъ молніи прогонило и самый густой мракъ.

ГЛАВА VII.

Какимъ образомъ Матѳей и Маркъ пишутъ, что апостоламъ чрезъ женъ повелѣно было итти въ Галилею, чтобы тамъ видѣть Господа (Матѳ. гл. 26 и 28; Марк. гл. 16), тогда какъ Лука и Иоаннь говорятъ, что онѣ видѣли Его въ Иерусалимѣ (Лук. гл. 24; Иоан. гл. 20, 21)? Иное дѣло явиться одиннадцати ученикамъ, скрывавшимся изъ-за страха іудеевъ, когда Онъ вошелъ къ нимъ при запертыхъ дверяхъ и когда, въ то время какъ они думали, что Онъ является имъ въ духѣ, показалъ имъ руки и ребра, прободенныя гвоздьми и копьемъ, — и иное дѣло, когда, по свидѣтельству Луки, Онъ являлъ Себя имъ *во мнозыхъ истинныхъ знаменіихъ, денми четьредесятми являся имъ и глаголя яже о царствіи Божіи: съ нимиже и ядый повелъ имъ отъ Иерусалима не отлучатися* (Дѣян. 1, 3. 4). Въ одномъ случаѣ Онъ являлся для утѣшенія боящихся, и являлся на короткое время и снова восхищался изъ глазъ, а въ другомъ такъ былъ близокъ къ нимъ и такъ долго былъ съ ними, что даже и вкушалъ пищу съ ними. Поэтому и апостоль Павелъ говоритъ, что Онъ явился вмѣстѣ пятистамъ

учениковъ, и у Іоанна читаемъ, что когда апостолы ловили рыбу, Онъ стоялъ на берегу и ѣлъ часть печеной рыбы и сотъ,—что служить свидѣтельствами истиннаго воскресенія; тогда какъ не говорится, чтобы что-нибудь подобное Онъ сдѣлалъ въ Іерусалимѣ.

ГЛАВА VIII.

Что значить повѣствуемое въ Евангеліи отъ Матѳея: *Иисусъ же, возопивъ гласомъ велиимъ, испусти духъ: и се завѣса церковная раздрася на двое отъ вышняго края до нижняго: и земля потрясся и каменіе распадеся, и многи тѣлеси усопшихъ святыхъ восташа: и измедши изъ гробъ, по воскресеніи Его, внидоша во святой градъ и явишася мнозѣмъ* (Матѳ. 27, 50 и слѣд.)? Объ этомъ мѣстѣ я рассуждалъ въ тѣхъ же толкованіяхъ на Матѳея. Прежде всего должно сказать, что это свидѣтельство божественной силы—положить душу, когда восхоцетъ и снова принять ее. По этому и сотникъ, слышавшій, что Онъ сказалъ ко Отцу: *въ руцѣ твои предаю духъ мой* (Лук. 23, 46), и видѣвшій, что тотчасъ Онъ волею испустилъ духъ, пораженный величіемъ знаменія, сказалъ: *воистину Божій Сынъ бѣ Той. И завѣса храма раздрася на двое*, чтобы исполнилось то, что, какъ повѣствуетъ Іосифъ, сказали присущія храму силы: *выйдемъ изъ этого мѣста*. Въ Евангеліи же, написанномъ по-еврейски ¹⁾, читаемъ, что не завѣса храма раздрася, но что обрушился громадной величины косякъ надъ дверьми храма. *Земля*, говоритъ Писаніе, *потрясся*, будучи не въ силахъ сдержать висящаго Господа своего; *и каменіе распадеся*, въ укоръ ожесточенію іудеевъ, не захотѣвшихъ уразумѣть присутствіе Сына Божія; *и гроби отвер-*

¹⁾ Извѣстное между апокрифами—евангеліе Назореевъ.

зошася, въ знакъ будущаго воскресенія; и многа тѣлеса святыхъ, изшедше изъ гробъ, внидоша во святыи градъ, и явишася мнозѣмъ. Подъ святымъ градомъ мы должны разумѣть Іерусалимъ, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ городовъ, которые тогда служили идоламъ. Ибо въ немъ одномъ былъ храмъ и почитаніе единаго Бога, и истинная религія; и не всѣмъ явились, но *мнозѣмъ*, пріившимъ воскресшаго Господа.

Затѣмъ, въ таинственномъ смыслѣ это мѣсто должно изъяснять такъ: когда возоши Іисусъ и испусти духъ,—раздрася завѣса храма на двѣ половины съ вышняго края до нижняго, и открылись всѣ таинства закона, чтобы сдѣлать извѣстнымъ всѣмъ народамъ хранившееся прежде въ тайнѣ. Двѣ же половины, это—ветхій и новый завѣтъ; а съ вышняго края до нижняго, это—отъ начала міра, когда созданъ былъ человѣкъ, чрезъ всю средину событій, о которыхъ повѣствуетъ священная исторія, до скончанія міра. Но спрашивается: какая изъ завѣсъ храма раздралась, внѣшняя ли, или внутренняя? Мнѣ кажется, что во время страданій Господа раздралась та завѣса, которая въ скинии и въ храмѣ висѣла снаружи, и называлась внѣшнею: ибо нынѣ отчасти видимъ, *отчасти разумываемъ; егда же придетъ совершенное* (1 Кор. 13, 9. 10), тогда должна раздраться и внутренняя завѣса, чтобы увидѣли мы всѣ таинства дома Божія, нынѣ сокровенныя для насъ. Увидимъ тогда, что значать два херувима, что—прорицалице, что—сосудъ золотой, въ которомъ скрыта была манна. *Видимъ убо нынѣ якоже зеркаломъ въ гаданіи* (тамъ же ст. 12); и хотя завѣса исторіи раздралась для насъ, чтобы открыть намъ входъ въ притворъ Божій: но тайники Его и всѣ вообще таинства, которыя хранятся заключенными въ Іерусалимѣ небесномъ, мы знать не можемъ. Итакъ во время страданій Господа потряслась земля соотвѣтственно тому, что писано у Аггея:

еще единою, и Азъ потрясу небо и землю: и придетъ желанный всѣми языками (Агг. 2, 7. 8), да отъ востока и запада придутъ, и возлягутъ со Авраамомъ, Исаакомъ и Иаковомъ (Мат. 8, 11). И каменіе распадется, т. е. за- грубѣлыя сердца язычниковъ; или каменіе, это—всѣ вообще предсказанія пророковъ (которые и сами вмѣстѣ съ апостолами отъ камня—Христа получили названіе камней); и заключавшееся въ нихъ подъ густымъ покровомъ закона, прорывавшись, открылось народамъ. И гробы, о которыхъ писано: вы есте гробы, иже внѣуду являются красны, внутрѣуду же полны суть костей мертвыхъ (Матѳ. 23, 27), открылись для того, чтобы вышли изъ нихъ бывшіе прежде мертвыми въ невѣріи, чтобы ожили со Христомъ воскресшимъ и живымъ, вошли въ Іерусалимъ небесный, имѣли бы житіе отнюдь не на землѣ, но на небѣ, и умирая съ Адамомъ перстнымъ, воскресли бы съ Адамомъ пренебеснымъ. Далѣе, при буквальной пониманіи мѣста, никому не должно казаться несообразнымъ, что Іерусалимъ по смерти Спасителя называется святымъ градомъ; ибо до разрушенія его апостолы всегда входили въ храмъ, и исполняли обряды закона, чтобы не подавать соблазна увѣровавшимъ изъ іудеевъ. А Господь такъ любилъ Іерусалимъ, что плакалъ о немъ и рыдалъ (Лук. 19, 41), и вися на крестѣ, говорилъ: *Отче, отпусти имъ: не видятъ бо, что творятъ* (Лук. 23, 34). И испросилъ Онъ, о чемъ молилъ: на первыхъ же порахъ увѣровало много тысячъ изъ іудеевъ, и на покаяніе ему дано было времени до сорока двухъ лѣтъ. По истеченіи же этихъ лѣтъ, такъ какъ іудеи упорствовали въ злобѣ, вышли изъ лѣсовъ народовъ римскихъ два медвѣдя, Веспасіанъ и Титъ, и умертвили, и растерзали дѣтей, богохульствовавшихъ и цѣлымъ хоромъ издѣвавшихся надъ истиннымъ Елисеемъ, восходившимъ въ домъ Божій (ибо такъ переводится слово— *Венгль* 4 Цар. 2). Съ тѣхъ поръ Іерусалимъ не называется

уже святымъ городомъ; но, потерявъ святость и прежнее имя, зовется въ духовномъ смыслѣ Содомомъ и Египтомъ. Ибо вмѣсто него создается новый градъ, который *веселятъ рѣчная устремленія* (Пс. 45, 5), изъ котораго течетъ источникъ, услаждающій горечи всего міра; а жалкій Израиль плачетъ обезоруженный надъ развалинами храма,—между тѣмъ какъ многолюдство вѣрующихъ во Христа видитъ ежедневно встающими новыя кровли церкви, — и говоритъ Сіону: *тѣсно ми мѣсто* (Ис. 49, 20). Такимъ образомъ исполняется писанное у Исаи: *и будетъ гробъ его въ честь* (Ис. 11, 10).

Какимъ образомъ Спаситель, по Іоанну,—вдунулъ Святаго Духа въ святыхъ апостоловъ, а по Лукѣ,—обѣщаль, что пошлетъ Его по вознесеніи (Іоан. 20, 22; см. Лук. 24, 49)? Рѣшеніе этого вопроса весьма легко, какъ скорѣ намъ извѣстно изъ ученія апостола Павла, что есть различныя дарованія Духа Святаго. Въ первомъ посланіи къ Коринтянамъ онъ писалъ: *раздѣленія дарованій суть, а тойжде Духъ; и раздѣленія служеній суть, а тойжде Господь; и раздѣленія дѣйствъ суть, а тойжде есть Богъ, дѣйствующій вся во всѣхъ. Коемуждо же дается явленіе духа на пользу. Овому бо Духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума, о томъ же Духъ; другому же въра, тѣмъ же Духомъ; иному же дарованія исцѣленій, о томъ же Духъ; другому же дѣйствія силъ, иному же пророчество, другому же разсужденія духовомъ, иному же роди языковъ, другому же сказанія языковъ. Вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо якоже хоцетъ* (1 Кор. 12, 4—11). Господь, по Евангелію Луки, говорилъ по воскресеніи своемъ: *се Азъ пошлю обѣщаніе Отца моего на вы; вы же съдите во градъ, доидеже облечетеся силою свыше* (Лук. 24, 49), и по словамъ Луки же, въ дѣяніяхъ апостольскихъ: *повелъ*

имъ отъ Иерусалима не отлучатся, но ждети обѣтованія Отца, еже слышите, говорилъ Онъ, отъ Мене: яко Иоаннъ убо крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ, не по мнозыхъ сихъ днехъ (Дѣян. 1, 4. 5); а въ концѣ Евангелія отъ Иоанна повѣствуется, что въ самый день воскресенія своего, т. е. въ день недѣльный, Онъ вошелъ къ апостоламъ дверемъ затвореннымъ и сказалъ имъ два раза: *миръ вамо.* прибавивъ: *якоже послы Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы И сіе рекъ, дуну, и глаголи имъ: примите Духъ Святъ: имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ; и имже держите, держатся* (Иоан. 20, 21—23). Это значить, что въ первый день воскресенія апостолы получили благодать Духа Святаго, которою оставляли грѣхи, крестили, дѣлали сынами Божиими и раздавали вѣрующимъ права усыновленія, какъ говоритъ самъ Спаситель: *имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ; и имже держите, держатся.* Въ день же пятидесятницы имъ обѣщано было болѣе, именно: что примутъ они крещеніе отъ Духа Святаго; облегутся силою свыше, которою будутъ проповѣдывать Евангеліе Христово всѣмъ народамъ, соотвѣтственно тому, что читаемъ въ шестьдесятъ седьмомъ псалмѣ: *Господь дастъ глаголъ благовѣствующимъ силою многою* (Пс. 67, 12); будутъ имѣть дѣйствія силъ и дарованія исцѣленій, и когда пойдутъ на проповѣдь ко многимъ народамъ, получатъ роти языковъ, такъ что въ то время уже будетъ извѣстно, кто изъ апостоловъ долженъ благовѣстить какимъ народамъ. Впослѣдствіи апостолъ Павелъ, прошедшій съ проповѣдью отъ Иерусалима до Илирика и предполагавшій оттуда отправиться черезъ Римъ въ Испанію (Рим. 15, 19. 24), благодарить Бога, что паче всѣхъ апостоловъ языки глаголетъ (1 Кор. 14, 18). Тотъ, кто имѣлъ проповѣдывать многимъ народамъ, получилъ дарованія и многихъ языковъ. Это обѣтованіе Святаго Духа испод-

нилось въ десятый день по вознесеніи Спасителя, по свидѣтельству Луки, который писалъ: *егда скончавашася дни пятидесятницы, бѣша вси апостоли единодушно вкупу. И бысть внезапно съ небесе шумъ, яко носиму дыханію бурну, и исполни весь домъ, идѣже бяху сядуще. И явшася имъ раздѣлени языцы, яко огненни, стѣде же на единомъ коемждо ихъ. И исполнишася вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, якоже Духъ Святый даеше имъ проповѣдати* (Дѣян. 2, 1—4). Тогда исполнилось, что читается у Іоіля: *и будетъ въ послѣднія дни, глаголетъ Господь, излию отъ Духа моего на всяку плоть, и прорекутъ сынове ваши и дочери ваша, и старцы ваши сонія увидятъ. и юноши ваши видѣнія узрятъ* (Іоил. 2, 28; см. Дѣян. 2, 17). Слово *изліяніе* означаетъ изобиліе благодати, и выражаетъ то самое, что обѣтовалъ Господь: *вы же имате креститися Духомъ Святымъ не по мнозѣхъ сихъ днехъ* (Дѣян. 1, 5). Ибо такъ обильно крестилъ ихъ Духъ Святый, что наполнилъ весь домъ, гдѣ они сидѣли; а огонь Духа Святаго нашелъ въ нихъ желанное пристанище, раздѣлилъ языки, и, какъ Исаи, который говорилъ, что имѣлъ нечистыя уста, очистилъ имъ уста, чтобы непорочнѣе проповѣдывали Евангеліе Христово. И у Исаи говорится, что *наддверіе храма взяся; но весь домъ исполнися дыма* (Ис. 6, 4), т. е. заблужденія, мрака, непониманія истины. Въ началѣ же Евангелія церковь исполняется Духомъ Святымъ для того, чтобы Его благодатию и распалющею силою очистить грѣхи всѣхъ вѣрующихъ, чтобы огнемъ Духа Святаго, котораго обѣтовалъ ниспослать Господь, исцѣлѣлъ языкъ, имѣющій проповѣдывать Христа. Итакъ Іоаннъ и Лука не разногласятъ, когда тотъ изображаетъ даннымъ въ первый день воскресенія, что этотъ представляетъ случившимся въ день пятидесятый. Такова постепенность въ пріятіи апостольства: получившіе сперва благодать отпущенія грѣховъ,

получили затѣмъ дѣйствія силы и все роды дарованій, которыхъ описаніе мы приводили изъ апостола, и что особенно было необходимо — разнообразіе языковъ всехъ народовъ, чтобы не нуждались ни въ какомъ переводчикѣ, когда стануть благовѣстить Христа. Отъ того, когда въ Ликоніи услышали, что Павелъ и Варнава говорятъ мѣстнымъ языкомъ, ихъ приняли за боговъ, обратившихся въ людей (Дѣян. 14, 11). Благодать Духа Святаго есть дѣйствительно облеченіе въ силу: владѣя ею, они не боялись ни трибуналовъ судей, ни порфирь царей. Ибо еще предъ страданіями обѣтовалъ имъ Господь, говоря: *егда же предаютъ вы, не печетесь, ни что или что возглаголете: не вы бо будете глаголющии, но Духъ Отца вашего глаголетъ въ васъ* (Мат. 10, 19. 20). Я же, съ своей стороны, говорю смѣло и съ полною свободою, что съ тѣхъ поръ, какъ апостолы увѣровали въ Господа, они всегда имѣли Духа Святаго: безъ благодати Духа Святаго они не могли творить знаменій; но имѣли Его въ опредѣленной мѣрѣ. Поэтому и Спаситель взывалъ во храмѣ, говоря: *аще кто жаждетъ, да приидетъ ко Мнѣ и пьетъ. Вспруай въ Мя, якоже рече писаніе, рѣки отъ чрева его истекуть воды живы. Сіе же рече о Дусѣ, Егоже хотяху примати вспрующии* въ Него (Юан. 7, 37—39). Въ томъ же мѣстѣ прибавляется: *не у бо бѣ данъ Духъ Святыи, яко Исусъ не у бѣ прославенъ*: но это не въ томъ смыслѣ, чтобы Духа Святаго не было, такъ какъ Господь Спаситель говоритъ: *аще ли же Азъ о Дусѣ Святомъ изгоню бѣсы* (Мат. 12, 28), а въ томъ, что, пребывая въ Господѣ, Онъ не почилъ еще всецѣло на апостолахъ. Поэтому-то они приходятъ въ ужасъ во время страданій Его, увѣряютъ и клянутся, что не знаютъ Христа. А послѣ того, какъ крестились Духомъ Святымъ и благодать Духа Святаго излилась на нихъ, они уже свободно говорятъ первосвященникамъ іудейскимъ: *повиноватися подобаетъ Богови наче,*

нежели человекомъ (Дѣян. 5, 29); воскрешаютъ тогда мертвыхъ; радуются подъ бичами; проливаютъ кровь за Христа, и въ мукахъ находятъ вѣнецъ для себя. Итакъ, *не у бы Духъ* на апостолахъ, не истекали отъ чрева ихъ духовныя дарованія, ибо Господь еще не былъ прославленъ. А какая то была слава, Онъ говоритъ самъ въ Евангеліи: *Отче, прослави Мя славою, юже имѣхъ у Тебе, прежде міръ не бысть* (Іоан. 17, 5). Слава Спасителя, это—висьлица, на которой Онъ торжествуетъ. Распинается Онъ какъ человѣкъ, но прославляется какъ Богъ. Солнце скрывается, луна измѣняется въ кровь, земля дрожитъ необычнымъ трясеніемъ, открываются гробы, ходятъ мертвые, распадаются камни. Это та слава, о которой говорится въ псалмѣ: *востани слава моя, востани псалтирю и гусли* (Пс. 56, 9). И сама слава, и плоть, нашедшая заступничество для своего исцѣленія, отвѣчаютъ за себя: *востану рано*; и оправдывается такимъ образомъ надписаніе двадцать перваго псалма—*о заступленіи утреннемъ*. Такъ говоримъ мы не потому, чтобы вѣрили, что иной есть Богъ, и иной человѣкъ, и въ единомъ Сынѣ Божіемъ различали два лица, какъ ложно утверждаетъ новая ересь. Одинъ и тотъ же есть и Сынъ Божій, и Сынъ человѣческій, и изъ того, что говорится, одно относимъ мы къ божественной Его славі, другое—къ нашему спасенію. Почему Онъ *не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу, но себе истощилъ, зракъ раба приимъ: послушливъ бывъ Отцу даже до смерти, смерти же крестныя* (Филип. 2, 6—8). *И Слово плоть бысть, и вселися въ ны* (Іоан. 1, 14). Удивляюсь я Монтану и его безумнымъ женщинамъ, этимъ пророкамъ—недоноскамъ! Господь даетъ обѣтованіе, и говоритъ: *иду и иного Утѣшителя пошлю вамъ* (Іоан. 14); по сказанію евангелиста Луки (Дѣян. 1 и 2), апостолы и получили, что было обѣщано: а они, спустя долгое время, утверждаютъ, что это исполнилось на нихъ. Апостоламъ было

обѣщано: *азъ пошлю обѣтованіе Отца моего на вы; вы же съидите во градъ Іерусалимскъ, дондеже облечетесь силою свыше* (Лук. 24, 49); и воскресшій на апостоловъ дуну, а не на Монтана, Прискиллу и Максимииллу, и имъ, т. е. апостоламъ, говоритъ: *имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите, держатся*. Апостоламъ, говорю, Онъ повелѣлъ не выходить изъ Іерусалима, но ждать обѣтованія Отца. И послѣ этого мы читаемъ объ исполненіи обѣщаннаго: *исполнишася вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, якоже Духъ Святыи даде имъ проповѣдывать* (Дѣян. 2, 4). Ибо Духъ Святыи, *идѣже хошетъ, дышетъ* (Іоан. 3, 8). И когда Господь говоритъ: иного Утѣшителя пошлю вамъ, этимъ показываетъ, что и самъ Онъ Утѣшитель (*Параклетъ* значитъ *Утѣшитель*). И Богъ Отецъ, въ молитвѣ къ Нему, называется этимъ же именемъ: *Богъ соболѣзнованія и всякія утѣхи* (2 Кор. 1, 3). Если же и Отецъ Утѣшитель, и Сынъ Утѣшитель, и Духъ Святыи Утѣшитель, а вѣрующіе крещаются во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, подъ которымъ именемъ разумѣется Богъ: то имѣющіе одно имя Божества и Утѣшителя имѣютъ одно и естество. Сей Духъ Святыи былъ не только на апостолахъ, но и на пророкахъ: о немъ молился Давидъ, говоря: *Духи Твоего Святаго не отними отъ мене* (Пс. 50, 13). О Даніилѣ говорится, что онъ имѣлъ Духа Святаго; и Давидъ по внушенію Духа говорилъ, что *Господь рече Господеву его: съди одесную Мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ* (Пс. 109, 1). Пророки не безъ Духа Святаго пророчествовали; и Словоиъ Господнимъ небеса утвердишася и Духомъ устъ Его вся сила ихъ; и что свойственно Отцу и Сыну, то свойственно также и Духу Святому. Самъ Духъ Святыи, когда посылается, посылается отъ Отца и Сына; то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ онъ называется Духомъ Отца и Духомъ Сына. Почему и въ Дѣ-

яніяхъ апостольскихъ говорится, что крестившіеся крещеніемъ Іоанновымъ и вѣровавшіе въ Бога Отца и Христа, посліугу о Духѣ Святомъ не знали, были крещены въ другой разъ; и уже тогда получили истинное крещеніе. Ибо безъ Духа Святаго таинство Троицы не совершенно. Въ той же книгѣ приводятся слова Петра Ананіи и Сапфиръ, что солгашіе Духу Святому солгали не людямъ, но Богу (Дѣян. 5, 4).

Что значить извѣстное разсужденіе апостола Павла, который пишетъ къ Римлянамъ: *что убо речемъ? еда неправда у Бога? да не будетъ* (Рим. 9, 14), до того мѣста, гдѣ онъ говоритъ: *аще не бы Господь Саваоохъ оставляя намъ стъмене, якоже Содомъ убо были быхомъ, и якоже Гоморру уподобилися быхомъ* (ст. 29)? Все вообще посланіе къ Римлянамъ нуждается въ толкованіи, и до того темно, что для пониманія его намъ необходима помощь Духа Святаго, изрекавшаго это самое чрезъ апостола. Но особенно темно указанное мѣсто, которое, желая оградить правду Божію отъ упрека, нѣкоторые понимаютъ такъ, что на основаніи предшествовавшихъ данныхъ (ex praecedentibus causis) избранъ отъ чрева Ревекки Іаковъ и отверженъ Исавъ,—также точно какъ избираются отъ чрева Іеремія и Іоаннъ Креститель, и самъ апостоль Павелъ предназначается на проповѣдь Евангелія еще до рожденія своего. Мы же не держимся другихъ мнѣній, кромѣ церковныхъ, и такихъ, заявить которыя мы не боимся публично предъ церковію. Поэтому и не послѣдуемъ Пифагору и Платону и ученикамъ ихъ, вводящимъ подъ христіанскимъ именемъ догматы языческіе,—не скажемъ, что души ниспали съ неба, и, по различію заслугъ, наказываются за древніе грѣхи въ тѣхъ или другихъ тѣлахъ. Гораздо лучше откровенно сознаться въ невѣжествѣ, и между другимъ, чего не знаемъ, уклониться отъ темноты и этого мѣста, чѣмъ, думая доказывать правду

Божію, защищать ересь Василида и Манихея, и увлекаться сказками иберійскими и диковинками египетскими. Итакъ скажемъ, какъ можемъ, и слѣдую за ходомъ мысли апостола, не отступимъ, какъ говорится, ни на точку и ни на волосъ отъ прямого смысла его рѣчи. Выше онъ плакалъ, и призывалъ Духа Святаго въ свидѣтели своей совѣсти и своей скорби о томъ, что братія его и сродницы его по плоти, т. е. израильтяне, не приняли Сына Божія, — израильтяне, *иже всыновленіе, и слава, и завети и законоположеніе, и служеніе и обѣтованія, и отъ нихже Христосъ по плоти*, родившійся отъ Дѣвы Маріи; и непрестанная болѣзнь сердца столько терзала его, что онъ самъ желалъ *отлученъ быти отъ Христа*, т. е. погибнуть одинъ, лишь бы не погибло все племя израильское (Рим. 9, 1—5). Но, высказавъ это, апостолъ предвидѣлъ неизбежное возраженіе со стороны: что говоришь ты? Будто уже всѣ сыны Израиля погибнуть? Какимъ же образомъ ты самъ, и другіе апостолы, и безчисленное множество лицъ изъ народа іудейскаго приняли Христа Сына Божія? Возраженіе это онъ рѣшаетъ такъ: Израиль въ священномъ Писаніи представляется въ двухъ видахъ и раздѣляется на двухъ сыновей, на сына по плоти, и на сына по обѣтованію и по духу. Авраамъ имѣлъ двухъ сыновей, Измаила и Исаака. Измаиль, рожденный по плоти, не получилъ отеческаго наслѣдія. Исаакъ, рожденный отъ Сарры по обѣтованію, называется сѣменемъ Божіимъ. Ибо писано: *Исаакъ наречется ти сѣмя*, т. е. не тѣ сыны Божіи, кои суть сыны плоти, но *чада обѣтованія*, эти *причитаются въ сѣмя*. И намъ извѣстно это не только по отношенію къ Измаилу и Исааку, но и по отношенію къ двумъ сыновьямъ Ревекки, Исаву и Іакову, изъ коихъ одинъ былъ отверженъ, а другой избранъ. Все это, по словамъ апостола, означаетъ, что въ лицѣ двухъ первыхъ братьевъ, Измаила и Исава, народъ іудейскій былъ

отвержень; а въ лицѣ послѣднихъ, т. е. Исаака и Іакова, изображается народъ избранный изъ язычниковъ, равно какъ и имѣвшіе увѣровать во Христа изъ іудеевъ. Но такъ какъ, для доказательства этого, онъ сослался на сказаніе о рожденіи близнецовъ Исава и Іакова, о которыхъ писано: *болій пороботаеъ меншему* (Быт. 25, 53), и у Малахія читаемъ: *Іакова возлюбихъ, Исава же возненавидѣхъ* (Мал. 1, 2): то по обыкновенію своему предлагаетъ возраженіе со стороны, и разбираетъ его; и рѣшивъ это возраженіе, возвращается къ тому, съ чего началъ рѣчь. Если Исавъ и Іаковъ еще не родились, и не сдѣлали ничего ни добраго, ни злаго, чѣмъ могли бы умилостивить Бога или оскорбить; и если избраніе и отверженіе ихъ было дѣломъ не заслугъ каждаго изъ нихъ, а воли избирающаго или отвергающаго: то что мы скажемъ? Не несправедливъ ли Богъ, судя по тому, что говоритъ онъ Моисею: *помилюю, егоже аще помилюю, и ущедрю, егоже аще ущедрю?* Если допустимъ, говорить апостоль, что Богъ дѣлаетъ что ни захочетъ, и безъ заслугъ и дѣлъ или избираетъ кого бы то ни было или осуждаетъ: то *ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога;* особенно, когда тоже Писаніе, т. е. тотъ же Богъ, говоритъ Фараону: *на истое сіе воздвигохъ тя, яко да покажу тобою силу мою, и да възвѣститъся имя мое по всей земли.* Если это такъ, и если Онъ по волѣ своей милуетъ Израиля и ожесточаетъ Фараона: то напрасно жаловаться на насъ, напрасно судить насъ за то, что мы не дѣлали добраго или дѣлали злое; ибо въ Его собственной власти и волѣ, и безъ добрыхъ и злыхъ дѣлъ, избрать или отвергнуть кого бы то ни было, особенно если Его волѣ не можетъ противиться человѣческая слабость. Это сильное возраженіе, выведенное изъ смысла Писанія и почти неразрѣшимое, апостоль рѣшаетъ коротко, словами: *о человѣче, ты кто еси противъ отвѣщайя Богови?* Смыслъ таковъ: тѣмъ самымъ, что ты

отвѣчаешь Богу, что ложно обвиняешь Его, отыскиваешь въ Писаніи такое, что можешь привести противъ Него и обвиняешь справедливость воли Его,—тѣмъ самымъ показываешь, что ты имѣешь полную свободу и дѣлать, что хочешь, и молчать, и говорить. Если же ты думаешь, что Богъ сотворилъ тебя на подобіе глинянаго сосуда, и противиться Его волѣ ты не можешь: то прими въ соображеніе, что глиняный сосудъ не скажетъ горшечнику: *почто мя сотворилъ еси тако?* Горшечникъ имѣетъ власть изъ одной и тойже глины, изъ одной и тойже массы сдѣлать одинъ сосудъ въ честь, другой въ поношеніе. Но Богъ создалъ всѣхъ съ одинаковымъ назначеніемъ, и далъ каждому свободную волю дѣлать, что хочетъ, какъ доброе, такъ и злое. Далъ же Онъ всѣмъ волю до такой степени, что языкъ нечестивый спорить противъ Творца своего и подвергается обслѣдованію побужденія, которыми руководится воля Его. *Аще же хотя Богъ показати гнѣвъ свой, и явити силу свою, пренесе во мнозѣ долготерпѣніи сосуды гнѣва совершенны въ погибель, да покажетъ богатство славы своея на сосудѣхъ милости, яже предуготова въ славу: ихже и призва насъ не точію отъ іудей, но и отъ языкъ, якоже и во Осии глаголетъ: нареку не люди моя, люди моя, и не возлюбленую, возлюблену; и будетъ на мѣсть, и дѣже речеса имъ: не людие мои есте вы, тамо нарекутся сынове Бога живаго* (Рим. 9, 22—26), и такъ далѣе. Если, говорить апостоль, терпѣніе Божіе ожесточало Фараона, и если Богъ откладываетъ на долгое время наказаніе израильтянамъ, чтобы съ большею справедливостію осудить тѣхъ, къ кому столько времени былъ снисходителенъ: то слѣдуетъ винить не терпѣніе и безконечное милосердіе Божіе, а ожесточеніе тѣхъ, кои злоупотребляли благостію Божіею на свою погибель. Иначе: теплота солнечная одна, но смотря по свойству предметовъ, на которые дѣйствуетъ, одно она растоп-

ляетъ, другое дѣлаетъ твердымъ, иное разлагаетъ, иное скрѣпляетъ. Такъ, воскъ растопляется, глина становится твердою: но природа теплоты отъ этого не различна. Такъ точно благодать и милосердіе Божіи сосуды гнѣва, уготованные на погибель, т. е. народъ іудейскій, ожесточаетъ: а сосуды милосердія, предуготовленные къ славѣ, призванные, т. е. насъ, которые не только изъ іудеевъ, но и изъ язычниковъ, спасаетъ, не слѣпо и съ нарушеніемъ справедливости, но на основаніи предшествовавшихъ данныхъ: потому что тѣ не приняли Сына Божія, а эти возжелали принять Его сами собою. Сосудами милосердія являются не только множество язычниковъ, но и восхотѣвшіе увѣровать изъ іудеевъ; и такимъ образомъ составилъ одинъ народъ вѣрующихъ. Изъ этого видно, что избираются не народы, а расположенія людей; и сдѣлалось такъ во исполненіе сказаннаго у Осіи: *нарекы не люди моя, люди моя*, т. е. народъ язычниковъ; и кому прежде говорилось: *не люди мои есте вы, тѣ нарекутся сынове Бога живаго* Чтобы не казалось, будто это говорится только о язычникахъ, апостоль называетъ сосудами милосердія и избранными и тѣхъ, которые увѣровали изъ народа іудейскаго. Исаія вопіетъ объ Израилѣ: *еще будетъ число сыновъ израилевыхъ яко песокъ морской, останокъ спасетъя*, т. е. если большинство и останется въ невѣріи, немногіе увѣруютъ. Ибо Богъ взвѣсилъ на вѣсахъ своей правды слово рѣшительное и короткое—уничженіемъ и воплощеніемъ Христа спасти тѣхъ, которые пожелали увѣровать въ Него. Тоже самое и въ другомъ мѣстѣ сказалъ Исаія: *еще не бы Господь Саваоѣ оставилъ намъ стѣне, якоже Содомъ убо были быхомъ, и якоже Гоморру уподобилися быхомъ*. Приведши свидѣтельства, которыми предсказывается двоякое призываніе, язычниковъ и народа іудейскаго, апостоль переходитъ къ предмету сопряженному, и говоритъ, что *языци не гонящии правду постигоша*

правду. потому что не превозносились, но увѣровали во Христа; а большинство израильтянъ потому упало, что споткнулось о камень претыканія, камень соблазна, не познало правды Божіей, но, усиливаясь поставить собственную правду, не восхотѣло покориться правдѣ Божіей, которая есть Христосъ. Я читалъ въ толкованіяхъ одного писателя, что апостоль отвѣчалъ такъ для того, чтобы болѣе затруднить, чѣмъ рѣшить вопросъ. Онъ говоритъ: на предложенный вопросъ: *что убо речемъ? еда неправда у Бога?* И ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога; и егोजе *хочетъ милуетъ, а егोजе хочетъ ожесточаетъ Богъ*; и воли его *кто противится можетъ*, апостоль отвѣчаетъ такъ: о человѣкъ! ты, который земля и пепелъ, ты смѣешь задавать вопросъ Богу? Будучи хрупкимъ и глинянымъ сосудомъ, ты смѣешь возставать противъ своего горшечника? Развѣ слѣпокъ изъ глины можетъ сказать слѣпившему его: *зачѣмъ ты меня такъ сдѣлалъ?* Или невластенъ горшечникъ надъ глиною, чтобы изъ одной и тойже глыбы сдѣлать одинъ сосудъ въ честь, другой въ поношеніе? Итакъ, умоли вѣчнымъ молчаніемъ; помни свою брѣнность, и не безпокой Бога вопросомъ: Онъ сдѣлалъ, какъ хотѣлъ, когда по отношенію къ однимъ явился милостивымъ, а по отношенію къ другимъ—суровымъ.

Что значать слова апостола во второмъ посланіи къ Коринтянамъ: *овѣмъ воля смертная въ смерть: овѣмъ же воля животная въ животъ; и къ симъ кто доволенъ* (2 Кор. 2, 16)? Изложимъ это мѣсто въ цѣломъ его видѣ, чтобы понять его въ той связи, въ какой оно стоитъ съ предыдущимъ и послѣдующимъ. *Пришедъ въ Троицу, говоритъ апостоль, во благовѣстіе Христово, и двери отверзены ми бывшей о Господь, не имѣхъ покоя духу моему, не обрѣтшу ми Тита брата моего: но цѣловавъ ихъ, изыдохъ въ Македонію. Богу же благодареніе всегда по-*

бдители насъ творящему о Христѣ Іисусѣ, и воюю разуми его являющую нами во всякомъ мьстѣ; яко Христово благоуханіе есмы Богови въ спасаемыхъ и въ погибающихъ: овѣмъ убо воля смертная въ смерть, овѣмъ же воля животная въ животъ; и къ симъ кто доволенъ? Нѣсмы бо, якоже мнози, продающіе слово Божіе, но яко отъ чистоты, но яко отъ Бога, предъ Богомъ, во Христвѣ глаголемъ. Апостолъ разсказываетъ Коринѣянамъ, что онъ сдѣлалъ, что вытерпѣлъ, и какъ за все благодарить Бога, чтобы собственнымъ примѣромъ побудить ихъ къ подвигу. Пришолъ я, говоритъ онъ, въ Трояду, которая прежде называлась Троею, чтобы проповѣдывать Евангеліе Христово въ Азіи. Хотя мнѣ и была отверста дверь о Господѣ, т. е. или увѣрвали очень многіе, или, ради знаменій и силъ, какими дѣйствовалъ во мнѣ Богъ, была надежда на рожденіе вѣры и на возрастаніе ея о Господѣ, но я не имѣлъ покоя духу моему, т. е. не могъ найти утѣшенія, котораго надѣялся: я не нашелъ брата моего Тита, котораго или думалъ тамъ встрѣтить, или о которомъ слышалъ, что живетъ тамъ, или который говорилъ, что придетъ туда. Что же было за утѣшеніе такое, и что за покой духа въ присутствіи Тита, не нашедши котораго апостолъ распрощался съ троадянами и отправился въ Македонію? Мы нѣсколько разъ говорили, что апостолъ Павелъ былъ мужъ ученѣйшій и получилъ образованіе у ногъ Гамалила (Дѣян. 22, 3), который, по Дѣяніямъ Апостольскимъ, говоритъ въ синагогѣ: и нынѣ, что хотите сотворити съ людьми этими? Если это отъ Бога, оно устоитъ; если отъ людей—разорится (Дѣян. 5, 35—39). Но хотя онъ зналъ священное Писаніе и владѣлъ даромъ слова и даромъ различныхъ языковъ, почему и хвалится о Господѣ и говоритъ: *благодарю Бога моего, паче всѣхъ васъ языки глаголя* (1 Кор. 14, 18): однако не могъ изъясняться на греческомъ языкѣ достойно

величія божественныхъ мыслей. Поэтому, онъ имѣлъ переводчикомъ Тита: такъ точно, какъ и блаженный Петръ имѣлъ Марка. Евангеліе послѣдняго составлено такъ: Петръ повѣствовалъ, а этотъ писалъ. И что два посланія, приписываемыя Петру, разнятся между собою по слогу, характеру и строю рѣчи, объясняется для насъ тѣмъ, что онъ вынужденъ былъ обстоятельствами пользоваться различными переводчиками. Итакъ апостоль Павелъ скорбитъ: потому что не нашель въ наличности свирѣли для своей проповѣди и органа для своей пѣсни Христу. И пошелъ онъ въ Македонію: потому что явился ему мужъ македонянинъ, говоря: *пришедъ въ Македонію помози намъ* (Дѣян. 16, 9),—*пошелъ, чтобы найти тамъ Тита и посѣтить братію, или чтобы испытать себя въ гоненіяхъ: ибо таковъ смыслъ словъ его: Богу же благодареніе всегда побѣдителю насъ творящему о Христвъ Иисусъ. и волю разума его являющую нами во всякомъ мѣстѣ.*—*Даетъ торжествовать побѣду намъ, потому что торжествуетъ ее нами или устрояетъ побѣдное торжество чрезъ насъ, которые, какъ сказалъ апостоль въ другомъ мѣстѣ: позоръ быхомъ міру и ангеломъ и человекомъ* (1 Кор. 4, 9). Впослѣдствіи апостоль рассказываетъ: *ибо пришедшимъ намъ въ Македонію, ни единого имъ покоя плоть наша. но во всемъ скорбяще: внугду брани, внугтрюду боязни. Но утѣшай смиренныя, утѣши насъ Богъ пришествіемъ Титовымъ: не токмо же пришествіемъ его, но и утѣшеніемъ* (2 Кор. 7, 3—7). Итакъ апостоль, простившись съ троянами или троадянами, отправился въ Македонію, чтобы найти тамъ Тита, и имѣть утѣшеніе въ переводчикѣ и въ проповѣди Евангелія; но какъ видимъ, онъ не засталъ его тамъ, а Титъ явился неожиданно уже послѣ бѣды и гоненій, которыя претерпѣлъ апостоль. Итакъ до прихода еще Титова, претерпѣвъ многое, апостоль благодаритъ Бога о Христвъ Иисусъ, котораго проповѣдывалъ язычникамъ, что

избралъ въ немъ достойное лицо для того, чтобы устроить въ немъ побѣдное торжество Сына своего. Побѣдное торжество Божіе, это—страданіе мучениковъ, пролітіе крови за имя Христово и радость во время самыхъ истязаній. Ибо, какъ скоро кто видѣлъ, съ какимъ мужествомъ подвизались и подвергались терзаніямъ мученики, и хвалились самыми страданіями своими,—благоуханіе познанія Божія распространялось на язычниковъ, и невольно приходило на мысль, что еслибы Евангеліе не было истинно, никогда не защищали бы его кровію. Религія эта не обѣщала ни утѣшеній, ни богатствъ, ни безопасности, а только темницы, раны, преслѣдованія, голодъ, наготу и жажду. Таково торжество Божіе и побѣда апостоловъ. Но слушающій апостола могъ возразить: какимъ же образомъ не всё увѣровали? Поэтому, прежде чѣмъ его спрашиваютъ, онъ рѣшаетъ *ἀντιποροῦν*¹⁾; и по обыкновенію своему разбираетъ возраженіе, которое могъ кто либо сдѣлать, прежде чѣмъ оно сдѣлано. Смыслъ рѣчи его таковъ: доброе *благоуханіе* имени Христова *есмы Божови* во всякомъ мѣстѣ, и благовоніе проповѣди нашей распространяется повсюду. Но такъ какъ люди предоставлены собственному произволу, потому что дѣлаютъ доброе не по принужденію, а по свободной рѣшимости получить вѣнецъ за вѣру или подпасть наказанію за невѣріе: то благоуханіе наше, доброе само по себѣ, обращается въ жизнь или смерть, смотря по добродѣтели или порочности принимающихъ его или не принимающихъ; такъ что увѣровавшіе спасутся, не увѣровавшіе же погибнуть. Этому не должно удивляться по отношенію къ апостолу, когда о самомъ Господѣ мы читали: *се лежитъ сей на паденіе и на востаніе многимъ во Израили, и въ знаменіе пререкаемо* (Лук. 2, 34). Лучи сол-

¹⁾ *Ἀντιποροῦν*—возраженіе или недоумѣніе, возникающее само собою въ умѣ слушателя.

нечные падаютъ какъ на мѣста чистыя, такъ и нечистыя, и также блестятъ на цвѣтахъ, какъ и на навозѣ: однако они не оскверняются. Такъ и доброе благоуханіе Христова, всегда неизмѣнное и не теряющее свойства своего, для вѣрующихъ составляетъ жизнь, для невѣрующихъ—смерть. Смерть эта не смерть обыкновенная, которою мы умираемъ вмѣстѣ съ звѣрми и скотомъ, но та, о которой писано: *душа, яже согрѣшитъ, та умретъ* (Иезек. 18, 4). Почему и подъ жизнію должно понимать не ту, которая проявляется дыханіемъ, движеніемъ, бѣганьемъ туда и сюда, но ту, о которой говоритъ Давидъ: *върую видѣти благія Господня на земли живыхъ* (Пс. 26, 13). Ибо Богъ есть Богъ живыхъ, а не мертвыхъ (Мат. 22, 32); *и животъ нашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ. Егда же Христосъ явится, животъ нашъ, тогда и мы съ Нимъ явимся въ славу* (Колос. 3, 3. 4). Не считайте же, о коринѣяне, мало-важнымъ, говоритъ апостоль, если нашей проповѣди объ истинѣ одни вѣрятъ, другіе не вѣрятъ: одни умрутъ истинною смертію, а другіе будутъ жить тою жизнію, которая говоритъ: *Азъ есмь животъ*. Еслибы мы не говорили, то какъ невѣрующихъ не постигла бы смерть, такъ и вѣрующіе не наслѣдовали бы жизни: потому что съ трудомъ можетъ найтись достойный провозвѣстникъ добродѣтелей Христовыхъ, который въ провозглашеніи ихъ искалъ бы не собственной славы, но славы того, кого проповѣдуетъ. Говоря же, что онъ *нѣсть якоже мнози*, продающіе слово Божіе, апостоль показываетъ этимъ, что есть очень много такихъ, которые благочестіе обращаютъ въ промыселъ и дѣлаютъ все ради прибытка,—такихъ, *иже снѣдятъ дома вдовицъ* (Лук. 20, 47); но онъ самъ говоритъ чистосердечно, какъ посланный отъ Бога и въ присутствіи пославшаго его,—говоритъ все во Христвъ и за Христа, чтобы дѣло проповѣди Божіей, побѣдное торжество Христа, было Его же и

славою. Нужно замѣтить также, что въ концѣ этой главы указывается на таинство Троицы: потому что апостоль говоритъ *отъ Бога, Духомъ Святымъ, предъ Богомъ, Отцемъ, во Христа*. Въ доказательство же того, что апостоль изъ Троицы: прошелъ въ Македонію, я приведу свидѣтельство изъ Дѣяній Апостольскихъ. *Прешедше же Мисію, снисходя въ Троиду. И видѣніе въ ночи явися Павлу: мужъ нѣкій бѣ македонянинъ своя, моля его и глаголя: пришедъ въ Македонію, помози намъ. И якоже видѣніе видѣ, абіе взыскахомъ изыти въ Македонію, разумѣвши, яко призваны Господь благовѣстити имъ* (Дѣян. 16, 8—10).

Что значить сказанное апостоломъ въ первомъ посланіи къ Солунянамъ: *самъ же Богъ мира да освятитъ васъ* всѣмъ, *и всесовершенъ вашъ духъ и душа и тѣло непорочно въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа да сохранится* (1 Колос. 5, 22. 23)? Вопросъ весьма ходячій, но рѣшеніе его очень коротко. Апостоль говорилъ выше: *духи не угашайте* (ст. 19); если слова эти будутъ уяснены для насъ, мы поймемъ тотчасъ же, что это за духъ, который должно сохранять вмѣстѣ съ душою и тѣломъ на день пришествія Господня. Ибо кто можетъ повѣрить, чтобы Духъ Святой погасалъ подобно пламени, которое, будучи потушено, перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ было, и станетъ утверждать, что Онъ уничтожается,—Онъ, который былъ нѣкогда въ народѣ израильскомъ и могъ изрѣкаться чрезъ Исаію, Іеремию и каждаго изъ пророковъ: *такъ глаголетъ Господь*, и въ настоящее время говоритъ въ церкви устами Агава: *такъ глаголетъ Духъ Святой* (Дѣян. 21, 11)? *Раздѣленія дарованій суть, а тойжде Духъ; и раздѣленія служеній суть, а тойжде Господь; и раздѣленія дѣйствъ суть, а тойжде есть Богъ, дѣйствующій вся со всѣхъ. Коемуждо же дается явленіе Духа на пользу. Овому бо Духомъ дается слово премудрости, иному же*

слово разума, о томъ же Духъ; другому же въра, тѣмъ же Духомъ; другому же дѣйствія силъ; иному же дарованіе исцѣленій, о томъ же Духъ, иному же пророчество. другому же разсужденія духовомъ. Вся же сія дѣйствуетъ единыи и тѣмъ же Духъ, раздѣляя коемуждо, якоже хочетъ (1 Кор. 12, 4—11). Объ этомъ-то Духъ молился Давидъ, чтобы Онъ не удалился отъ него, говоря: *Духа твоего Святѣшаго не отъими отъ мене* (Пс. 50, 13). Когда Онъ отнимается,—Онъ не угасаетъ въ существѣ своемъ, но угасаетъ для того, отъ кого отнимается. Думаю, что одно и тоже имѣютъ значеніе и слова: *духа не угашайте* (1 Сол. 5, 19), и сказанное въ другомъ мѣстѣ: *духомъ горлице* (Рим. 12, 11). Ибо въ комъ пламень духовный не ослабѣваетъ отъ умноженія несправедливости и холодности любви, въ томъ духъ нисколько не угасаетъ. *Богъ же мира да освятитъ васъ всемъ*, или во всемъ, или преисполненныхъ и *всесовершенныхъ*: ибо слово *ἀλώτελεύς* имѣетъ болѣе послѣднее значеніе. Богъ называется Богомъ мира: потому что мы примирены съ Нимъ Христомъ, который *сѣтъ миръ нашъ, сотворившій обоя едино* (Ефес. 2, 14), и который, въ другомъ мѣстѣ, называется миромъ Божиимъ, превосходящимъ всякъ умъ и соблюдающимъ сердца и помышленія святыхъ (Филип. 4, 7). А кто освящается, или усовершеняется во всемъ, въ томъ сохраняется и духъ и душа и тѣло на день Господень. Тѣло сохраняется, если каждый изъ членовъ имѣетъ должное отправленіе, рука, напр., дѣйствуетъ, нога ходитъ, глазъ видитъ, ухо слышитъ, зубы мелютъ пищу, желудокъ варитъ, чрево распредѣляетъ; или если никакая часть членовъ не изуродована. Но кто можетъ повѣрить, будто апостоль молится за вѣрующихъ о томъ, чтобы Христосъ въ день суда нашелъ невредимыми тѣла всѣхъ ихъ, когда тѣла всѣхъ, разрушатся ли они по смерти, или (какъ нѣкоторые хотятъ) и останутся до того времени живыми,

во всякомъ случаѣ имѣють свои недостатки, а особенно— тѣла мучениковъ и тѣхъ, у которыхъ за имя Христова или выколоты глаза, или отрѣзаны ноздри, или обрублены руки? Итакъ сохранился невредимымъ то тѣло, о которомъ мы говорили, отвѣчая на другой вопросъ, которое имѣетъ главу, *изъ нея же все тѣло составляемо и счиниваемо, возвращеніе тѣла Христова творитъ въ созданіе* (Еф. 4, 16). Это тѣло есть церковь. Всякъ, кто удержалъ главу этого тѣла и сохранилъ остальные члены, будетъ имѣть тѣло невредимымъ, насколько это возможно для человѣческой природы. Такимъ же путемъ должно сохранять и цѣлость души, которой можно сказать: *благослови, душе моя, Господа, исцѣляющаго вся недуги твоя* (Пс. 102, 1. 3), и о которой говорить Писаніе: *посла слово свое, и исцѣли я* (Пс. 106, 20). Духъ же въ немъ сохранится невредимымъ, если мы не будемъ погрѣшати въ дѣлахъ духовныхъ, но будемъ жить въ духѣ, будемъ утверждаться въ духѣ, умерщвлять духомъ дѣла плоти и приносить все плоды его, любовь, радость, миръ, и прочіе. Иначе: устами Соломона намъ предписывается: *ты же я напихи трижды, на совѣтъ и смыслъ (и разумъ), на отвѣты словесемъ истиннымъ предлагаемымъ тебѣ* (Прит. 22, 21). Соответственно этому троякому написанію на сердцѣ нашемъ, въ отношеніи къ писаніямъ наблюдается и троякое правило. Мы должны понимать ихъ, во-первыхъ, исторически, во-вторыхъ — въ смыслѣ иносказательномъ, и въ третьихъ—въ смыслѣ духовномъ. Въ исторіи мы слѣдимъ за связію вещей, какъ они описываются. Въ иносказательной рѣчи мы возвышаемся надъ буквою, и что изложено въ ней для толпы плотскимъ образомъ, толкуемъ въ нравственную сторону и обращаемъ въ пользу для души своей. Въ духовной θεωρία мы восходимъ къ высочайшему, покидаемъ земное, разсуждаемъ о будущемъ блаженствѣ и предметахъ небесныхъ: такъ что

размышленіе наше въ жизни настоящей имѣеть видъ будущаго блаженства. Кого найдетъ Христосъ сохранившими въ цѣлости и тѣло, и душу, и духъ, и имѣющими въ себѣ троякое знаніе совершенной истины, тѣхъ освятитъ Онъ своимъ миромъ и содѣлаетъ несовершенными. Многіе—эти слова, что духъ, и душа, и тѣло сохраняются невредимыми въ пришествіе Господне, понимаютъ просто—о воскресеніи. Другіе на основаніи этого мѣста утверждаютъ, что въ человѣкѣ три субстанціи: духъ, который мыслить, душа, которою живемъ, и тѣло, которымъ движемся. Есть и такіе, которые, полагая, что человѣкъ состоитъ только изъ души и тѣла, подъ третьимъ въ немъ—духомъ разумѣютъ не субстанцію, а дѣйствіе, которое даетъ намъ различать въ себѣ умъ, чувство, мысль, духъ; что все не столько субстанціи, сколько различныя названія. Когда же имъ противопоставляютъ извѣстное изрѣченіе: *благословите души и души праведныхъ Господа* (Дан. 3, 86), они отклоняютъ это свидѣтельство Писанія, говоря, что его нѣтъ въ еврейскомъ. А мы, въ разсматриваемомъ мѣстѣ Писанія, подъ сохраняющимся въ цѣлости вмѣстѣ съ душою и тѣломъ разумѣемъ, какъ сказали выше, не субстанцію Духа Святаго, которая не можетъ уничтожиться, а благодать и дарованія Его, которыя, смотря по нашей добродѣтели или порокамъ, то увеличиваются въ насъ, то угасаютъ.

97. Письмо къ Алгазіи.

Предисловіе.

Сынъ мой Аподемій (значеніе своего имени ¹⁾ онъ объявилъ, когда предпринять долгое морское путешествіе къ

¹⁾ *Аподемій* отъ греческаго — ἀπόδημος, путешественникъ, странникъ.

намъ, и съ береговъ океана и самыхъ отдаленныхъ границъ Галліи, миновавъ Римъ, достигъ Вавелема, чтобы найти въ немъ хлѣбъ небесный ¹⁾, и, насытившись, отрыгнуть о Господѣ, и сказать: *отрыну сердце мое слово благо, глаголю азъ дѣла моя цркви* (Ис 44, 2) доставилъ мнѣ въ маленькомъ письмецѣ весьма важные вопросы, о которыхъ говорилъ, что они даны тобою для передачи мнѣ. Читая ихъ, я пришелъ къ мысли, что ты исполнилась ревностію царицы Савы, которая *прииде отъ конецъ земли слышати премудрость Соломонову* (Матѳ. 12, 42; 3 Цар. 10, 1). Я-то не Соломонъ: потому что онъ своею премудростію превосходить всѣхъ людей, какъ бывшихъ до него, такъ и послѣ него. Но тебя слѣдуетъ назвать царицею савскою, — тебя, въ смертномъ тѣлѣ которой не царствуетъ грѣхъ, и которая, обратившись всею душою ко Господу, слышишь отъ него: *обратися. обратися, Суламитино* (Пѣс. 6, 12): потому что *Сива* на нашемъ языкѣ значитъ *обращеніе*. Вмѣстѣ съ этимъ я замѣтилъ, что вопросы твои, занятые исключительно изъ Евангелія и апостола, доказываютъ, что ты или мало читаешь, или мало понимаешь Писаніе ветхозавѣтное. Оно прикрито такимъ мракомъ и такими прообразами будущаго, что нуждается въ толкованіи всякаго рода: врата восточныя, со стороны которыхъ восходить истинный свѣтъ и чрезъ которые входитъ и исходитъ первосвященникъ, всегда будутъ затворены (Езек. 43, 1. 2; 44, 1), и отворятся только Христу, который имѣетъ *ключъ Давидовъ, отверзаяй, и никтоже затворитъ. затворяяй, и никтоже отверзетъ* (Апок. 3, 7). Когда отворить онъ, ты войдешь въ его ложницу, и скажешь: *веде мя царь въ ложницу свою* (Пѣсн. 1, 3). Кромѣ того, я очень удивился, по какимъ побужденіямъ ты, бросивъ сосѣдній чистѣйшій источникъ, ищешь

¹⁾ Вавелема по еврейски — домъ хлѣба

волнѣ такого далекаго потока нашего, и оставивъ *воды Си-лоамли текущія тисъ* (Ис. 8, 6), жаждешь водъ Ситора, грязнящихся бурными пороками этого вѣка? Есть же тамъ святой мужъ Алетій пресвитеръ, который живымъ словомъ, мудрою и краснорѣчивою рѣчью могъ бы, какъ говорятъ, разрѣшить твои вопросы? Или ты желаешь, быть можетъ, заграничныхъ товаровъ, и, ради перемѣны пищи, тебѣ нравится и чесночная приправа нашихъ кушаньевъ? Однимъ нравится сладкое, а нѣкоторые находятъ удовольствіе въ горьковатомъ; тѣ возстановляютъ силы желудка своего кислымъ, а эти поддерживаютъ его соленымъ. Я видѣлъ самъ, что тошнота и головокруженіе часто излечиваются противо-ядіемъ, называемымъ—*πικρά*, и по Гиппократу, противоположности излечиваются противоположностями же. Въ такомъ случаѣ, подсласти нашу горечь его медомъ; опусти въ Мерру (Исх. 15) древо креста; дряблость старика подкрѣни бодростью юноши, и можешь тогда съ радостію воспѣть: *когда сладка гортани моему словеса Твоя, ниче меда устомъ моимъ* (Пс. 118, 103).

ГЛАВА I.

Зачѣмъ Іоаннъ посылалъ учениговъ своихъ къ Господу съ вопросомъ: *Ты ли еси грядый, или много чашъ* (Матѣ. 11, 3; Лук. 7, 20), когда прежде самъ говорилъ о Немъ: *се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. 1, 29)? Объ этомъ предметѣ я довольно пространно сказалъ въ толкованіяхъ на Матѣя. Изъ того, что ты объ этомъ спрашиваешь, видно, что не имѣешь подъ руками той книги. Впрочемъ, чтобы отвѣчать что-нибудь, я нахожу нужнымъ изложить вкраткѣ тамъ сказанное. Будучи заключенъ въ темницу, Іоаннъ посылалъ своихъ учениговъ для того, чтобы, спрашивая отъ своего лица, вразумить ихъ; чтобы научить

ихъ — когда будетъ онъ обезглавленъ — слѣдовать тому, кого своимъ вопросомъ объявилъ общимъ для всѣхъ учителямъ. Онъ не могъ не знать того, кого прежде указывалъ незнающимъ, — о комъ говорилъ: *имѣй невѣсту, женихъ есть* (Іоан. 3, 29), и — *ему же нѣсмь достоинъ синоги понести* (Матѳ. 3, 11), и — *оному подобаетъ расти, мнѣ же малитися* (Іоан. 3, 30), и о комъ слышала возгремѣвшаго Бога: *сей есть Сынъ мой возлюбленный, о немъ же благоволюхъ* (Матѳ. 5, 17). Слова же его: *Ты ли еси грядый, или иного чаемъ* (Матѳ. 11, 3), могутъ имѣть такой смыслъ: «знаю я, что Ты тотъ самый, который пришелъ взять на Себя грѣхи міра; но такъ какъ я имѣю низойти въ преисподняя, то и спрашиваю, самъ ли Ты сойдешь и туда, или вѣрить такъ о Сынѣ Божіемъ нечестиво, и ты поплешь кого нибудь другаго? Желаю же я знать объ этомъ для того, чтобы, возвѣстивъ о Тебѣ людямъ на землѣ, я возвѣстилъ и въ преисподнихъ, если Ты только имѣешь прійти туда. Ибо Ты тотъ, который пришелъ извести изъ плѣна и освободить заключенныхъ въ узахъ». Господь, понимая вопросъ его, отвѣчалъ болѣе дѣлами, чѣмъ словами; и велѣлъ сказать Іоанну, что слѣпые видятъ, прокаженные очищаются, глухіе слышатъ, мертвые встаютъ, и (что важнѣе еще) нищимъ благовѣствуется (Матѳ. 11, 5; Лук. 7, 22). Подъ нищими же разумѣются нищіе или по духу, или по имуществу: потому что въ отношеніи къ спасенію нѣтъ никакой разности между бѣднымъ и богатымъ, но всѣ равно призываются. А когда Онъ прибавляетъ: *блаженъ есть, иже аще не соблазнится о Мнѣ* (Матѳ. 11, 6), — укоряетъ не Іоанна, но учениковъ его, которые приходили передъ тѣмъ къ Нему, говоря: *почто мы и фарисеи постимся много, ученицы же твои не постятся* (Матѳ. 9, 14; Лук. 5, 33), а къ Іоанну обращались съ такими словами: *равви, ему же ты свидѣтельствовалъ еси*

близъ Иордана, се ученики Его крещаютъ, *и вси грядуть къ Нему* (Иоан. 3, 26). Говоря такъ, они выразили, по поводу величія чудесъ, свое недоброжелательство; ихъ грызла зависть: какъ-де крещенный Иоанномъ осмѣливается крестить самъ, и къ Нему стекается гораздо большая толпа, чѣмъ прежде шла къ Иоанну. Но чтобы невѣжественная чернь не вздумала безславить за этотъ вопросъ Иоанна, Онъ заканчиваетъ свою рѣчь похвалами ему; Онъ началъ говорить къ окружающей Его толпѣ объ Иоаннѣ: *чесо изыдосте въ пустыню видѣти? Трость ли вътроямъ колеблему? Но чесо изыдосте* (въ пустыню) *видѣти? Человѣка ли въ мяжки ризы облеченни* (Матѣ. 11, 7, 8; Лук. 7, 24. 25)? и т. д. Смыслъ словъ этихъ таковъ: не затѣмъ ли вы вышли въ пустыню, чтобы видѣть человѣка, который наклоняется то въ ту, то въ другую сторону, какъ тростникъ по дуновенію вѣтровъ,—который сомнѣвался бы теперь въ томъ, кого прежде хвалили, спрашивалъ бы: онъ ли или другой тотъ, который пришелъ или имѣеть прійти, о комъ прежде говорили: *се Агнецъ Божій?* Такъ какъ всякая ложная проповѣдь преслѣдуетъ корыстныя цѣли, и ищетъ славы человѣческой, потому что чрезъ славу получаютъ выгоды: то Господь утверждаетъ, что имѣющій одежду изъ верблюжьихъ волосъ не можетъ льстить кому бы то ни было; что питающійся саранчею и дигимъ медомъ (Матѣ. 3, 4) не можетъ искать ни богатства, ни другихъ земныхъ наслажденій; что строгая и суровая жизнь избѣгаетъ дворцовъ царскихъ, которыхъ ищутъ облакающіеся въ багряницу, виссонъ, шолкъ и мягкія одежды. И говоритъ Онъ, что Иоаннъ не только пророкъ, который обыкновенно предсказываетъ будущее; но что онъ болѣе, чѣмъ пророкъ: потому что пророки говорили, что Онъ придетъ, а этотъ указалъ пришедшаго, говоря: *се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Иоан. 1, 29); особенно же потому, что съ достоинствомъ пророческимъ въ немъ

соединилось преимущество крестителя; такъ что сказавши: *азъ требую Тобою креститися* (Матѣ. 3, 14), онъ крестилъ Его не по сознанию старшинства, но изъ повиновенія, свойственнаго ученику, изъ страха, приличнаго рабу. А когда онъ утверждаетъ, что изъ рожденныхъ женами не воста никто болій Іоанна (Матѣ. 11, 11), то напоминаетъ, что самъ Онъ, рожденный отъ Дѣвы, *болій Его есть*, или— что самый меньшій изъ всѣхъ ангеловъ на небесахъ превосходить всѣхъ людей на землѣ. Ибо мы преобразовываемся въ ангеловъ, а не ангелы въ насъ, какъ бредятъ нѣкоторые, погруженные въ весьма тяжкій сонъ ¹⁾. Не послужило бы это къ похвалѣ Іоанна, если бы самъ онъ, проповѣдая крещеніе покаянія, не говорилъ прежде, по свидѣтельству Писанія: *покайтесь, приблизитсѣ царствіе небесное* (Мат. 3, 1). Почему со дня проповѣди его *царствіе небесное нудитсѣ* (Мат. 11, 12), чтобы рожденный человѣкомъ возжелать быть ангеломъ, и земное животное искало жилища небеснаго. *Законъ бо и пророцы до Іоанна прорекоста* (тамъ же ст. 13), — не въ томъ смыслѣ, чтобы въ Іоаннѣ былъ конецъ пророковъ и закона, но конецъ этотъ въ томъ, о комъ свидѣтельствовалъ въ своей проповѣди Іоаннъ. Самъ же Іоаннъ, по таинственному изрѣченію Писанія у Малахіи (4, 5), *есть Ілія, хотѣй прійти* (Матѣ. 11, 14),— не въ томъ смыслѣ, чтобы и у Іліи, и у Іоанна была одна и таже душа (какъ предполагаютъ еретики), но въ томъ, что онъ имѣлъ ту же благодать Св. Духа, носилъ поясъ какъ Ілія, жилъ въ пустынѣ какъ Ілія, терпѣлъ преслѣдованіе отъ Иродіады, какъ тотъ переносилъ его отъ Іезавели; такъ что,

¹⁾ По свидѣтельству Епифанія (Haeres. 64, cap. 4 et 33), такъ училъ Оригенъ, утверждавшій, что души людей были прежде ангелами и въ ангеловъ имѣютъ обратиться. Такихъ же воззрѣній придерживались и совѣщанные Іерониму оригенисты.

какъ первый Илія явился предтечею втораго, такъ и Іоаннъ привѣтствовалъ имѣющаго пріити во плоти Господа Спасителя, не только въ пустынь, но и во чревѣ матери, и возвѣстилъ о немъ радостнымъ движеніемъ своего тѣла.

ГЛАВА II.

Что значить написанное у Матѳея: *трости сокрушенны не преломитъ, и льна дымящагося не угаситъ* (Матѳ. 12, 20)? Для изъясненія этого мѣста слѣдуетъ изложить цѣлое свидѣтельство, приводимое Матѳеемъ изъ пророка Исаіи, слова самаго Исаіи (Ис. 42), по переводу Семидесяти и по еврейскому подлиннику, съ которымъ согласны Θεодотіонъ, Акила и Симмахъ. Итакъ изъ четырехъ евангелистовъ одинъ Матѳей рассказываетъ: *Иисусъ же разумѣвъ отъиде отътуда; и по Немъ подоша народи мнози, и исцѣли ихъ всѣхъ. И запрети имъ, да не явль Его творятъ: яко да сбудется рѣченное Исаіемъ пророкомъ* (гл. 42, ст. 1 и слѣд.), *сегоже глаголющимъ: се отрокъ мой, егоже избрахъ; возлюбленный мой, на нѣже блиговоли душа моя. Положу духъ мой на немъ, и судъ языкомъ возвѣститъ. Не преречетъ, ни возопіетъ, ниже услышитъ кто на распутіихъ гласа Его Трости сокрушенны не преломитъ, и льна дымящагося не угаситъ: дондеже изведетъ въ побѣду судъ. И на имя Его языцы уповати будутъ* (Матѳ. 12, 14—21). Въмѣсто этого, у Исаіи, по переводу Семидесяти, пишется такъ: *Іаковъ отрокъ мой, воспріиму его; Израиль избранный мой, пріялъ его души моя. Духъ мой на нѣмъ, судъ языкомъ возвѣститъ. Не возопіетъ, ниже ослабитъ, ниже услышится внѣ гласъ его. Трости сокрушенны не сотретъ, и льна курящагося не угаситъ, но во истину изнесетъ судъ. Возсіяетъ, и не потухнетъ, дондеже положитъ на земли судъ; и на имя его языцы*

уносити имуть (Ис. 42, 1—4). А съ еврейскаго мы переводимъ это такъ: «вотъ отрокъ (*по нѣкоторымъ*—рабъ) мой, восприму его; избранный мой, благоволишь въ немъ душа моя. Я далъ духъ мой на него: судъ народамъ возвѣститъ. Не возопіеть, не приметъ личины, и не услышится внѣ гласъ его. Трости сокрушенныя не сотреть, и льна курящагося не угаситъ. Во истинѣ изведетъ судъ. Не будетъ ни печалень, ни пасмурень, пока не положить на земли судъ. И закона его будутъ ожидать острова». Изъ этого видно, что евангелистъ Матѳей не стѣснялся авторитетомъ древняго перевода, не отказался отъ еврейскаго подлинника, но, какъ еврей изъ евреевъ и ученѣйшій въ законѣ Господнемъ, распространялъ между язычниками то, что читалъ по-еврейски. Ибо, если это мѣсто читать такъ, какъ перевели его Семдесятъ толковниковъ: *Іаковъ отрокъ мой, восприму Его; Израиль избранный мой, пріятъ его душа моя*,— то какимъ образомъ найдемъ мы, что на Іисусѣ исполнилось то, что писано объ Іаковѣ и Израилѣ? Блаженный Матѳей дѣлалъ это, какъ читаемъ, не только въ приведенномъ свидѣтельствѣ, но и въ другомъ мѣстѣ: *изъ Египта возвахъ сына моего* (Матѳ. 2, 15; Осіи 11, 1), переведенномъ Семью-десятью: *изъ Египти возвахъ сыновъ моихъ*. И это мѣсто, очевидно, не относится къ Господу Спасителю, если читать его не по еврейскому подлиннику. Ибо за нимъ слѣдуетъ: *тебѣ же Ваалиму требу жрѣху* (Осіи 11, 1. 2). А что въ приведенномъ въ Евангеліи свидѣтельствѣ недостаетъ словъ: *возсіяетъ, и не потухнетъ, дондеже положитъ на земли судъ* (Ис. 42, 4), это случилось, мнѣ кажется, по ошибкѣ перваго переписчика, который, читая предыдущую мысль, окончившуюся на словѣ *судъ*, принялъ это слово—*судъ* за конецъ послѣдующей мысли, и нѣсколько словъ промежуточныхъ, т. е. между *судъ* и *судъ*, пропустилъ. Что же касается словъ въ еврейскомъ: «и на

законъ его будутъ надѣяться острова», то Матѳеи, обращая болѣе вниманіе на смыслъ, чѣмъ на слова, вмѣсто словъ—законъ и острова, поставилъ—имя и языки. И это необходимо имѣть въ виду не только по отношенію къ настоящему мѣсту, но и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда евангелисты и апостолы приводятъ свидѣтельства изъ ветхаго завѣта: они слѣдовали не буквѣ, а смыслу, и тамъ, гдѣ Семдесятъ расходится съ еврейскимъ, удерживали въ своей рѣчи смыслъ еврейскій. Итакъ Спаситель названъ отрокомъ Бога всемогущаго по домостроительству воплощенія, съ которымъ соединялось ниспосланіе Его къ намъ. Къ Нему говоритъ Отецъ и въ другомъ мѣстѣ: *велие Ты есть, еже низвитися Твобѣ работѣ (отрокомъ) моимъ, еже собрати племена Иаковля* (Исаи 49, 6). Онъ есть виноградная лоза *Sogres*, что переводится—*избранная*. Онъ есть Сынъ возлюбленный, нанъ же благоволи душа Божія (Матѳ. 3, 17): не въ томъ это смыслѣ, чтобы Богъ имѣлъ душу, но словомъ душа выражается полнота любви Божіей. И не удивительно, что Богу усвоится душа, если по правиламъ иносказательной рѣчи и для раздѣльности представленій говорится, что онъ имѣетъ всѣ члены человѣческаго тѣла. И положилъ духъ свой на Него, *Духъ премудрости и разума, Духъ совѣти и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія*, и страха Господня (Ис. 11, 2. 3), сошедшій на Него въ видѣ голубя, о которомъ, какъ рассказываетъ о себѣ, слышалъ и Іоаннъ Креститель отъ Бога Отца: *надъ негоже узриши Духа сходща и пребывающа на немъ, той есть* (Іоан. 1, 33). *И судъ языкомъ возвѣститъ*. Объ этомъ говорится и въ псалмахъ: *Боже, судъ твой царице даждь, и правду твою сыну царице* (Пс. 71, 1). И самъ Онъ говоритъ въ Евангеліи: *Отецъ бо не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынови* (Іоан. 5, 22). *Не преречеть*: какъ агнецъ ведется Онъ на закланіе; не преречеть въ ороверженіе тѣхъ, съ

кѣмъ говорить. *Ни возопіетъ*, соотвѣтственно тому, что пишетъ апостоль Павелъ: всякъ кличь, и гнѣвъ, и горесть *ди возмется отъ васъ* (Ефес. 4, 31). *Не возопіетъ*: ибо Израиль не судъ производить, а только вопить. *Ниже услышитъ кто на распутіихъ гласа Его*. Ибо *вся слава дочери царицы внутрь* (Пс. 44, 14); и узкій и тѣсный путь *вводятъ въ животъ* (Матѳ. 7, 14). Поэтому голоса его не слышно на распутіяхъ, по которымъ смѣло идетъ Онъ, руководимый премудростію, не уклоняясь на путь широкій и пространный, но порицая этотъ путь и осуждая его. Поэтому же и бывшимъ видѣ Онъ говорилъ не открыто, но притчами. *Трости сокрушенны не преломитъ*, говоритъ евангелистъ; или (какъ перевели Семдесятъ) *трости сокрушенны не сопретъ*. Тростію сокрушенною, бывшею прежде звучною свирѣлью и воспѣвавшею хвалы Господу, долженъ быть названъ Израиль: ибо онъ споткнулся о камень краеугольный, упалъ на него и разбился на немъ. Почему и говорится о немъ: *запрети, Господи, звъремъ тростнымъ* (Пс. 67, 31). И въ книгѣ Іисуса (Навина) одинъ потокъ называется водотечью *Канны* (Нав. 16, 8), т. е. *тростника*. Потокъ этотъ имѣетъ бурливыя воды, и эти воды избралъ Израиль, пренебрегшій чистѣйшими струями Іордана. Обращенный душою къ Египту и мечтающій о грязной и болотистой странѣ, о дыняхъ, лукѣ и прочемъ, объ огурцахъ и горшкахъ съ египетскими мясами (Числь 11, 5), онъ весьма справедливо называется у Исаи тростію сокрушенною, которая прокалываетъ руку желающему опереться на нее. Ибо всѣ дѣйствія того, кто послѣ пришествія Господа Спасителя продолжаетъ держаться мертвой буквы іудейской, оставляя духъ толкованія ея въ Евангелии, носятъ на себѣ язвы. *И льна курящаяся не угаситъ*, т. е. народа, собраннаго изъ язычниковъ, который, погасивъ пламень закона естественнаго, охваченъ заблужденіями, какъ весьма ѣдкимъ и вреднымъ для глазъ дымомъ

и непроницаемымъ мракомъ. Не только не погасилъ онъ его и не обратилъ въ пепель, но напротивъ, изъ небольшой и почти угасавшей искры раздулъ величайшій пожаръ, такъ что весь міръ пламенѣеть огнемъ Господа Спасителя, который онъ пришелъ *воврещи на землю съ желаніемъ, чтобы возгорѣлся во всѣхъ* (Лук. 12, 49). Что находимъ мы въ этомъ мѣстѣ иносказательнаго, то замѣтили коротко въ толкованіяхъ на Матѳея. Онъ же, который трости сокрушенны не преломить и льна курящаяся не угасить, Онъ же и *изведетъ въ побѣду судъ*, — Онъ, коего суды *истинны, оправданны сами въ себѣ* (Пс. 18, 10), да оправдятся *во словесахъ своихъ* и побѣдитъ, когда судить (Пс. 50, 6); и свѣтъ проповѣди его, ничьимъ коварствомъ не уничтожаемый и не помрачаемый, будетъ сіять въ мірѣ такъ долго, *дондеже положитъ на земли судъ*, и исполнится писанное: *да будетъ воля твоя, яко на небеси, и на земли* (Матѳ. 6, 10). И *на имя его языцы уповати имутъ*, или на законъ его будутъ уповать острова. Ибо какъ острова, хотя и страдаютъ отъ водоворотовъ, бурь и частыхъ непогодъ, но не разрушаются, какъ и евангельская храмина, лежащая крѣпкимъ фундаментомъ своимъ на камнѣ (Матѳ. 7, 24, 25; Лук. 6, 48): такъ и церкви, уповающія на законъ и на имя Господа Спасителя, говорятъ устами Исаи: *изъ градъ крѣпкій, градъ не воюемый* (Ис. 27, 3).

ГЛАВА III.

Какой смыслъ имѣеть сказанное у евангелиста Матѳея: *иже кто хочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе* (Матѳ. 16, 24)? Что такое это самоотверженіе? Или, какимъ образомъ тотъ, кто слѣдуетъ за Спасителемъ, отвергается себя? Въ третьей книгѣ толкованій своихъ на Матѳея я коротко сказалъ объ этомъ такъ: кто отлагаетъ ветхаго человѣка

съ дѣлами его, тотъ отвергаетъ самого себя, говоря: *живу же не ктому азъ, но живу въ мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20),—несеть крестъ свой и распинается міру. Для кого же міръ распять, тотъ елѣдуетъ распятому Господу. Къ сказанному тогда мы можемъ прибавить теперь слѣдующее. Послѣ того, какъ объявилъ Іисусъ ученикамъ своимъ, что *Ему подобаетъ ити во Іерусалимъ, и много пострадати отъ старецъ и книжникъ и архіерей, и убіену быти*. Петръ, ухватившись за Него, сталъ оспаривать Его и говорить: *милосердъ Ты, Господи, не имать быти Тебѣ сіе*. Обратившись, Онъ говоритъ Петру: *иди за Мною, сатано, соблазнъ Ми еси: яко не мыслиши яже суть Божія, но человеческая* (Матѣ. 16, 21—23). Приведенный въ естественный человѣку ужасъ, онъ страшился страданій Господа. А между тѣмъ, сколько утрашился онъ слыша слова— *много пострадати и убіену быти*, столько же долженъ былъ бы возрадоваться, слыша другія— *и въ третій день востати*, и печаль о страданіяхъ смягчить радостію о воскресеніи. Почему, укоривъ его за страхъ, Господь обратилъ рѣчь ко всеѣмъ ученикамъ, или, какъ описываетъ Маркъ, призвалъ *нареды со ученики своими*, или, по сказанію Луки, сказалъ *ко всеѣмъ: аще кто хочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себѣ, и возметъ крестъ свой, и послѣдуетъ Ми* (сн. Матѣ. 16, 24; Марк. 8, 34; Лук. 9, 23). Мысль увѣщанія этого таковъ: исповѣданіе вѣры въ Бога не обѣщаетъ ни утѣшеній, ни безопасности. Кто вѣруетъ въ Меня, тотъ долженъ пролить кровь свою. Ибо кто погубитъ душу свою въ мірѣ семъ, въ животъ будущій сохранить ее (Мат. 16, 25; сн. Іоан. 12, 25). Кто вѣруетъ во Христа, тотъ ежедневно несеть крестъ свой и отвергается себя. Бывшій распутнымъ, обратившись къ цѣломудрію, отрицаетъ умѣренностію невоздержаніе. Робкій и боязливый, укрѣпившись мужествомъ, не узнаетъ въ себѣ прежняго. Криводушный,

если слѣдуетъ правдѣ, отрицаетъ несправедливость. Глупый отрицаетъ глупость, если исповѣдуетъ Христа, Божию силу и Божию премудрость! Зная это, не только во время гоненій и при неизбѣжности мученичества, но и во всѣхъ случайностяхъ жизни, въ дѣлахъ, въ помышленіяхъ, въ словахъ, отвергнемъ себя такихъ, какими мы были прежде, и покажемъ такими, какими возрождены во Христѣ. Ибо для того Господь распялся на крестѣ, чтобы и мы, увѣровавшіе въ Него и умершіе для грѣха, распялись вмѣстѣ съ Нимъ, и сказали, какъ училъ апостолъ: *Христози сораспялся* (Гал. 2, 19), и *мнѣ же да не будетъ хвалиться, токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа, имже мнѣ мѣръ распяся, и азъ міру* (Гал. 16, 24). Сораспявшійся Христу совлекаетъ начала и власти, и торжествуетъ побѣду надъ ними на древѣ (Кол. 2, 15). Почему въ Евангелии отъ Матѳея, во образъ имѣющихъ увѣровать въ Господа и распятыя съ Нимъ, и представляется Симонъ киринейскій несущимъ крестъ его, — крестъ, который по сказанію другихъ евангелистовъ прежде несъ Онъ самъ.

ГЛАВА IV.

Какое значеніе имѣютъ слова, приводимыя у того же Матѳея: *горе испразднымъ и доящимъ въ тыя дни. И— молитесь, да не будетъ бѣгство ваше въ зимъ, ни въ субботу* (Матѳ. 24, 19. 20)? Слова эти, очевидно, стоятъ въ связи съ предыдущими. Когда Евангеліе Христово будетъ проповѣдано всѣмъ народамъ, и настанетъ кончина, и увидятъ мерзость запустѣнія, реченную Данииломъ пророкомъ, стоящу на мѣстѣ святѣ: тогда, повелѣвается сущимъ во Іудеи, да бѣжатъ на горы; и иже на кровль, да не сходитъ взяти, яже въ дому его; и иже на сель, да не возвратится вспять взяти ризъ своихъ (подробнѣе

объ этомъ мы говорили въ толкованіяхъ на того же Матѳея). Вслѣдъ за этимъ прибавляется: *горе неправдымъ и до-
щымъ въ тѣхъ дни*. Въ какіе это дни?—Въ тѣ, когда мер-
зость запустѣнія будетъ стоять на мѣстѣ святѣ Нѣтъ ни-
какого сомнѣнія, что здѣсь буквально предсказывается при-
шествіе антихриста, когда жестокость гоненія заставитъ бѣ-
жать, а бѣгъ беременныхъ и кормящихъ грудью дѣтей очень
медленъ. Нѣкоторые, впрочемъ, думаютъ видѣть здѣсь ука-
заніе на войну Тита и Веспасіана противъ іудеевъ и осо-
бенно—на осаду Іерусалима. Зиму же и субботу объясняютъ
въ томъ смыслѣ, чтобы не встрѣтилась необходимость бѣ-
жать въ такое время, когда укрыться бѣгущимъ не позво-
ляетъ жестокость стужи въ поляхъ и мѣстахъ пустынныхъ,
а постановленіе о субботѣ или дѣлаетъ ихъ нарушителями
закона, если они бѣгутъ, или подвергаетъ мечамъ враговъ,
если соблюдаютъ покой субботы и заповѣди. Мы же, слыша
слова Господа Спасителя: *да сущи во Іудей бѣжатъ на
горы*, поднимаемъ взоры свои къ тѣмъ горамъ, о которыхъ
писано: *возведохъ очи мои въ горы, отнюдуже приидетъ
помощь моя* (Пс. 120, 1); и въ другомъ мѣстѣ: *основанія
его на горахъ святыхъ* (Пс. 86, 1); и еще: *горы окрестъ
его, и Господь окрестъ людей своихъ* (Пс. 124, 2); и—*не
можетъ градъ укрытися верху горы стоя* (Мат. 5, 14), и
сбросивъ съ ногъ своихъ козурину буквы, и всходя съ Моисе-
емъ босыми на гору, скажемъ: *милоседъ увсжду видныи
великое сіе* (Исх. 3, 3). Тогда мы поймемъ, что неправдыя,
это—души, зачавшія отъ сѣмени ученія и слова Божія на-
чатки вѣры, и говорящія съ Исаіемъ: *отъ страха твоего,
Господи, во чревь пріяхомъ, и поболъхомъ, и родихомъ
духъ спасенія твоего, егоже сотворилъ ты на земли*
(Ис. 26, 18). Ибо, какъ сѣмя во чревъ принимаетъ образъ
мало по малу, и до тѣхъ поръ не почитается за человѣка,
пока смѣшанныя стихіи не получаютъ извѣстныхъ формы и

не образуютъ члены: такъ и чувство, зачатое душою, если не проявится въ дѣлахъ, носится еще во чревѣ, и быстро погибаетъ отъ преждевременныхъ родовъ, когда увидить мерзость заустѣнія, стоящую въ церкви, и сатану, преобразующагося во ангела свѣтла (2 Кор. 11, 14). Объ этихъ плодахъ чрева говоритъ апостоль: *чидца моя, имже пакы болзную, дондеже вообризится Христосъ въ васъ* (Гал. 4, 19). Понимая въ смыслѣ таинственномъ, и полагаю, что такія же и тѣ жены, о которыхъ писалъ тотъ же апостоль: *жена прельстивишя, въ преступленіи бысть; спасетя же чрезъ чадородіе, аще пребудетъ въ вѣрѣ и любви и во святыхъ съ цѣломудріемъ* (1 Тим. 2, 14. 15). Если же которая нибудь родила въ извѣстное время отъ сѣмени слова Божія: то необходимо, чтобы рожденное возрастало, и прежде всего питалось млекою младенчества (1 Кор. 3, 2), пока станетъ способно къ твердой пищѣ и достигнетъ зрѣлаго возраста исполненія Христова (Еф. 4, 13). Ибо всякъ, питающійся молокомъ, не свѣдуецъ въ дѣлѣ правды: потому что еще младенецъ. Поэтому души, еще не родившія или еще не могшія воспитать рожденное, когда видятъ появленіе въ церкви еретической проповѣди, тотчасъ соблазняются и погибаютъ; а во время бѣдъ и гоненій устоять бывають не въ силахъ, особенно если не упражнялись въ добрыхъ дѣлахъ и не ходили по пути, который есть Христосъ (Іоан. 14, 6). Апостоль говорилъ объ этой мерзости еретическаго и нечестиваго ученія, что человекъ неправды и противникъ будетъ превозноситься *паче всякаго глыголемаго Бога или чтилмица, якоже ему състи въ церкви Божіей, показующю себе, яко Богъ есть* (2 Сол. 2, 4). *Пришествіе его по дѣйству сатанину* (Тамъ же ст. 9); и зачатое онъ погубить преждевременными родами, и рожденное не въ состояніи будетъ достигнуть до отрочества и совершеннаго возраста. Почему должно молить Господа, чтобы въ ту пору, когда вѣра

только въ зачатѣ и возрастѣ еще продолжается, не наступила зима, о которой писано: *зима преїде, дождь отгиде себѣ* (Пѣсн. 2, 11),—молить, чтобы мы не оцѣпенѣли въ бездѣйствіи, но когда станеть угрожать кораблекрушеніе, возбудили спящаго Господа, и сказали Ему: учителю, *спаси ны, погибаемъ* (Матѹ. 8, 25).

ГЛАВА V.

Что значить сказанное въ Евангеліи отъ Луки: *и не прїяна его, яко лице его бѣ грядущее во Іерусалимъ* (Лук. 9, 53)? Спѣша въ Іерусалимъ, чтобы наступило наконецъ время взятію его (отъ міра), чтобы праздновать пасху, о которой сказалъ: *желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами, прежде даже не прииму мукъ* (Лук. 22, 15), чтобы пить чашу, о которой говорить: *чашу юже даде ми Отецъ, не имамъ ли пити ея* (Іоан. 18, 11), и все ученіе свое подтвердить крестомъ, сообразно написанному: *иже азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ себѣ* (Іоан. 12, 32),—Господь утверди лице свое ити во Іерусалимъ. Ибо тому, кто спѣшитъ добровольно на страданія, необходима твердость и мужество. Почему и Іезекілю, сказавши: *сыне чловѣчь, посреди скорпїевъ ты живешн, да не убоишися ихъ* (Іезек. 2, 6), Богъ говорить: Я утвердилъ лице твое, далъ лице твое мѣдное, и чело твое желѣзное (Іезек. 3, 8); такъ что еслибы поднялся на него млатъ всея земли, онъ противосталь бы какъ твердѣйшая наковальня, и стеръ бы этотъ млатъ, о которомъ писано: *како сокрушишия и сотресе млатъ всея земли* (Іерем. 8, 23)? *И посла вѣстники*, т. е. ангеловъ ¹⁾ *предѣ лицемъ своимъ* (Лук. 9, 52). Ибо справедливо было, чтобы Сыну Божію служили ангелы. Или ангелами называются здѣсь апостолы: потому что и предтеча

¹⁾ *Вѣстники* по-гречески—ἀγγέλους.

Господень Іоаннъ называется *ангеломъ* (Малах. 3, 1; Матѣ. 11, 10). Когда вошли они въ село самарійское, чтобы приготовить ему (гдѣ остановиться), его не приняли тамъ: *яко лице его бѣ грядущее во Іерусалимъ*. Самаряне и іудеи находились между собою въ заклѣтой враждѣ, и питая ненависть ко всѣмъ народамъ, съ особеннымъ бѣшенствомъ возставали другъ противъ друга, потому что оспаривали другъ у друга обладаніе закономъ; они до такой степени преслѣдовали себя взаимно, что, по возвращеніи іудеевъ изъ Вавилоніи, самаряне всегда мѣшали имъ въ постройкѣ храма. А когда сами они захотѣли принять участіе въ постройкѣ храма вмѣстѣ съ іудеями, послѣдніе отвѣчали: *нѣсть намъ и вамъ создати домъ Господу* (1 Езд. 4, 3). И фарисеи, съ цѣлю глубоко оскорбить Господа, укоряли Его: не *бѣса* ли Ты *имашь* и *самарянинъ еси* (Іоан. 8, 48)? Затѣмъ, въ притчѣ о путешественникѣ изъ Іерусалима въ Іерихонъ, самарянинъ выставляется за нѣчто чрезвычайное и за чудо, что, будучи злымъ, сдѣлалъ доброе (Лук. 10, 30—35); и у колодца самарянкѣ приписываются слова: *не прикасаются* самаряне іудеямъ (Іоан. 4, 9). Итакъ самаряне, видя, что Господь идетъ въ Іерусалимъ, т. е. къ ихъ врагамъ (о чемъ услышали они отъ Его учениковъ, пришедшихъ приготовить Ему ночлегъ), узнали, что Онъ іудей; и потому, какъ іудей и человѣка чуждаго имъ, притомъ—идущаго къ врагамъ ихъ, не захотѣли принять Его. Впрочемъ, намъ представляется возможность понимать это и въ другомъ смыслѣ, именно: Господу угодно было, чтобы не приняли Его самаряне. Потому что онъ спѣшилъ итти въ Іерусалимъ, пострадать тамъ и пролить кровь; а принятіе Его самарянами и ученіе этого народа, занявъ Его, побудило бы Его отложить день страданій, принять которыя Онъ шелъ. Почему Онъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: Я пришелъ *только ко овцамъ погибшимъ дому Израилева* (Матѣ. 15, 24). И

апостоламъ Онъ заповѣдалъ: *во градъ самарянскій не внидите* (Матѣ. 10, 5): потому что хотѣлъ отнять у іудеевъ всякій предлогъ къ преслѣдованію Его,—чтобы не сказали они: распнемъ Его, ибо Онъ въ связи съ недругами и врагами нашими. Итакъ, *лице Его бѣ грядущее во Іерусалимъ*. По толкованію другаго рода, самаряне потому и не приняли Его, что Онъ спѣшилъ войти въ Іерусалимъ. На то, чтобы не приняли Его, была воля Господня. Но апостолы, жившіе въ законѣ, знали изъ него только о такомъ правосудіи, по которому требовалось око за око, зубъ за зубъ; они намѣреваются отомстить за оскорбленіе, послѣдовать примѣру Іліи, по голосу котораго огонь пожралъ двухъ военныхъ пятидесятниковъ; и потому говорятъ Господу: *хочешь ли, речемъ, да огонь спидетъ съ небесе, и потребитъ ихъ* (Лук. 9, 54)? Они хорошо говорятъ: *хочешь ли, речемъ*; потому что и Ілія говорилъ: *аще есмь человекъ Божій азъ, то да спидетъ огонь съ небесе на васъ* (4 Цар. 1, 10). Итакъ, чтобы слова апостоловъ имѣли силу, на то должна быть воля Господа. Безъ повелѣнія Его, апостолы напрасно говорили бы, чтобы сошелъ на нихъ огонь. Другими словами, апостолы какъ бы такъ говорили: если за оскорбленіе раба, Іліи, сошелъ огонь съ неба, и пламя пожрало не самарянь, а даже іудеевъ: то не тѣмъ ли болѣе пламя должно было устремиться на нечестивыхъ самарянь за презрѣніе, оказанное Сыну Божію? Но Господь, пришедшій не для того, чтобы судить, но чтобы спасти, и не со властію, а со смиреніемъ, не въ славѣ Отчей, а въ уничиженіи человѣческомъ, напротивъ того упрекнулъ ихъ, что они забыли ученіе Его и благодать евангельскую, о которой Онъ говорилъ: *аще ты кто ударитъ въ ланиту, обрати ему и другую* (Матѣ. 5, 39); и—*любите враги ваша* (Лук. 6, 27).

ГЛАВА VI.

Ты предложила мнѣ еще другой вопросъ изъ Евангелія Луки: кто этотъ строитель неправедный, который получилъ похвалу изъ устъ Господа (Лук. 16, 1 и дал.)? Пожелавъ узнать причину вопроса и мѣсто, подавшее къ нему поводъ, я раскрылъ книгу евангельскую и между прочимъ нашелъ, что когда къ Спасителю приближались мытари и грѣшники слушать Его, на это роптали фарисеи и книжники, говоря: *зачѣмъ сей грѣшники пріемлетъ, и съ ними ястъ* (Лук. 15, 2)? Онъ отвѣчалъ имъ притчею о сотнѣ овецъ и о пропажѣ одной изъ нихъ, которую, нашедши, пастырь несъ на плечахъ своихъ. Съ какою мыслию была предложена притча, Онъ указалъ тотчасъ же: *глаголю вамъ, яко тако радость будетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся, нежели о девяностидесятихъ и девяти праведникъ, иже не требуютъ покаянія*. Предложивъ затѣмъ притчу о десяти драхмахъ и потерѣ одной изъ нихъ, Онъ закончилъ и эту подобнымъ же образомъ. *Тако глаголю вамъ, радость бываетъ предъ ангелами Божиими о единомъ грѣшницѣ кающемся*. Потомъ Онъ предложилъ и третью притчу о чловѣкѣ, имѣвшемъ двухъ сыновей и раздѣлившемъ между ними имущество. Когда младшій изъ нихъ, растративъ имущество, сталъ терпѣть нужду и питаться мякиною, кормомъ свиней: то, по возвращеніи къ отцу своему, былъ принятъ имъ. Когда старшій братъ позавидовалъ этому, отецъ поставилъ ему на видъ, что онъ долженъ бы радоваться и веселиться: потому что братъ его былъ мертвъ и ожилъ, пропадалъ и нашелся. Эти три притчи Онъ сказалъ противъ фарисеевъ и книжниковъ, которые не хотѣли допустить покаянія для грѣшниковъ и спасенія для мытарей. *Глаголаше же, говоритъ затѣмъ евангелистъ, и ко ученикомъ своимъ, и говорилъ, безъ всякаго сомнѣнія, притчу, такъ же какъ и прежде книжники*

камъ и фарисеямъ. Этою притчею Онъ увѣщавалъ учениковъ къ милосердію, и говорилъ, только другими словами: *отпустайте, и отпустятъ вамъ* (Лук. 6, 37), чтобы вы съ чистою совѣстію просили въ молитвѣ Господней: *остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Матѣ. 6, 12). Что же это за притча, убѣждающая учениковъ къ милосердію? *Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ, иже имѣше приставника* (Лук. 16, 1), или *управителя*: ибо такое значеніе имѣеть *ὄικονόμος*. Приставникъ же (*villicus*) есть собственно правитель деревни; почему отъ *villa* (деревня) и называется *villicus*. А *ὄικονόμος* распоряжается какъ деньгами, такъ и произведеніями деревенскими, и всеѣмъ чѣмъ владѣеть господинъ. Почему и прекрасная книга Ксенофонта называется *ὄικονομικὸς*, такъ какъ (по толкованію Туллія) учитъ не деревенскому хозяйству, но управленію цѣлымъ домомъ. И такъ вышесказанный управитель былъ обвиненъ предъ своимъ господиномъ, будто расточаешь его имущество. Призвавъ его, тотъ сказалъ: *что я слышу о тебѣ? Воздаждь отвѣтъ объ управленіи твоёмъ: не можеша бо ктому дому строити*. Управитель сказалъ самъ про себя: *что сотворю, яко господинъ мой отъземлетъ строеніе дому отъ мене? Копати не могу, просити стыжуся. Разумѣяъ, что сотворю, да егда отставленъ буду отъ строенія дому, примутъ мя въ дома своя. И призвавъ единого когосждо отъ должникъ господина своего, глаголаше первому: колицимъ долженъ еси господину моему? Онъ же рече: сто мѣръ масла. И рече ему: прими писаніе твое, и съѣдь скоро пшеници пятьдесятъ. Потомъ же рече другому: ты же колицимъ долженъ еси? Онъ же рече: сто мѣръ пшеницы. И глагола ему: прими писаніе твое, и пшеници осмдесятъ. И похвали господинъ дому строителя несправеднаго, яко мудръ сотвори; яко сынове вѣка сего мудрыиши паче сыновъ свѣта въ родѣ своемъ суть. И изъ вамъ глаголю:*

сотворите себѣ други отъ мамоны неправды. да, когда осудите, примутъ вы въ вѣчныя крѣвы. Вѣрный въ малъ и во мнозѣ вѣренъ есть; и неправедный въ малъ, и во мнозѣ неправеденъ есть. Аще убо въ неправеднѣмъ имѣнїи вѣрни не бысть, во истиннѣмъ кто вамъ вѣру иметъ? И аще въ чужемъ вѣрни не бысте, ваше кто вамъ дастъ? Ни кїи же рабъ можетъ двѣма господинама работати: ибо или единого возненавидитъ, и другаго возлюбитъ; или единого держится, о другѣмъ же перидѣти начнетъ. Не можете Богу работати и мамонѣ. Слышаху же сіа вси фарисеи, сребролюбцы суще, ругахуся ему. Я привелъ цѣликомъ текстъ притчи, чтобы не искать смысла ея гдѣ либо на сторонѣ и не усиливаться указывать въ притчѣ какія либо извѣстныя лица, но толковать ее именно какъ притчу (parabolam), т. е. подобіе, которая потому и называется такъ, что *парабаллетал*, т. е. служить подобіемъ другому, и какъ тѣнь предшествуетъ истинѣ. Итакъ, если управитель неправедной мамоны заслужилъ похвалу отъ самого господина за то, что изъ неправеднаго стяжанія извлекъ для себя правду, и если господинъ, понесши убытки, хвалить благоразуміе управителя, который, хотя и обманулъ господина, но по отношенію къ самому себѣ поступилъ умно: то не тѣмъ естественнѣе ли Христу, который не можетъ потерпѣть никакого урона и расположенъ къ милосердію, хвалить учениковъ своихъ, если они будутъ милосерды къ тѣмъ, которые имѣють увѣровать въ него? Сказавши притчу, Онъ прибавилъ: *и азъ вамъ глаголю: сотворите себѣ други отъ мамоны неправды* Мамоною, не на еврейскомъ, а на сирскомъ языкѣ, называется богатство, поголигу собирается неправдою. Итакъ, если неправда хорошо употребленная обращается въ правду: то не тѣмъ ли болѣе слово божественное, въ которомъ нѣтъ неправды и которое ввѣрено апостоламъ, тѣхъ,

кто править имъ, возведеть на небо, если будетъ употреблено какъ слѣдуетъ? Почему онъ и продолжаетъ: *вѣрный въ мѣлъ*, т. е. въ плотскомъ, и во мнозѣ *вѣренъ* будетъ, т. е. въ духовномъ. *Неправедный* же *въ мѣлъ*, такъ что не даетъ братіямъ пользоваться тѣмъ, что Богъ сотворилъ для всѣхъ, будетъ неправеденъ и въ раздѣлѣ сокровища духовнаго—будетъ распредѣлять ученіе Господа, сообразуясь не съ нуждами лицъ, но по пристрастію къ тѣмъ или другимъ. Если, говорить, вы плотскими богатствами, богатствами гибнущими дурно управляете: то кто ввѣритъ вамъ богатства ученія Божія, богатства истинныя и вѣчныя? И если вы въ чужомъ (а чужое для насъ все, что принадлежитъ этому вѣку) не были вѣрны, кто повѣритъ вамъ ваше же, собственно челоувѣку предназначенное? Этимъ Онъ дѣлаеть укоръ сребролюбю, и говорить, что любящій деньги не можетъ любить Бога. И такъ и апостоламъ слѣдуетъ презирать деньги, если они хотятъ любить Бога. Поэтому книжники и фарисеи, бывшіе сребролюбивыми, понявъ, что притча говорила на ихъ счетъ, смѣялись надъ нимъ: потому что плотское, какъ вѣрное и настоящее, предпочитали духовному, какъ будущему и какъ бы сомнительному. Теофиль, послѣ апостола Петра седмой епископъ антиохійской церкви, оставившій намъ памятникъ ума сведеніемъ въ одно твореніе изрѣченій всѣхъ четырехъ евангелистовъ, такъ говорилъ объ этой притчѣ въ своихъ толкованіяхъ. «Богатый челоувѣкъ, имѣвшій приставника или управителя, есть всемогущій Богъ, не имѣющій никого превосходящаго его по богатству. Управитель его, это—Савель, изучившій священное писаніе у ногъ Гамалила (Дѣян. 22, 3) и принявшій въ свое завѣдываніе законъ Божій. Когда онъ сталъ преслѣдовать, заключать въ оковы, убивать вѣрующихъ во Христа и расточать все имущество Господа своего,—Господь напомнилъ ему его обязанности: *Савле, Савле, что Мя го-*

ниши? *Жестоко ти есть противу рожну прати* (Дѣян. 9, 4. 5). И сказалъ онъ въ сердцѣ своемъ: что мнѣ дѣлать? Изъ учителя и приставника я долженъ обратиться въ ученика и работника. *Копати не могу.* Ибо я вижу, что всѣ заповѣди закона, оплодотворявшія землю, потеряли свою силу; и законъ и пророки покончились съ Іоанномъ Крестителемъ. *Просити стыжуся.* Какъ мнѣ, бывшему учителю іудеевъ, стать просить, какъ милостыни, ученія спасенія и вѣры у язычниковъ и ученика Ананіи! Поступлю же такъ, какъ нахожу полезнымъ для себя, чтобы послѣ того, какъ отставленъ я отъ управленія своего, меня приняли въ свои дома христіане. И вотъ онъ тѣхъ, которые прежде жили въ законѣ и увѣровали во Христа такъ, что думали, будто имѣють оправдаться въ законѣ же, сталъ учить, что законъ отмѣненъ, пророки прешлц, и что прежде считалось полезнымъ, слѣдуетъ считать теперь за *уметы* (Филип. 3, 8). Итакъ призвалъ онъ двухъ изъ своихъ многихъ должниковъ. Сперва призвалъ онъ должника сто мѣръ масла, т. е. тѣхъ, которые были собраты изъ язычниковъ и по преимуществу нуждались въ милосердіи Божіемъ. Въмѣсто числа сто (числа полного и совершеннаго) онъ заставилъ ихъ написать пятьдесятъ, — число собственно приличное покаянію, соотвѣтствующее юбилею и извѣстной евангельской притчѣ, въ которой прощается одному пятьсотъ, а другому пятьдесятъ денаріевъ. Другимъ же призвалъ онъ народъ іудейскій, который питался пшеницею заповѣдей Божіихъ и былъ долженъ ему сотенное число. Этого заставилъ онъ изъ ста сдѣлать восемьдесятъ, т. е. увѣровать въ воскресеніе Господа, которое разумѣется подь осьмымъ днемъ, а въ совершенствѣ выражается восемью десятками, и отъ субботы законной перейти къ единой отъ субботъ. За то Господь и хвалить его, что онъ хорошо поступилъ, и ради спасенія своего, измѣнилъ въ себѣ суровость закона въ милосердіе евангельское. Ты спро-

спши: почему называется *строителемъ неправеднымъ*, дѣйствовавшій на основаніи закона, даннаго Богомъ?—Тотъ былъ неправеднымъ строителемъ, кто отдавалъ все, но каждому не отдавалъ, что слѣдовало, —кто вѣровалъ въ Отца, но преслѣдовалъ Сына, зналъ Бога всемогущаго, но отрицалъ Духа Святаго». Итакъ апостоль Павелъ, нарушивъ законъ, поступилъ благоразумнѣе тѣхъ, нѣкогда сыновъ свѣта, которые соблюденіемъ закона потеряли Христа, истинный свѣтъ Бога Отца. Какъ понималъ это мѣсто Амвросій медиоланскій, можешь прочитать въ его толкованіяхъ. Объясненія же этой притчи Оригена и Дидимова я не могъ найти; и не знаю навѣрное, погибло ли оно отъ времени, или они вовсе объ этомъ не писали. Имѣ, соотвѣтственно съ предыдущимъ толкованіемъ, кажется, что мы должны *отъ мамоны неправды* приобрѣтать себѣ дружбу не бедныхъ, а такихъ, которые могли бы принять насъ въ свои дома и въ вѣчные кровы: чтобы, доставляя имъ малое, отъ нихъ получили обратно многое, давая чужое, получили свое, и посѣяли бы о благословеніи, чтобы пожать благословеніе: ибо *сыяи скудостію, скудостію и пожнетъ* (2 Кор. 9, 6).

ГЛАВА VII.

Въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ принимать читаемое въ посланіи къ Римлянамъ: *едва бо за праведника кто умретъ: за благаго бо негли кто и дерзнетъ умерети* (Рим. 5, 7)? По поводу этого свидѣтельства, котораго не понимаютъ, богохульствуютъ двѣ ереси съ одинаковымъ нечестіемъ, хотя и съ различіемъ въ заблужденіи. Маркіонъ, представляющій Бога и Творца закона и пророковъ праведнымъ, а Бога Евангелія и апостоловъ благимъ, Сыномъ котораго онъ считаетъ Христа, вводитъ двухъ боговъ — одного праведнаго, а другаго благаго, и утверждаетъ, что за праведнаго или никто

не захотѣлъ бы умереть, или рѣшились бы очень немногіе, а за благаго, т. е. за Христа, явилось безчисленное множество мучениковъ. Но Арій названіе праведнаго усвоеть Христу, о Которомъ сказано: *Боже, судъ твой царицеви даждь, и правду твою сыну царице* (Пс. 71, 1); и самъ Онъ говоритъ о Себѣ въ Евангеліи: *Отецъ бо не судитъ никому, но судъ весь даде Сынови*, (Іоан. 5, 22), и *якоже слышу, сужду* (Тамъ же ст. 30). А названіе благаго онъ относитъ къ Отцу, о Которомъ самъ Сынъ заявляетъ: *никтоже благъ, токмо единъ Богъ* (Лук. 18, 19). Но хотя онъ и могъ доселѣ отыскивать окольные тропинки для своей хулы,—на дальнѣйшихъ выводахъ споткнулся и упалъ. Ибо какимъ образомъ говорилось бы: за Отца кто дерзнетъ умереть и едва кто умереть за Сына, когда за имя Христово было пролито столько мученической крови? Изъясняющій это мѣсто просто можетъ сказать, что въ ветхомъ законѣ, въ которомъ царствуетъ правда, нашлись очень немногіе пролившіе свою кровь; а въ новомъ завѣтѣ, въ которомъ царствуетъ благодать и милость, явилось безчисленное множество мучениковъ. Но тѣмъ самымъ, что апостоль говоритъ: *негли кто и дерзнетъ умерети*, и съ нерѣшительностію выражаетъ мысль, чтобы могъ найтись кто либо, кто дерзнулъ бы умереть за Евангеліе,—тѣмъ самымъ онъ показываетъ, что мѣсто должно понимать не такъ, но что смыслъ его слѣдуетъ выяснитъ изъ предъидущаго и послѣдующаго. Павелъ, говоря, что онъ радуется въ скорбяхъ, потому что *скорбь терпѣніе содѣловаетъ; терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ*, такъ какъ считаетъ обѣтованіе несомнѣннымъ на томъ основаніи, *яко любви Божія излілся въ сердца наша Духомъ Святымъ даннымъ намъ* (Рим. 5, 3—5), сообразно съ тѣмъ, что говорилъ Богъ чрезъ пророка: *излію отъ Духи моего ни всяку плотъ* (Іоил. 2, 28), — Павелъ говоря такъ, удивляется

благости Христа, Который пожелалъ умереть за нечестивыхъ, и немощныхъ, и грѣшниковъ, и умереть во время благоприятное, о которомъ самъ говоритъ: *во время пріятно послушахъ тебе, и въ день спасенія помогохъ ти* (Ис. 49, 8), и еще: *се нынѣ время благоприятно, се нынѣ день спасенія* (2 Кор. 6, 2). Это было время, когда всѣ согрѣшили, равно стали суетны, не было творящаго благое, не было до единого (Пс. 13, 3). Итакъ умереть за нечестивыхъ—благость невѣроятная и милость неслыханная: ибо за праведнаго и за благаго, при общемъ ужасѣ къ смерти, едва кто проливаетъ кровь свою. По временамъ можетъ случаться, что кто нибудь осмѣливается умереть за дѣло правое и доброе. Любовь же Божія, которую Онъ имѣлъ къ намъ, тѣмъ особенно и доказывается, что *еще грѣшникомъ сущимъ намъ Христосъ за ны умре* (Рим. 5, 8), и *взяся отъ земли животъ его, и ради беззаконій людей ведся ни смерть, и понесъ грѣхи наши, и предана бысть на смерть души Его, и со беззаконными вмѣняся* (Ис. гл. 53); и это для того, чтобы насъ нечестивыхъ, и немощныхъ, и грѣшниковъ сдѣлать благочестивыми, твердыми и праведными. Нѣкоторые же толкуютъ такъ: если Онъ умеръ за насъ нечестивыхъ и грѣшныхъ, — то не тѣмъ ли болѣе мы безъ всякаго колебанія должны умирать за Христа, праведнаго и благаго? Мы не думаемъ также, чтобы подъ праведнымъ разумѣлось одно, подъ благимъ другое, и чтобы этими именами обозначалось собственно какое либо лице; но имя обозначается дѣло вполнѣ справедливое и благое, за которое, хотя и съ трудомъ, можетъ находиться по временамъ чело-вѣкъ, проливающій свою кровь.

ГЛАВА VIII.

Что хочеть сказать апостоль, пиша къ римлянамъ: *вину пріемъ грѣхъ заповѣдію, содѣла во мнѣ всяку похоть*

(Рим. 7. 8)? Изложимъ мѣсто въ цѣломъ его видѣ, и, разбирая при помощи Христовой его частности, покажемъ просто, какъ представляется оно намъ, не навязывая тебѣ такого или другаго пониманія, но коротко изъясняя собственное мнѣніе. *Что убо речемъ? Законъ ли грѣхъ? Да не будетъ. Но грѣха не знаехъ, точію закономъ. Ибо похоти не вѣдахъ, аще не бы законъ глаголахъ: не похощеши. Вину же пріемъ грѣхъ заповѣдію, содѣла во мнѣ всякую похоть. Безъ закона бо грѣхъ мертвъ есть. Азъ же живяхъ кромъ закона иногда: пришедшей же заповѣди, грѣхъ убо оживе. Азъ же умрохъ, и обрѣтеся ми заповѣдь, яже въ животъ, сія въ смерть. Грѣхъ бо вину пріемъ заповѣдію, прельсти мя, и тою умертви мя. Тъмже убо законъ святъ, и заповѣдь свята и праведна и блага. Благое ли убо бысть ми смерть? Да не будетъ. Но грѣхъ, да явится грѣхъ, благимъ ми содѣвая смерть, да будетъ по премному грѣшенъ грѣхъ заповѣдію. Вѣмы бо, яко законъ духовенъ есть: азъ же плотянъ есмь, продавъ подъ грѣхъ. Еже бо содѣваю, не разумѣю. Не еже бо хошу, сіе творю: но еже ненавижду, то содѣлываю. Аще ли, не еже хошу, сіе творю, хвалю законъ яко добръ. Нынѣ же не ктому азъ сіе содѣваю, но живый во мнѣ грѣхъ. Вѣмъ бо, яко не живетъ во мнѣ, сирѣчь въ плоти моей, доброе. Еже бо хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣлати доброе, не обрѣтаю. Не еже бо хошу доброе, творю: но еже не хошу злое, сіе содѣваю. Аще ли еже не хошу азъ, сіе творю, уже не азъ сіе творю, но живый во мнѣ грѣхъ. Обрѣтаю убо законъ, хотящу ми творити доброе, яко мнѣ злое прилежитъ. Соуслаждаюся бо закону Божию по внутреннему челоуѣку: вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ, противу воуюющъ закону ума моего, и плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ. Окаяненъ азъ челоуѣкъ: кто мя избы-*

витъ отъ тѣла смерти сея? Благодарю Бога моего Иисусъ Христомъ Господемъ нашимъ. — Медицина не есть причина смерти, если указываетъ смертоносные яды, хотя злые люди и пользуются этими ядами, какъ орудіемъ смерти, когда убиваютъ сами себя или злоумышляютъ на жизнь враговъ; такъ и законъ. Онъ данъ для указанія яда грѣховъ, и въ тѣхъ видахъ, чтобы худо пользующагося своею свободою человѣка, который до того времени мчался неосмотрительно и скользилъ по утесамъ, попридержать уздою закона и научить стройному шествію. Это для того, чтобы служили мы въ обновленіи духа, а не въ ветхости буквы, т. е. жили подъ заповѣдію, а не говорили какъ прежде, по подобію животныхъ неразумныхъ: *да ямы и ніемъ, утръ бо умремъ* (1 Кор. 15, 32). Если же при существованіи закона (который учитъ насъ, что должны мы дѣлать и чего не дѣлать), по своей прочности и невоздержанію, дѣйствуемъ мы вопреки утвержденному закономъ, — кажется, будто законъ служитъ причиною грѣха: потому что когда запрещаетъ пожеланіе, представляется, будто нѣкоторымъ образомъ возбуждаетъ его. У грековъ есть поговорка: позволительное не такъ желательно. Стало быть и наоборотъ, запрещеніе чего нибудь подстрекаетъ желаніе. Почему и Туллій утверждаетъ, что Солонъ не положилъ наказаній отцеубійцамъ у афинянъ для того, чтобы не казалось, будто онъ не столько запрещаетъ, сколько напоминаетъ о немъ. И такъ у презирающихъ и попирающихъ предписанія закона, законъ является поводомъ къ преступленіямъ: запрещая дѣлать, что не должно дѣлать, онъ налагаетъ на нихъ узы заповѣдей, между тѣмъ какъ грѣша въ отсутствіе закона, они не подлежали осужденію въ преступленіяхъ. Говоря это, мы разумѣемъ законъ данный Моисеемъ. Но такъ какъ далѣе сказано: законъ Божій, и законъ плоти, и сущій во удѣхъ, противу воющею закону ума нашего и плѣняющій насъ закономъ грѣховнымъ,

и такимъ образомъ Писаніе говоритъ мнѣ въ одно и тоже время о четырехъ законахъ, взаимно спорящихъ между собою: то я нахожу не лишнимъ изслѣдовать тѣ роды закона, которые упоминаются въ священномъ Писаніи. Закономъ называется законъ данный чрезъ Моисея, какъ это писано въ посланіи къ Галатамъ: *елицы бо отъ закона суть, подъ клятвою суть Писано бо есть: проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всѣхъ писанныхъ въ книгу законный. яко творити я* (Гал. 3, 10); и еще, въ томъ же посланіи: *законъ преступленій ради приложися, дондеже придетъ смя, емуже обѣтовася, вчиненъ ангелы, рукою ходатая* (Гал. 3, 19); и опять: *тѣмже законъ тѣстунъ намъ бысть во Христа, да отъ вѣры оправдимся. Пришедшей же вѣрь, уже не подъ тѣстуномъ есмь. Все бо вы сынове Божиіи есте вѣрою о Христѣ Иисусѣ* (Тамъ же ст. 24—26). Закономъ также называетъ апостоль исторію, которая заповѣдей не содержитъ, но повѣствуетъ о томъ, что было сдѣлано. *Глаголите ми, говоритъ онъ, иже подъ закономъ хотите быти, закона ли не слушаете? Писано бо есть, яко Авраамъ два сына имѣ: единого отъ рабы, а другаго отъ свободныя. Но иже отъ рабы, по плоти родися; а иже отъ свободныя, по обѣтованію* (Гал. 4, 21—23). Закономъ называются и псалмы: *да сбудется слово писанное въ законъ ихъ. яко возненавидѣша Мя туне* (Іоан. 15, 25; см. Пс. 68, 3). Апостоль называетъ также закономъ пророчество Исаіи: *въ законъ пишетъ: яко иными языки, и устны иными возглаголю людемъ симъ. и ни тако послушаютъ Мене, глаголетъ Господь* (1 Кор. 14, 21; см. Ис. 28, 11). Такъ я нашель написаннымъ у Исаіи по еврейскому подлиннику и по переводу Акилы. Называется закономъ даже таинственный смыслъ писаній: *вѣмь, яко законъ духовенъ есть* (Рим. 7, 14). Но кромѣ всего этого, тотъ же апостоль учитъ, что въ нашихъ сердцахъ написанъ

законъ естественный. *Егда бо языцы не имуще закона естествомъ законная творятъ, сіи закона не имуще, сами себѣ суть законъ: иже являютъ дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ, спослушествующей имъ совѣсти* (Рим. 2, 14. 15). Тотъ законъ, что написанъ на сердцѣ, обязательнъ для всѣхъ народовъ, и нѣтъ человѣка, который бы не зналъ этого закона. Потому весь міръ подъ грѣхомъ, и всѣ люди суть преступники закона; а слѣдовательно и праведнъ судъ Бога, Который пишетъ на сердцѣ человѣческаго рода: *чего себѣ не желаешь, не дѣлай другому*. Ибо кому неизвѣстно, что убійство, прелюбодѣянiе и всякая похоть есть зло потому самому, что этого никто не желаетъ для себя? Если бы кто не зналъ, что это зло, не скорбѣлъ бы, когда оно угрожало бы ему самому. Посредствомъ этого естественнаго закона созналъ грѣхъ свой и Каинъ, говоря: *вѣшая вина моя, еже оставится ми* (Быт. 4, 13). И Адамъ и Ева сознали грѣхъ свой, и по этой причинѣ скрылись подъ древомъ жизни. Равнымъ образомъ и Фараонъ, еще прежде чѣмъ данъ законъ чрезъ Моисея, побуждаемый естественнымъ закономъ, исповѣдуетъ свои преступленія и говоритъ: *Господь праведенъ, азъ же и людiе мои нечестиви* (Исх. 9, 27). Закона этого не знаетъ отрочество, не знаетъ дѣтство, и грѣша безъ заповѣди, не имѣетъ обличителя въ грѣхѣхъ со стороны закона. Бранить дитя отца и мать, бьеть своихъ родителей: но такъ какъ законъ мудрости не данъ ему, грѣхъ въ немъ мертвъ. А пришла ему заповѣдь, т. е. настало время разумнiя, требующаго доброе и побуждающаго удаляться отъ злаго,—станетъ оживать грѣхъ, а оно умирать и быть отвѣтственнымъ за грѣхъ. Такимъ образомъ и бываетъ, что время разумнiя, въ которое мы познаемъ заповѣди Божіи, ведущія къ жизни, производитъ въ насъ смерть, какъ скоро дѣйствуемъ мы съ небреженiемъ; и самая мудрость подаетъ намъ случай къ прельщенiю

нію и паденію, и ведетъ къ смерти. Не потому это, чтобы разумѣніе было грѣхомъ (законъ разума святъ, праведенъ и благъ), но потому, что разумѣніе грѣховъ и добродѣтелей раждаетъ во мнѣ грѣхъ; такъ что пока не понималъ я, я не зналъ о существованіи грѣха. Такимъ образомъ и случилось, что данное мнѣ какъ доброе измѣнилось по моей винѣ въ зло; и (говоря гиперболически и пользуясь для выраженія своей мысли новымъ словомъ) грѣхъ, который—пока я не имѣлъ еще смысла—былъ безгрѣшенъ, чрезъ нарушение заповѣди сталъ во мнѣ грѣшнѣе. Разсмотримъ прежде всего, что это за похоть, о которой говоритъ законъ: *не похощеши*. Другіе думаютъ, что здѣсь разумѣется извѣстная заповѣдь, изложенная въ десятословіи: *не пожелай... всѣхъ, елика ближняго твоего суть* (Втор. 5, 21). А мы думаемъ, что пожеланіемъ обозначаются всякія движенія души,—скорбимъ ли ты или радуемся, боимся ли, или страстно чего желаемъ. И апостоль, сосудъ избранный, коего тѣло было храмомъ Духа Святаго и который говорилъ: *искушенія ли ищите глаголющаго во мнѣ Христа* (2 Кор. 13, 3)? и въ другомъ мѣстѣ: *Христосъ ны искупилъ есть* (Гал. 3, 13), и еще: *живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20), — и апостоль говоритъ (въ разсматриваемомъ мѣстѣ) не о себѣ, но о томъ, кто хочетъ покаяться послѣ грѣховъ; и подъ видомъ себя, описываетъ слабость естества человѣческаго, которое терпитъ непрерывную борьбу между собою двухъ человѣкъ, внутренняго и вѣшняго. Человѣкъ внутренній сочувствуетъ закону писанному и естественному: потому что законъ этотъ благъ, и святъ, и праведенъ, и духовенъ. А человѣкъ вѣшний говоритъ: *азъ плотянь есмь, проданъ подъ грѣхъ. Еуже бо содѣваю не разумью, и не еуже хошу сіе творю, но еуже ненавижду* (Рим. 7, 14. 15). Если же вѣшний человѣкъ дѣлаетъ то, чего не хочетъ, и творить то, что ненавидитъ, этимъ онъ

показываетъ, что заповѣдь блага, и что зло дѣлаетъ не онъ, но живущій въ похоти его грѣхъ, т. е. тѣлесныя слабости и тѣ движенія похоти, которыя врождены тѣломъ человѣческимъ ради дѣтей и потомства, но обращаются въ грѣхъ, какъ скоро уклоняются отъ своей цѣли. Пусть каждый всмотрится въ себя, и какъ безпристрастный судья, взвѣситъ свои порочныя возбужденія: онъ увидитъ, какъ въ рѣчи своей говоритъ, въ мысляхъ думаетъ, въ движеніяхъ тѣлесныхъ ощущаетъ то, чего не хочетъ. Не говорю—дѣлаетъ (*чего не хочетъ*), чтобы не показалось, будто я порицаю и святыхъ мужей, о которыхъ писано: *бъ человекъ онъ истиненъ, непороченъ, праведенъ, богочестивъ, удаляйся отъ всякія лукавыя вещи* (Іов. 1, 1). И о Захаріи и Елисаветѣ сказано: *бъста праведна оба предъ Богомъ, ходяще во всѣхъ заповѣдехъ и оправданіихъ Господнихъ безпорочно* (Лук. 1, 6). Есть заповѣдь и апостоламъ: *будите совершенни, якоже и Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѣ. 5, 48). Никогда этого не заповѣдалъ бы Господь апостоламъ, если бы не зналъ, что человѣкъ можетъ быть совершеннымъ. Развѣ поймемъ это такъ, что уклоняющійся отъ всего злаго показываетъ этимъ свое исправленіе и переходъ отъ заблужденій дѣтства и пороковъ сластолюбиваго возраста къ лучшей жизни и къ добродѣтелямъ; и что праведность, которую хвалитъ Писаніе въ Захаріи и Елисаветѣ, есть нѣчто внѣшнее, а похоть, о которой говорится, что она обитаетъ нынѣ въ членахъ нашихъ, дѣйствуетъ внутри насъ. Да и апостоламъ, не какъ дѣтямъ, но какъ людямъ уже зрѣлаго возраста, повелѣвается достигать совершенства, которое и по нашему убѣжденію есть принадлежность совершеннаго возраста. Говоря такъ, мы не перокамъ льстимъ, но слѣдуемъ писаніямъ, которыя свидѣтельствуютъ, что нѣтъ человѣка безъ грѣха, но Богъ *заввори всѣхъ подъ грѣхомъ* (Гал. 3, 22), чтобы всѣхъ помиловать, кромѣ Того единаго,

Который *беззаконія не сотвори, ниже обрѣтется лѣсть во устѣхъ Его* (Ис. 53, 9). Почему и устами Соломона говорить Писаніе, что нельзя отыскать слѣдовъ *змія (ползуна) по камени* (Прит. 30, 19). И самъ о Себѣ говоритъ Господь: *вотъ грядетъ сего міра князь, и во Мнѣ не найдетъ ничегоже* (Іоан. 14, 30), т. е. не найдетъ дѣла рукъ своихъ и слѣда своего. Поэтому и повелѣвается намъ, чтобы мы не укоряли человѣка, обращающагося отъ грѣховъ своихъ и не гнушались египтяниномъ: потому что и сами нѣкогда были въ Египтѣ, и изъ глины и кирпичей строили города Фараону (Втор. 23, 7); и сами были ведены въ Вавилонъ, плѣненные закономъ грѣховнымъ, живущимъ въ членахъ нашихъ. И вотъ въ минуты отчаянія и чистосердечнаго признанія, что всякій человѣкъ уловленъ сѣтями діавола, апостоль, а равно и человѣкъ, отъ лицъ котораго говоритъ апостоль, обративъ взоры на себя, благодаритъ Спасителя за то, что искупилъ его своею кровію, омылъ нечистоты крещеніемъ, облекъ новою одеждою Христовою, и умертвивъ ветхаго человѣка, родилъ его человѣкомъ новымъ, который говоритъ: *окаяненъ азъ человекъ. кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего? Благодарю Бога моего Іисусъ Христомъ Господемъ нашимъ* (Рим. 7, 24, 25), Который освободилъ меня отъ тѣла смерти. Кто не соглашается, что апостоль въ своемъ лицѣ говоритъ о другихъ, тотъ пусть объяснитъ, какимъ образомъ Даніилъ, извѣстный намъ за человѣка праведнаго, какъ бы о себѣ говоритъ когда молится за другихъ: *согрѣшихомъ беззаконновахомъ, неправдовахомъ. нечествовахомъ, и отступихомъ, и уклонихомся отъ заповѣдей твоихъ, и отъ судовъ твоихъ. и не послушахомъ рабъ твоихъ пророковъ, иже глаголаша во имя твое къ царемъ нашимъ, и княземъ нашимъ. и отцемъ нашимъ. и всѣмъ людемъ земли. Тебѣ, Господи, правда. намъ же стыднѣе лица* (Дан. 9, 5—7). Равнымъ образомъ

и извѣстные слова тридцать-перваго псалма: *беззаконіе мое открылъ я тебѣ, и грѣха моего не покрыхъ. Рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви, и Ты оставилъ еси нечистіе грѣха моего. За то помолится къ Тебѣ всякъ преподобный во время благодѣбно* (Пс. 31, 5. 6), приличны не Давиду мужу праведному и (сказать просто) пророку, а грѣшнику. Когда же праведникъ излилъ отъ лица своего такую покаянную молитву, онъ удостоился услышать отъ Бога: *вразумлю тя, и наставляю тя на путь сей, въ онѣже пойдеши: утвержу на тя очи мои* (тамъ же ст. 8). Точно также и въ псалмѣ тридцать-седмомъ, который надписывается — *въ воспоминаніе*, такъ какъ учить, что мы должны всегда помнить о грѣхахъ своихъ и приносить покаяніе, мы читаемъ слова такого рода: *нѣсть мира въ костехъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ. Яко беззаконія моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ. Возмердѣша и согниша раны моя, отъ лица безумія моего. Пострадахъ и слякохся до конца* (Пс. 37, 4—7). Все это мѣсто апостола, въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, также какъ и цѣлое посланіе его къ Римлянамъ, покрыто чрезвычайною темнотою; и если бы я захотѣлъ изъяснить все, мнѣ потребовалось бы написать не одну, но многое множество книгъ.

ГЛАВА ІХ.

Зачѣмъ апостоль Павелъ пишетъ въ томъ же посланіи къ Римлянамъ: *желалъ бы самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти, иже суть Израелитѣ, иже всьновленіе и слава, и завети, и законоположеніе, и служеніе и обѣтованія: иже отцы, и отъ нихже Христовъ по плоти, сый надъ всеми Богъ благословенъ во вѣки, аминь* (Рим. 9, 3—5)? Дѣйствительно, вопросъ естественный — какимъ образомъ

апостоля, говорившій прежде: *кто ны разлучитъ отъ любви Христовой, скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладь, или нагота, или бѣда, или мечь?* и еще: *извѣстихся бо, яко ни смерть, ни животъ, ни ангели, ни начала, ни настоящая, ни грядущая, ниже силы, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кия возможетъ насъ разлучити отъ любви Божія, яже о Христвъ Іисусъ Господъ нашемъ* (Рим. 8, 35. 38. 39), утверждаетъ теперь подъ клятвою, и говоритъ: *истину глаголю о Христвъ, не могу, послушествующей ми совѣсти Духомъ Святымъ, яко скорбь ми есть велія, и непрестанная бользнь сердцу моему: желалъ бы самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моеи, сродничьхъ моихъ по плоти, и т. д.?* Если любовь его къ Богу такова, что ни страхъ смерти, ни надежда жизни, ни гоненіе, ни голодъ, ни нагота, ни опасность, ни мечь не могутъ отлучить его отъ любви,—и если бы ангелы, и начала, и настоящее, или будущее, и всѣ силы небесныя, равно какъ высота, и глубина и все твореніе вмѣстѣ возстали на него (что ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть), все же не отлучили бы его отъ любви Божіей, которую питаетъ онъ къ Іисусу Христу: то что это за переѣна такая, что за неслыханный расчетъ—изъ-за любви къ Христу не желать имѣть Христа? И на случай нашего невѣрія ему, онъ клянется, утверждаетъ именемъ Христа и призываетъ въ свидѣтели совѣсти своей Духа Святаго, что онъ имѣетъ печаль не легкую и случайную, но великую и невѣроятную,—имѣетъ на сердцѣ скорбь не такую, что поражаетъ на часъ и проходитъ, но—лежитъ на душѣ непрерывно. Отъ чего зависитъ эта печаль? Изъ-за чего эта скорбь? Желаетъ онъ отлученнымъ быть отъ Христа и погибнуть, лишь бы другіе были спасены. Если мы обратимъ вниманіе на слова Моисея, который молитъ Бога за народъ іудейскій и говоритъ: *аще оставиши имъ грѣхи*

ихъ, остави; аще же ни, изглади мя изъ книги твоея, въ нюже списалъ еси (Исх. 32, 32),—увидимъ, что и у Моисея, и у Павла одна и та же любовь къ ввѣренному имъ стаду. Ибо пастырь добрый душу свою полагаетъ за своихъ овецъ. А наемникъ, когда видитъ волка грядуща, убѣгаетъ, потому что овцы не его (Іоан. 10, 11. 12). Слова: *желалъ бы азъ отлученъ быти отъ Христа* тоже самое выражаютъ, что и *изглади мя изъ книги твоея, въ нюже списалъ еси* Ибо тѣ, которые изглаждаются изъ книги живыхъ и не вписываются вмѣстѣ съ праведными, тѣ отлучаются и отъ Господа. Вмѣстѣ съ этимъ обрати вниманіе и на то, какъ велика любовь апостола къ Христу, если онъ желаетъ умереть за Него, и погибнуть одинъ, лишь бы увѣровалъ въ Него весь родъ человѣческій. Ибо кто погубить душу свою за Христа, спасетъ ее (Матѣ. 10, 39). Беретъ онъ примѣръ для себя изъ сорокъ-третьяго псалма: *зана Тебе ради умерщвляемъ весь день, вмѣнихомся яко овцы заколенія* (Пс. 43, 23). Итакъ апостоль желаетъ погибнуть плотію, чтобы другіе спаслись духомъ; желаетъ пролить кровь свою, чтобы сохранить души многихъ. А что отлученіе имѣетъ иногда значеніе равносильное заколенію, это можно доказать множествомъ свидѣтельствъ изъ ветхаго завѣта. И чтобы мы не считали печаль его легкою и причину скорби маловажною, онъ прибавляетъ, и говоритъ: *по братіи моей, сродницъхъ моихъ по плоти*. Какъ скоро онъ называетъ ихъ сродниками и братьями по плоти, этимъ показываетъ, что они чужіе ему по духу. *Ихже*, говоритъ онъ, *сыновленіе*. Выразительнѣе это называется по-гречески словомъ—*συνοψία* (*сыноположеніе*). О нихъ нѣкогда говорилъ Господь: *сынъ мой первенецъ Израиль* (Исх. 4, 22), и *сыны родихъ и возвысихъ* (Ис. 1, 2), а нынѣ говоритъ *сынове чуждѣи солгаша ми* (Пс. 17, 46). *Ихже слава*, такъ какъ изъ всѣхъ народовъ они были избраны въ особенный народъ

Божій; и *ихъ заветы*.—одинъ въ буквѣ, другой въ духѣ, чтобы послуживъ прежде плотію, соблюденіемъ обрядовъ закона отмѣненнаго, они послужили потомъ въ духѣ, исполненіемъ заповѣдей Евангелія, имѣющаго значеніе для всѣхъ временъ. *И законоположеніе*; — это относится къ обоимъ, и ветхому и новому заветамъ. *И служеніе*, т. е. истинная религія. *И обътованія*: такъ какъ обѣщанное отцамъ исполнилось на сыновьяхъ. И (что важнѣе всего) *отъ ниже Христосъ*, рожденный отъ Дѣвы Маріи. А чтобы мы знали, кто этотъ Христосъ, онъ объединяетъ причины своей скорби въ одномъ словѣ: *сый надъ всеми Богъ благословенъ во вѣки, аминь*. И Онъ-то, таковой и столь великій, не былъ принятъ тѣми, отъ племени которыхъ рожденъ! Тѣмъ не менѣе онъ хвалитъ справедливость суда, чтобы не показалось, будто онъ недоволенъ приговоромъ Божиимъ надъ его сродниками и братіями, и находить его строгимъ или чрезмѣрнымъ. И такъ онъ скорбитъ, зачѣмъ нынѣ столько зла въ тѣхъ, въ которыхъ прежде было столько добраго.

ГЛАВА X.

Въ какомъ смыслѣ требуется понимать написанное тѣмъ же апостоломъ къ Колоссянамъ: *никтоже васъ ди прелъщаетъ, изволеннымъ ему смиреномудріемъ и службою ангеловъ*¹⁾, *яже не уведѣ (въ тѣхъ) ходя, всуе дмься отъ ума плоти своея, и не держи главы, изъ неяже все тѣло составы и соузы подаемо и снемлемо раститъ возвращеніе Божіе* (гл. 2, 18. 19) и пр.? И здѣсь я повторю тоже, что часто говорилъ—что Павелъ сказалъ: *ице невѣжди словомъ, но не разумомъ*—не по смиренію, а по истинному убѣжденію.

¹⁾ По чтенію Иеронима: *nemo vos superet, volens in humilitate mentis et religione angelorum*—и пр.

Ибо чувствованій глубокихъ и сокровенныхъ языкъ не выражаетъ; и хотя (апостоль) самъ сознаеть, что долженъ говорить, но не можетъ передать это чужому слуху соотвѣтственною рѣчью, и не смотря на то, что на природномъ языкѣ онъ былъ краснорѣчивѣйшій (какъ еврей изъ евреевъ, получившій образованіе у ногъ Гамалиила, мужа ученѣйшаго въ законѣ),—не смотря на это желая высказаться, онъ является неудобопонятнымъ. А если это встрѣчается у него самого въ писаніяхъ на греческомъ языкѣ, который онъ усвоилъ съ малолѣтства, будучи воспитанъ въ Тарсѣ киликійскомъ: то что сказать о латинянахъ, которые, усиливаясь передать мысли его слово въ слово, дѣлаютъ ихъ еще болѣе темными, и какъ бы разросшеюся травю заглушаютъ обильную ниву? Итакъ я постараюсь раскрыть мысли его *парафрастикῶς* (перифразомъ) и нитямъ переплетенной рѣчи дать надлежащій порядокъ и связь, чтобы при простой разстановкѣ распутались нити словъ и ткань апостольской рѣчи закрѣпилась соотвѣтственнымъ уткомъ. *Никто васъ да не побѣждаетъ* (*nemo vos superet*), т. е. пусть никто противъ васъ не получаетъ награды: ибо словомъ *καταδραδεύετω* погречески выражается то, когда кто-нибудь во время состязанія на играхъ, по злобѣ ли распорядителя игръ или по интригамъ надзирателей, теряетъ слѣдующую ему награду (*δραδεῖον*) и побѣду. Есть много словъ, которыя просто выражавшійся апостоль употребляетъ примѣнительно къ словоупотребленію своего города и провинціи. Изъ нихъ (для примѣра) можно указать на нѣкоторые: *мнѣ не велико есть, да отъ васъ истяжуся или отъ человеческого дне* (1 Кор. 4, 3), т. е. *ἀπὸ ἀνθρώπου ἡμέρας*; *человѣческо глаголю* (Рим. 6, 19), т. е. *ἀνθρώπου λέγω*;—*οὐ κατενάρκησα ἡμᾶς*, т. е. *не отяготихъ васъ* (2 Кор. 12, 16), а также и то, что здѣсь говорится: *μηδεὶς ὑμᾶς καταδραδεύετω*, т. е. пусть никто не получаетъ противъ васъ побѣды. Эти и многія другія слова

и доселѣ употребляютъ киликіяне. И не будемъ удивляться у апостола, что онъ пользуется словоупотребленіемъ того нарѣчія, въ которомъ родился и воспитался, если и Виргилій, второй Гомеръ у насъ, по обычаю своего отечества говорить: *sceleratum frigus* (Georg. 2). И такъ никто васъ да не превосходитъ или побѣждаетъ, произвольно слѣдуя смиренномудрію письмени и религіи и служенію ангеловъ, чтобы вы служили не духовному разумѣнію, а образамъ будущаго, которыхъ и самъ желающій превзойти васъ не видѣлъ или не видитъ (ибо на греческомъ есть и то и другое),—въ особенности когда онъ ходитъ надменно и выступаетъ съ гордостію и надменіе ума выражаетъ въ тѣлесной осанкѣ (ибо такое значеніе имѣетъ слово *ἐνδοτέων*). Гордится же онъ и надмевается умомъ плоти своей всуе: онъ все понимаетъ плотски, изслѣдуетъ басни іудейскихъ преданій и не держится главы всѣхъ писаній,—той, о которой написано: *глава мужу Христосъ* (1 Кор. 2, 3; Еф. гл. 1, 4. 5; Колос. 1)—глава и начало всего тѣла и вѣрующихъ и всякаго духовнаго разумѣнія. Отъ этой Главы тѣло церкви чрезъ свои составы и соединенія воспринимаетъ жизненную силу небснаго ученія, такъ что одинъ за другимъ оживотворяются всѣ члены и по сокровеннымъ извивамъ вень льется очищенная кровь отъ пищи и сохраняется, поддерживается и возрастаетъ сила тѣла, такъ что орошаемые отъ источника главы члены возрастаютъ въ совершенство Божіе и исполняется молитва Спасителя: *Отче, хоощу, да якоже Ты во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и тѣи въ насъ едино будутъ* (Іоан. 17. 21), чтобы, послѣ того какъ Христосъ предалъ насъ Отцу, былъ Богъ всяческая во всѣхъ (1 Кор. 15, 28). Подобное этому и въ словахъ и въ мысляхъ и въ способѣ выраженія весьма прикровенно пишетъ къ Ефесеямъ: *истинствующе въ любви, да возрастимъ въ Него всяческая, иже есть глава Христосъ, изъ Негоже*

все тѣло составляемо и счинъваемо приличнѣ, вслѣдствіемъ осязаніемъ подаемъ, по дѣйству въ мѣрѣ единыя коелждо части, возвращеніе тѣла творитъ въ созданіе самаго себе любовію (Еф. 4, 15. 16). Объ этомъ я очень подробно говорилъ и въ комментаріяхъ на это посланіе. Апостолъ направляетъ все противъ тѣхъ, кои, изъ іудеевъ обратившись къ вѣрѣ въ Господа Спасителя, хотѣли соблюдать іудейскіе обряды, о чемъ и въ Дѣяніяхъ апостольскихъ (гл. 15) возбужденъ былъ не малый споръ. Поэтому и выше Павелъ говоритъ о тѣхъ, кои выставляютъ себя учителями загона: *да никтоже васъ осуждаетъ о яденіи или о питіи* (Кол. 2, 16), какъ будто одно чисто, а другое не чисто,—или о части праздника,—что одни дни считаютъ праздничными, другіе не праздничными: ибо для насъ, вѣрующихъ во Христа воскресшаго,—непрерывное и вѣчное празднество. Или о новолуніяхъ, т. е. календахъ и новолуніи, когда луна, послѣ ущерба, бываетъ невидима и покрывается ночьюю темнотою:—ибо свѣтъ христіанъ вѣченъ и всегда свѣтится лучами солнца правды. Или о субботахъ, чтобы не дѣлать служебнаго дѣла и не носить тяжестей;—ибо мы облагодатствованы свободою Христовою и престаи носить бремя грѣховное. Все это, говоритъ апостолъ, *стѣнь грядущихъ* и образы будущаго блаженства,—чтобы относительно того, въ чемъ іудеи привязаны къ буквѣ и держатся на землѣ,—мы по духу переходили ко Христу, Который, въ отличіе отъ тѣни, здѣсь называется тѣломъ. Ибо подобно тому какъ истина въ тѣлѣ, а въ тѣни отъ тѣла—ложь, такъ въ духовномъ разумѣніи чиста всякая пища и питіе, и должно ожидать непрерывнаго празднества, постоянныхъ календѣ и вѣчнаго покоя. Спрашиваю: что хотѣлъ апостолъ сказать словами: *смирennemудріемъ и службою ангеловъ*, или какой они имѣютъ смыслъ? Изъ словъ Господа къ ученикамъ: *возстаните идемъ отсюда* (Іоан. 14, 31), остав-

лется вамъ домъ вашъ пустъ (Матѣ. 23, 38) и изъ того, что мѣсто, *идѣже Господь нашъ распятъ бысть, нарицается духовнѣйшій Содомъ и Египетъ* (Апок. 11, 8), видно, что упразднено всякое іудейски-обрядовое служеніе, и всѣ жертвы, какія приносятъ іудеи, приносятъ не Богу, а падшимъ ангеламъ и нечистымъ духамъ. И неудивительно, если они дѣлаютъ это послѣ страданія Господня, когда и чрезъ пророка Амоса говорится къ нимъ: *еди заколенія и требы принесете ми въ пустыни мѣстѣ сорокъ, домъ Израилевъ? И воспріятъ скинію Молохову и звѣзду боги вашего Ремфана, образы, яже сотвористе себѣ* (Ам. 5, 25. 26). Мученикъ Стефанъ, излагая это подробнѣе въ проповѣди къ іудеямъ и раскрывая древнюю исторію, говорилъ такъ: *и сотвориша тельца во дни оны и принесоша жертву идолу и веселяхуся въ дѣлахъ руку свою. Отвертися же Богъ и предаде ихъ служити во мѣстѣхъ небеснымъ, якоже писано есть въ книзѣ пророкъ* (Дѣян. 7, 41. 42). А воинствомъ небеснымъ называется не только солнце и луна и свѣтящіяся звѣзды, но и вся совокупность ангеловъ и ихъ воинства, которыя по-еврейски называются *sabaoth*, т. е. сила или воинствъ, почему и въ Евангеліи отъ Луки читаемъ: *и влезаша бысть со ангеломъ множество вой небесныхъ, хвалящихъ Бога и глаголющихъ: слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ чловѣчѣхъ благоволеніе* (Лук. 2, 13. 14): ибо Богъ творитъ ангеловъ своихъ духами и служителей своихъ пламенѣющимъ огнемъ (Пс. 103). И чтобы мы знали, что тѣ, кои почитали идоловъ, хотя по-видимому и приносили въ храмъ жертвы, всегда приносили эти жертвы не Богу, а ангеламъ,—объ этомъ подробнѣе учитъ Іезекіиль: *дахъ имъ заповѣди не добры, и оправданія, въ нихже не будутъ жити* (Іезек. 20, 25): ибо не крови козловъ или воловъ требуетъ Богъ, но жертва Богу духъ сокрушенный, и сердце сокрушенное и смиренное Богъ

не презираеть (Пе. 50). Такимъ образомъ сотворивше тельца въ Хоривѣ и почитавшіе звѣзду бога Ремфана, о которомъ подробнѣе я разсуждалъ въ толкованіи па книгу пророка Амоса, поклонялись образамъ, которые сами сдѣлали себѣ; и предалъ ихъ Богъ, чтобы служили они воинству небесному, которое теперь апостолъ называетъ *службою* (религіею) *ангеловъ*. Въмѣсто *humilitate* (уничиженіемъ) въ греческомъ читается *ταπεινοφροσύνη*, т. е. уничиженіемъ ума или чувства: ибо вѣровать, что Богъ услаждается кровію козловъ и волловъ и запахомъ оуміама, отъ котораго часто убѣгаемъ мы, люди,—поистинѣ есть униженіе ума и жалкое суевѣріе. А что далѣе слѣдуетъ: *ище умросте со Христомъ отъ стихій міра, почто аки живуще въ міръ стязаетесь? Не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи: яже суть вся во истинныи употребленіемъ, но заповѣдемъ и ученіемъ чловѣческимъ: яже суть слово убо имущи премудрости въ самовольный службъ и смиренномудріи и непощадныи тѣла, не въ чести коеи, къ съятости плоти* (Кол. 2, 20 и слѣд.), мнѣ кажется, имѣеть такой смыслъ. Прослѣдимъ каждое выраженіе, и при помощи Христовой пояснимъ темноту мыслей. Если вы крещены во Христъ и погреблись со Христомъ въ крещеніи; то умершіе отъ стихій (въмѣсто *стихіями*) міра почему вы не говорите со мною: *мнѣ же да не будетъ хвалитися токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа, имже мнѣ міръ распяся и азъ міру* (Гал. 6, 14)? Почему не внимаете словамъ Господа ко Отцу: *отъ міра не суть, якоже и Азъ отъ міра нѣсмъ*, и міръ ненавидитъ ихъ, потому что они не отъ міра, какъ и Я не отъ міра (Іоан. 17, 16; 15, 19), а напротивъ, какъ бы живущіе въ мірѣ, заботитесь, чтобы не коснуться тѣлу умершаго, одежды и скамьи, на которой сидѣла нечистая женщина, чтобы не ѣсть мяса свиного, зайцевъ, сепій, угря и въюна и всѣхъ рыбъ, которыя не имѣють чешуи и перьевъ,—

что все по самому употребленію своему истребляется и погибаетъ, перевариваясь въ желудкѣ? Ибо брашна чреву и чрево брашнямъ. Не входящее во уста сквернитъ чловѣки, но исходящее изъ устъ (Матѹ. 15, 11; Марк. 7, 15).— Но заповѣдемъ и ученіемъ чловѣческимъ — тѣмъ, о которыхъ говорить Исаія: *люди сіи устнами почитаютъ МЯ, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене: всуе же почитаютъ МЯ, учаше заповѣдемъ чловѣческимъ и ученіемъ* (Ис. 29, 13; Матѹ. 15, 8. 9). Поэтому и Господь ушрекаетъ фарисеевъ, говоря: вы преступаете заповѣдь Божию за преданіе ваше; *Богъ бо заповѣда глаголя: чти отца и матеръ; и: иже злословитъ отца или матеръ, смертію да умретъ. Вы же глаголете: иже речетъ отцу или матери: даръ, иже бы отъ мене поль овался си и не почититъ отца своего или матери* и пр. и прибавляетъ къ этому: *разористе заповѣдь Божию за преданіе ваше* (Матѹ. 15, 3—6). Каковы эти преданія фарисеевъ, которыя они теперь называютъ *деутерѳогаз* (повторенія, второй законъ), какія это нелѣпныя басни — я не могу высказать: этого не позволяеть и размѣръ книги, да очень многіе изъ нихъ такъ безобразны, что я стыжусь говорить. Скажу однако объ одномъ въ посрамленіе этихъ ненавистныхъ людей. Въ синагогахъ у нихъ есть нѣкіе мудрѣйшіе старѣйшины, которымъ поручена поносная обязанность — испытывать кровь дѣвицы или женщины очищающейсѹ. чистая это кровь или пачистая, — и если они не могутъ различить это по виду крови, то — пробовать ее на вкусъ. Кромѣ того, поеліику заповѣдано, чтобы во дни субѳотныя каждый сидѣлъ въ домѣ своемъ и не выходилъ (Исх. 16, 29) и не сходилъ съ мѣста, въ которомъ живетъ: то когда начнемъ ихъ стѣснять въ буквѣ закона, чтобы они не лежали, не стояли, не ходили, а только сидѣли, если хотятъ исполнять заповѣди, то въ отвѣтъ на это они обыкновенно говорятъ: *Барахиба, Симеонъ*

и Гиллель, учителя наши, заповѣдали намъ въ субботу дѣлать двѣ тысячи шаговъ,—и прочее подобнаго рода, ученія человѣческія предпочитая учению Божию. Я говорю не то, что въ субботу должно постоянно сидѣть и совершенно не сходить съ мѣста, на которомъ засталъ этотъ день, по то, что неисполнимое въ законѣ, нарушаемое по условіямъ плоти, должно быть исполняемо духовнымъ соблюденіемъ закона.

Далѣе слѣдуетъ: *яже убо слово имуща премудрости*. Въ этомъ мѣстѣ *убо* (quidem)—частица излишняя,—что у апостола встрѣчаемъ во многихъ мѣстахъ по незнанію грамматическихъ правилъ (propter imperitiam artis grammaticae),—такъ какъ за нею не слѣдуетъ *но* (sed) или другой союзъ, который обыкновенно соотвѣтствуетъ предложению, въ которомъ поставлено quidem. Итакъ: іудейскія постановленія для неопытныхъ и невѣжественнаго народа повидимому имѣютъ призракъ основательности и человѣческой мудрости, почему и учителя ихъ называются σοφοί, т. е. мудрецы, и когда они въ извѣстные дни излагаютъ свои преданія, то ученикамъ своимъ обыкновенно говорятъ: οἱ σοφοί δευτεροῦσι, т. е. мудрецы учатъ преданіямъ. Вмѣсто *суетности* въ греческомъ поставлено ἐψελοζρησκεία, т. е. ложная религія, и вмѣсто *униженіе* ταπεινοφροσύνη, что обыкновенно болѣе означаетъ добродѣтель, нежели порокъ; но здѣсь ταπεινοφροσύνη должно понимать въ томъ смыслѣ, что они мыслятъ о низкомъ и земномъ. А ἀφειδία σώματος, чему нѣтъ въ латинскомъ языкѣ соотвѣтствующаго имени,—у насъ переводится: ad non recedendum corpori (*непощадный тѣла*). Іудеи не щадятъ тѣлъ своихъ въ употребленіи пищи, пренебрегая иногда тѣмъ, что имѣютъ, и ища того, чего не имѣютъ, отъ каковаго стѣсненія возникаютъ иногда недуги и болѣзни; и неберегутъ самихъ себя, когда для чистыхъ все чисто (Тит. 1, 15) и ничто не можетъ быть сквернымъ, что принимается со благодареніемъ, и для того

и сотворено Господомъ, чтобы, насыщая и восполняя плоть, оживлять и поддерживать человѣческіе члены. А подъ стихіями міра, отъ которыхъ или которыми мы умерли, должно разумѣть законъ Моисеевъ и весь ветхій завѣтъ, по которымъ мы познаемъ Бога какъ бы по элементамъ или первоначальнымъ понятіямъ о вѣрѣ. Ибо какъ элементами называются буквы, посредствомъ коихъ мы составляемъ слоги и слова, и затѣмъ послѣ долгаго умственного развитія переходимъ къ составленію рѣчи,—какъ музыка имѣетъ свои элементы, какъ геометрія начинается съ элементарныхъ понятій о линіяхъ, и діалектика и медицина имѣютъ свои введенія (*ἑισαγωγάς*): такъ и дѣтство святаго мужа воспитывается элементами (стихіями) ветхаго завѣта, чтобы затѣмъ перейти къ полнотѣ евангельской. Поэтому—то сто-восемнадцатый и всѣ другіе псалмы, обозначаемые буквами, отъ нравственности ведутъ насъ къ умозрѣнію ¹⁾, и отъ стихій буквы убивающей возводятъ къ духу животворящему. Итакъ мы, умершіе міру и стихіямъ его, не должны исполнять того, что принадлежитъ міру, ибо въ одномъ начало, въ другомъ совершенство.

ГЛАВА XI.

Что значить написанное тѣмъ же апостоломъ къ Фессалоникійцамъ: *яко аще не пріидетъ отступленіе прежде и открытѣя челоувѣкъ беззаконія сынъ погибели* и пр. (2 Сол. 2, 3)? Въ первомъ посланіи къ Фессалоникійцамъ апостоль писалъ: *а о мысляхъ и о временахъ, братіе. не*

¹⁾ Для объясненія этого можетъ служить мѣсто изъ письма Іеронима къ Павлѣ, гдѣ онъ говоритъ: „общихъ наукъ, которыми достигается познаніе вещей, три: греки называли ихъ иенкою, физикою и теорикою, а мы можемъ назвать науками: нравственною, естественною и умозрительною (*moralē, naturalem et inspectivam*)“.

требъ есть вамъ писати: сами бо вы извѣстно вѣсте, яко день Господень якоже тать въ ноци, тако приидеть. Егда бо рекутъ миръ и утверждение: тогда внезапно нападетъ на нихъ всегубительство, якоже болъзнь во чреви илмушей, и не имуть избѣжати (1 Сол. 5, 1 и слѣд.). Ибо выше оны писалъ имъ: сіе вамъ глаголемъ словомъ Господнимъ, яко мы живущии оставшии въ пришествіе Господне не имамы прѣдварити умершихъ: яко самъ Господь въ повелѣніи. во гласъ архангеловъ и въ трубъ Божіи, снидетъ съ небесе, и мертвіи о Христвъ воскреснутъ первыи: потомъ же мы, живущии оставшии, купно съ ними восхищени будемъ на облацяхъ въ срѣтеніе Господне на воздусъ: и тако всегда съ Господемъ будемъ. Тѣмже утѣшайте другъ друга въ словесяхъ сихъ (1 Сол. 4, 14 и слѣд.).

Македоняне, слыша это, не понимали, кого апостоль вмѣстѣ съ собою называетъ живущими и кто это оставшіеся, которые вмѣстѣ съ нимъ восхищени будутъ на облакахъ въ срѣтеніе Господу, но думали, что Христовъ приидеть во славъ своей, когда они еще будутъ въ тѣлахъ и прежде чѣмъ они вкусятъ смерти. Услышавъ объ этомъ, апостоль просить и умоляетъ ихъ о пришествіи Господа нашего Іисуса Христа не спѣшитъ колебаться умомъ ни отъ духа, ни отъ слова, ни отъ посланія какъ бы имъ написаннаго, будто уже наступаетъ день Господень. Все книги пророковъ и евангельская истина учать о двухъ пришествіяхъ Господа Спасителя,—что прежде Онъ придетъ въ уничиженіи, а послѣ въ славъ, и самъ Господь свидѣтельствуеть, что произойдетъ предъ кончиною міра и когда придетъ антихриствъ,—говоря: егда узрите мерзость запустынія, реченную Даніиломъ пророкомъ, стоящу на мѣстѣ святыи: иже чететь да разуметь. Тогда сущии во Іудеи да бѣжатъ на горы: и иже на кровъ да не сходятъ взяти, яже въ дому его (Матѣ. 24, 15—17), и еще: тогда аще кто речеть вамъ:

се здѣ Христосъ или ондѣ: не имите вѣры. Восстанутъ бо лжехристи и лжепророцы, и дадутъ знаменія велія и чудеса, якоже прельстити, аще возможно и избранныя. Се прежде рѣхъ вамъ. Аще убо рекутъ вамъ: се въ пустыни есть, не изыдите: се въ сокровищахъ: не имите вѣры. Якоже бо молнія исходитъ отъ востокъ и является до западъ: тако будетъ пришествіе Сына человеческого (ст. 23—27), и потомъ: тогда явится знаменіе Сына человеческого на небеси: и тогда восплмчутся вся колѣна земная, и узрятъ Сына человеческого грядуща на облацѣхъ небесныхъ съ силою и славою мновою. И послетъ ангелы своя съ трубнымъ гласомъ велиимъ, и соберутъ избранная его отъ четырехъ вѣтръ, отъ конецъ небесъ до конецъ ихъ (ст. 30—32). Также объ антихристѣ говорить іудеямъ: Азъ придохъ во имя Отца моего и не приемлете Мене: аще инъ придетъ во имя свое, того приемлете (Іоан. 5, 43). Итакъ непониманіе ли посланія, или измышленное откровеніе, въ омраченіи ума оболъстившее спящихъ, или догадка нѣкоторыхъ толкователей, относившихъ къ тому времени пророчественныя слова Исаи, Даніила и евангелій объ антихристѣ, колебала и смущала умы Фессалоникійцевъ, такъ что они надѣялись, что Христосъ въ то время придетъ во славу своей. Это заблужденіе исправляетъ апостоль и говоритъ, чего должно ожидать предъ пришествіемъ Христовымъ,—чтобы они только увидѣвши эти явленія убѣждались, что придетъ антихристъ, то есть чловѣкъ грѣха, сынъ погибели, противящійся и превозносящійся выше всего, называемаго Богомъ или святынею, такъ что онъ сядетъ въ храмъ Божіемъ. День Христовъ, говоритъ, не придетъ, пока не придетъ прежде отступленіе, что по-гречески называется *ἀποστασία*, такъ что всѣ народы, подчиненныя римской имперіи, отпадутъ отъ римлянъ и откроется, т. е. явится предвозвѣщенный всѣми пророками чело-

вѣкъ грѣха, въ которомъ источникъ всѣхъ грѣховъ и сынъ погибели, т. е. діавола; ибо онъ есть погибель всѣхъ, противникъ Христа, почему и называется антихристомъ, и превозносится выше всего называемаго Богомъ, такъ что попираетъ своєю ногою боговъ всѣхъ народовъ или всякую признанную, даже истинную религію, и сядетъ въ храмъ Божию, въ Іерусалимъ ли (какъ нѣкоторые думаютъ) или въ церкви (какъ по моему мнѣнію болѣе справедливо), выдавая себя за Христа или Сына Божія. Христосъ не придетъ, говорить, пока не будетъ разрушена римская имперія и не придетъ антихристъ, и Христосъ для того придетъ въ такое время, чтобы низложить антихриста. Вы помните, говорить, что это самое, что теперь пишу въ посланіи, я прежде устно передавалъ вамъ, когда былъ у васъ, и говорилъ, что Христосъ не придетъ, пока предъ Нимъ не явится антихристъ. *И нынѣ удерживающее вѣсте, во еже явится ему въ свое его время.* т. е. вы очень хорошо знаете, какая причина того, что антихристъ не приходитъ въ настоящее время. Онъ не хочетъ прямо сказать, что римская имперія будетъ разрушена, — та имперія, которую правители ея считали вѣчною. Поэтому-то по Апокалипсису Іоанна на челѣ облеченной въ порфиру блудницы написано имя богохульное, т. е. *вѣчнаго Рима*. Ибо если бы онъ прямо и смѣло сказалъ, что антихристъ не придетъ, пока прежде не сокрушится римская имперія, то въ этомъ увидѣли бы справедливую причину для гоненія на раждающуюся тогда церковь.

Дальвѣйшее же: *тайна бо уже дѣется беззаконія, точію держай нынѣ. дондеже отъ среды будетъ: и тогда явится беззаконникъ*—имѣетъ такой смыслъ: многими злодѣянiями и беззаконiями, которыми нечестивѣйшій Неронъ гнететъ міръ цезарей, предъуготовляется пришествіе антихриста и въ Неронѣ отчасти исполняется то, что впослѣдствіи сдѣлаетъ антихристъ; пусть только уничтожится, взята

будетъ отъ среды римская имперія, которая держитъ теперь всё народы, и тогда придетъ антихристъ, источникъ беззаконія, *егоже Господь Иисусъ убьетъ духомъ устъ своихъ*, т. е. божественнымъ могуществомъ, силою своего величія, для коей повелѣтъ значить сдѣлать; убьетъ не множествомъ рати, не силою воиновъ, не помощію ангеловъ, но антихристъ будетъ убитъ тотчасъ, какъ только придетъ Христосъ. И какъ тма прогоняется проявленіемъ солнца, такъ и Господь уничтожитъ и сокрушитъ его *осіяніемъ* (illustratione) *пршества своего*. Дѣла антихриста суть дѣла сатаны, и какъ во Христѣ была полнота божества тѣлесно, такъ и въ антихристѣ будутъ всё силы и знаменія и чудеса, но все—ложное. Ибо какъ божественнымъ знаменіямъ, производимымъ Моисеемъ, волхвы противопоставляли свои ложныя знаменія, и какъ жезлъ Моисея пожралъ жезлы ихъ (Исх. гл. 7); такъ и истина Христова пожретъ ложь антихристову. Но его ложью будутъ обольщены предопредѣленные къ гибели. И такъ какъ могъ возникнуть тайный вопросъ: для чего Богъ попустилъ ему имѣть силу, знаменія и чудеса, посредствомъ которыхъ онъ могъ бы обольщать, если возможно, даже избранныхъ Божиихъ; то апостолъ своимъ разрѣшеніемъ предваряетъ вопросъ и рѣшаетъ возраженіе, прежде чѣмъ оно могло быть предложено. Все это, говоритъ онъ, антихристъ сдѣлаетъ не своею силою, но поупущеніемъ Божиимъ въ отношеніи къ іудеямъ, такъ какъ они не хотѣли принять любви истины, то есть Духа Божія чрезъ Христа, ибо любовь Божія излилась въ сердца вѣрующихъ (Рим. 5, 5), и самъ Христосъ говоритъ: *Азъ есмь истина* (Іоан. 14, 6), о Которомъ въ псалмахъ написано: *истина отъ земли возсія* (Пс. 84, 12). Итакъ тѣмъ, кои не приняли любви и истины, чтобы, принявъ Спасителя, получить спасеніе, Богъ пошлетъ не дѣятеля, а самое дѣйствіе, то есть источникъ заблужденія, такъ что они будутъ вѣрять лжи, послугу ан-

тихристъ самъ лжець и отецъ лжи. И еслибы антихристъ родился отъ дѣвы и прежде Христа пришелъ въ міръ, то іудеи могли бы имѣть оправданіе и говорить, что они стремились къ истинѣ и поэтому приняли ложь вмѣсто истины; а теперь они за это будутъ судимы и безъ сомнѣнія осуждены, поелику, презрѣвъ истину Христову, впоследствии примутъ ложь, то есть антихриста.

98. Письмо къ Рустику.

О покаяніи.

Что я незнакомый тебѣ осмѣливаюсь писать къ незнакомому—причиною этого просьба святой рабы Христовой Гебидіи и дочери моей, супруги твоей, или лучше изъ супруги—сестры и сослужительницы, Артеміи. Она, не довольствуясь спасеніемъ себя самой, искала и твоего спасенія, искала и прежде въ отечествѣ, и теперь ищетъ во святыхъ мѣстахъ, желая подражать любви апостоловъ Андрея и Филиппа, кои, бывъ обрѣтены Христомъ, желали обрѣсти брата Симона и друга Наанаила, изъ которыхъ первый удостоился услышать: *ты еси Симонъ, сынъ Іонинъ: ты наречешися Кыфа*, что значитъ *Петръ*, а другой — *даръ Божій* (ибо это означаетъ на нашемъ языкѣ слово *Наанаилъ*)—утѣшается свидѣтельствомъ Христа, который говоритъ ему: *се воистину израильтянинъ, въ немже лъсти нѣсть* (Іоан. гл. 1). И Лотъ съ дочерями своими желалъ нѣкогда спасти жену свою и почти полусожженный хотѣлъ вывести ее изъ пожарница Содомы и Гоморры,—жену, которая была одержима прежними пороками; но она, въ ужасѣ отчаянія оглянувшись назадъ, осуждается вѣчнымъ приговоромъ за певѣріе. Но пламенная вѣра, безуспѣшно потерянная въ отношеніи къ одной женщинѣ, спасаетъ цѣлый городъ Сигоръ. Послѣ того

какъ Лотъ, оставивъ содомскія равнины и мракъ, взошелъ на нагорную мѣстность, то возшло ему солнце въ Сигорѣ, что значить *малая*,—чтобы малая вѣра Лота, не могшая сдѣлать большаго, сохранила по крайней мѣрѣ меньшее, такъ какъ Лотъ, житель Гоморры и заблужденія, не могъ тотчасъ перейти на полдень, гдѣ другъ Господень Авраамъ принялъ Бога съ ангелами. И Иосифъ питаетъ братьевъ своихъ въ Египтѣ, и женихъ слышитъ отъ невѣсты: *гдѣ посеми, гдѣ почиши въ полудне* (Пѣснь П. 1, 6)? Самуиль нѣкогда оплакивалъ Саула (1 Цар. 15), такъ какъ онъ раны гордости не врачевалъ цѣльбою покаянія. И Павелъ плакалъ о Коринѳянахъ, не хотѣвшихъ омыть слезами скверны блудоуждѣнія (1 Кор. 5, 2; 2 Кор. 2, 1). Поэтому же и Іезекиль естъ свитоку книжный, снаружи и внутри исписанный стихами (*carmine*), плачемъ и горемъ,—стихами въ похвалу праведныхъ, плачемъ для кающихся, горемъ—въ отношеніи къ тѣмъ, о которыхъ написано: *егда придетъ нечестивый во глубину золъ, не радитъ* (Притч. 18, 3), на которыхъ указываетъ Исаія, говоря: *и призви Господь Савановъ въ той день плачъ и рыданіе, и остриженіе и препоясаніе во вретница: тѣмъ же сотвориши радость и веселіе, закаляюще телъцы и жруще овцы, яко ясти мяса и пити вино, глаголюще: да ямы и нѣмъ, утрѣ бо умремъ* (Ис. 22, 12. 13),—о которыхъ и Іезекиль говоритъ: *и ты сыне человѣчь рцы дому израилеву: сице рѣсте глаголюще: прелесть наша и беззаконія наша въ насъ суть, и мы въ нихъ таемъ. и како намъ живымъ быти; рцы имъ: живу Азъ, глаголетъ Господь, не хошу смерти грѣшника, но еже обратится нечестивому отъ пути его, и далѣе: обращеніемъ обратится отъ пути вѣшего: вскую умирнете доле израилевъ* (Іезек. 33, 10. 11). Ничто такъ не оскорбляетъ Бога какъ коснѣніе въ худшемъ изъ-за отчаянія въ лучшемъ, хотя самое отчаяніе есть признакъ невѣрія. Ибо

кто отчаявается во спасеніи, тотъ не думаетъ, что будетъ судъ, потому что, если бы отчаявающійся боялся этого суда, то конечно приготовилъ бы себя къ судіи добрыми дѣлами. Послушаемъ, что говоритъ Богъ чрезъ Іеремію: *отврати ногу твою отъ пути стропотна и гортаньъ твою отъ жажды* (Іерем. 2, 25) и чрезъ Ісаію: *егда возвратився въздохнеши, тогда спасешися и уразумѣеши, гдѣ еси былъ* (Ис. 30, 15). Тяжесть болѣзни мы можемъ узнать только по возстановленіи здоровья; пороки показываютъ намъ, сколько блага имѣеть въ себѣ добродѣтель; свѣтъ дѣлается яснѣе при сравненіи со тмою. Іезекіиль тѣми же словами и въ томъ же смыслѣ говоритъ: *обратитесь и отвержитесь отъ всѣхъ нечестій вашихъ, и не будутъ вамъ неправды въ мученіе. Отвержите отъ себе вся нечестія ваши, имже нечестовали есте ко мнѣ, и сотворите себѣ сердце ново и духъ новъ. И вскую умираете, доме израилевъ; понеже не хочу смерти грѣшника, глаголетъ Господь* (Іезек. 18, 30. 31; 33, 11; 18, 32). И далѣе говоритъ: *живу азъ, глаголетъ Господь, не хочу смерти грѣшника, но еже обратится нечестивому отъ пути своего и живу быти ему*, чтобы невѣрующій умъ не отчаявался въ обѣтованіи благъ и духъ, однажды предназначившій себя къ погибели, не оставлялъ попеченія о ранѣ, которую онъ считаетъ неизлечимою. Поэтому говоритъ, что онъ клянется, чтобы, если мы не вѣруемъ обѣтованію Божию, то повѣрили бы по крайней мѣрѣ клятвѣ Божіей о нашемъ спасеніи. Поэтому праведникъ молится, говоря: «обрати насъ Боже, Спасителю нашъ, и отврати ярость Твою отъ насъ» (Пс. 84, 4), и еще: *Господи, волею твоею подаждь добротъ моею силу, отврати же еси лице Твое и быхъ смущенъ* (Пс. 29, 8). Ибо когда я мерзость грѣховъ своихъ замѣнилъ красотою добродѣтелей, ты укрѣпилъ немощь мою своею благодатію. Вотъ я слышу обѣтованіе; *пожену враги моя, и постигну*

я, и не возвращуся дондеже скончатся (Пс. 17, 38), чтобы я, прежде избѣгавшій Тебя и бывшій врагомъ Твоимъ, былъ уловленъ рукою Твоею. Не преставай преслѣдовать меня, пока не отступлю я отъ пути моего нечестивѣйшаго и не возвращусь къ мужу моему прежнему, который дастъ мнѣ одежды мои и масло и муку, и напитаетъ меня тучнѣйшими яствами, — который такимъ образомъ заградитъ и заключитъ пути мои нечестивые, чтобы обрѣсти мнѣ тотъ путь, который говорить въ Евангеліи: *Азъ есмь путь, истина и животъ* (Іоан. 14, 6). Внемли слову пророка: *стѹщій слезами радостію пожнутъ. Ходящій хождашу и плакахуся, метяюще сѣмена своя: грядуще же придутъ радостію, взяюще рукоятіи своя* (Пс. 125, 5. 6) и говори съ нимъ: *измыю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс. 6, 7), и еще: *имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ Боже* *Возжажда души моя къ Богу крѣпкому живому: когда прииду и явлюся лицу Божию; быша слезы мои мнѣ хлѣбъ день и ночь* (Пс. 41, 1—4), и въ другомъ мѣстѣ: *Боже, Боже мой, къ Тебѣ утренюю, возжажда Тебе душа моя, коль множицею Тебе плоть моя. Въ земли пусты и непроходны и безводны, тако во святѣмъ явихся Тебѣ* (Псал. 62, 2. 3). Ибо хотя жаждала Тебя душа моя, но гораздо болѣе я искалъ Тебя трудомъ плоти своей и не могъ явиться Тебѣ во святомъ, развѣ только послѣ пребыванія въ землѣ пустой отъ пороковъ, непроходимой для противныхъ силъ и свободной отъ влаги и нечистоты всякой похоти. Плакалъ и Господь о городѣ Іерусалимѣ, что онъ не принесъ покаянія (Лук. 19, 41), и Петръ горькими слезами омылъ троскратное отреченіе (Мат. 26, 75) и исполнилъ оное пророческое предреченіе: *исходница водная изведостъ очи мои* (Ис. 118, 136). Плакалъ и Іеремія о народѣ нераскаянномъ, говоря: *кто дастъ главы*

моей воду, и очесемъ моиѣ источникъ слезъ и плачущя о народѣ семь день и ношъ (Іер. 9, 1)? А о чемъ онъ плачетъ и проливаетъ слезы—это показываетъ онъ слѣдующими словами: «не плачьте о мертвомъ и не оплакивайте его: плачьте о томъ, который выходитъ, потому что онъ не возвратится болѣе». Итакъ нужно оплакивать не язычника и іудея, которые не были въ церкви и однажды навсегда умерли, о которыхъ Спаситель говоритъ: *остави мертвыхъ погребѣсти своя мертвецы* (Матѣ. 8, 22), а оплакивай тѣхъ, кои чрезъ грѣхи и беззаконія выходятъ изъ церкви и не хотятъ болѣе возвратиться къ ней раскаяніемъ во грѣхахъ. Отсюда къ церковнымъ мужамъ, которые называются стѣнами и столпами церкви, слово пророческое говоритъ: «стѣны сіонскія, пролейте слезы» (Плачь 2, 18), исполняя оное слово апостола: *радоватися съ радующимися и плакати съ плачущими* (Рим. 12, 15), чтобы своими слезами вамъ подвигнуть ихъ на плачь, да упорствуя въ злобѣ, не услышатъ они: *азъ насадихъ тя виноградъ плодоносенъ, весь истиненъ: како превратился еси въ горесть. виноградъ чуждѣй* (Ис. 2, 21); и еще: *древу рекоша: яко отецъ мой еси ты: и камени: ты мя родилъ еси: и обратиши по мнѣ хребты, а не лица своя* (ст. 27). Смыслъ этого такой: не хотѣли обратиться ко Мнѣ, чтобы покаяться, но по жестокосердію своему въ оскорбленіе Мнѣ обратили ко Мнѣ хребты свои. Посему-то Господь и говоритъ Іереміи: *видѣхъ ли еси яже сотвори ми домъ израилевъ; поидоша на всяку гору высокую, и подъ всяко древо листовяно и соблудниша тамо. И рекохъ повнегда прелюбодѣйствовати ему во всѣхъ сихъ: ко Мнѣ обратися, — и не обратися* (Іерем. 3; Ис. 57).

(1) милосердіе Божіе, о жестокосердіе наше! И послѣ столь великихъ преступленій Онъ призываетъ насъ ко спасенію. И если и тогда не хотимъ обратиться къ лучшему,

Онъ говорить: «если оставить жена мужа своего и выйдетъ за другаго и послѣ захочетъ возвратиться къ нему: неужели онъ приметъ ее и не возгнушается». Вмѣсто этого по еврейскому тексту (чего нѣтъ въ греческихъ и латинскихъ кодексахъ) значитъ: «и ты оставила Меня, но возвратись и приму тебя, глаголетъ Господь». И Исаія ту же мысль высказываетъ почти тѣми же словами: *обратитесь совнѣщающіи глубокѣ совѣтъ и беззаконенъ, сынове израилювы* (Ис. 31, 6). *Азъ Богъ и нѣсть иного развѣ Мене: праведенъ и Спаситель, нѣсть кроме Мене. Обратитесь ко Мнѣ и списетесь, иже отъ края земнаго: Азъ есмь Богъ и нѣсть иного* (45, 21. 22). *Помяните сіа и возстемите, покійтеся прельстившіиися, обратитесь сердцемъ и помяните первая отъ вѣка, яко Азъ есмь Богъ, и нѣсть еще развѣ Мене* (46, 10). *Юиль пишетъ: обратитесь ко Мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ въ посты и въ плечи и въ рыданіи, и расторгните сердца ваша, а не ризы ваша. Яко милостивъ и щедръ есть Господь и раскаявайся о злѣбахъ* (2, 12. 13). Какъ велико милосердіе и какъ (такъ сказать) чрезмѣрно, неизреченно благоутробіе,—этому поучать насъ пророкъ Осія, чрезъ котораго Богъ говорить: «какъ мнѣ отдать тебя, Ефремъ? Какъ мнѣ выдать тебя, Израиль? Могу ли я поступить съ тобою какъ съ Адамою? Могу ли я поставить тебя наравнѣ съ Севоимомъ? Подвиглось во мнѣ сердце мое; воскипѣла вся жалость моя. Не дамъ дѣйствовать ярости гвѣва моего» (Ос. 9, 8. 9). Поэтому и Давидъ говорить въ псалмѣ: *нѣсть въ смерти поминаай Тебе, во адѣ же кто исповѣстся Тебѣ* (Пс. 6); и въ другомъ мѣстѣ: *беззаконіе мое познахъ, и грѣха моего не покрыхъ: рыхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеву: и ты оставилъ еси нечестіе сердца моего. За то помолится къ тебѣ всякъ преподобный во время благо-*

потребно: обаче въ потопъ водъ многихъ къ нему не приближится (Пс. 31, 5. 6).

Смотри, какое множество слезъ: оно сравнивается съ разливомъ водъ. Кто будетъ имѣть такія слезы и скажетъ съ Іереміею: *да не умолкнетъ зъница очію моею* (Плачь 2, 18), въ томъ тотчасъ исполнится оное: *милость и истина срътостъся, правда и миръ облобызастася* (Пс. 48), такъ что если устрашать тебя истина и правда, то милость и миръ воззовуть ко спасенію. Всецѣлое покаяніе представляетъ псаломъ пятидесятый. Когда Давидъ вошелъ къ Вирсавіи (Bethsabee), женѣ Урія Хеттеянина (Ethaci), и бывъ обличенъ пророкомъ Наоаномъ сказалъ: *согрѣшихъ, онъ тотчасъ удостоился услышать: и Господь отъя согрѣшеніе твое* (2 Цар. 12, 13). Къ прелюбодѣянію Давидъ присоединилъ убійство, и однако проливая слезы сказалъ: *помилуй мя Гоже по великій милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое* (Пс. 50). Великій грѣхъ требовалъ и великаго милосердія. Поэтому Давидъ присвокупляетъ: *наипаче (multum) омый мя отъ беззаконій моего и отъ грѣха моего очисти мя. Яко беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть выну. Тебѣ единому согрѣшихъ* (ибо я былъ царь, никого другаго не боялся) *и лукавое предъ Тобою сотворихъ, яко да оправдишися во словесахъ Твоихъ и побѣдиши вьнегда судити ти; ибо всѣхъ закѣючилъ Богъ въ непослушаніе, чтобы всѣхъ помиловать* (Рим. 11, 32). И столько успѣлъ, что, недавно бывшій грѣшникомъ и кающимся, онъ возвысился до учителя и говорилъ: *научу беззаконныя путемъ Твоимъ, и нечестивіи къ Тебѣ обратятся* (Пс. 50). Ибо кто неповѣдуетъ грѣхи свои предъ Богомъ и скажетъ: *возсмердѣши и согниши раны моя отъ лица безумія моего*, у того это исповѣданіе и исправленіе замѣняетъ зловоніе ранъ красотою здравія. *Покрываяй нечестіе свое не успѣетъ*

въ благая (Притч. 28, 13). Ахавъ, нечестивѣйшій царь, посредствомъ кроваваго преступленія овладѣлъ виноградникомъ Навуоѳея; и когда Іезавель, соединенная съ нимъ не столько супружествомъ, сколько жестокостію, была поражена обличеніемъ Іліи: *сице глаголетъ Господь: понеже убилъ еси и пріялъ еси въ насладіе . ни мѣсть, идѣже полжиша свинии и пси кровь его (Навуоѳея), тамо полжуютъ и кровь твою... и Іезавель пси съѣдятъ въ предградіи Іезрелля:* то Ахавъ, услышавъ это, раздралъ ризы свои, возложилъ вретнице на тѣло свое, постился и спалъ въ власяницѣ; и было слово Господне къ Іліи, говорящее: *яко умилися Ахавъ отъ лица моего, сего ради не наведу зли во днѣхъ его* (3 Цар. гл. 21). Преступленіе Ахава и Іезавели одинаково, но когда Ахавъ обратился къ покаянію, наказаніе отсрочивается на потомковъ, а Іезавель, упорствовавшая въ преступленіи, осуждается состоявшимся приговоромъ. И Господь говоритъ въ Евангеліи: *мужіе ниневитстѣи возстанутъ на судъ съ родомъ симъ и осудятъ его, яко покашася проповѣдію Іониною* (Матѳ. 12, 41), и еще: *не придохъ бо призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Матѳ. 9, 13). Драхма теряется, и однако находится въ уметахъ; девяносто девять овецъ оставляются въ кусты и одна заблудившаяся приносится на плечахъ пастыря (Лук. 15); и радость бываетъ у ангеловъ объ одномъ грѣшникѣ кающемся. Какое блаженство, если небеса радуются о спасеніи насъ, которымъ говорится: *покайтесь, приблизимъ бося царствіе небесное*. Нѣтъ никакой середины: смерть и жизнь противоположны; и однако онѣ соединяются покаяніемъ. Блудный сынъ расточилъ все имѣніе и вдали отъ отца едва удовлетворялъ голодь пищею свиней, но возвращается онъ къ отцу:—и ему закаляется телець уштаный, получаетъ одежду первую и перстень (Лук. 15), — получаетъ одежду Христа, которую нѣкогда осдвернилъ, и удостоивается

услышать: во всяко время да будутъ ризы твоя бѣлы (Еккл. 9, 8), и воспріявъ печать Божию восклицаетъ ко Господу: *Отче, согрѣшихъ ни небо и предъ тобою и, смиренный лобзаніемъ, говоритъ ему: знаменася ни насъ святъ лица Твоего Господи* (Псал. 4). *Правда праведника не избавитъ его, въ онъже день прельстится: и беззаконіе и беззаконники не убіетъ, въ онъже день обратится.* Всякаго Богъ судить такъ, какъ найдетъ, и смотритъ не на прошедшее, а на настоящее, если однако прежнія преступленія заглаждаются послѣднимъ обращеніемъ. Седмерицею падаетъ праведникъ и возстаетъ (Притч. 24, 16). Если падаетъ, то какимъ образомъ онъ праведникъ; если праведникъ, то какимъ образомъ падаетъ? Но кто всегда возстаетъ чрезъ покаяніе, тотъ не теряетъ имени праведника. И согрѣшающему не только семь, но и семьдесятъ семь разъ, отпускаются грѣхи, если онъ обращается къ покаянію (Матѹ. 18). Кому больше оставляется, больше любить. Блудница омываетъ слезами и отираетъ волосами ноги Спасителя:—и во образъ церкви, собранной отъ язычниковъ, удостоивается услышать: «отпускаются тебѣ грѣхи твои» (Лук. 7). Праведность фарисея погибаетъ отъ гордости, и смиреніе мытаря спасается исповѣданіемъ (Лук. 18). Чрезъ Іеремію Богъ свидѣтельствуетъ: «иногда я скажу о какомъ либо народѣ и царствѣ: «разрушить, искоренить и погубить»: но если отстанетъ отъ своихъ пороковъ тотъ народъ, на который я это изрекъ, то и я отлагаю зло, которое думалъ сдѣлать ему. А иногда скажу о какомъ-либо народѣ и царствѣ: «устроить и насадить»; но если оно будетъ дѣлать злое предъ очами моими, не слушая гласа моего; то и я отмѣню доброе, что намѣревался сдѣлать ему». И затѣмъ присовокупляетъ: «вотъ я готовлю вамъ зло и замышляю на васъ; обратитесь каждый отъ порочнаго пути своего, и исправте пути свои и нравы свои. Но они говорятъ: нечего надѣяться;

мы хотимъ жить по своимъ мыслямъ и будемъ поступать каждый по упорству злаго своего сердца» (Іер. 18, 7—13). Въ Евангеліи Симеонъ праведный говоритъ: *се лежитъ сей на паденіе и возстаніе многихъ* (Лук. 2, т. е. на паденіе грѣшниковъ и на возстаніе кающихся. Къ Коринѳянамъ апостоль пишетъ: *слышится въ васъ блужденіе, и таково блужденіе, яковоже ни во языцехъ именуется, яко нѣкоему имѣти жену отчужо: и вы разгордыте, и не паче плаксте, да измется отъ среды васъ содѣлавый дѣло сіе* (1 Кор. 5). И къ нимъ же во второмъ посланіи, выражая опасеніе: *да не како мною скорбію пожертвуетъ таковой* (2 Кор. 2), ободряетъ его, и умоляетъ Коринѳянь усугубить любовь къ нему, чтобы погнѣшій чрезъ кровосмѣшеніе, чрезъ покаяніе получилъ спасеніе. *Кто бо чистъ будетъ отъ скверны; никтоже, еще и единъ день житія его на земли* (Іов. 14 и 25), а годы жизни грѣшника изочтены. *Звѣзды же нечисты суть предъ нимъ* (Іов. 25, 5); *и во ангелахъ своихъ стропотно что усмотрѣ* (тамъ же 4, 18). Если на небѣ грѣхъ, то кольми паче на землѣ? Если согрѣшаютъ тѣ, кои не имѣютъ тѣлеснаго искушенія, кольми паче—мы облеченные бремною плотію, говорящіе съ апостоломъ: *окаменъ азъ человекъ: кто ми избавитъ отъ тѣла смерти сего* (Рим. 7)? Ибо *не живетъ въ плоти нашей доброе*, и дѣлаемъ не то, что хотимъ, но то, чего не хотимъ, такъ что духъ желаетъ дѣлать одно, а плоть возбуждается къ другому. Если нѣкоторые называются праведными, и не только праведными, но и праведными предъ очами Божиими, то называются такъ въ смыслѣ той праведности, о которой выше сказано: *седмерицею падеть праведный и возстанетъ* (Притч. 24), и еще: *беззаконіе беззаконника не убійтъ, въ онъже день обратится отъ беззаконія своего* (Іез. 33, 12). Наконецъ и Захарія, отецъ Іоанна, называемый праведнымъ, согрѣшилъ невѣріемъ и тотчасъ же былъ на-

казанъ нѣмотою (Лук. 1). И Іовъ, изображаемый въ началѣ книги его праведнымъ, чистымъ и безпорочнымъ, въ послѣдствіи, и въ рѣчи Господа и въ своей исповѣди, представляется грѣшникомъ. Если Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, также пророки и апостолы, не были свободны отъ грѣха,—если къ чистѣйшей пшеницѣ примѣшивались плевелы, то что можно сказать о насъ, о которыхъ написано: «зачѣмъ быть мякицѣ съ чистымъ зерномъ, глаголетъ Іегова» (Іер. 23)? И однако мякина соблюдается для огня будущаго и въ сей жизни плевелы смѣшиваются съ пшеницею, пока не придетъ Тотъ, Который имѣетъ лопату въ рукѣ своей и очиститъ гумно, чтобы собрать пшеницу въ житницы и плевелы сожечь въ огнѣ геенскомъ.

Все это, какъ бы обошедши прекраснѣйшіе луга писаній, я хотѣлъ совокупить въ одно, и изъ красивѣйшихъ цвѣтовъ снѣсти тебѣ вѣнокъ покаянія, чтобы ты возложилъ его на главу свою, «взявъ крылья голубя, и полетѣлъ, и успокоился» (Псал. 54) и примирился со всемилосерднымъ Отцемъ. Жена твоя нѣкогда, а теперь сестра и сослужительница, рассказывала мнѣ, что, по заповѣди апостола, вы по взаимному соглашенію, воздержались отъ брачнаго сожитія, чтобы предаться молитвѣ; рассказывала также, что ты, какъ бы стоя на зыбкомъ мѣстѣ, поколебался, даже (сказать прямѣе) палъ; а она съ Моусеемъ вняла словамъ Господа: «ты же стань здѣсь предо мною» (Исх. 33), и сказала о Господѣ: «Онъ утвердилъ на камнѣ ноги мои» (Псал. 49),—что твой домъ, который не имѣлъ твердыхъ основаній вѣры, палъ въ послѣдствіи отъ вихря діавола;—что ея домъ стоитъ о Господѣ и не отказываетъ тебѣ въ своемъ гостепримствѣ, чтобы теперь ты соединился духовно съ тою, съ которою прежде былъ соединенъ тѣлесно: *ибо прильпаяйся Господеву, единъ духъ есть съ Господомъ* (1 Кор. 6). Она рассказывала также, что когда васъ раздѣлило вторженіе вар-

варовъ и опасность плѣненія, то ты далъ клятвенный обѣтъ тотчасъ или въслѣдствіи отправиться за нею ко святымъ мѣстамъ и спасти свою душу, которую, казалось, ты погубилъ по нерадѣнію. исполни же, что ты обѣщаль предъ Богомъ. Жизнь смертныхъ неизвѣстна: поэтому, чтобы не умереть прежде исполненія своего обѣщанія, подражай той, которую ты долженъ былъ учить. О, стыдъ! слабѣйшій полъ, побѣждаетъ міръ, а сильнѣйшій побѣждается міромъ. *Женщина является предводительницею столь великаго дѣла* (изъ *Виргилія*): и неужели не послѣдуешь той, которой ты долженъ быть преемникомъ въ дѣлѣ спасенія? Если тебя удерживаетъ оставшееся имѣніе, тѣмъ болѣе что предъ твоими глазами совершается и убійство друзей и согражданъ, и разрушеніе городовъ и деревень: то, по крайней мѣрѣ, среди бѣдствій плѣненія и опустошенія, въ виду свирѣпыхъ непріятелей и безчисленныхъ несчастій своей провинціи, ухватись за доску покаянія, и вспомни о своей сослужительницѣ, которая постоянно желаетъ твоего спасенія, никогда не отчаяваясь въ немъ. Ты считаешься въ своемъ отечествѣ, даже не въ отечествѣ, потому что ты потерялъ отечество; а она вмѣсто тебя въ тѣхъ достопоклоняемыхъ мѣстахъ воскресенія, страданія и рождества Господа Спасителя, гдѣ Онъ плакалъ во дни своего младенчества, вспоминаетъ твое имя и молитвами привлекаетъ тебя къ себѣ, чтобы ты получилъ спасеніе, если не по своей заслугѣ, то, по крайней мѣрѣ, по ея вѣрѣ. Нѣкогда разслабленный лежалъ на одрѣ и всѣ члены его были такъ разбиты параличемъ, что онъ не могъ ни ногами двигать, чтобы ходить, ни руками, чтобы молиться; и однако онъ приносится чужими руками и получаетъ прежнее здоровье, такъ что несетъ одрѣ носимый нѣкогда на одрѣ (Марк. 2; и Іоан. 5). И тебя, отсутствующаго здѣсь тѣломъ, присутствующаго вѣрою, твоя сослужительница приноситъ къ Господу Спаси-

телю, и говорить съ женою хананеянкою: *души моя злы бѣснуется* (Матѳ. 15). И я справедливо назову душу твою дочерью ея души; душа не знаетъ различія половъ,—но сущность сравненія въ томъ, что жена твоя тебя, какъ малолѣтняго, какъ груднаго младенца и еще не могущаго принимать твердой пищи, хочетъ питать молокомъ и указываетъ тебѣ пищу у кормилицы, чтобы ты могъ сказать съ пророкомъ: *заблудихъ яко овца погибшес: възвущи раба твоего, яко заповѣдей твоихъ не забыхъ* (Псал. 118, 106).

99. Письмо къ Агерухи.

О единобрачїи.

На прежнемъ пути я отыскиваю новую тропинку и для старой, избитой матерїи придумываю новую изящную форму, чтобы это было и то же и не то же. Одинъ путь, но много побужденій достигнуть цѣли этого пути. Часто писалъ я ко вдовамъ и, для увѣщанія ихъ повторяя много догазательствъ изъ священнаго Писанія, слагалъ различные цвѣты свидѣтельствъ въ одинъ вѣнокъ цѣломудрїя. Теперь моя рѣчь къ Агерухи, которая получила имя по нѣкоторому предреченію будущаго и при помощи вседержавнаго Бога ¹⁾. Ее окружаетъ славный сонмъ женщинъ, испытанный во Христвѣ,—бабки, матери и тетки по отцѣ. Изъ нихъ бабка Метронїя, сохраняя вдовство въ продолженіи сорока лѣтъ, на-

¹⁾ Quae quodam vaticinio futurorum, ac Dei praesidentis auxilio, nomen asserit. Указывается на значеніе имени Агерухи (ἀγερουχία—сила уха, мужество), которое она получила какъ бы по предреченію будущихъ духовныхъ свойствъ ея. Въствѣ съ этимъ. относ. послѣднія слова—nomen asserit—къ обомъ предшествующимъ предложеніямъ, Іеронимъ выражаетъ и ту мысль, что Агерухи при помощи Божїей приобрѣла извѣстность, значимость (nomen) своими добродѣтелями.

помнила мнѣ изъ Евангелія Анну; дочь Фануилеву (Лук. 2, 36). Бейгна, мать, живя вдовою четырнадцатый годъ, окружена ликомъ ста дѣвъ. Сестра Целерина, отца Агерухи, воспитавшаго малютку и принявшаго ее при рожденіи на свои руки, въ теченіе двадцати лѣтъ лишившаяся радости замужества, воспитала внучку, научая ее тому, чему сама научилась отъ матери.

Я мимоходомъ замѣтилъ объ этомъ, желая показать, что моя единобрачная отроковица не превосходитъ этимъ свой родъ, но подражаетъ ему, и не столько достойна похвалы за соблюденіе единобрачія, сколько достойна была бы общаго порицанія, если бы рѣшилась вторично выдти замужъ, особенно когда родившійся по смерти отца Симплицій возстановляетъ отеческое имя и уже не даетъ возможности говорить, что прекратится фамилія и домъ останется безъ наслѣдниковъ. Подъ этимъ предлогомъ нерѣдко укрывается похоть, такъ что допускаемое по невоздержности представляется слѣдствіемъ желанія имѣть дѣтей. Но что я говорю такъ, какъ будто Агерухія колеблется, когда слышу, что она подъ защитою церкви избѣгаетъ многихъ жениховъ придворныхъ, которыхъ диаволь ревностно воспламеняетъ искушать цѣломудріе нашей вдовы, заманчивой для всѣхъ и своею знатностью, и наружностью, и возрастомъ, и богатствомъ?—Въ концѣ концовъ послѣдуетъ только то, что побѣдительница тѣмъ больше получитъ вѣнцовъ, чѣмъ больше искушеній для ея цѣломудрія.

По выходѣ изъ пристани, мнѣ встрѣчается какъ бы нѣкоторая подводная скала, чтобы я на морѣ не могъ чувствовать себя безопаснымъ; именно представляется авторитетъ апостола Павла, который въ посланіи къ Тимофею, разсуждая о вдовахъ, говоритъ: *хощу убо юнымъ вдовицамъ посягати, чада раждати, домъ строити, ни едины же винны даяти противному хулы ради. Се бо нѣкія раз-*

вратилася въ слѣдъ сатаны (1 Тим. 5, 14 и 15). — Поэтому нужно сначала протолковать смыслъ наставленія и разъяснить все содержаніе этого мѣста (контекстъ или связь рѣчи), и такимъ образомъ, слѣдуя стопамъ апостольскимъ, ни на палець, какъ обыкновенно говорятъ, не уклониться въ противную сторону. Выше апостоль изобразилъ, какова должна быть вдова: *жена одному мужу, въ дѣлѣхъ добрыхъ свидѣтельствуема, аще чада воспитала есть, аще скорбныхъ снабоу* (тамъ же 9 и 10), которой надежда— Богъ и которая пребываетъ въ молитвахъ и моленіяхъ день и ночь (тамъ же 5); послѣ этого онъ присоединяетъ и противоположное: *питающаяся же пространно, жива умерла; и, чтобы укрѣпить ученика своего всякимъ родомъ ученія, тотчасъ прибавляетъ: юныхъ же вдовицъ отрицайся: егда бо разсвирѣльютъ о Христвѣ, посягати хотятъ, имущыя грѣхъ, яко первыя впрѣ отвергошася* (тамъ же 11 и 12). Итакъ для тѣхъ, которыя любодѣйствуютъ въ оскорбленіе мужа своего Христа (ибо это означаетъ греческое слово *κατασφραγίσαι*), апостоль разрешаетъ второй бракъ, предпочитая двоеженство любодѣянію, но только по снисхожденію, а не по заповѣди.

Вмѣстѣ съ этимъ нужно объяснить каждое слово свидѣтельства. *Хочу*, говорить, *юнымъ вдовицамъ посягати*. Почему? спрашиваю. — Потому что не хочу, чтобы юныя вдовицы любодѣйствовали. *Чада рождати*: зачѣмъ? — Чтобы опасаясь родить отъ прелюбодѣянія, не вздумали умерщвлять дѣтей. *Домъ строити*: почему? повторяю. — Потому что гораздо извинительнѣе быть двоебрачною, чѣмъ любодѣйцею, и имѣть втораго мужа, чѣмъ многихъ прелюбодѣевъ, ибо въ первомъ случаѣ утѣшеніе въ бѣдствіяхъ, во второмъ наказаніе за грѣхъ. Далѣе слѣдуетъ: *ни едины же винны даяти противному хулы ради*. Въ этомъ краткомъ наставленіи еоединяется много увѣщаній: — чтобы изысканное убранство

не безславило объѣта вдовы; чтобы движеніемъ глазъ и веселостію лица она не увлекала за собою толпу юношей; чтобы не обѣщала того словами, другаго тѣлодвиженіями, дабы не приложился къ ней этотъ народный стихъ:

„Усмѣхнулась и лукавымъ глазомъ что-то обѣщала“.

(Ovid. in Elegiis amatoriis lib 3, Eleg. 22).

Чтобы высказать въ немногихъ словахъ всѣ причины, по коимъ апостоль допускаетъ замужество, онъ говоритъ: *се бо нѣкія развратившиися въ слѣдъ сатаны*. Итакъ для невоздержныхъ онъ допускаетъ второй и, если нужно, третій бракъ для того, чтобы отвлечь ихъ отъ сатаны, чтобы жену привязать лучше хоть къ какому-нибудь мужу, чѣмъ къ дьяволу. И къ Коринѳянамъ онъ говоритъ нѣчто подобное: *глаголю же безбрачнымъ и вдовицамъ, — добро имъ есть, аще пребудутъ, якоже и азъ: аще ли не удержится, да посягаютъ: лучше бо есть женитися, нежели разжизнитися* (1 Кор. 7, 8 и 9). Почему такъ, апостоль? Потому, — тотчасъ же отвѣчаетъ онъ, — что разжизниться хуже.

Съ другой стороны безусловное добро, несравнимое ни съ чѣмъ худшимъ, состоитъ въ томъ, чтобы быть тѣмъ, чѣмъ быть апостоль, т. е. разрѣшеннымъ, а не связаннымъ, не рабомъ, но свободнымъ, помышляющимъ о томъ, яже суть Божія, а не о томъ, что относится до жены. Въ послѣдующихъ за тѣмъ словахъ апостоль прибавляетъ: *жена привязана есть закономъ, въ елико время живетъ мужъ ея; аще же умретъ мужъ ея, свободна есть, за него же хочетъ, посягнути, точію о Господь. Блаженнѣйша же есть, аще тако пребудетъ, по моему совѣту: мнюся бо и азъ Духи Божія имѣти* (тамъ же 39 и 40). И здѣсь тотъ же смыслъ, потому что тотъ же духъ; различны посланія, но одинъ авторъ посланій. При жизни мужа жена связана, а по смерти его свободна. Слѣдовательно бракъ есть узы, а вдовство — разрѣшеніе. Жена съ мужемъ и мужъ

съ женою такъ связаны, что не имѣють власти надъ собственнымъ тѣломъ и обязаны воздавать должное въ отношеніи другъ друга; и тѣ, которые повинуются власти брака, не могутъ имѣть свободы относительно цѣломудрія. А при-совокупляя: — *точію о Господь*, апостольскіе исключаютъ супружества съ язычниками, о чемъ онъ въ другомъ мѣстѣ сказалъ: *не бывайте преложни ко иному ярму невѣрныхъ: кое бо причастіе привдѣ къ беззаконію; или кое общеніе свѣту ко тмѣ; кое же согласіе Христови съ вліаромъ; или кая часть вѣрну съ невѣрнымъ; или кое сложеніе церкви Божіей со идоли* (2 Кор. 6, 14 и слѣд.)? То есть: мы не должны орать на волъ и ослѣ вмѣстѣ (Втор. 22, 10); одежду брачную не должны тнать различнымъ уткомъ. И за тѣмъ тотчасъ устраниаетъ то, что допустилъ и, какъ бы раскаявшись въ своей мысли, повторяетъ предъидущее: *блаженнѣйши же есть, аще тако пребудетъ*; и это высказываетъ какъ свой совѣтъ. Дабы этотъ совѣтъ не остался въ пренебреженіи какъ совѣтъ человѣка, апостольскіе утверждаетъ его авторитетомъ Святаго Духа, чтобы въ этихъ словахъ мы внимали не человѣку, поблажающему слабости человѣческой плоти, но внимали вразумляющему апостола Духу Святому. И вдова молодыхъ лѣтъ не должна находить себѣ оправданіе въ томъ, что онъ предписываетъ избирать вдову не менѣе шестидесяти лѣтъ (1 Тим. 5, 9), ибо тотъ, который и о брачныхъ говоритъ: *время прекращено есть прочее, да имущии жены, якоже не имущии будутъ* (1 Кор. 7, 29), тѣмъ болѣе даже безбрачныхъ или молодыхъ дѣвицъ не принуждаетъ вступать въ бракъ; разсуждая о вдовицахъ, апостольскіе имѣетъ въ виду тѣхъ, которыя имѣють пропитаніе отъ своихъ, которыя находятся на попеченіи дѣтей и внуковъ. Этимъ вдовамъ онъ повелѣваетъ, чтобы они учились домъ свой строить, оказывали благодарность родителямъ и надлежащее почтеніе имъ, дабы

церковь не обременялась и могла помогать вдовамъ истиннымъ, о которыхъ написано: *вдовицы же чти сущіи истинныя вдовицы* (1 Тим. 5, 3), то есть такихъ, которыя лишены всякой помощи со стороны своихъ родственниковъ, которыя не могутъ трудиться своими руками, которыхъ тяготитъ безпомощность и старость, для которыхъ надежда—Богъ и весь трудъ—молитва. Этимъ дается понять, что молодыя вдовицы, за исключеніемъ тѣхъ, которыхъ извиняетъ слабость, предоставляются или своему труду, или поручаются попеченію своихъ дѣтей и родственниковъ. Почтеніе же въ этомъ мѣстѣ понимается или какъ милостыня, или какъ даръ, какъ и въ слѣдующихъ словахъ: *пресвитеры сугубыя чести да сподобляются. паче же труждающіися въ словѣ и ученіи* (1 Тим. 5, 17). И въ Евангеліи, Господь—заповѣдь закона, въ коей говорится: *чти отца твоего и мать твою* (Исх. 20, 21), объясняетъ такъ, что почтеніе это должно состоять не въ звукѣ словъ, который пустою ласкою можетъ обманывать бѣдность родителей, но въ обезпеченіи ихъ жизненныхъ потребностей. Тогда какъ Господь повелѣваетъ, чтобы дѣти питали бѣдныхъ родителей и во время ихъ старости воздавали имъ за благодѣянія, полученныя въ дѣтствѣ, — книжники и фарисеи напротивъ учили дѣтей такъ отвѣчать родителямъ: *корванъ* т. е. *даръ*, который я обѣщаль алтарю и назначилъ въ даръ храму, хотя бы ты не получилъ отъ меня пищи, обратится въ твое утѣшеніе. И такъ дѣлалось съ тою цѣлю, чтобы дѣти, не смотря на нищету отца и матери, приносили жертву, которую потребляли священники и книжники. Итакъ если апостоль понуждаетъ бѣдныхъ вдовъ (впрочемъ такихъ, которыя молоды и не удручены никакою болѣзнію) трудиться своими руками, чтобы церковь не обременялась и могла поддерживать престарѣлыхъ вдовицъ: то какое извиненіе принесетъ та, которая утопаетъ въ богатствахъ міра, которая можетъ даже помогать дру-

гимъ и отъ мамоны неправды приобрѣтать себѣ друзей, чтобы при помощи ихъ войти въ вѣчныя крѣвны? вмѣстѣ съ этимъ разсуди и о томъ, что вдова не избирается, если она не жена одного мужа, и не должно думать, что для священниковъ только обязательно правило, чтобы допускался къ алтарю только тотъ, кто имѣеть одну жену. Ибо двоеженство не только лишаетъ служенія священническаго, но и милостыни церковной, такъ какъ вступившая во второй бракъ считается недостойною пособія. Этимъ закономъ, хотя священническимъ, пусть ограничивается и простой мірянинъ, который долженъ вести себя такъ, чтобы могъ быть избранъ къ священствѣ: ибо двоебрачный не избирается, хотя священники изъ простыхъ мірянъ часто избираются. Итакъ и для мірянъ обязательна та заповѣдь, которою достигается священство.

Одного апостола желаетъ, а другаго вынуждается желать. Онъ допускаетъ второе супружество, въ слѣдствіе моея невоздержности, а не по своему желанію. Онъ хочетъ, чтобы всѣ были такими же, какъ и онъ самъ, помышляли яже суть Божія, и освободившись болѣе не связывались. Но такъ какъ онъ видѣлъ, что слабые по невоздержности впадаютъ въ бездну разврата, то онъ подаетъ руку двоеженству, чтобы уже лучше они имѣли сообщеніе съ одною, чѣмъ со многими. Вступающій во второй бракъ пусть выслушаетъ это не какъ горькій упрекъ, высказанный вопреки заповѣди апостола. Желаніе апостола двояко: одно повелѣваетъ: *глаголю же безбрачнымъ и вдовицамъ: добро имъ есть, аще пребудутъ, якоже и азъ*; другое же только дозволяетъ: *аще ли не удержатся, да посягаютъ: лучше бо есть женитися, нежели расжитися*.—Сначала онъ высказываетъ то, чего желаетъ, потомъ — то, что вынужденъ допустить. Онъ желаетъ, чтобы мы оставались послѣ брака такими же, какъ и онъ самъ, и представляетъ апостольскій

примѣръ совершенства; но такъ какъ онъ видѣлъ, что мы не желаемъ того, чего онъ самъ желаетъ, то оказываетъ снисхожденіе нашему невоздержанію. Что же мы выберемъ,— те-ли, чего онъ наиболѣе хочетъ и что само въ себѣ есть добро, или то, что, по сравненію со зломъ, извинительнѣе и нѣкоторымъ образомъ уже не есть добро, такъ какъ только предпочитается злу? Если мы избираемъ то, чего апостоль не желаетъ, а только вынужденъ желать, даже позволяеть тѣмъ, кои желаютъ худшаго, то мы исполняемъ волю не апостола, но свою. Въ ветхомъ завѣтѣ (Лев. 22; Іез. 44) читаемъ, что единобрачныя дочери священниковъ, если овдовѣютъ, должны питаться отъ содержанія священниковъ, и по смерти ихъ должно совершать такое же поминовеніе по нимъ, какъ по отцу и матери ихъ; а если онѣ поймутъ другихъ мужей, то отчуждаются и отъ отца и отъ жертвенныхъ даровъ и должны считаться между внѣшними.

Къ стыду и осужденію нашему, даже язычество соблюдаетъ это, и истина не представляетъ Христу того, что заблужденіе представляетъ діаволу, который и цѣломудріе обращаетъ на погибель. Иерофантъ ¹⁾ въ Аѳинахъ убиваетъ въ себѣ мужескія пожеланія и при постоянномъ истощеніи дѣлается цѣломудреннымъ. Жрецъ допускается къ священству только при одной женѣ. Въ жрицы избирается только жена одного мужа. Для богослуженія при египетскомъ быкѣ избирается единобрачный. Не говоря о дѣвахъ Весты, Аполлона, Юноны Ахейской, Діаны и Минервы, которыя удаются въ постоянномъ дѣвствѣ священнаго обѣта, я упомяну вкраткѣ о царицѣ карфагенской, которая рѣшилась лучше съечь себя, чѣмъ выйти за царя Гіарба,—о женѣ Газдру-бала, которая, чтобы не потерпѣть оскорбленія цѣломудрію, схвативши въ обѣ руки дѣтей, бросилась въ пламя нарочито

¹⁾ Главный жрецъ.

зажженнаго ею пожара, и наконецъ о Лукреціи, которая, потерявъ славу невинности, не хотѣла пережить своего позора. Не распространяясь о многомъ, что ты можешь заимствовать для своего назиданія изъ первой книги противъ Ювиніана, — повторю только объ одномъ обстоятельстве, случившемся въ твоёмъ отечествѣ, чтобы ты знала, что цѣломудріе уважается даже у варваровъ и у дикихъ и кровожадныхъ народовъ. Тевтонское племя, вышедшее съ отдаленныхъ береговъ океана и изъ Германіи, наводило всѣ Галліи и, не смотря на частыя побѣды надъ римскими войсками, въ битвѣ съ Маріемъ при секетійскихъ водахъ потерпѣло пораженіе. Тридцать благородныхъ женщинъ этого племени, когда узнали, что онѣ въ качествѣ военноплѣнныхъ имѣють быть отданы другимъ мужьямъ, сначала умоляли консула отдать ихъ на служеніе при храмѣ Цереры и Венеры; но не получивъ согласія на эту просьбу и прогнанныя ликторомъ, онѣ умертвили маленькихъ дѣтей, и утромъ найдены были мертвыми, съ иетлями на шеѣ и въ объятіяхъ другъ друга.

Неужели благородная женщина позволить себѣ то, къ чему цѣломудріе варварское не могло быть вынуждено плѣномъ, — и потерявшая перваго хорошаго мужа; или испытавшая худаго, неужели станеть пытаться преступить опредѣленіе Божіе? Если скоро потеряетъ втораго, ужели выйдетъ за третьяго? а если и этотъ умретъ, неужели выйдетъ въ четвертый и пятый разъ, чтобы ничѣмъ не различаться отъ блудницы?—Вдовѣ веѣми мѣрами нужно заботиться о томъ, чтобы не переступить первыхъ предѣловъ цѣломудрія. Если она переступитъ эти предѣлы и нарушитъ скромность благородной матроны, то предастся всякой нечестивой похоти, такъ что къ ней могутъ быть отнесены слова пророка: *лице жены блудницы бысть тебѣ, не хотѣла си постыдѣтися ко всѣмъ* (Іер. 3, 3). Итакъ что же? Я осуждаю

второй брак? Нисколько; я хвалю первый. Отлучаю отъ церкви двоебрачных? Нѣтъ; но призываю однобрачныхъ къ воздержанію. Въ ковчегѣ Ноевомъ были не только чистыя, но и нечистыя животныя. Были въ немъ люди, были и змѣи. Въ большомъ домѣ также находятся различные сосуды; одни въ честь, другіе не въ честь (2 Тим. 2, 20). Есть сосудъ для питья, и есть судно для скрываемыхъ естественныхъ отправленій. Въ Евангеліяхъ говорится, что на доброй землѣ произрастаетъ плодъ во сто, шестьдесятъ и тридцать разъ (Матѳ. 13, 19), — сотый долженъ занимать первое мѣсто, какъ вѣнецъ дѣвства; плодъ въ шестьдесятъ разъ, за подвигъ вдовства, долженъ стоять на второмъ мѣстѣ; плодъ въ тридцать разъ, по самому соединенію пальцевъ ¹⁾, долженъ указывать на союзъ брачный; — какимъ же числомъ опредѣлится плодъ двоеженства — для этого даже нѣтъ числа. Должно быть двоеженство на доброй землѣ не рождается, а только на мѣстахъ тернистыхъ и пустыхъ, составляющихъ убѣжище для ленивъ, которыя сравниваются съ нечестивѣйшимъ Продомъ. Двоеженство можетъ поставить себѣ въ заслугу только то, что вступившая во второй бракъ лучше блудницы, что она стоитъ выше жертвъ публичнаго разврата, что она любодѣйствуетъ съ однимъ, а не со многими.

Я хочу разсказать объ одномъ невѣроятномъ, но подтверждаемомъ многими случаяхъ. Очень давно, когда въ церковной перепискѣ я помогать Дамасу епископу римскому и отвѣчалъ на соборныя совѣщанія востока и запада, я видѣлъ чету двоихъ, стоящихъ одинъ другаго людей изъ самой низкой черни, изъ которыхъ одинъ похоронилъ двадцать женъ,

¹⁾ Указывается на употреблявшійся въ древности счетъ по пальцамъ, при которомъ для обозначенія тридцати указательнымъ пальцемъ обнимали большой палецъ.

а другая имѣла двадцать два мужа; эти-то люди вступили между собою, какъ они думали, въ послѣдній бракъ. Все, мужчины и женщины, съ одинаковымъ нетерпѣніемъ ожидали узнать, кто кого долше выдержитъ послѣ столькихъ перемѣнъ. Побѣдилъ мужъ и, при стеченіи народа со всего города, украшенный вѣнцомъ, держа пальму, при всенародныхъ восклицаніяхъ шелъ впереди погребальныхъ носилокъ своей многомужной жены. Но что сказать такой женщинѣ? Безъ сомнѣнія тоже, что сказалъ Господь самарянкѣ: ты имѣла двадцать два мужа, и тотъ, который теперь погребаетъ тебя, не есть тебѣ мужъ (Іоан. 4).

Итакъ прошу тебя, благочестивая во Христѣ дочь, не обращай вниманія на тѣ доводы, которыми пользуются невоздержные, жалкіе люди; но лучше читай то, чѣмъ украшается цѣломудріе. Довольно съ тебя, что ты потеряла первую ступень дѣвства и чрезъ третью достигла второй, т. е. чрезъ супружескія обязанности достигла воздержанія во вдовствѣ. Не помышляй о дальнѣйшемъ, уже оставленномъ, и не ищи чужихъ и далекихъ примѣровъ. У тебя есть бабка, мать и тетка; многостороннее подражаніе имъ, ихъ наставленія и правила жизни—вотъ для тебя норма добродѣтелей. Ибо если многія въ супружествѣ, и еще при жизни мужей, понимаютъ слова апостола: *все мы лѣтъ сумъ, но не вся на пользу* (1 Кор. 6, 12) и царствія ради небснаго осконяютъ себя, или по взаимному согласію, со времени втораго рожденія послѣ крещенія, или по ревности къ вѣрѣ, возбудившейся послѣ брака; то почему вдова, по опредѣленію Божию лишившаяся мужа, не воскликнетъ съ радостію: *Господь даде, Господь отъятъ* (Іов. 1); и зачѣмъ она будетъ отстранять представившійся случай къ освобожденію, чтобы имѣть власть надъ своимъ тѣломъ и не быть болѣе рабою мужчины? И гораздо труднѣе, конечно, не пользоваться тѣмъ, что имѣешь, чѣмъ желать того, что потеряла. Отсюда и

дѣвство легче въ томъ отношеніи, что не знало возбужденій плоти, а вдовство труднѣе потому, что вызываетъ въ душѣ прежнія похоти,—особенно если вдова думаетъ, что она мужа потеряла, а не перемѣнила на другаго (т. е. лучшаго, небеснаго). Въ первомъ случаѣ она можетъ скорбѣть, а въ послѣднемъ радоваться.

Твореніе перваго человѣка должно научать насъ избѣгать многобрачія. Одинъ Адамъ и одна Ева, даже одно ребро отдѣляется отъ Адама въ жену ему. Далѣе—посредствомъ брака производится совокупленіе во едино того, что было раздѣлено, какъ говоритъ Писаніе: *будетъ два въ плоть едину*—не въ двѣ и не въ три. *Сего ради оставитъ человекъ отца своего и мать и прильзнетъ къ женѣ своей* (Быт. 2, 24)—очевидно не къ женамъ. Изъясняя это мѣсто, Павелъ относитъ его ко Христу и къ церкви (1 Кор. 6, 16 и слѣд.), давая разумѣть, что единобрачны какъ первый Адамъ по плоти, такъ второй—по духу. Какъ одна Ева должна быть матерію всѣхъ живущихъ, такъ и одна церковь должна быть матерію всѣхъ христіанъ. Какъ первую злочестивый Ламехъ раздѣлилъ на двѣ жены, такъ и послѣднюю еретики раздѣляютъ на многія церкви, которыя, по Апокалипсису Іоанна, вѣрнѣе должны быть называемы синагогами діавола (Апок. 2. 9), чѣмъ церквами Христа. Въ книгѣ Пѣсней читаемъ: *шестьдесятъ суть царицъ, и осмьдесятъ наложницъ, и юнотъ, имже нѣтъ числа. Едина есть голубица моя, совершенная моя: едина есть матери своей, избрана есть родившей ю* (Пѣсн. 6). Къ ней-то пишетъ посланіе тотъ же Іоаннъ: *старецъ избранной госпожѣ и чадомъ ея* (2 Іоан. 1). Но и въ ковчегъ, который апостоль Петръ представляетъ образомъ церкви (1 Петр. 3), Пой ввелъ съ тремя сыновьями по одной, а не по двѣ жены cadaго изъ нихъ (Быт. 6). Даже изъ нечистыхъ животныхъ берутся только пара—самецъ и самка, чтобы двособрачіе не имѣло

мѣста даже у звѣрей, змѣй, крокодиловъ и ящериць. А если изъ чистыхъ берется по семи парь, т. е. нечетъ, то и въ этомъ показывается первенство дѣвства и цѣломудрія. Ибо, вышедши изъ ковчега, Ной принесъ Богу жертвы не изъ числа взятыхъ четомъ, а изъ числа взятыхъ нечетомъ, потому что первыя назначались для продолженія рода и сожителства, а послѣднія для жертвоприношенія.

Но патріархи не только имѣли не по одной женѣ, но даже имѣли многихъ наложницъ. И, мало этого, Давидъ имѣлъ ихъ много, а Соломонъ безчисленное множество. Иуда входитъ въ Тамари какъ къ блудницѣ. И, по убивающей буквѣ, Осія пророкъ соединяется не только съ блудницею, но и прелюбодѣйцею (Ос. 1). Но если и намъ дѣйствительно предоставляется неистовствовать въ похоти со всѣми женщинами и, подобно Содому и Гоморрѣ, быть застигнутыми въ послѣдній день продающими и покупающими, женящимися и выдающими замужъ (Матѳ. 24, 28), чтобы брачная жизнь прекратилась лишь съ концемъ жизни, — и если и послѣ потопа и до потопа было въ силѣ сное опродѣленіе: *раститесь и множитесь, и наполните землю* (Быт. 1, 28); то что до этого намъ, коихъ достигли концы вѣковъ, которыми говорится: *время прекращено есть* (1 Кор. 7, 29) и: *уже съкира при корнѣ дерева лежитъ*, которая евангельскою чистотою постѣгаетъ лѣсъ закона и многобрачія? *Время обымати, и время удалятися отъ обыманія* (Евкл. 3, 5). Іереміи передъ плѣномъ запрещается поять жену. Іезекиль въ Вавилонѣ сказалъ: „жена моя умерла и уста мои отверсты“ (Іез. 24, 28). Ни намъревающійся жениться, ни женившійся, въ брачномъ состояніи не могутъ свободно пророчествовать. Въ древности было славою слышать стихи: *сынове твои яко новосажденія масличная окрестъ трапезы твоея; и: узриши сыны сыновъ твоихъ* (Псал. 127). Нынѣ о воздерживающихся отъ брака говорится: *прильпля-*

лїся Господевѣ, единый духъ есть съ Господемъ (1 Кор. 6, 17) и: прильне душа моя по тебѣ: мене же прїятъ десница твоя (Псал. 62, 9). Тогда око за око; теперь ударяющему въ щеку подставляемъ и другую. Въ то время говорилось воителямъ: преполни мечъ по бѣдрѣ твоей, сильне (Псал. 44, 4), а Петръ слышитъ: созврати ножъ твой въ мѣсто его; вси бо прїимшии ножъ, ножемъ погибнуть (Матѣ. 26, 53). Я говорю это, не раздѣляя законъ и Евангеліе, какъ лжемудрствуетъ Марціонъ, но принимая одного и тогоже Бога, Который по различію временъ опредѣляетъ и начало вещей и конецъ; сѣетъ, чтобы пожать; насаждаетъ, чтобы было что посѣчь; полагаетъ основаніе, чтобы завершить зданіе при кончинѣ вѣка. Съ другой стороны, если мы перейдемъ къ тайнамъ и проникнемъ—не по своему произволу, а по изъясненію апостола—къ созерцанію прообразовъ: то узнаемъ, что Агарь и Сарра, или гора Синая и гора Сіонская, означаютъ два завѣта. Лїя съ большими глазами и Рахиль, которую Іаковъ любилъ больше (Быт. 29), означаютъ синагогу и церковь. Отсюда и неплодная сначала Анна—дѣтородіемъ обильнѣе Феннаны (1 Цар. 1). — Впрочемъ и единобрачіе было прежде насъ—у Исаака и Ревекки, которая одна родила по откровенію Господа (Быт. 25, 23). И никакая другая женщина не опредѣлила сама собою воли Божіей ¹⁾. Что сказать о Тамари, которая родила двухъ близнецовъ Зару и Фареса? Въ ихъ рожденіи раздѣленіе преграды раздѣлило два народа, а перевязь червленою нитью уже тогда запятнала совѣсть іудеевъ страданіемъ Христовымъ. А пророческая блудница означаетъ или церковь, собранную изъ язычниковъ, или (что болѣе соотвѣтствуетъ самому контексту) синагогу, первоначально собранную Авра-

¹⁾ Указывается на содѣйствіе Ревекки въ иредвосхищеніи Іаковомъ правъ первородства.

агомъ и Моусеемъ изъ язычниковъ, потомъ послѣ любодѣянія и отверженія Спасителя сидящую долгое время безъ алтаря, священниковъ и пророковъ и домогающуюся общенія съ прежнимъ мужемъ, чтобы, послѣ того какъ войдетъ полное число язычниковъ, получилъ спасеніе и весь Израиль.

Я какъ бы хотѣлъ показать огромныя пространства земель на маленькой дощечкѣ, чтобы перейти къ другимъ вопросамъ. Первый изъ нихъ о совѣтѣ Анны:

Ужель въ одиночествѣ скучно влачишь ты вѣчную юность свою?
 Ужель не узнала ты счастья дѣтей и сладкихъ Венеры даровъ?
 И думаешь, будто объ этомъ заботятся души вль кости умершихъ?

На это коротко отвѣчаетъ ей сама страдавшая:

Сестра! мои слезы тебя поражаютъ. Въ отчаяньѣ я,
 А ты бѣдствія мнѣ накликаешь, врагу ты меня предаешь
 Мнѣ стыдно внѣ брака чистую жизнь
 Посвѣтски вести и слушать такіе совѣты.
 Гдѣ же будетъ та вѣрность, что я обѣщала милому праху Зихея?

(Aeneid. 4).

Ты предлагаешь мнѣ радость брака; я тебѣ противоположу костеръ, мечъ и пожаръ. Въ бракѣ не столько добра, котораго мы ожидаемъ, сколько зла, которое можетъ случиться и котораго должно страшиться. Удовлетворенная похоть всегда оставляетъ послѣ себя раскаяніе, никогда не насыщается и, угасши, снова разжигается. Отъ удовлетворенія она усиливается, но не ослабѣваетъ, и, руководясь инстингтомъ, не повинуется разуму. Ты скажешь: большія имѣнія и распоряженіе хозяйствомъ требуютъ авторитета мужа, т. е. вдовы дома разстраивались, и еслибъ ты сама

не занималась дѣлами вмѣстѣ съ своими служанками, то не могла бѣ управлять своимъ хозяйствомъ. Бабка твоя, мать и тетка неужели не имѣютъ прежняго авторитета и не пользуются бѣльшимъ, чѣмъ ты, почетомъ, когда ихъ уважаютъ и вся провинція и глава церкви? Развѣ воины и путешествующіе не ведутъ своихъ хозяйствъ безъ женъ, развѣ они не приглашаютъ и не приглашаются на обѣды? Какъ будто ты не можешь имѣть слугъ испытанной чести, или отпущенниковъ, на рукахъ которыхъ ты воспитана, которые бы распоряжались въ домъ, несли общественныя повинности, платили подати, которые бы почитали тебя какъ госпожу, любили какъ воспитанницу, уважали какъ святую. Ищи *прежде царствія Божія, и сія вся приложатся* тебѣ (Мат. 6, 33). Если ты заботишься объ одеждѣ, то въ Евангеліи предлагаются въ назиданіе тебѣ лиліи; если о пищѣ, посмотри на птицъ, которыя ни сѣютъ, ни жнутъ, и Отецъ твой небесный питаетъ ихъ. Сколько дѣвицъ и вдовъ безъ всякаго беззавія со стороны молвы управляли своимъ хозяйствомъ!

Опасайся сообщества съ молодыми дѣвицами, не приближайся къ такимъ, для которыхъ апостолъ дозволяетъ второй бракъ, и разбитый корабль держи въ спокойномъ мѣстѣ. Если Тимошею говорится: *юныхъ вдовицъ отрицайся* (Тим. 5, 11) и еще: *люби старицы, якоже матери, юныя, якоже сестры, со всякою чистотою* (3, 2), то почему ты не слушаешь моихъ увѣщаній? Избѣгай лицъ, которыя могутъ быть подозрѣваемы въ дурномъ поведеніи, и пусть не будетъ у тебя на языкѣ уличная поговорка: „для меня довольно моей совѣсти; не забочусь, что говорятъ обо мнѣ люди“. И апостолъ промышлялъ доброе не только предъ Богомъ, но и предъ людьми (Рим. 12), чтобы чрезъ него имя Божіе не хулилось у язычниковъ (тамъ же 2, 24). Онъ, конечно, имѣлъ власть сестру-жену водить, но не хотѣлъ

быть судимъ невѣрною совѣстію; и хотя могъ жить отъ благовѣстія, однако трудился дни и ночи руками своими, чтобы не отяготить кого-либо изъ вѣрующихъ. *Аще, говоритъ онъ, брашно соблазняетъ брата моего, не имамъ ясти мяса во вѣки* (1 Кор. 8, 13). Скажемъ же и мы: если сестра или братъ соблазняетъ не одного или другаго, но всю церковь, то не буду видѣть ни брата, ни сестры. Лучше потерпѣть ущербъ въ хозяйствѣ, чѣмъ потерять спасеніе души. Лучше потерять то, что—хотимъ или не хотимъ—должно погибнуть. Лучше оставить добровольно, чѣмъ потерять, то, вмѣсто чего должно быть оставлено все. Кто изъ насъ, не говорю, локоть—это очень много,—а хотя десятую часть унціи можетъ прибавить къ росту своему? И послѣ этого мы заботимся о томъ, что ѣсть, или во что одѣться? Не будемъ же думать о завтрепнемъ: *довлѣтъ дневи злоба его* (Мат. 4, 34). Іаковъ, убѣгая отъ брата, оставивши большія богатства въ домъ отца, нагой удаляется въ Месопотамію, и представляя намъ примѣръ своего мужества, кладетъ подъ голову камень, видитъ лѣстницу, достигающую до небесъ и Господа, утверждающагося вверху ея, по которой восходили и нисходили ангелы (Быт. 28, 5)—чтобы и грѣшникъ не отчаявался въ своемъ спасеніи, и праведный въ своей добродѣтели не былъ безпеченъ. И не упоминая о многомъ (потому что не время объяснять все въ приведенномъ свидѣтельствѣ),—тотъ, который нѣкогда съ палкою переходилъ Іорданъ, чрезъ двадцать лѣтъ возвращается въ отечество богатымъ господиномъ и очень богатымъ отцомъ, возвращается съ тремя большими стадами. Апостолы, странствуя по всему міру, не имѣли ни мѣди въ поясъ, ни посоха въ рукѣ, ни сапогъ на ногахъ, однако могли сказать: *ничтоже имуще, а вся содѣржаще* (2 Кор. 6, 10). И: золота и серебра нѣтъ у насъ, но, что имѣемъ, даемъ тебѣ: *во имя Іисуса Христа Назорея, востани и*

ходи (Дѣян. 3, 6). Они не были обременены тяжестью богатства, и поэтому-то, стоя съ Илією въ разсѣлинѣ горы, могли пройти чрезъ иглиныя уши и созерцать задняя Господа (3 Цар. 19). А мы снѣдаемся сребролюбіемъ и, разглагольствуя противъ денегъ, набиваемъ пазуху золотомъ, и ничѣмъ не довольствуемся. То, что говорится о мегарянахъ, по справедливости можно отнести къ намъ жалкимъ людямъ: „строить, какъ будто намѣреваются вѣчно жить, и жить, какъ бы на другой день собираются умереть“. И это дѣлаемъ потому, что не вѣруемъ словамъ Господа и потому, что думаемъ, что вожделѣнная для всѣхъ жизнь не граничитъ съ смертію, которой подлежатъ всѣ смертные по закону природы, но обольщаемъ себя надеждою, что жизнь сулитъ намъ еще долгія лѣта. Нѣтъ никого, кто бы былъ такъ слабъ силами и такъ старъ, чтобы не думалъ, что онъ проживетъ еще хоть одинъ годъ. Поэтому, забывъ о своемъ назначеніи, онъ пресмыкается какъ земное животное и, вотъ-вотъ имѣющій умереть, надмѣвается гордостью и въ душѣ владѣетъ небомъ.

Но что я дѣлаю? Разсуждаю о товарахъ послѣ крушенія корабля. Удерживавшій беретъ отъ среды ¹⁾, а мы не разумѣемъ, что приближается антихристъ. *егоже Господь Исусъ убіетъ духомъ устъ своихъ* (2 Сол. 2, 8). *Горе несправдливому и дояциму въ тѣя дни* (Мар. 13, 17 и Лук. 21); а то и другое есть слѣдствіе брака. Изъ настоящихъ бѣдствій упомяну о немногомъ. Если мы немногіе еще до сихъ поръ остаемся, то это не по нашей заслугѣ, а по милосердію Божію. Безчисленные и свирѣпѣйшіе народы заняли всѣ Галліи. О достойная слезъ республика! Все, лежащее

¹⁾ Иеронимъ говорить словами 2 посл. къ Сол. 2, 7, на основаніи которыхъ онъ, какъ и нѣкоторые другіе отцы и учителя церкви, признавали, что по разрушеніи римской имперіи явится антихристъ.

между Альпами и Пиринеями, все, заключающееся между океаномъ и Рейномъ, опустошили враги—Квады, Вандамы, Сарматы, Аланы, Гепиды, Герулы, Саксы, Бургундцы, Алеманы, и Паннонцы. *Ибо и Ассуръ прииде съ ними* (Пе. 82, 9). Когда-то знаменитый городъ Могунтіакъ взятъ и разрушенъ, и въ церкви убито много тысячъ людей. Послѣ продолжительной осады истреблены Вингюны. Главный городъ Ремовъ, Амбіаклы, Аттребиты и стоящій на крайнихъ предѣлахъ человѣческаго обитанія городъ ¹⁾ Морины, Торнакъ, Неметы, Аргенторать перенесены въ Германію. Въ Аквитаніи и въ провинціяхъ: девяти народовъ, ліонской и нарбонской, кромѣ немногихъ городовъ, разрушено все. Извнѣ опустошаетъ эти провинціи мечъ, внутри—голодъ. Не могу безъ слезъ вспомнить о Тулузѣ, которая, благодаря доблестямъ святаго епископа Екзуперія, доселѣ не пала. Испанія вотъ-вотъ погибнетъ, постоянно трепещетъ, вспоминая нашествіе кимбровъ, и то, что другіе вытерпѣли однажды, она постоянно переживаетъ въ страхѣ.

Не говорю о прочемъ, чтобы не показаться отчаявающимся въ милосердіи Божіемъ. Нѣкогда то, что теперь наше, отъ моря Понтійскаго до Юлійскихъ Альповъ, не было нашимъ. Послѣ того какъ непріатели перешли дунайскую границу, въ продолженіе тридцати лѣтъ шла война въ предѣлахъ римской имперіи. Отъ давности высохли слезы. Такъ какъ, кромѣ немногихъ стариковъ, все родились въ рабствѣ, то никто и не желалъ свободы, которой не зналъ. Кто повѣритъ этому? Какая исторія передать достойнымъ словомъ, что Римъ среди своихъ владѣній ведетъ войну не изъ славы, а ради спасенія, и даже не ведетъ войны, а покупаетъ жизнь золотомъ и всею своимъ имѣніемъ? Произошло это

¹⁾ Употребляемъ выраженіе Виргиліи: *extremique hominum Morini*. Aeneid. 1-я.

не по нерадѣнію благочестивѣйшихъ императоровъ ¹⁾, а по злоумышленію полуварварскаго измѣнника, который на наши же деньги вооружилъ противъ насъ враговъ ²⁾. Нѣкогда вѣчнымъ позоромъ покрыла себя римская имперія, когда, во время галльскаго опустошительнаго нашествія, Бреннъ, разбивъ войско при Алліѣ, вступилъ въ Римъ. Римъ не могъ смѣть прежняго безславія до тѣхъ поръ, пока не покорилъ своей власти и Галлію, природную страну галловъ, и Галло-Грецію, въ которой засѣли побѣдители востока и запада. Аннибалъ—эта буря, возставшая отъ предѣловъ Испаніи—опустошивъ Италію, увидѣвъ городъ ³⁾, но не осмѣлился осаждать его. Столь великая слава римскаго имени удержала Пирра, такъ что, истребивъ все, онъ отступилъ, бывъ уже недалеко отъ Рима, и побѣдитель не осмѣливался посмотреть на городъ, извѣстный ему какъ городъ царей. Однако за такую несправедливость (не скажу гордость), которая кончилась благополучно, одинъ ⁴⁾, изъ обоихъ воителей будучи изгнанникомъ въ цѣломъ мірѣ, наконецъ умеръ отъ яда въ Виоиніи, другой ⁵⁾, по возвращеніи въ отечество, умеръ въ своемъ царствѣ, и народы, живущіе въ областяхъ того и другаго, платятъ дань римлянамъ. Теперь, чтобы все кончилось счастливо, кромѣ своего потеряннаго, намъ нечего отнять у побѣжденныхъ враговъ. Вдохновенный поэтъ, описывая могущество города Рима, восклицаетъ: *что довольно, если Римъ мало* ⁶⁾ (Lucan. въ V Pharsal.)? И замѣнялъ бы это другими словами: *что спасется, если погибнетъ Римъ?*

1) Аркадія и Гонерія.

2) Указаніе на Стиликона.

3) Urbem, т. е. Римъ.

4) Ганнибалъ.

5) Пирръ.

6) Quis satis est, si Roma parum est.

Если бы имѣлъ я сотню языковъ и сотню устъ,
Желѣзный голосъ, то и тогда не могъ бы я исчислить
Всѣ муки плѣнныхъ, всѣ имена убитыхъ.

(Virg. Aeneid. 6).

И это самое, о чемъ говорилъ я, (т. е. паденіе Рима) грозитъ какъ говорящимъ, такъ и слушающимъ, такъ что несвободно даже наше сѣтованіе, такъ какъ мы не хотимъ, даже не смѣемъ плакать о своихъ страданіяхъ.]

Скажи же мнѣ, возлюбленная о Христѣ дочь, неужели ты хочешь выйти за мужъ среди такихъ обстоятельствъ? За какого выйдешь ты мужа?—За такого ли, который убѣжитъ, или за такого, который будетъ сражаться? Что слѣдуетъ за тѣмъ или другимъ—ты знаешь. Въмѣсто фесценнинской ¹⁾ пѣсни будетъ рычать тебѣ грубый звукъ военной трубы, такъ что свахи, провожающія тебя, можетъ быть будутъ плакать. Или какими будешь наслаждаться удовольствіями, потерявши доходы съ своихъ имѣній, и видя, какъ угнетенное непріятельскимъ вторженіемъ семейство твое страдаетъ отъ болѣзни и голода? Но нѣтъ, я не хочу думать этого о тебѣ и подозрѣвать что-нибудь дурное относительно той, которая душу свою посвятила Господу. Я говорилъ не столько тебѣ, сколько подъ твоимъ именемъ другимъ, празднымъ болтунямъ и слетницамъ, привитающимъ около домовъ матронъ, *имже богъ чрево, и слава въ студіи ихъ* (Фил. 3), которыя изъ Писанія ничего другаго не знаютъ, кромѣ заповѣди двоебрачія, которыя на чужой кожѣ тѣшатъ свои прихоти, чтобы другихъ видѣть дѣлающими то же, что они сами сдѣлали, и наслаждаться въ обществѣ дурныхъ женщинъ. Когда безстыдство и внушенія ихъ ты уничтожишь изъясненіемъ апостольскихъ мнѣній, то въ назиданіе какъ тебѣ должно жить во вдовствѣ, прочитай книгу къ

¹⁾ Врачная пѣснь.

Евстохій о храненіи дѣвства ¹⁾ и другія книги—къ Фуріѣ ²⁾ и Сальвинѣ ³⁾, изъ коихъ одна сноха бывшаго нѣкогда консуломъ Проба, а другая дочь Гильдона, владѣвшаго Африкою. Эта книга, надписанная къ тебѣ, будетъ носить заглавіе—о единобрачїи.

100. Письмо къ Авиту.

О томъ, чего должно остерегаться въ книгахъ пері архѣ

ГЛАВА I.

Около десяти лѣтъ тому назадъ, святой мужъ Паммахій прислалъ мнѣ чьи-то тетради, въ которыхъ заключались переведенныя, но попорченныя сочиненія Оригена пері архѣ,—усердно прося, чтобы въ латинскомъ переводѣ удержанъ былъ смыслъ греческаго подлинника, и хорошо ли, худо ли говорилъ авторъ, въ томъ и другомъ случаѣ все было переведено на латинскій языкъ безъ предѣлогъ вліянія переводчика. Я сдѣлалъ какъ онъ хотѣлъ, и послалъ ему книги; онъ ужаснулся, когда прочиталъ ихъ, и заперъ въ ящикъ, чтобы онѣ не соблазнили многихъ, если бы были пущены въ обращеніе. Когда одинъ братъ, ревновавшій о Богѣ, а не о знаніи, просилъ его дать ему почитать эти книги, обѣщая скоро возвратитъ ихъ, то (Паммахій), давая книги на короткій срокъ, не могъ заподозрить хитрости. Но получивъ книги для прочтенія, этотъ братъ, призвавъ переписчиковъ, списалъ все сочиненіе, и возвратилъ книги гораздо скорѣе, чѣмъ обѣщалъ, и съ такимъ же безразсудствомъ

¹⁾ См. выше письмо 21. т. 1. стр. 100.

²⁾ См. выше письмо 51 т. 2-й стр. 88.

³⁾ Выше письмо 74 т. 2 стр. 333.

и (сказать умѣреннѣе) неразуміемъ то, что такъ нехорошо похитилъ, онъ еще хуже повѣрилъ другимъ. Такъ какъ большія книги, трактующія о предметахъ таинственныхъ, съ трудомъ могутъ выдержать сокращенія знаками, особенно когда такія книги диктуются урывками и поспѣшно, то и въ этихъ книгахъ все перемѣшано, такъ что во многихъ мѣстахъ нѣтъ ни порядка, ни смысла. Поэтому ты, возлюбленный Авитъ, просишь, чтобы я прислалъ тебѣ экземпляръ, давно переведенный мною и никому другому не переданный, который въ извращенномъ видѣ былъ изданъ въ свѣтъ вышеупомянутымъ братомъ.

Прими же, что ты просилъ, но знай, что въ этихъ книгахъ ты долженъ очень многого отвращаться и, по слову Господа, ходить между скорпіонами и змѣями (Лук. 10). Такъ въ первой же книгѣ написано: что Христосъ Сынъ Божій не рожденъ, но сотворенъ; что Богъ Отецъ, по невидимой природѣ, не можетъ быть видимъ даже Сыномъ; что не истина то, что Сынъ, который есть образъ невидимаго Отца, равенъ Отцу; что нами, которые не можемъ воспринять истину отъ всемогущаго Бога, созерцается истина образная, такъ что слава и величіе большаго (Отца) ощущаются въ Сынѣ какъ бы только въ очертаніяхъ, что Богъ Отецъ есть свѣтъ непостижимый; что Христосъ, по сравненію съ Отцемъ, есть очень малый (*parvulum*) свѣтъ, который для насъ, по нашей немощи, кажется великимъ. Онъ (Оригенъ) представляетъ примѣръ двухъ статуй—большой и сравнительно маленькой,—одна наполняетъ міръ и, по величію своему, какъ бы невидима, другая же доступна взору; первой уподобляется Отецъ, послѣдней Сынъ. Бога Отца называетъ всемогущимъ благомъ и Богомъ совершеннѣйшей благодати; а Сынъ (по его мнѣнію) не есть благо, а нѣкій отблескъ и образъ благодати, такъ что не называется безусловно благимъ, но съ прибавленіемъ—*настуръ добрый* и проч. Утверждаетъ, что

Духъ Святой по достоинству и чести есть третій послѣ Отца и Сына. Сказавши, что не знаетъ, сотворенъ ли Онъ Духъ Святой, или не сотворенъ, въ послѣдствіи авторъ высказалъ свои мысли о Духѣ Святомъ, утверждая, что кромѣ одного Бога Отца нѣтъ ничего несотвореннаго: говоритъ также, что Сынъ меньше Отца потому, что существуетъ отъ Него вторымъ, и что Духъ Святой, низшій Сына, пребываетъ въ нѣкоторыхъ святыхъ, и что, при такомъ порядкѣ, могущество Отца больше могущества Сына и Духа Святаго, и что также могущество Сына больше, чѣмъ Духа Святаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ сила самаго Духа Святаго больше всего остальнаго, что называется святымъ.

И перешедши къ разумнымъ тварямъ и сказавши, что онѣ за ихъ нерадѣніе были низвергнуты въ земныя тѣла, авторъ прибавилъ и слѣдующее: *въ слѣдствіе великаго нерадѣнія и безпечности каждый настолько упадаетъ и теряетъ своего достоинства, что, впадая въ преступленіе, можетъ соединяться съ грубымъ тѣломъ неразумныхъ животныхъ.* И далѣе говоритъ: *на основаніи этихъ соображеній мы думаемъ, что одни по своей воли пребываютъ въ числѣ святыхъ и въ служеніи Богу, а другіе, ниспадая изъ состоянія святости по своей винѣ, доходятъ до такого нерадѣнія, что обращаются даже въ силы противленія.* Также (говоритъ), что начало происходитъ изъ конца и конецъ изъ начала и все такъ перемѣняется, что какъ тотъ, кто теперь человѣкъ, въ другомъ мѣрѣ можетъ сдѣлаться демономъ, такъ и демонъ, если будетъ жить нерадиво, можетъ быть посланъ въ грубѣйшія тѣла, то есть сдѣлается человѣкомъ. И онъ такъ все перемѣшиваетъ, что изъ архангела даетъ возможность сдѣлаться діаволу, и діаволу обратиться въ ангела. *„А тѣ, которые поколебались, но при колебаніи не пали, для управленія руководства и направленія къ лучшему будутъ подчи-*

нены началамъ, властямъ, престоламъ, господствамъ, и можетъ быть изъ нихъ въ одномъ изъ міровъ возникнетъ родъ людей, когда, по Исаии, будетъ новое небо и новая земля (Ис. 65). А тѣ, которые будутъ недостойны чрезъ покаяніе людей возвратиться въ прежнее состояніе, сдѣлаются діаволомъ и ангелами его и злыѣшими демонами, и, по разлнцую заслугъ въ каждомъ мірѣ, получаютъ различныя обязанности“. И самые демоны и властители тмы въ какомъ-нибудь мірѣ, или мірахъ, если захотятъ обратиться къ лучшему, дѣлаются людьми и такимъ образомъ возвращаются къ прежнему началу, но достигаютъ ангельскаго достоинства только чрезъ наказаніе и муку, которыя въ продолжительное или недолгое время они вытерпятъ въ тѣлахъ людей. Далѣе доказыруется, что все разумныя твари могутъ происходить изъ людей, и—неоднажды или мгновенно, по неоднократно, и что мы и ангелы, если будемъ жить нерадиво, сдѣлаемся демонами, и наоборотъ демоны, если захотятъ стяжать добродѣтель, достигаютъ ангельскаго достоинства.

Также (говорить), что тѣлесныя существа совершенно уничтожатся, и безъ сомнѣнія въ концѣ всего, тѣла всѣхъ будутъ или тѣмъ, что теперь эфиръ и небо, или чѣмъ нибудь такимъ, что можно представить еще болѣе тонкаго и чистаго. Если такъ, то ясно, что онъ думаетъ о воскресеніи. Онъ говоритъ также, что солнце, луна и звѣзды суть существа одушевленные, даже—что какъ мы, люди, за свои грѣхи облечены въ сіи грубыя и дебелыя тѣла, такъ и небесныя свѣтила получили такія или иныя тѣла, чтобы свѣтить болѣе или менѣе, и что демоны за большіе грѣхи облечены воздушнымъ тѣломъ, что всякое твореніе, по слову апостола, подчинено суетѣ и будетъ освобождено въ откровеніе сыновъ Божіихъ (Рим. 18, 19—20). А чтобы кто не подумалъ, что я выдумываю отъ себя, приведу его собствен-

пья слова: когда при концѣ и погибели міра, какъ бы изъ нѣкоторыхъ затворовъ и темницъ будутъ выпущены Господомъ души и разумныя твари, то однь изъ нихъ по безпечности выдутъ позднѣе, а другія по своей ревности полетятъ съ быстротою. Итакъ какъ всѣ имѣютъ свободную волю и добровольно могутъ предаваться или добродѣтелямъ или порокамъ; то первыя будутъ въ гораздо худшемъ состояніи, чѣмъ теперь, а послѣднія перейдутъ въ лучшее состояніе, поелику различныя движенія и расположенія воли въ ту или другую сторону получаютъ различныя состоянія, т. е. такъ что будутъ ангелами, людьми, или демонами, и наоборотъ изъ демоновъ людьми или ангелами. И послѣ разнообразныхъ разсужденій о всемъ этомъ, доказывая, что діаволь неспособенъ къ добродѣтели, но еще не хочетъ сдѣлать добродѣтели, въ заключеніе онъ очень пространно разсуждалъ о томъ, что ангель, или душа, или демонъ, которые, по его мнѣнію, имѣютъ одну природу, но различныя воли, за великое нерадѣніе и неразуміе могутъ сдѣлаться скотами и вмѣсто терпѣнія мукъ и пламени огненнаго могутъ пожелать сдѣлаться неразумными животными, жить въ водахъ и моряхъ и принять тѣло того или другаго скота,—такъ что мы должны бояться тѣлъ не только четвероногихъ, но и рыбъ. И наконецъ, чтобы не быть обвиненнымъ въ ученіи Пифагора, который доказываетъ метемψохωσιν (переселеніе душъ), послѣ столь гнуснаго разсужденія, которымъ возмутилъ умъ читателя, онъ говоритъ: *это, подобно съ нашимъ мнѣніемъ, пусть считается не догматами, а вопросами только и предположеніями—чтобы не показалось это совершенно дикимъ.*

ГЛАВА II.

А во второй книгѣ утверждаетъ, что міровъ безчисленное множество, что вопреки Епигуру не одновременно суще-

ствуютъ эти весьма многіе міры и что они не сходны между собою, но что, по окончаніи одного міра, получаетъ начало другой,—что прежде этого нашего міра былъ иной міръ; послѣ его будетъ другой, а послѣ этого еще иной,—и такъ далѣе новые міры одинъ за другимъ. Опъ (Оригенъ) сомнѣвается—будетъ ли одинъ міръ во всѣхъ частяхъ такъ похожъ на другой, что, по видимому, они ни въ чемъ не будутъ между собою различаться,—или никогда одинъ міръ не будетъ совершенно походить на другой до полного безразличія. И скоро послѣ этого (какъ требуетъ самый порядокъ разсужденія) говорить: «если все будетъ жить безъ тѣла, если вся тѣлесная природа упразднится и сотворенная нѣкогда изъ ничего обратится въ ничто, то будетъ время, когда опять будетъ необходимо ея употребленіе». И въ слѣдъ за тѣмъ говорить: „а если, какъ доказано разумомъ и авторитетомъ писаній, *тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе, и смертное сіе облечется въ безсмертіе* (1 Кор. 15), и если поглощена будетъ смерть побѣдою и тлѣніе нетлѣніемъ: то можетъ быть будетъ взята отъ среды всякая тѣлесная природа, въ которой можетъ дѣйствовать одна смерть“. И не много послѣ: „если это не противно вѣрѣ, то можетъ быть мы будемъ жить нѣкогда безъ тѣлъ. Если совершенное покореніе Христу разумѣется внѣ тѣла, а всѣ должны быть покорены Христу, то и мы будемъ безъ тѣлъ, когда будемъ покорены Ему совершенно“. И въ томъ же мѣстѣ: „если всѣ покорены будутъ Богу, то всѣ отложатъ тѣла, и тогда вся природа тѣлесныхъ вещей разрѣшится въ ничто. Если же того потребуетъ необходимость, то она (тѣлесная природа) по причинѣ паденія разумныхъ тварей снова будетъ существовать. Богъ предалъ души на борьбу и подвигъ, чтобы онѣ уразумѣли, что достигли полной и совершенной побѣды не собственною силою, но благодатію Божіею. И поэтому я думаю, что по различію виновности міры бываютъ

различны, и что этимъ опровергаются заблужденія тѣхъ, которые доказываютъ, что міры подобны одинъ другому“. И еще: „итакъ представляется намъ три предположенія о концѣ міра:—которое изъ нихъ истинно и которое лучше, пусть изслѣдуетъ читатель. Или: мы будемъ жить безъ тѣла, такъ какъ будучи покорены Христу, будемъ покорены Богу, и Богъ будетъ всяческая во всѣхъ; или: такъ какъ покоренное Христу съ самимъ Христомъ будетъ покорено Богу и соединится въ одинъ союзъ, то сообразно съ этимъ всякая субстанція обращена будетъ въ лучшее качество и разрешится въ эфиръ, который есть свойство природы наиболѣе чистой и простой; или, наконецъ: та сфера, которую мы выше назвали *ἀπλαγή* ¹⁾ и все, что объемлется ею кругомъ обратится въ ничто; а та сфера, которою объемлется *ἀτιζόνη* ²⁾, назовется землею доброю, а другая сфера, которая вращается около самой нашей земли и называется небомъ, будетъ назначена въ жилище святыхъ“.

Говоря это, не слѣдуетъ ли онъ очевиднѣйшимъ образомъ заблужденіямъ язычниковъ, и не вносить ли въ христіанскую простоту бредни философовъ? Да и въ той же книгѣ: и, «слѣдовательно Богъ невидимъ; а если Онъ невидимъ по природѣ, то не будетъ видѣнъ и для Спасителя». И ниже: «никакая другая душа, сходящая въ человѣческое тѣло, не отображаетъ въ себѣ чистаго и сроднаго подобія прежней печати, кромѣ той, о которой говоритъ Спаситель: *никтоже возметъ душу мою отъ Мене, но Азъ полагаю ю о себѣ* (Іоан. 10)». И въ другомъ мѣстѣ: «поэтому съ величайшею строгостію должно обсудить: души не перестанутъ ли быть душами, когда получать спасеніе и достигнуть блаженной жизни. Ибо, такъ какъ Господь и Спаситель при-

¹⁾ Сфера неподвижныхъ звѣздъ.

²⁾ Сфера планетъ—солнечная.

шелъ взыскать и спасти погибшее (Лук. 19), чтобы оно перестало быть погибшимъ: то и душа, которая погибла и для спасенія коей пришелъ Господь, когда будетъ спасена, то перестанетъ быть душою. Равнымъ образомъ нужно осудить и слѣдующую мысль: какъ погибшее нѣкогда не было погибшимъ, и будетъ время, когда оно не будетъ погибшимъ: такъ и душа хотя нѣкогда была душою, но не настанетъ ли, можетъ быть, время, когда она никакимъ образомъ не будетъ душою»? И послѣ многихъ разсужденій о душѣ присовокупилъ: «οὐδὲ τ. е. умъ вслѣдствіе паденія дѣлается душою, и наоборотъ душа, научившись добродѣтелямъ, сдѣлается умомъ. При изслѣдованіи этого мы можемъ найти подтвержденіе въ душѣ Исава,—что за прежніе грѣхи онъ осужденъ былъ на худшую жизнь. И о небесныхъ тѣлахъ должно полагать, что душа (или какъ бы мы ее ни назвали) солнца получила начало не въ то время, когда сотворенъ былъ міръ, но прежде чѣмъ она вошла въ это свѣтящее и горящее тѣло. Подобнымъ же образомъ мы должны думать и о лунѣ и о звѣздахъ—что онѣ принуждены были подчиниться суетѣ за предшествующія выпы, подчиниться не добровольно, не по своей волѣ, а по волѣ Творца, которыми указаны имъ ихъ чины.

Также огонь геенскій и муки, которыми св. Писаніе угрожаетъ грѣшникамъ, онъ полагаетъ «не въ мученіяхъ, но въ совѣсти грѣшниковъ, когда силою и могуществомъ Божиимъ предъ нашими глазами предстаетъ полное воспоминаніе грѣховъ. Какъ бы изъ нѣкоторыхъ сѣмянъ, оставленныхъ въ душѣ, вырастаетъ цѣлая нива пороковъ, такъ что предъ нашимъ взоромъ рисуется картина всего того, что мы сдѣлали въ жизни гнуснаго или нечестиваго, и умъ, представляя прежнія похоти, казнится огнемъ совѣсти и пронзается стрѣлами раскаянія». И еще: «дебелое и земное тѣло сіе подлинно должно быть названо мракомъ и тьмою; по-

чему, по разрушеніи сего міра, когда нужно будетъ перейти въ другой міръ, оно опять получитъ задатки къ возрожденію». Говоря это, онъ, очевидно, защищаетъ метемψυχωσις (переселеніе душъ) Протагора и Платона. И въ концѣ второй книги, разсуждая о нашемъ совершенствѣ, прибавилъ: «и когда мы усовершенствуемся настолько, что сдѣлаемся не плетію и тѣлами, даже можетъ быть и не душами, но умомъ и чувствомъ, постоянно усовершенующимся и не омрачаемымъ никакимъ облакомъ тревоженій, тогда будемъ созерцать умныя и разумныя субстанціи лицомъ къ лицу».

ГЛАВА III.

Въ третьей книгѣ содержатся слѣдующія заблужденія: «если однажды мы приняли, что за прежнія дѣла одинъ сосудъ творится въ честь, другой не въ честь, то почему же намъ не проникнуть въ сокровенныя тайны души и не вывести заключенія, что она со временъ отдаленныхъ проявляла дѣятельность, за которую въ одномъ была возлюблена, въ другомъ возненавидима (Мал. 1, 2), такъ что прежде чѣмъ въ тѣлѣ Іакова преодолѣла брата, уже придержалась за пятю Исава» (Быт. 25, 26). И еще: «что одиѣ души бываютъ въ честь, другія не въ честь. то это слѣдствіе предшествующихъ заслугъ или преступленій ихъ». И въ томъ же тѣствѣ: «по нашему мнѣнію, сообразно съ предшествующими заслугами, сосудъ, сотворенный въ честь, если сдѣлаемъ дѣло недостойное своего имени, въ другомъ вѣкѣ будетъ сосудомъ безчестія; и наоборотъ тотъ сосудъ, который за прежнія преступленія получилъ назначеніе низкое, если въ настоящей жизни захочетъ исправиться, въ новомъ твореніи будетъ сосудомъ освященнымъ, благоутробнымъ Господу и уготованнымъ на всякое дѣло благое». За тѣмъ присовокупляетъ: «я думаю, что нѣкоторые люди, начиная

съ малыхъ пороковъ, могутъ дойти до такого нечестія (если только не захотятъ обратиться къ лучшему и раскаяніемъ загладить грѣхи), что сдѣлаются даже противными силами; и наоборотъ изъ враждебныхъ и противныхъ силъ нѣкоторые въ продолженіе долгаго времени настолько успѣвають уврачевать свои раны и обуздываютъ порабощавшія ихъ похоти, что переходятъ въ мѣсто избранныхъ. Мы очень часто говорили, что въ безконечныхъ и непрерывно продолжающихся мірахъ, въ которыхъ душа существуетъ и живетъ, нѣкоторыя изъ нихъ (душъ) такъ низко падаютъ, что доходятъ до крайней степени нечестія, и нѣкоторыя такъ успѣвають, что съ послѣдней степени нечестія достигаютъ полной и совершенной добродѣтели». Этими словами онъ усиливается доказать, что люди т. е. души могутъ сдѣлаться демонами, и наоборотъ демоны могутъ возвратиться въ ангельское достоинство». И въ той же книгѣ: „но и о томъ нужно размыслить, почему душа человѣческая то отъ тѣхъ, то отъ другихъ добродѣтелей уклоняется въ противоположную сторону“. Онъ думаетъ, что заслуги нѣкоторыхъ людей предшествовали ихъ соединенію съ тѣлами, какъ показываетъ это примѣръ Іоанна, взывавшаго во чревѣ матери своей, тогда какъ Елисавета въ отвѣтъ на привѣтствіе Маріи, признаетъ себя недостойною собесѣдованія съ Нею. За тѣмъ прибавляетъ: „напротивъ даже дѣти, и почти грудные младенцы, бывають исполнены злыхъ духовъ и отъ нихъ получаютъ вдохновенія предсказателей и гадателей, такъ что Писійскій демонъ овладѣваетъ нѣкоторыми съ дѣтства; но что они оставлены промысломъ Божиимъ, когда ничего такого не сдѣлали, за что бы могли терпѣть такую несправедливость,—такъ думать не свойственно тому, кто вѣритъ, что ничто не совершается безъ воли Божіей, и все управляется Его правдою“.

И снова о мірѣ говоритъ: „намъ кажется, что и прежде

этого міра былъ другой міръ, а послѣ этого будетъ иной. Хочешь ли убѣдиться, что послѣ разрушенія сего міра будетъ другой?—слушай Исаію, который говоритъ: *небо ново и земля нова, яже Азъ творю, пребываютъ предо Мною* (Ис. 66, 21). Хочешь ли знать, что прежде образованія этого міра, существовали другіе міры?—Послушай Екклесіаста: *что было, тожде есть: еже будетъ: и что было сотворенное, тожде иматъ сотворитися: и ничтоже ново подъ солнцемъ, иже возглаголетъ и речетъ: се сіе ново есть, уже бысть въ вѣцѣхъ бывшихъ прежде насъ* (Екк. 1, 9 и 10). Это свидѣтельство показываетъ, что міры не только были, но и будутъ, что не вмѣстѣ будутъ существовать и не всё одинаково, но одинъ послѣ другаго“; и за тѣмъ прибавляетъ: „я думаю, что жилище божества и истинный покой должно признавать на небесахъ; здѣсь въ Богѣ разумныя твари наслаждались нѣкогда блаженствомъ, прежде чѣмъ сошли на низшія ступени, изъ области невидимаго перешли въ область видимаго, и, ниспавши на землю, облеклись грубыми тѣлами. Поэтому-то Творецъ Богъ сотворилъ имъ тѣла, сообразныя съ ихъ низшими мѣстами, и устроилъ этотъ видимый міръ; и для спасенія и исправленія падшихъ, послалъ въ міръ служителей съ тѣмъ, чтобы одни изъ нихъ постоянно занимали извѣстные мѣста и служили потребностямъ міра, а другіе вмѣненные имъ обязанности рачительнымъ умомъ исполняли въ нѣкоторыя особыя времена, о коихъ вѣдасть Создатель Богъ. Изъ числа первыхъ высшія мѣста міра заняли солнце, луна и звѣзды, которыя апостоль называетъ тварію. Эта тварь подчинена суетѣ (Рим. 8) тѣмъ, что облечена грубыми тѣлами и подлежитъ зрѣнію. Однакожъ недобровольно она подчинена суетѣ, но по волѣ того, который подчинилъ ее въ надеждѣ“. Равнымъ образомъ: „а другіе (служители) назначены для управленія міромъ въ особыхъ мѣстахъ и въ особыя времена, которыя вѣдасть одинъ Соз-

датель; мы вѣруемъ, что они ангелы“. И немного послѣ: „этимъ порядкомъ дѣло всего міра управляетъ провидѣніе: однѣ силы ниспадають съ высшихъ степеней, другія мало по малу падають на земли; однѣ ниспадають добровольно, а другія ниспадаются насильно; однѣ добровольно принимаютъ назначенія, чтобы подавать помощь подающимъ, другіе противъ воли принуждаются оставаться очень долгое время въ принятомъ служеніи“. И еще: „изъ этого слѣдуетъ, что въ слѣдствіе различныхъ движеній воли творятся и различные міры, и послѣ этого міра, въ которомъ мы живемъ, будетъ другой во многомъ не похожій на этотъ. При различныхъ паденіяхъ и преуспѣяніяхъ, никто другой не можетъ опредѣлять награды за добродѣтели, или наказанія за пороки, ни распредѣлять возмездіе въ настоящее и въ будущее; и во всѣ прежнія и послѣдующія времена, и направлять все къ одному концу,—кромѣ Одного Творца всѣхъ Бога, который вѣдаетъ причины, по которымъ позволяетъ однимъ руководиться собственною волею и мало по малу отъ высшихъ степеней ниспадать до низшихъ, другихъ начинаетъ охранять и постепенно, какъ бы простерши руку, возводитъ въ прежнее состояніе и поставляетъ на высокихъ степеняхъ“.

Начавши же разсуждать о концѣ (міра), говорили: «поелику (какъ мы уже часто говорили) изъ конца опять происходитъ начало, то спрашивается,—будутъ ли тѣла и тогда, или нѣкогда нужно будетъ жить безъ тѣлъ, когда они будутъ обращены въ ничто,—и должно ли вѣрить, что жизнь безплотныхъ безплотна, какъ жизнь Божія? Нѣтъ сомнѣнія; поелику, если всѣ тѣла, которыя апостоль называетъ видимыми (Рим.), принадлежитъ этому чувственному міру, то жизнь безплотныхъ будетъ безплотна». И немного ниже: «и то, что говоритъ тотъ же апостоль: *и сами тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Рим. 8, 21) мы понимаемъ такъ, что первая тварь

есть тварь существъ разумныхъ и безплотныхъ, которая не рабствуетъ тлѣнію, потому что не облечена тѣлами, а вездѣ, гдѣ тѣла, тотчасъ слѣдуетъ истлѣніе. Впослѣдствіи же она освободится отъ рабства истлѣнію, когда сыны Божіи воспримутъ славу и Богъ будетъ всяческая во всѣхъ». И въ томъ же мѣстѣ; «а чтобы мы вѣрили, что конецъ всѣхъ вещей невещественный, въ этомъ убѣждаетъ насъ та рѣчь Спасителя, въ которой Онъ говоритъ: *якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ во Тебѣ, да и тѣи во насъ едино будутъ* (Іоан. 17, 21). Мы должны опредѣлить, что есть Богъ и что есть имѣющій придти въ послѣдокъ Спаситель, и какимъ образомъ обѣтовано для святыхъ уподобленіе Отцу и Сыну, такъ что какъ сіи (Отецъ и Сынъ) въ себѣ едино суть, такъ и тѣ въ нихъ едино суть. Должно принять или то, что Богъ облачается тѣломъ всего сущаго, и какъ мы тѣлами, такъ и Онъ облеченъ какою либо матеріею, — принять, чтобы при концѣ (міра) могло быть примѣнено ко святымъ уподобленіе жизни Божіей; или, если это несообразно, въ особенности въ глазахъ тѣхъ, которые хотятъ (въ такомъ случаѣ) ощущать величіе Божіе даже въ безконечно малой части (міра) и признаютъ въ мірѣ силу естественной и все производящей природы: то остается принять одно изъ двухъ: — или не надѣяться на уподобленіе Богу, если всегда мы будемъ имѣть тѣже тѣла, — или, если обѣщается намъ блаженство въ одинаковой съ Богомъ жизни, признать, что будемъ жить въ тѣхъ же условіяхъ, въ коихъ живетъ Богъ.

Изъ всего этого ясно открывается, что онъ думаетъ о воскресеніи, — видно, что онъ утверждаетъ, что всѣ тѣла уничтожатся, такъ что мы будемъ безъ тѣлъ, какъ были прежде до облеченія грубыми тѣлами. И опять разсуждая о различіи міровъ и утверждая, что или изъ ангеловъ будутъ демоны, или изъ демоновъ ангелы, или люди, и наоборотъ — изъ людей демоны и все изъ всѣхъ, — мнѣніе свое заклю-

часть такъ: «нѣтъ сомнѣнія, что по истеченіи нѣсколькихъ періодовъ времени опять будетъ существовать матерія, будутъ тѣла и будетъ устроено разнообразіе міра по причинѣ различія расположеній воли разумныхъ тварей, которыя послѣ совершеннаго блаженства, къ концу всѣхъ вещей мало по малу ниспадня на низшія степени, дойдуть до такого нечестія, что обратятся въ противныя силы поелику не захотятъ сохранить достоинство и обладать ненарушаемымъ блаженствомъ. Нельзя отрицать и того, что многія разумныя твари сохранять достоинство при второмъ, третьемъ и четвертомъ мірѣ, и не измѣнятся; другіе такъ мало потеряютъ отъ прежняго своего состоянія, что будутъ казаться ничего не потерявшими, а нѣкоторые съ великимъ паденіемъ низринуты будутъ въ послѣднюю бездну. Владыка всего Богъ въ устроеніи міровъ умѣетъ давать каждому по заслугамъ, и Ему видимы пути и начала, коими поддерживается и устроится управленіе міра, — такъ что нечестіемъ превзошедшій всѣхъ и почти сравнявшійся съ землею, въ другомъ мірѣ, который будетъ образованъ въ послѣдствіи, будетъ діаволомъ, началомъ противленія Господу, такъ что посмѣются ему ангелы, несохранившіе прежняго достоинства». Этими словами что другое усиливается доказать, какъ не то, что грѣшники сего міра въ другомъ мірѣ могутъ быть діаволомъ и демонами, и что наоборотъ теперешніе демоны въ другомъ мірѣ могутъ сдѣлаться ангелами, или людьми? И послѣ этого длиннаго разсужденія, въ которотъ говоритъ, что всякая тѣлесная тварь измѣнится въ духовныя и легкія тѣла, и все существующее обратится въ одно чистѣйшее тѣло, яенѣйшее всякаго свѣта, и такое, какое только теперь умъ человѣчскій можетъ представить, наконецъ говоритъ: *и будетъ Богъ вслчскія во всѣхъ*, такъ что всякая тѣлесная природа обратится въ ту субстанцію, которая лучше всѣхъ, т. е. въ божественную, лучше которой нѣтъ никакой“.

ГЛАВА IV.

И въ четвертой книгѣ — послѣдней книгѣ его сочиненія — онъ между прочимъ высказываетъ слѣдующее, что должно быть осуждено церковію Христовою: „и можетъ быть, какъ тѣ, которые умираютъ, при разлученіи души и тѣла въ этомъ мірѣ, по различію дѣлъ получаютъ въ аду различныя мѣста, такъ и тѣ, которые умираютъ (такъ сказать) въ области небеснаго Іерусалима, ниспадають въ адъ нашего міра, такъ что по качеству заслугъ получаютъ на землѣ различныя мѣста“. И еще: „и поелику души, сходящія въ адъ изъ этого міра, мы сравнили съ тѣми душами, которыя какъ бы умираютъ, ниспадая съ высшаго неба въ наши юдоли; то нужно тщательно изслѣдовать:—можемъ ли мы сказать этоже самое и о происхожденіи душъ,—что какъ души, родившіяся на этой нашей землѣ, или, совершенствуясь, восходятъ на высшія ступени изъ ада и принимаютъ человѣческое тѣло, или изъ мѣстъ лучшихъ ниспадаютъ даже до насъ, такъ и превыспреннія мѣста на тверди занимають однѣ души, — тѣ, которыя изъ нашихъ жилищъ достигли лучшихъ; другія же души,—тѣ, которыя отъ небесныхъ областей ниспали до тверди, — не настолькоъ согрѣшили, чтобы быть осужденными въ мѣста занимаемая нами“. Этими словами онъ усиливается доказать, что и твердь, т. е. небо, по сравненію съ высшимъ небомъ есть адъ, и что эта земля, на которой мы живемъ, по сравненію съ твердостью, можетъ быть названа адомъ, и опять, по сравненію съ адомъ, который подъ нами, мѣста, занимаемая нами, могутъ быть названы небомъ, такъ что то, что для однихъ адъ, для другихъ небо. И не довольствуясь такимъ разсужденіемъ, говоритъ: „при концѣ всѣхъ вещей, когда мы возвратимся въ небесный Іерусалимъ, противныя силы возстанутъ войною противъ народа Божія, чтобы сила людей Бо-

жнихъ не осталась въ бездѣйствіи, но развивалась въ борьбѣ и чтобы для этой силы была цѣль, которой они не могли бы достигнуть, если бы прежде этого мужественно не противостояли своимъ врагамъ“, о коихъ въ книгѣ Чисель мы читаемъ, что они побѣждены и численностію, и стройностію и искусствомъ въ отраженіи (Числ. 10, 26. 33).

И сказавши, по апокалипису Іоанна (Апок. 4, 6), что вѣчное, т. е. имѣющее быть на небесахъ, Евангеліе настолько превосходить это наше Евангеліе, насколько проповѣдь Христова священнодѣйствія ветхаго завѣта, наконецъ прибавилъ (о чемъ и помыслить святотатственно), что для спасенія демоновъ Христосъ пострадаетъ и въ воздухѣ (т. е. тверди) и въ превыспренныхъ областяхъ. И хотя онъ не высказалъ, но понятно вытекающее изъ этого: какъ для людей Онъ сдѣлался человѣкомъ, чтобы освободить людей, такъ и для спасенія демоновъ Богъ сдѣлается тѣмъ, что и тѣ, для освобожденія которыхъ Онъ придетъ. А чтобы не подумали, что я говорю это отъ себя, нужно привести слова его самого: „ибо какъ сѣнію Евангелія Онъ исполнилъ сѣнь закона, такъ поелику всякій законъ есть образъ и сѣнь священнодѣйствій небесныхъ (*sacramentorum coelestium*), то должно наиболѣе тщательно размыслить, справедливо ли мы признаемъ, что и небесный законъ и священнодѣйствія высшей религіи не имѣютъ совершенной полноты ¹⁾; но нужна еще истина Евангелія, называемаго въ апокалиписѣ Іоанна Евангеліемъ вѣчнымъ, то есть по сравненію съ симъ нашимъ Евангеліемъ, которое временно, и проповѣдано въ этомъ преходящемъ мірѣ и вѣкѣ. И если мы захотимъ приложить изслѣдованіе даже къ страданію Господа Спасителя, то хотя дерзко и безразсудно признавать, что и на небѣ

¹⁾ *Sacramentis superni cultus plenitudinem non habere*, т. е., не имѣютъ безусловнаго совершенства.

Онъ страдалъ, но если на небесахъ есть духовныя выраженія нечестія, и если мы ради разрѣшенія отъ того, что Господь уничтожилъ своимъ страданіемъ, не стыдимся исповѣдывать крестъ Его: то почему бы намъ бояться предположить нѣчто подобное въ концѣ вѣковъ и въ высшихъ мѣстахъ,—чтобы обитатели всѣхъ мѣстъ были спасены Его страданіемъ“?

И снова богохульствуя, такъ сказалъ о Сынѣ: „если Сынъ знаетъ Отца, то въ томъ, что Онъ знаетъ Отца, по видимому заключается мысль, что онъ можетъ обнимать его, такъ какъ бы мы сказали, что духъ художника знаетъ достоинство художественнаго произведенія. И нѣтъ сомнѣнія, что если Отецъ въ Сынѣ, то и обнимается тѣмъ, въ которомъ существуетъ. Если же мы обниманіемъ называемъ такое отношеніе, когда кто обнимаетъ не только умомъ и мудростію, но содержитъ и своею властію и силою: то не можемъ сказать, что Сынъ обнимаетъ Отца; а Отецъ обнимаетъ все, и такъ какъ въ понятіи всего находится и Сынъ, то слѣдовательно обнимаетъ и Сына“. И чтобы мы знали причины, по коимъ Отецъ обнимаетъ Сына, а Сынъ не можетъ обнять Отца, прибавляетъ слѣдующія слова: „любознательный читатель пусть размыслить, такъ ли Отецъ знаетъ самого себя, какъ познается Сыномъ; помня нанизанное: *Отецъ мой болѣе мене есть* (Іоан. 14, 28), онъ долженъ согласиться, что справедливо сказать, что Отецъ и въ познаніи больше Сына, такъ какъ самимъ собою онъ познается совершеннѣе и чище, чѣмъ познается Сыномъ“.

Это опять приводитъ его къ мысли о переселеніи душъ и уничтоженіи тѣлъ. „Если бы ктонибудь (говорить онъ) могъ доказать, что безтѣлесная и разумная природа, когда сброситъ съ себя тѣло, живетъ сама собою, и когда облекается тѣлами, то находится въ худшемъ состояніи, а когда оныя сбрасываетъ, то въ лучшемъ: то никто не сомнѣвался

бы, что тѣла не отъ начала существуютъ, а возникаютъ въ послѣдствіи времени и по причинѣ различныхъ переворотовъ въ разумныхъ тваряхъ, такъ что облекаются ими (тѣлами) тѣ, которые должны облечься ими, и снова когда отъ униженія и паденій они исправятся къ лучшему, то тѣла превращаются въ ничто, и такимъ образомъ измѣняются въ постоянномъ превращеніи“. А чтобы все вышеизложенное мы не считали маловажнымъ заблужденіемъ, въ концѣ той же книжки онъ прибавляетъ, что все разумныя твари, т. е. Отецъ, Сынъ и Духъ Святой, ангелы, начала, господства и прочія силы и самый человѣкъ по достоинству души—одной природы (substantiae). „Умную и разумную природу, говоритъ онъ, ощущаетъ Богъ, и Единородный Сынъ Его и Духъ Святой, ощущаютъ ангелы и начала и прочія силы, ощущаетъ и внутренній человѣкъ, который сотворенъ по образу и подобію Божію. Изъ этого слѣдуетъ, что Богъ и сіи (разумныя твари) суть какъ бы одной природы (substantiae)“. Онъ прибавляетъ одно слово *какъ бы*, чтобы избѣжать обвиненія въ столь великомъ богохульствѣ, и онъ, который въ другомъ мѣстѣ не хочетъ признать Сына и Духа Святаго отъ существа Отца (de Patris esse substantia), чтобы не показаться разсѣкающимъ божество на части, усволяетъ природу Всемогущаго Бога ангеламъ и людямъ.

Если такъ, то какое безуміе, измѣнивши немного о Сынѣ и Духѣ Святомъ, что содержитъ явное богохульство, все прочее обнародовать въ томъ видѣ, какъ написано, и восхвалять нечестивыми устами,—когда и то и другое, безъ сомнѣнія, вышло изъ одного источника нечестія! Писать противъ всего этого теперь не время, и всѣхъ писавшихъ противъ Арія, Евномія, манихеевъ и различныхъ ересей должно признавать обличителями и этихъ нечестивыхъ мнѣній. Итакъ, кто пожелаетъ читать эти книги и съ обувными ногами идти въ землю обѣтованія, чтобы гдѣ нибудь

не быть уязвленнымъ змѣями и не получить острой раны отъ скорпіона, пусть сначала прочтетъ эту книгу, и прежде чѣмъ отправится въ путь, узнать, чего ему должно остерегаться.

101. Письмо къ Рустичу монаху.

Нѣтъ ничего счастливѣе христіанина, потому что ему обѣщано царствіе небесное; нѣтъ ничего многострадальнѣе, потому что онъ ежедневно сокрушается о жизни своей, нѣтъ ничего сильнѣе, потому что онъ побѣждаетъ діавола, и нѣтъ ничего слабѣе, потому что онъ побѣждается плотію. На все это есть множество примѣровъ. Разбойникъ на крестѣ вѣруетъ, и тотчасъ удостоивается услышать: *аминь глаголю тебѣ: днесъ со мною будеши въ раи* (Лук. 23, 43). Иуда изъ апостольскаго служенія низвергается въ адъ погибели, и ни дружественнымъ обращеніемъ, ни предугазаніемъ куска хлѣба, ни ласкою лобзанія не удерживается отъ преданія, какъ человѣка, того, котораго онъ зналъ за Сына Божія. Что презрѣннѣе самарянки? Однакожь она не только сама увѣровала и послѣ шести мужей обрѣла одного—Господа и у источника признала Мессіею, котораго народъ не узнавалъ въ храмѣ іудейскомъ, но и была виновницею спасенія многихъ и, въ то время какъ апостолы покупаютъ пищу, она насыщаетъ алчущаго и покоитъ усталаго (Іоан. 4). Кто мудрѣе Соломона? И однакожь въ любострастіи съ женщинами онъ теряетъ разумъ (3 Цар. 11, 1). Добро соль, и никакая жертва не приносится безъ окропленія ею (Лев. 2). Поэтому и апостоль повелѣваетъ: *слово ваше да бываетъ всегда во благодати, солию растворено* (Кол. 4, 6). Если она обуяетъ, то выбрасывается вонъ (Мар. 8) и теряетъ свою силу настолько, что становится бесполезною даже въ уметахъ, которыми вѣрующіе обыкновенно удобряютъ поля

и утучняютъ безплодную почву душъ. Я сказалъ это, сынъ мой Рустикъ, для того, чтобы съ самаго начала научить тебя предпринимать великое и стремиться къ высшему и, попирая влеченія юности и незрѣлаго возраста, восходить въ мѣру сввершеннаго возраста, но вмѣстѣ съ тѣмъ—чтобы показать, что путь, на который ты вступаешь, скользокъ, и что здѣсь получается не столько славы послѣ побѣды, сколько безславія послѣ паденія.

Мнѣ не нужно теперь проводить потокъ чрезъ поля добродѣтелей, не нужно трудиться, чтобы показывать тебѣ красоту различныхъ цвѣтовъ:—сколько лиліи имѣютъ въ себѣ чистоты, какою роза обладаетъ стыдливостію, сколько обѣщаетъ въ царствіи небесномъ пурпуръ фіалки, какія обѣтованія заключаетъ живописный видъ красноватыхъ распускающихся почекъ. Ты, по милости Господа, уже держишься за рукоять плуга. Ты уже взошелъ съ апостоломъ Петромъ на кровлю и въ горницу,—съ Петромъ, который не находя пищи въ іудеяхъ, насыщается вѣрою Корнилія и голодъ невѣрія ихъ (іудеевъ) утоляетъ обращеніемъ язычниковъ, и въ четырехъ-угольномъ сосудѣ Евангелій, сошедшемъ съ неба на землю, получаетъ вразумленіе и научается, что всѣ люди могутъ спастись. Видѣнное снова возносится въ горня въ образѣ бѣлѣйшаго полотна, и потому вѣрующихъ восхищаетъ отъ земли на небо, во исполненіе обѣтованія Господня: *блаженни чистиі сердцемъ, яко тѣмъ Бога узрятъ* (Мат. 5, 8). Все, что я, взявъ тебя за руку, желаю внушить тебѣ, все, чѣмъ стараюсь при твоей неопытности, какъ опытный послѣ многихъ кораблекрушеній кормчій, сдѣлать тебя побѣдителемъ—это то, чтобы ты зналъ, на какомъ берегу находятся пираты цѣломудрія; гдѣ Харибда и корень всѣхъ золъ сребролюбіе; гдѣ лають собаки Сциллы, о которыхъ говоритъ апостолъ: еще другъ друга угрызаете и снѣдаете, блюдитесь да не другъ отъ друга истреблены будете (Гал.

5, 15); какимъ образомъ мы иногда, находясь въ безопасности, среди тишины обуреваемы ливійскими и сиртійскими песками пороковъ; какихъ ядовитыхъ животныхъ питаетъ пустыня сего міра.

Плавающіе по Черному морю (намъ должно желать, чтобы утопалъ въ немъ истинный Фараонъ со все́мъ воинствомъ) съ величайшими затрудненіями и опасностями достигаютъ города Авксумы¹⁾. По обоимъ берегамъ моря обитаютъ кочевые народы—самые дикіе звѣри. Всегда безпкойные, всегда вооруженные, они возятъ съ собою съѣстные припасы на цѣлый годъ. Вездѣ такъ много опасныхъ подводныхъ камней и мелей, что и опытный кормчій долженъ сидѣть на высокой перекладинѣ мачты и оттуда давать приказаніе, какъ нужно направлять и проводить корабль. То счастливый переѣздъ, если чрезъ шесть мѣсяцевъ достигаютъ пристани вышеупомянутаго города, отъ котораго начинается открываться океанъ, по которому едва въ теченіе года постоянного плаванія достигаютъ Индіи и рѣки Ганга (упоминаемаго въ св. Писаніи подъ именемъ Пизона), которая обтекаетъ всю землю Евилâ и изъ райскаго источника, говорятъ, несетъ краски различныхъ родовъ. Тамъ родится алмазь и смарагдъ, блестящія жемчужины и перлы, которыми разжигается честолюбіе знатныхъ женщинъ; тамъ и золотыя горы. Чтобы показать, какихъ стражей имѣетъ богатство, говорятъ, что къ этимъ горамъ невозможно приступить по причинѣ грифовъ, драконовъ и чудовищъ огромнѣйшихъ размѣровъ.

Чтоже изъ этого? Очевидно, если купцы вѣка сего переносятъ все это, чтобы достигнуть невѣрнаго и гибнущаго богатства и чтобы съ опасностію для души сохранить пріобрѣтенное со многими опасностями; то что долженъ дѣлать

¹⁾ Авксумы—городъ въ Абиссиніи, бывшій въ древности столицею этой страны.

куплю дѣющій о Христѣ,—тотъ, который, продавши все, ищетъ драгоценнѣйшей жемчужины, который всѣмъ имѣніемъ существа своего покупаетъ поле, чтобы найти въ немъ сокровище, котораго бы ни воръ не могъ подкопать, ни разбойникъ украсть?

Я знаю, что оскорблю очень многихъ, которые общее разсужденіе о порокахъ принимаетъ за личный упрекъ; но, гнѣвась на меня, они раскрываютъ свою совѣсть и гораздо хуже думаютъ о себѣ, чѣмъ обо мнѣ. Я не назову никого, не выставлю и не буду бранить извѣстныхъ лицъ, какъ это дозволялось въ древней комедіи. Благоразумный мужъ и благоразумныя женщины должны скрывать и даже исправлять то, что замѣчаютъ въ себѣ (худаго), негодовать больше на себя, чѣмъ на меня, и не осыпать бранью наставника, который хотя бы и былъ зараженъ тѣми же пороками, но, конечно, лучше уже тѣмъ, что ему не нравятся его пороки.

Мнѣ извѣстно, что у тебя есть благочестивая мать, вдовствующая много лѣтъ, которая воспитала, которая обучила тебя въ дѣтствѣ, и послѣ образованія въ Галліяхъ наукамъ, которыя здѣсь весьма процвѣтаютъ (при чемъ она старалась не побуждать, а удерживать тебя въ занятіяхъ), не щадя издержекъ и не скучая объ отсутствіи сына, въ надеждѣ на будущее, отослала въ Римъ, чтобы богатство и блескъ языка галльскаго приправить римскою строгостію, что читаемъ и о краснорѣчивѣйшихъ мужахъ Греціи, которые азіатскую величавость слога солили аттическою солію, и роскошныя вѣтви виноградныхъ кустовъ обрѣзывали серпами, чтобы тиски краснорѣчія были богаты не листовою словъ, а виноградными выжимками мыслей. Ты уважай ее какъ мать, люби какъ воспитательницу, почитай какъ святую. Не подражай примѣру другихъ, которые, оставляя своихъ, привязываются къ другимъ (женщинамъ), безчестіе коихъ я знаю, которые подъ предлогомъ благочестивой любви

(pietatis) ищутъ подозрительныхъ сообществъ ¹⁾. Я знаю, что нѣкоторыя уже зрѣлаго возраста и весьма многія изъ отпущенницъ находятъ удовольствіе въ юношахъ и ищутъ духовныхъ сыновей, и потомъ, поправши стыдъ, отъ мнимоматеринскихъ отношеній переходятъ къ супружескимъ удовольствіямъ. Другія оставляютъ сестеръ дѣвицъ и связываются съ посторонними. Есть и такія, которыя ненавидятъ своихъ родственниковъ и не находятъ удовольствія въ ихъ любви; необузданность—отличительный признакъ ихъ души—не допускаетъ никакого извиненія, и бесполезные покровы цѣломудрія разрываетъ какъ ткань паутины. Посмотри—нѣкоторыя съ опоясанными чреслами, темною туникою, длиною бородою отойти не могутъ отъ женщинъ, живутъ съ ними подъ одною кровлею, вмѣстѣ съ ними ходятъ въ собранія, держать въ услуженіи молодыхъ служанокъ и, исключая слова брака, допускаютъ все брачное. И это не поношеніе для христіанскаго имени, если мнимый послѣдователь религіи живетъ во грѣхѣ: напротивъ даже посяганіе язычниковъ, если они видятъ, что и церкви не одобряютъ того, что не нравится всѣмъ добродѣтельнымъ людямъ.

А ты, если хочешь быть, а не казаться монахомъ, позаботься не о хозяйственныхъ и семейныхъ дѣлахъ, съ отреченія отъ которыхъ ты началъ монашество, а о душѣ своей. Грязная одежда—признакъ чистой души, бѣдная туника показываетъ презрѣніе къ міру; только при этомъ и духъ не долженъ надмѣваться,—чтобы одежда и рѣчь не разногласили между собою. Не долженъ заботиться о пареніи въ баняхъ тотъ, кто жаръ тѣла хочетъ потушить холодомъ по-

¹⁾ Иеронимъ разумѣетъ такъ называемыхъ агаетовъ, которые подъ видомъ благочестивой любви и благочестивыхъ сношеній вступали съ женщинами въ преступныя связи. О нихъ упоминаетъ и св. Григорій Богословъ (пис. къ Евстохіѣ) и нѣкоторые другіе писатели 4-го и 5-го вѣка.

стовъ. И самые посты должны быть умѣренны, чтобы чрезмѣрные посты не ослабляли желудка и, требуя большаго отдохновенія, не доводили тѣла до осыренія, отъ котораго происходят похоти. Не въ большомъ количествѣ и умѣренная пища полезна и для тѣла и для души. Съ матерью видайся такъ, чтобы чрезъ нее ты не былъ принужденъ видѣть другихъ, лица которыхъ могли бы прильнуть къ твоему сердцу и *жила бы въ груди безмолвная рана* (Aeneid. 4). Знай, что служанки, которыя у ней въ услуженіи, для тебя ковы, потому что чѣмъ ниже положеніе ихъ, тѣмъ легче паденіе. И Іоаннъ Креститель имѣлъ святую мать и былъ сынъ первосвященника (pontificis), однако ни любовію матери, ни богатствомъ отца не былъ склоненъ къ тому, чтобы жить въ домѣ родителей съ опасностію для цѣломудрія. Онъ жилъ въ пустынѣ (Лук. 1), и очами, ус-тремленными ко Христу, ничего иного не удостоивалъ видѣть. Грубая одежда, кожаный поясъ, пища—акриды и дикій медъ все приурочено къ добродѣтели и воздержанію. Сыны пророческіе (изъ ветхаго завѣта мы знаемъ, что они были монахи) строили себѣ хижины при струяхъ Іордана и, оставивши шумъ городовъ, питались ячною крупою и дикими травами (4 Цар. 6). Пока ты въ своемъ отечествѣ, считай келью раемъ, срывай различные плоды Писаній, и ихъ-то удовольствіями пользуйся, ихъ-то любовію наслаждайся. Если соблазняетъ тебя глазъ, нога, рука, вырви ихъ (Матѣ. 5). Не щади ничего, чтобы пощадить одну душу. *Всякъ, иже воззритъ на жену, говоритъ Господь, ко еже вожделъти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердце своемъ* (тамъ же 5, 28). *Кто похвалится чисто имѣти сердце* (Прит. 20, 9)? Звѣзды не чисты предъ очами Господа: кольми паче люди (Іов. 25, 56), жизнь которыхъ есть искушеніе? Горе намъ, которые столько разъ воспохотствуемъ, столько и любодѣйствуемъ. *Уписа, говоритъ, мечъ мой на небеси* (Ис.

34, 5): тѣмъ болѣе на землѣ, которая раждаетъ тернія и волцы. Сосудъ избранный, въ устахъ котораго былъ отзвукъ Христа, умерщвляетъ тѣло свое и порабощаетъ (1 Кор. 9, 27), и однако видимъ, что естественное разженіе плоти противувоюетъ уму его, такъ что онъ побуждается дѣлать то, чего не хочетъ, и какъ бы терпя насиліе, восклицаетъ и говорить: *окаяненъ азъ человекъ: кто мя избавитъ отъ тѣли смерти сая* (Рим. 7, 24)? А ты неужели думаешь, что можешь пройти безъ паденія и раны, если всякимъ храненіемъ не соблюдеши сердце свое и не скажешь съ Спасителемъ: *мать моя и братія моя сіи суть. иже исполняютъ волю Отца моего* (Мат. 12, 50 и Мар. 3, 35)? Эта жестокость есть любовь, даже что въ такой степени любвеобильно, какъ сохраненіе сына святымъ для святой матери? И она желаетъ тебѣ жить и не видѣть тебя до времени, чтобы всегда видѣть со Христомъ. Анна родила Самуила не для себя, но для скинии (1 Цар. 2). О сынахъ Ионадавовыхъ, которые не пили вина и сикера, которые жили въ палаткахъ и имѣли жилища необходимыя для ночи,—въ Псалмѣ пишется (Пс. 70), что они первые были взяты въ плѣнъ, когда во время опустошенія Іудеи халдейскимъ войскомъ принуждены были появиться въ городахъ.

Пусть другіе разсуждаютъ, какъ хотять, ибо каждый руководится своимъ умомъ. А для меня городъ—темница, а пустыня—рай. Зачѣмъ намъ, которые считаемся одиночками (монахами), желать многочисленности городовъ? Моусей, чтобы предводительствовать народомъ іудейскимъ, воспитывается въ пустынѣ сорокъ лѣтъ (Пс. 3): пастырь овецъ, онъ сдѣлался пастыремъ людей (Лук. 5, 10). Апостолы отъ ловли рыбъ на озерѣ геннисаретскомъ перешли къ уловленію людей. Имѣвшіе въ то время отца, сѣть, лодку, они, послѣдовавши за Господомъ, оставили совершенно все, нося крестъ и не имѣя даже посоха въ рукѣ. Это говорю для

того, чтобы ты, если притомъ подстрекаетъ тебя и желаніе духовнаго чина, научился тому, чему бы ты могъ учить, и приносилъ бы Христу разумную жертву;—чтобы ты не былъ воиномъ, не бывши новобранцемъ, чтобы не былъ учителемъ, не бывши ученикомъ. Моему смиренію и моей мѣрности не свойственно судить о клирикахъ и говорить что—нибудь дурное о служителяхъ церквей. Пусть имѣютъ они свой уставъ и свой чинъ, и если ты его получишь, то, какъ тебѣ должно жить въ этомъ чинѣ, этому можетъ научить тебя книга, написанная къ Непоціану. Я теперь разсуждаю о первоначальныхъ правилахъ и образѣ жизни монаха,—и такого монаха, который, изучивши въ юности свободныя науки, возложилъ на выю свою иго Христова.

И прежде всего должно сказать о томъ, одинъ ли или съ другими ты долженъ жить въ монастырѣ. Мнѣ кажется лучше, чтобы ты имѣлъ общеніе со святыми ¹⁾, для того, чтобы тебѣ не учить самому себя, не идти безъ руководителя по пути, по которому никогда не ходилъ, чтобы тебѣ не сбиться скоро въ противную сторону, не быть открытымъ для грѣха, не ходить болѣе или менѣе должнаго, чтобы или не устать при скоромъ бѣгѣ, или не заснуть во время отдыха. При одиночествѣ скоро подкрадывается гордость; и если монахъ не много попостился и не видалъ челоуѣка, то думаетъ, что онъ нѣчто важное, и забывши о себѣ,—откуда и куда онъ идетъ,—блуждаетъ внутри сердцемъ и внѣ языкомъ. Онъ судитъ, вопреки волѣ апостола, чужихъ рабовъ; протягиваетъ руку къ тому, чего захочетъ горло; спитъ, сколько хочетъ; ничего не опасается; дѣлаетъ, что хочетъ; считаетъ всѣхъ низшими себя и чаще находится въ городахъ, чѣмъ въ кельѣ, и, толкающійся среди уличной толпы, между братій представляется скромникомъ. Итакъ чтоже? Я

¹⁾ Т. е. монашествующими.

не одобряю отшельнической жизни? Нисколько; я ее весьма часто хвалилъ. Но я хочу, чтобы изъ школы монастырей выходили такіе воины, которыхъ не страшили бы суровыя правила пустыни, которые бы въ теченіе долгаго времени были испытаны въ жизни общежительной, которые были бы меньшими всѣхъ, чтобы быть первыми, которыхъ бы никогда не побѣждалъ ни голодъ, ни пресыщеніе, которыхъ радуется нищета, которыхъ внѣшній видъ, рѣчь, лице, походка представляютъ урокъ добродѣтелей, которые не умѣютъ, подобно нѣкоторымъ негоднымъ людямъ, выдумывать страшилища возстающихъ противъ нихъ демоновъ, чтобы у невѣждъ и простаго народа сдѣлать изъ себя чудо и получать отъ этого выгоды.

Недавно я видѣлъ и скорбѣлъ, что Крезовы богатства похищены смертію одного человѣка и городскіе доходы, собиравшіеся будто бы въ пользу бѣдныхъ, оставлены наслѣдникамъ и потомству. Тогда-то желѣзо, скрывавшееся въ глубинѣ, всплыло на поверхность воды, и среди пальмъ оказалась горечь Мерры. И неудивительно: у него (богача) былъ такой пріятель и наставникъ, который голодъ бѣдныхъ дѣлалъ своимъ богатствомъ, и предоставляемое нищимъ сохранялъ въ свое обнищаніе. Вопль ихъ (нищихъ) наконецъ дошелъ до неба и преклонилъ долготерпѣливый слухъ Божій: посланъ былъ злой ангелъ сказать Навалу кармилъскому ¹⁾: *безумне, въ сію ночь душу твою истязуютъ отъ тебе; а яже уготовалъ, кому будутъ* (Лук. 12, 20)?

Итакъ я не хочу, чтобы ты жилъ съ матерью, и по причинамъ, какія я выше изложилъ, и потому особенно, чтобы или не оскорблять ее отказомъ, когда она будетъ предлагать тебѣ изысканныя яства, или чтобы не подливать масла въ огонь, если будешь принимать ихъ, и чтобы при

¹⁾ 1 Царствъ гл. 25.

множествѣ служаноꙗ не видѣть днемъ того, о чемъ бы могъ думать ночью. Пусть никогда не выходитъ изъ рукъ и глазъ твоихъ книга; псалтирь учи слово въ слово, молись неопустительно, бодрствуй умомъ и не открывай его суетнымъ помысламъ. Тѣло, такъ же какъ и духъ, пусть стремится ко Господу. Гнѣвъ побѣждай терпѣніемъ: возлюби знаніе Писаній, и ты не будешь любить плотскихъ пороковъ. Умъ твой пусть не бѣдетъ празденъ и занятъ разными пустяками, которые, овладѣвъ сердцемъ, возобладають надъ тобою и доведуть тебя до великаго грѣха ¹⁾. Занимайся какимъ нибудь дѣломъ, чтобы діаволь всегда находилъ тебя занятымъ. Если апостолы, имѣвшіе право жить отъ благовѣстія, трудились своими руками, чтобы не быть въ тягость кому либо, и даже другимъ оказывали вспомошествованіе, хотя должны были жать ихъ плотское за свое духовное (1 Кор. 9, 11); то почему же тебѣ не готовить нужнаго для своихъ потребностей? Или плети корзину изъ тростника, или изъ гибкаго рагитника дѣлай кошицу; поли засаженную землю; раздѣлывай на ровномъ разстояніи грядки и, когда онѣ будутъ засѣяны овощами или рядами засажены растеніями, проводи ирригацію, чтобы тебѣ видѣть предъ глазами то, о чемъ говорятъ эти прекрасные стихи:

Вотъ съ высокаго мѣста по холмистой тропинкѣ выводитъ струю.
Та, упавая, сердитымъ журчаніемъ будить гладкіе камни
И потоками сухія поля увлажняетъ (Georg. lib. 3).

Прививай не-плодовыя деревца или почками или отпрысками, чтобы чрезъ непродолжительное время вкушать сладкіе плоды своего труда. Дѣлай ульи для пчелъ, къ которымъ по-

¹⁾ Великими грѣхами, прииѣнительно къ Пс. 18, 14, Іеронимъ называетъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, злое намѣреніе, приведенное въ исполненіе на дѣлѣ.

сылають тебя Притчи Соломона (6, 8 по LXX), и въ ихъ маленькихъ обществахъ изучай и монастырскій уставъ и царскую дисциплину. Плети рыболовныя сѣти, переплетай книги, чтобы и руки зарабатывали пищу и духъ насыщался чтеніемъ. *Въ похотехъ есть всякъ праздный* (Прит. 13, 4). Монастыри египетскіе соблюдаютъ такой обычай, что не держатъ никого безъ рабочаго труда и не столько по нуждѣ въ содержаніи, сколько для спасенія души. Да не блуждаетъ твой умъ въ погибельныхъ помыслахъ, и подобно прелюбодѣйствующему Іерусалиму да не разлагаетъ колѣна свои всякому мимоходящему (Іер. 17, 23).

Въ лѣта юности, и среди пустыннаго уединенія я не могъ превозмочь грѣховныхъ возбужденій и страстности природы; хотя послѣднюю я преодолювалъ частыми постами, но умъ разжигался помыслами. Для укрощенія его я отдалъ себя въ обученіе нѣкому брату, обратившемуся въ христіанство изъ евреевъ, чтобы послѣ остроумія Квинтиліана, плавности Цицерона, важности Фронтонна и легкости Плинія поучиться азбукѣ и потрудиться надъ трещащими и захватывающими духъ словами (т. е. еврейскими). Сколько я положилъ тамъ труда, сколько перенесъ затрудненій, сколько разъ отчаявался, и сколько разъ бросалъ и снова начиналъ учиться—знаю объ этомъ я, страдавшій, знаютъ и жившіе со мною. И благодарю Господа: отъ горькаго сѣмени ученія я собираю сладкіе плоды.

Скажу и о другомъ обстоятельствѣ, видѣнномъ въ Египтѣ. Былъ въ киновіи юноша грекъ, который никакимъ воздержаніемъ, никакимъ труднымъ занятіемъ не могъ погасить огонь плоти. При этомъ несчастіи, авва монастыря спасъ его такую хитростію. Онъ приказалъ одному строгому мужу, чтобы онъ преслѣдовалъ юношу клеветами и бранью, и, вызвавши съ его стороны оскорбленіе, первый принесъ на него жалобу. Призванные свидѣтели говорятъ въ пользу

оскорблявшаго; юноша при такой клеветѣ плачетъ, видя, что никто не вѣритъ истинѣ; одинъ авва искусно возражаетъ въ его защиту, чтобы не сокрушить брата чрезмѣрною печалію. Что же далѣе? Такъ прошелъ годъ; по окончаніи его, когда юношу спросили о прежнихъ его помыслахъ — не тернить ли онъ еще мученія отъ нихъ, — онъ сказалъ: отцы, жизнь мнѣ не мила: можно ли думать о любодѣяніи? Если бы этотъ юноша былъ одинъ, то кто помогъ бы ему одержать побѣду?

Мудрецы міра ¹⁾ обыкновенно выгоняютъ старую любовь новою, какъ клинъ клиномъ. Такъ сдѣлали семь персидскихъ князей съ царемъ Артаксерксомъ, чтобы страсть его къ царицѣ Астини охладить любовію къ другимъ дѣвицамъ. Они врачуютъ порокъ порокомъ и грѣхъ грѣхомъ, а мы должны побѣждать пороки любовію къ добродѣтелямъ. *Уклонися, говоритъ, отъ зла, и сотвори благо, възми мира и пожени и* (Псал. 33, 13). Если мы не имѣемъ ненависти ко злу, то не можемъ любить добра: тѣмъ болѣе должно дѣлать добро, чтобы уклониться отъ зла. Должно искать мира, чтобы избѣжать войны; и недостаточно искать его, — нужно всеми силами преслѣдовать, когда найденъ и убѣгаетъ отъ насъ этотъ миръ, который превосходитъ всякій умъ и въ которомъ обитаетъ Богъ, по слову пророка: *и бысть въ миръ мѣсто его* (Псал. 75, 2). Прекрасно выражается здѣсь исканіе мира преслѣдованіемъ, подобно тому, какъ и апостоль говоритъ: *страннолюбія держащеся* ²⁾ (Рим. 12, 13), — чтобы странниковъ мы не приглашали къ себѣ только вѣжливою и обычною просьбою и, какъ гово-

¹⁾ Разумѣется Овидій и Цицеронъ, изъ коего заимствуется вся фраза.

²⁾ У Іеронима ч тается: *hospitalitatem persequentes*, т. е. преслѣдующа страннолюбіе.

рится, верхними губами, но удерживали ихъ со всею горячностію сердца, какъ будто они уносятъ съ собою часть нашего имущества и стяжанія.

Никакая наука не изучается безъ учителя. Даже безсловесныя животныя и стада дикихъ звѣрей слѣдуютъ своимъ вожакамъ. У пчель есть матки, журавли летятъ за однимъ въ порядкѣ буквы ¹⁾. Императоръ одинъ, судья провинціи одинъ. Только что основанный Римъ не могъ имѣть царями двоихъ братьевъ вмѣстѣ, и осквернился братоубійствомъ. Во чревѣ Ревекки Исавъ и Іаковъ враждовали (Быт. 25, 22). Въ церквахъ по одному епископу, по одному архипресвитеру, по одному архидіакону, и всякій чинъ церковный поддерживается своими правителями. На кораблѣ одинъ кормчій; въ домѣ одинъ господинъ; въ войскѣ, хотя бы и весьма большомъ, дожидаются сигнала одного. Веѣмъ этимъ (чтобы не наскучить читателю дальнѣйшимъ распространеніемъ) рѣчь моя склоняетъ тебя къ тому, чтобы научить, что не должно оставлять себя на свой произволь, а что ты долженъ жить въ монастырѣ подъ надзоромъ одного аввы и въ обществѣ многихъ, чтобы у одного научиться смиренію, у другаго терпѣнію; тотъ научитъ тебя молчанію, а этотъ кротости,— чтобы не дѣлалъ ты, что хочешь, ѣлъ, что дозволяютъ, носилъ, что дадутъ, въ трудахъ своихъ выполнялъ урокъ, чтобы подчинялся, кому не хочешь, ложился въ постель усталымъ, не спалъ, хотя и вставалъ не выспавшись. Пой псаломъ въ свою очередь ²⁾; при чемъ требуется не пріятность голоса, но молитвенное расположеніе ума, по слову апостола: *воспою духомъ, воспою и умомъ* (1 Кор. 14, 15).

¹⁾ Т. е. буквы Y (ипсилонъ).

²⁾ Въ древности во многихъ церквахъ монахи или клирики пѣли не хоромъ, а порознь. каждый по очереди, тогда какъ всѣ прочіе слушали,—что преимущественно извѣстно о пѣніи псалмовъ.

И еще: *поюще въ сердцахъ вашихъ Господеву*, ибо они читали, что заповѣдано: *пойте разумно* Услуживай братіи, омывай ноги странникамъ; терпя обиду молчи, настоятеля (praepositum) монастыря бойся какъ господина, люби какъ отца. Вѣрь, что для тебя спасительно все, что онъ прикажетъ, и не суди о мнѣніи старшихъ: — твое дѣло повиноваться и исполнять что приказано, по слову Моисея: *молчи и слыши Израилю* (Второз. 27, 9 по LXX). При такихъ занятіяхъ ты будешь свободенъ отъ всякихъ помысловъ, и, преходя отъ одного къ другому и одно смѣняя другимъ, ты въ умѣ будешь держать только то, что тебѣ нужно будетъ дѣлать.

Я видѣлъ нѣкоторыхъ, которые, отрекшись отъ міра, то есть по одеждѣ и обѣщанію на словахъ, а не на дѣлѣ, ничего не перемѣнили изъ прежней жизни. Имѣніе у нихъ болѣе увеличилось, чѣмъ уменьшилось; таже прислуга изъ рабовъ, тотъ же затѣйливый столъ. На стеклѣ и расписанной посудѣ съѣдается золото, и окруженные толпами различныхъ служителей эти монахи усваиваютъ себѣ имя отшельниковъ. А тѣ, которые бѣдны и съ небольшимъ состояніемъ, считаютъ себя мудрецами; въ публичныхъ мѣстахъ они выступаютъ подобно триумфальнымъ носилкамъ ¹⁾, чтобы упражняться въ собачьемъ краснорѣчіи. Другіе, поднявши плечи къ верху и не зная-что бормоча про себя, уставивши въ землю глаза, отвѣшиваютъ напыщенные фразы, такъ что если бы прибавить къ этому прекона (общественнаго глашатая), то можно бы подумать, что вошелъ въ префектуру. Есть такіе, которые отъ сырости келій, неумѣренныхъ постовъ, отъ скуки одиночества и чрезмѣрнаго чтенія, дни и

¹⁾ т. е. также медленно и съ такою же важностію, какъ триумфальныя носилки, на которыхъ носили изображенія боговъ, военные трофеи и т. п. Выраженіе заимствовано изъ Цицерона de Offic. с. 36.

ночи слыша только звуки собственного голоса, впадаютъ въ меланхолю и нуждаются болѣе въ рецептахъ Иппократа, чѣмъ въ моихъ увѣщаніяхъ. Многіе не могутъ оставить прежнихъ торговыхъ занятій и, замѣнивши только свои купеческія имена, упражняются въ той же коммерціи, заботясь не о пищѣ и одеждѣ, по заповѣди апостола (2 Тим. 6), а гоняясь даже за большими барышами, чѣмъ люди міра. Прежде по крайней мѣрѣ едили, которыхъ греки называютъ ἀγορανόμοις ¹⁾, обуздывали хищничество продавцовъ, и грѣхъ не оставался безнаказаннымъ; а теперь незаконныя сдѣлки производятся подъ покровомъ религіи, и честь христіанскаго имени болѣе производитъ, чѣмъ терпитъ обманъ. Хотя стыдно, но нужно сказать, чтобы по крайней мѣрѣ мы краснѣли за свое безобразіе мы (монахи), публично протягивая руки (за милостынею), рубищемъ покрываемъ золото, и, вопреки общему мнѣнію, мы, жившіе какъ будто въ нищетѣ, умираемъ богачами, съ набитыми кошельками. Тебѣ, когда будешь въ монастырѣ, не слѣдуетъ дѣлать этого, — и мало по малу привыкши къ тому, что сначала дѣлалъ по принужденію и неволю, ты будешь находить удовольствіе въ своемъ подвигѣ, и забывъ прежнее, постоянно будешь достигать высшаго; не смотри только, что другіе дѣлаютъ худаго, думая о томъ, что тебѣ нужно дѣлать добраго.

Но не обманывайся многочисленностію согрѣшающихъ и не смущайся множествомъ погибающихъ; не подумай про себя: чтоже, развѣ всѣ погибнутъ живущіе въ городахъ? Вотъ они занимаются своимъ хозяйствомъ, управляютъ церквами, ходятъ въ бани, не презираютъ благовонныхъ мазей, и однако пользуются общимъ уваженіемъ. На это и прежде отвѣчалъ я и теперь коротко скажу, что въ настоящемъ письмѣ я разсуждаю не о клирикахъ, а дѣлаю наставленія

¹⁾ т. е. надзирателями за рынками.

монаху. Клирики святы, и жизнь всѣхъ ихъ достойна похвалы. Поэтому ты поступай и живи въ монастырѣ такъ, чтобы удостоиться быть клирикомъ, чтобы никакимъ порокомъ не запятнать своей юности, чтобы приступить къ алтарю Христову такъ, какъ непорочная дѣвица приступаетъ къ брачному ложу, и имѣть доброе свидѣтельство отъ внѣшнихъ, чтобы женщины знали твое имя и не знали твоего лица. Достигши, если доживешь, совершеннаго возраста, если тогда или народъ или епископъ города изберетъ тебя въ клирики, поступай какъ прилично клирику, и между клириками подражай лучшимъ, ибо во всякомъ званіи и чинѣ очень хорошее смѣшано съ очень дурнымъ.

Не перескакивай скоро къ писательству, и не обольщайся легкостію неграмотности. Долго учись тому, чему хочешь учить. Не вѣрь своимъ панегиристамъ, или, лучше сказать, не развѣшивай съ удовольствіемъ ушей предъ своими насмѣшниками: если послѣ ихъ любезностей, отъ которыхъ ты сдѣлаешься какъ бы помѣшаннымъ, ты вдругъ оглянешься назадъ, то, заставши ихъ врасплохъ, увидишь, что они позади тебя или сгибаютъ аистовы шеи, или представляютъ руками ослиныя уши, или высовываютъ языкъ, какъ разгоряченная собака. Никого не осуждай и не считай себя святымъ, если упрекаешь другихъ. Мы часто обличаемъ то, что сами дѣлаемъ, и, расточая краснорѣчіе противъ самихъ себя, нападаемъ на свои же пороки, оказываясь изъ краснорѣчивыхъ нѣмыми судьями себя самихъ. Грунній черепашьимъ шагомъ шель къ каедрѣ и чрезъ нѣсколько паузъ едва выжималъ нѣсколько словъ, такъ что можно было бы подумать, что онъ икаетъ, а не говоритъ. И однако, когда, поставивши столъ, раскладывалъ кучу книгъ, то, нахмуривши брови, раздувши ноздри и наморщивши лобъ, стучалъ двумя пальцами, призывая этимъ знакомъ учениковъ ко вниманію; затѣмъ онъ извергалъ чистыя бредни и кричалъ противъ

всѣхъ и каждаго: ты могъ бы подумать, что это критикъ Лонгинъ—цензоръ римскаго краснорѣчія, что онъ надъ кѣмъ хочетъ, произноситъ приговоръ, и кого хочетъ, исключаетъ изъ сената ученыхъ. Будучи очень богатъ, онъ болѣе славился обѣдами. И неудивительно, что этотъ въ душѣ Неронъ, по виду Катонъ, обыкновенно кормившій многихъ, являлся въ публичныхъ мѣстахъ окруженный батальономъ жужжащихъ около него болтуновъ. Онъ весь двоедушіе, такъ что можно сказать, что это единичное чудовище и новое животное, составленное изъ противоположныхъ и различныхъ натуръ, какъ говорится въ стихахъ:

Спереди левъ, сзади драконъ, а въ срединѣ сама химера.

Не смотря же никогда на таковыхъ, не сообщайся съ людьми подобнаго рода и не уклоняй сердца своего въ слова лукавства. Внемли написанному: «сидя говорилъ противъ брата своего и противъ сына матери своей полагалъ соблазнъ». И еще: *сынове человечестви, зубы ихъ оружје и стрѣлы* (Пс. 56, 5). И въ другомъ мѣстѣ: *умякнуша словеса ихъ паче елѣя, и та суть стрѣлы* (Пс. 54, 22). И яснѣе у Екклезіаста: «какъ змѣй угрызаетъ втайнѣ: такъ и тотъ, кто на брата своего клеветаетъ тайно» (Екк. 10, 11). Но ты скажешь: я самъ не клевету, что же могу сдѣлать, когда говорятъ другіе? Мы говоримъ такъ чтобы оправдать свои собственные грѣхи (Пс. 140). Христа нельзя обмануть хитростію. Не я говорю, а апостоль: *не мстителся, Богъ поругаемъ не бываетъ* (Гал. 6, 7). Мы видимъ на лицѣ, а онъ видитъ въ сердцѣ. Соломонъ въ притчахъ говоритъ: «сѣверный вѣтеръ разгоняетъ облака, а печальное лице языкъ клеветниковъ» (Прит. 25, 24): ибо какъ стрѣла, если пускается въ твердое тѣло, иногда обращается въ мѣтающаго и ранить того, кто хотѣлъ ранить, и исполняется написанное: *превратившися въ лукъ развращень* (Пс. 77, 57), и въ другомъ мѣстѣ: *вергаей камень на высоту, на главу*

свою *вергаетъ* (Сир. 27, 28); такъ и клеветникъ, когда видитъ печальное лице слушающаго, или лучше не слушающаго, а затыкающаго уши свои, чтобы не слышать суда крови, тотчасъ умолкаетъ, у него блѣднѣетъ лице, смыкаются уста, сохнетъ во рту. Поэтому тотъ же премудрый говоритъ: „съ клеветниками не сообщайся, поелику скоро придетъ погибель ихъ, и паденіе того и другаго кто знаетъ“ (Прит. 24, 19, 22), т. е. какъ того, кто говоритъ, такъ и того, кто слушаетъ клеветника. Истина не любить тайны и не ищетъ наушниковъ. Тимофеею говорится: *на пресвитера хулы скоро не приемли. Согрѣшающаго предъ всеми обличай, да и прочіи страхъ имутъ* (1 Тим. 5, 19 и 20). Не должно быть легковѣрнымъ въ отношеніи къ старцу, котораго защищаетъ и прежняя жизнь и достоинство званія. Но такъ какъ мы все люди и иногда вопреки зрѣлому возрасту впадаемъ въ пороки дѣтей, то если хочешь исправить меня во грѣхѣхъ, обличи открыто, только не грызи втайнѣ. *Накажетъ мя праведникъ милостію и обличитъ мя, елей же грѣшнаго да не намаститъ главы моея* (Пс. 140, 5). *Егоже любитъ Господь, наказуетъ, бьетъ же всякаго сына, егоже приемлетъ* (Прит. 3, 12). И Господь восклицаетъ чрезъ Исаію: *людіе мои, блажащій васъ мстятъ вы, и стези ногъ вашихъ возмущаютъ* (Ис. 3, 12). Какая мнѣ польза, если о недостаткахъ моихъ ты рассказываешь другимъ? А что, если оставляя меня въ невѣдѣніи, моими грѣхами или, лучше, своими клеветами ты язвишь другаго? Что, если ревностно рассказывая все о моихъ порокахъ, ты каждому говоришь такъ, какъ будто ты не говорилъ объ этомъ никому другому? Это значитъ не меня исправлять, а удовлетворять своей грѣховности. Господь заповѣдуетъ, что согрѣшающихъ должно обличать наединѣ, или при свидѣтелѣ, а если не послушаютъ—повѣдать церкви, и упорныхъ во грѣхѣхъ считать за язычниковъ и мытарей (Мат. 18).

Говорю объ этомъ настойчиво, чтобы юношу моего избавить отъ зуда языка и ушей; чтобы возрожденнаго во Христѣ представить безъ пятна и порока, какъ дѣву чистую, непорочную и умомъ и тѣломъ, чтобы онъ не однимъ именемъ славился, и съ погаснувшимъ безъ едея добрыхъ дѣлъ свѣтильникомъ не былъ отлученъ отъ жениха. Тамъ у тебя есть святой и ученѣйшій епископъ Прокулъ; живымъ и близкимъ словомъ своимъ пусть онъ восполнить мое писаніе, каждодневными бесѣдами пусть направляетъ онъ путь твой, пусть не попуститъ онъ тебѣ, уклонившись въ другую сторону, оставить царскій путь, идя по которому Израиль обѣщаетъ перейти въ землю обѣтованную. О, если бы услышанъ былъ голосъ церкви молящейся: «Господи дай намъ миръ: ибо ты не далъ намъ» (Ис. 16); о, еслибъ мы отрекались отъ міра добровольно, а не по необходимости, и нищета, нами самими пріемлемая, давала славу, а не мученіе, какое даетъ она налагаемая насильно! Впрочемъ при бѣдствіяхъ настоящаго времени и повсюдныхъ опустошеніяхъ войны, довольно богатъ и тотъ, кто не нуждается въ хлѣбѣ, и весьма могущественъ тотъ, кто не отведенъ въ рабство. Святой Екзуперій, епископъ Тулузы, подражая вдовѣ сарептской, пасеть другихъ алкая самъ, и съ лицомъ, истощеннымъ постами, мучится инымъ голодомъ и все имѣніе роздалъ утробамъ Христовымъ. Нѣтъ никого богаче того, который тѣло Господа носить въ плетеной корзинѣ (*canistro vimineo*), кровь—въ стеклянномъ сосудѣ (*vitro*), который изгналъ изъ храма сребролюбіе, который безъ вервья и укоризнъ ниспровергъ стойки продающихъ голубей, т. е. дары Святаго Духа, и столы мамоны, и разсыпалъ деньги мѣновщиковъ, чтобы домъ Божій назывался домомъ молитвы, а не вертепомъ разбойниковъ. Слѣдуй по сосѣдству стопамъ его и прочихъ, подобныхъ ему по добродѣтелямъ, которыхъ священство дѣлаетъ и смиреннѣйшими и бѣдными. Или, если

желаешь совершенства, выйди съ Авраомомъ изъ отечества и изъ рода своего, и иди куда не знаешь. Если есть у тебя богатство, продай и раздай нищимъ; если нѣтъ, то ты освобожденъ отъ большой тяжести. За неимущимъ Христомъ иди неимущимъ. Тяжелое, великое, трудное дѣло; но за то велики и награды.

102 Письмо къ Маркеллину и Анапсихіи.

Господамъ истинно святымъ и всякимъ привѣтствіемъ любви достопочитаемымъ чадамъ, Маркеллину и Анапсихіи, Іеронимъ желаетъ во Христѣ здравія.

Наконецъ я получилъ изъ Африки письмо вашего единомыслия, и не жалѣю о нескромности, съ какою, при вашемъ молчаніи, я часто забрасывалъ васъ своими письмами, чтобы удостоиться отвѣта и узнать о вашемъ здравіи не изъ чужихъ рассказовъ, а изъ вашихъ собственно словъ. Я помню ваши, или даже преимущественно церковные, вопросы о состояніи души: ниспала ли она съ неба, какъ думаютъ Пифагоръ философъ, всѣ платоники и Оригенъ; или она произошла отъ существа Божія, какъ предполагаютъ стоики, манихеи и испанская ересь Прискилліана; или души существуютъ въ сокровищницѣ Божіей, были созданы отъ начала, какъ неразумно вѣрують нѣкоторые изъ церковныхъ учителей; или каждый разъ творятся Богомъ и посылаются въ тѣла, сообразно съ написаннымъ въ Евангеліи: *Отецъ мой досель дѣлаетъ и Азъ дѣлаю* (Іоан. 5, 17); или происходятъ по преемству, какъ думаютъ Тертулланъ, Аполлинарій и большая часть западныхъ, такъ что душа рождается отъ души, какъ тѣло отъ тѣла, и возникаетъ подъ одинаковыми условіями съ неразумными животными. Свое мнѣніе объ этомъ, помню, я писалъ въ книгахъ противъ Руфина, противъ его книги, которую онъ посвятилъ блажен-

ной памяти епископу римской церкви Анастасію, и въ которой, стараясь обманчивыми и хитрыми, или лучше, глупыми доказательствами посмѣяться надъ простотою слушателей, выставляеть въ посмѣяніе свою собственную вѣру, или лучше, невѣріе. Я думаю, что эти книги есть у святаго родителя вашего Океана, ибо онѣ изданы давно, въ отвѣтъ на клеветы Руфина противъ многихъ книгъ его. Также ты, Маркеллинъ, имѣешь тамъ святаго и ученаго мужа, Августина епископа, который живымъ, какъ говорятъ, голосомъ можетъ наставить тебя и сообщить и свое, и даже своими устами и мое мнѣніе объ этомъ предметѣ.

Когда-то хотѣлъ я приступить въ книгѣ Іезекеіа и исполнить свое многократное обѣщаніе любознательнымъ читателямъ; но въ самомъ началѣ писанія книги духъ мой такъ былъ смущенъ опустошеніемъ западныхъ провинцій и въ особенности города Рима, что, по народной поговоркѣ, я позабылъ даже собственное имя и долгое время молчалъ, зная, что теперь время слезъ. А въ этомъ году, когда я написалъ три книги, внезапное нападеніе варваровъ, о которыхъ твой *Виргилій* сказалъ: *повсюду скитающіися Барцеи* (*Aeneid.* 4), и святое Писаніе о Измаѣлѣ: *и предъ лицемъ всея бранны своел вселится* (Быт. 16, 12),—подобно всеувлекающему потоку прошло чрезъ весь Египеть, Палестину, Финикію, Сирію, такъ что мы едва милостію Христовою могли избѣжать ихъ рукъ. И если, по словамъ знаменитаго оратора, *среди войны молчатъ законы* (*Cicero pro Milone*), то не тѣмъ ли болѣе занятія науками, которыя и по множеству книгъ, и для спокойствія при изслѣдованіяхъ, и для тщательности переписки, естественно требуютъ безопасности и покоя писателей. Двѣ книги я послалъ дочери моей Фабіолѣ, экземпляры которыхъ, если хочешь, можешь взять у ней. По причинѣ тяжкихъ современныхъ обстоятельствъ не могъ написать другихъ книгъ; когда прочитаешь тѣ книги и уви-

дишь преддверіе, легко поймешь, каковъ будетъ самый домъ. Но я вѣрую въ милость Господа, вспомошествовавшаго мнѣ въ особенно трудномъ началѣ помянутаго труда, и уповаю, что Его помощь не оставитъ меня и въ дальнѣйшихъ частяхъ пророка, гдѣ повѣствуется о войнахъ Гога и Магога, и въ послѣднихъ, гдѣ описываются строеніе, разнообразіе и размѣры священнѣйшаго и неизъяснимаго храма.

Святой братъ нашъ Океанъ, которому вы желаете быть рекомендованы, столь высокъ и такъ наученъ въ законѣ Господнемъ, что, безъ моей просьбы, можетъ научить васъ и, сообразно съ общимъ пониманіемъ, объяснить и мое мнѣніе относительно всѣхъ вопросовъ по части св. Писанія. Христосъ Богъ нашъ всемогущій да сохранитъ васъ, истинно святыя господа, въ здравіи и благоденствіи на многая лѣта.

103. Письмо къ дѣвицѣ Принципіѣ, или надгробное слово вдовѣ Маркеллѣ.

Часто и много, дѣва Христова Принципія, просила ты меня предать письменамъ воспоминаніе о святой женѣ Маркеллѣ, и описать въ наученіе и подражаніе другимъ то сокровище, которымъ мы долго пользовались. Весьма сожалею, что ты убѣждаешь меня къ этому, когда я самъ сильно желаю этого, и думаешь, что меня нужно просить, тогда какъ я не уступлю тебѣ въ любви къ ней, и отъ воспоминанія столь великихъ добродѣтелей гораздо больше получу самъ, чѣмъ сколько окажу тебѣ благодаренія. Что я доселѣ молчалъ и полгода не отвѣчалъ,—то это произошло не вслѣдствіе пренебреженія къ твоей просьбѣ, какъ ты несправедливо думаешь, а вслѣдствіе чрезмѣрной печали, которая до того гнула мою душу, что я считалъ за лучшее пока молчать, чѣмъ не сказать ничего достойнаго ея славы. Маркеллу, твою и мою, или, справедливѣе сказать, нашу и всѣхъ свя-

тыхъ,—Маркеллу, это славное украшеніе всего города Рима, я не буду превозносить похвалами на подобіе риторовъ, не буду говорить о ея знаменитой фамиліи, о славѣ ея древняго рода и генеалогіи, идущей чрезъ рядъ консуловъ и префектовъ преторія. Ничего не буду хвалить въ ней кромѣ того, что принадлежитъ ей самой и что тѣмъ благороднѣе, что она, презрѣвши богатства и благородство (происхожденія), сдѣлалась самою благороднѣйшею чрезъ нищету и униженіе.

Осиротѣвши послѣ смерти отца, она чрезъ семь мѣсяцевъ послѣ брака лишилась и мужа. Когда Цереаль (имя котораго знаменито между консулами), по ея молодости, древности рода, чрезвычайной красотѣ тѣла (что обыкновенно особенно нравится мужчинамъ), а также по прекрасному характеру, усиленно домогался ея, когда онъ, уже старикъ, общалъ ей свои богатства, желая какъ бы перевести на нее свое имѣніе не какъ на жену, а какъ на дочь, и когда ея мать Альбина сильно желала такой славной поддержки для своего вдовьяго дома; то она отвѣчала: еслибъ я желала выйти замужъ и не захотѣла обречь себя на вѣчный позоръ, то я, конечно, искала бы мужа, а не наслѣдства. И когда Цереаль возразилъ, что и старики могутъ долго жить и юноши могутъ скоро умирать, то она превосходно извернулась: хотя юноша можетъ скоро умереть (сказала она), но старикъ долго жить не можетъ. Отраженный такимъ отвѣтомъ, онъ и другимъ далъ урокъ, чтобы не надѣялись на ея руку. Въ Евангеліи Луки читаемъ: *и бѣ Анна пророкица, дщи Фапулева, отъ колѣни Ассирова: сія зимоторьши во днехъ многихъ, живши съ мужемъ семь лѣтъ отъ дѣвства своего. И та вдови яко лѣтъ осмьдесятъ и четыре, яже не отхождише отъ церкви, постомъ и молитвами служащи день и ношь* (Лук. 2, 36—37). И не удивительно, что она удостоилась видѣть Спасителя, ко-

того чаяла въ такомъ подвигѣ. Сопоставимъ семь лѣтъ съ семью мѣсяцами: одна часть Христа, другая носитъ Его; одна исповѣдуетъ родившагося, другая вѣруеть въ распятаго; одна не отрицается младенца, другая славословитъ царствующаго мужа. Между святыми женами не дѣлаю никакого различія (какое нѣкоторые обыкновенно неразумно дѣлаютъ между святыми мужами и епископами церкви); но моя рѣчь клонится къ тому, что для нихъ, одинаково подвизавшихся, должна быть и награда одинаковая.

Въ развратномъ обществѣ и городѣ, въ который иногда стекался народъ со всего свѣта, за которымъ была пальма пороковъ, гдѣ позорили честное, порочили чистое и свѣтлое,—въ такомъ городѣ трудно не навлечь на себя какую нибудь снлетню дурной молвы. Поэтому пророкъ желаетъ этой неопороченности, или лучше мечтаетъ о ней, какъ о чемъ-то весьма трудномъ, почти невозможномъ, когда говоритъ: *блаженн непорочнии въ путь* ¹⁾, *ходящии въ законъ Господни* (Псал. 118, 1). Онъ разумѣетъ неопороченныхъ на пути сего міра, такихъ, которыхъ не очернилъ говоръ дурной молвы, такихъ, которые не приняли поношенія отъ близкихъ своихъ. О нихъ Спаситель въ Евангеліи говоритъ: *буди увѣщаваяся съ соперникомъ твоимъ скоро. дондеже еси на пути съ нимъ* (Мат. 5, 25). Но кто когда либо объ этой женщинѣ слышалъ что-нибудь дурное и могъ повѣрить? Кто когда нибудь повѣрилъ, не осуждая этимъ болѣе себя самого въ нечестіи и порочности? Ею первую посрамлено язычество, когда она показала всѣмъ, что такое христіанское вдовство, которое хранила она и въ совѣсти и въ одеждѣ. Вдовы (языческія) обыкновенно раскрашиваютъ лица румянами и бѣлками, блестятъ въ шелковыхъ платьяхъ, сіяютъ драгоценными камнями, носятъ золото на шеяхъ, и,

¹⁾ Immaculati in via —неопороченные на пути.

проткнувши уши, привѣшиваютъ къ нимъ дорогіе перлы изъ Краснаго моря, щеголяютъ въ черепаховыхъ уборахъ, о мужьяхъ такъ сокрушаются, что радуются объ окончаніи ихъ господства надъ ними и ищутъ другихъ, не такихъ, которымъ бы служить, по заповѣди Божіей, а такихъ, надъ которыми бы властвовать. Потому онѣ выбираютъ (въ мужья) бѣдныхъ, чтобы они только по имени казались мужьями, терпѣливо допускали совмѣстниковъ, и могли быть тотчасъ же прогнаны, какъ скоро заропщутъ. Наша вдовица употребляла такую одежду, какой только требовалъ холодъ и которая только не обнажала членовъ; золота не допускала даже на перстнѣ для печати, скрывая оное болѣе въ утробахъ бѣдныхъ, чѣмъ въ кошелькахъ. Нигуда не ходила безъ матери; изъ клириковъ или монаховъ (къ коимъ иногда необходимость заставляла прибѣгать при широкомъ хозяйствѣ) никого не видала безъ свидѣтелей. Всегда сопровождали ее дѣвственницы и вдовы, столь же серьезныя женщины: ибо она знала, что по легкому поведенію служанокъ часто судятъ о поведеніи господъ и смѣются надъ такою свитою, заключая, какова и сама госпожа.

Любовь къ священному Писанію у нея была не вѣроятная, и она всегда воспѣвала: *въ сердце моемъ скрыхъ словеса твоя, яко да не согрѣшу тебѣ* (Псал. 118, 11), и сказанное о совершенномъ мужѣ: *въ законъ Господни воля его, и въ законъ его поучится день и ночь* (Псал. 1, 2). Поученіе въ законѣ она понимала не въ разъясненіи написаннаго, какъ думаютъ іудейскіе фарисеи, а въ исполненіи онаго, по слову апостола: *еще ясте, еще ли пѣете, еще ли ино что творите, вся во славу Божию творите* (1 Кор. 10, 32), и по слову пророка: *отъ заповѣдей твоихъ разумѣхъ* (Псал. 118, 114), чтобы считать себя удостоившеюся разумѣнія писаній только по исполненіи заповѣдей, о чемъ и въ другомъ мѣстѣ читаемъ: *начатъ Иисусъ*

творити же и учити (Дѣян. 1, 1). Ибо даже достославнаго ученія стыдится тотъ, кто въ своей совѣсти нарушаетъ оное, и всеу проповѣдуетъ нищету и получаетъ милостыни языкъ того, кто надмѣвается богатствами Креза, и на словахъ воюетъ противъ шелковыхъ одеждъ, облекшись въ презрѣнную мантию. Она умѣренно постилась, воздерживалась отъ мяса, вино больше ненавидѣла, чѣмъ вкушала стомаха ради и частыхъ недуговъ (1 Тим. 5). Рѣдко показывалась въ публикѣ и особенно избѣгала домовъ благородныхъ матронъ, чтобы не быть принужденною видѣть то, что презирала. Въ базиликахъ апостоловъ и мучениковъ она присутствовала при молитвословіяхъ уединенныхъ, при которыхъ не было стеченія народа. Матери своей повиновалась такъ, что дѣлала иногда то, чего не хотѣла. Ибо когда мать, презрѣвъ свое богатство и не имѣя сыновей и внуковъ, хотѣла перевести все на дѣтей своего брата, то она хотя предпочитала бѣдныхъ, однакожь не могла противорѣчить матери: ожерелья и всю домашнюю рухлядь, все это гибнущее, она уступила богатымъ, и предпочла потерять деньги, чѣмъ опечалить душу матери.

Въ то время въ Римѣ ни одна изъ благородныхъ женщинъ не знала объѣта монашества и не осмѣливалась, по новизнѣ этого дѣла, принять безславное, какъ тогда думали, и презрѣнное у людей имя. Отъ александрійскихъ священниковъ, папы Аеанасія и потомъ отъ Петра, которые, избѣгая гоненія еретиковъ-аріанъ, прибѣгали въ Римъ, какъ въ безопаснѣйшую пристань своего единомыслія, она узнала о жизни блаженнаго Антонія, тогда еще бывшаго въ живыхъ, объ уставѣ монастырей еиваидскихъ, Пахоміевыхъ, о правилахъ дѣвственницъ и вдовицъ,—узнала и не устыдилась принять то, что, какъ убѣдилась она, угодно Христу. Чрезъ нѣсколько лѣтъ ея примѣру послѣдовала Софронія и другія, къ которымъ весьма справедливо можно приложить этотъ

стихъ изъ Еннія: *о если бы не въ тѣсу пеллейскомъ* ¹⁾. Ея любовію пользовалась достопочтенная Павла; на ея ложѣ была воспитана краса дѣвства—Евстохія, чтобы легко было судить, какова учительница, когда таковы ученицы. Коварный читатель, можетъ быть, посмѣется, что я распространяюсь въ похвалахъ женщинамъ; но если онъ припомнитъ святыхъ женъ, сопутницъ Господа Спасителя, которые служили Ему отъ своихъ стяжаній, трехъ Марій, стоящихъ предъ крестомъ, и Марію въ собственномъ смыслѣ—*Магдалину*, которая по твердости и пламенности вѣры получила имя *окруженной баинями* ²⁾ и первая прежде апостоловъ удостоилась видѣть Христа воскресшаго, — то онъ скорѣе себя обвинитъ въ дерзости, чѣмъ меня въ безправственности. Я сужу о добродѣтеляхъ не по полу, а по духу, и за презрѣніе знатности и богатства воздаю большую славу. Поэтому и Иисусъ въ особенности любилъ Іоанна, который по знатности рода былъ знакомъ первосвященнику ³⁾, и не бо-

¹⁾ Utinam ne in nemore Pelio. Въ фрагментахъ Еннія кормилица, выражая сожалѣніе о томъ, что аргонавты пристали къ берегамъ Колхиды и къ пеллейскому лѣсу, изъ котораго сдѣланъ былъ корабль Арго, и что это обстоятельство было причиною похода аргонавтовъ,—говорить:

Utinam ne in Pelio securibus
 Caesa cecidisset abiegna ad terram tiabes
 Neve inde navis inchoandae exordium
 Cepisset, quae nunc nominatur nomine
 Argo, qua vectei Aggivei delectei virei и проч.

Первыя слова этихъ стиховъ вошли въ пословицу, которая употреблялась, когда хотѣли выразить сожалѣніе о причинѣ какого-нибудь неблагопріятнаго обстоятельства. Іеронимъ употребляетъ здѣсь эту пословицу, вѣроятно, отъ лица презиравшихъ монашество.

²⁾ Turritae—такъ переводитъ Іеронимъ имя Магдалины.

³⁾ Частное мнѣніе Іеронима, основанное на словахъ Іоан. 18, 15. Другіе толкователи, признающіе, что слова: *ученихъ же той бѣ знаемъ архіереови* евангелистъ Іоаннъ относитъ къ себѣ самому, причину

ялся ковъ іудеевъ, такъ что ввелъ въ притворъ Петра и одинъ изъ апостоловъ стоялъ при крестѣ, принялъ къ себѣ мать Спасителя, и въ наслѣдство отъ дѣвственника Господа дѣвственный сынъ получилъ дѣвственницу мать.

Такимъ образомъ прожила она (Маркелла) очень много лѣтъ, такъ что видѣла предъ собою старушкою ту, которую помнила дѣвочкою (Евстохію),—прожила, одобряя мысль Платона, что философія есть размышленіе о смерти. Поэтому и нашъ апостоль сказалъ: *по вся дни умираю* для вашего спасенія (1 Кор. 15, 31), и Господь (по древнимъ спискамъ): «кто не будетъ носить ежедневно креста своего и не послѣдуетъ за Мною, тотъ не можетъ быть моимъ ученикомъ» (Лук. 14, 27), и гораздо ранѣе чрезъ пророка Духъ Святой: *яко тебе ради умерщвляемы есмь весь день: вѣтнихомся якоже овцы заколенія* (Рим. 8, 36), а также, спустя много вѣковъ — это изреченіе: *поминай послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши* (Сир. 7, 39), а равно какъ и наставленіе краснорѣчиваго сатирика:

„Живи помня о смерти: время бѣжить; то, что я говорю, есть уже послѣдующее“ ¹⁾.

Итакъ (какъ я началъ было говорить) она проводила дни и жила съ постоянною мыслию о смерти; одѣвалась такъ, что помнила гробъ, принося себя въ жертву разумную, живую, благоугодную Богу.

Наконецъ, когда нужда церковная ²⁾ и меня привела въ Римъ вмѣстѣ съ святыми епископами Павлиномъ и Епи-

этого знакомства объясняютъ не знатностію рода Іоанна, а или ремесломъ рыбака, по которому онъ могъ быть извѣстенъ первосвященнику, или его мудростію въ законѣ.

¹⁾ Изъ Персея, сат. 5.

²⁾ Разумѣется путешествіе Іеронима въ Римъ въ 382 году по дѣлу о церкви антиохійской.

фаніемъ (изъ которыхъ одинъ управлялъ антїохійскою церковію въ Сирїи, а другой саламинскою въ Кипрѣ), и я робко опускалъ глаза предъ знатными женщинами. Она такъ дѣйствовала, по слову апостола, *благовременнѣ и безвременнѣ* (2 Тим. 4), что своимъ усердіемъ превозмогла мою робость. Такъ какъ я тогда пѣсколько славился знаніемъ священнаго Писанія, то никогда не случалось, чтобы она не спросила чего-нибудь по части священнаго Писанія; и не удовлетворялась тотчасъ отвѣтами, но поднимала возраженія,—и это не для словопреній, а для того, чтобы возражая научиться разрѣшать тѣ вопросы, какіе, думала она, можно противопоставить рѣшенію. Сколько я нашелъ въ ней добродѣтелей, сколько ума, сколько святости, сколько чистоты—онасаюсь говорить, чтобы не внушить подозрѣнія въ легковѣрїи и не причинить тебѣ большей скорби отъ воспоминанія, какого счастья ты лишилась. Скажу только, что всего, что мною собрано продолжительнымъ трудомъ и отъ долговременнаго размышленія обратилось въ природу, всего этого она отвѣдала, все изучила, все усвоила, такъ что послѣ моего отвѣзда, если заходитъ споръ о какомъ-нибудь свидѣтельствѣ изъ Писаній, то обращались къ ея суду. И такъ какъ она была весьма благоразумна и знала то, что философы называютъ τὸ πρέπον, т. е. приличіемъ въ поступкахъ, то на вопросы отвѣчала такъ, что и свое говорила какъ бы не отъ себя, а отъ меня или кого-нибудь другаго, чтобы и въ томъ, чему учила сама, признавать себя только ученицею. Ибо она знала слова апостола: *женѣ же учити не повелѣваю* (1 Тим. 2, 12), чтобы не подать повода къ оскорбленію мужчинамъ, а иногда и священникамъ, обращавшимся къ ней съ вопросами по предметамъ темнымъ и сомнительнымъ.

На наше мѣсто, какъ я услышалъ, къ ея обществу прилѣпилась ты и никогда не отходила отъ ней, какъ говорится, ни на палець. Живя въ одномъ съ нею домѣ и

въ одной комнатѣ, какъ всѣмъ въ городѣ стало очень хорошо извѣстно, ты нашла мать, а она дочь. Подгородное помѣстье стало для васъ монастыремъ и селеніе, выбранное вами,—пустынею. Такъ жили вы долгое время, и по жизни многихъ женщинъ, начавшихъ подражать вамъ, я радовался, что Римъ превратился въ Іерусалимъ. Много возникло монастырей дѣвственницъ, монаховъ стало безчисленное множество, такъ что по множеству посвятившихъ себя Богу то, что прежде считалось безчестнымъ, впоследствии стало почетнымъ. Между тѣмъ разлуку свою мы облегчали взаимными сношеніями, и чего не могли дѣлать тѣлесно, то исполняли духовно: часто обмѣнивались письмами, соревновали въ услугахъ, предупреждали другъ друга привѣтствіями:— и не много вредила разлука, соединенная съ неразлучными съ нею письмами.

Среди этой тишины и служенія Господу поднявшаяся въ здѣшнихъ краяхъ еретическая буря возмутила все и разсвирѣпѣла до такого неистовства, что не щадила ни себя, и никого изъ благочестивыхъ. И недовольствуясь тѣмъ, что здѣсь возмутила все, она и въ римскую пристань ввела корабль, исполненный богохульства. Горшокъ скоро нашель себѣ покрышку, и нечистыя ноги замутили грязью чистѣйшій потокъ римской вѣры. Неудивительно, что въ Римѣ для потѣхи зрителей на улицахъ и на торговой площади изобрѣтательный паяцъ билъ глупцовъ веревкою по задѣ, и когда они кусались, колотилъ ихъ въ зубы ¹⁾, —неудивительно, когда это тлетворное и постыдное ученіе нашло, кого соблазнить въ Римѣ. Нелѣпо толковали тогда книги *περὶ ἀρχῶν*, и былъ тогда ученикъ по истинѣ, сообразно съ своимъ именемъ *Ἰλρίος* ²⁾, если бы не наткнулся на такого

¹⁾ О зрѣлищѣ такого рода въ Римѣ упоминаетъ Лукіанъ.

²⁾ Т. е. блаженный. Этимъ словомъ, синонимическимъ съ *μακάριος*, Іеронимъ намекаетъ на Макарія, ученика Руфина.

учителя. Тогда-то явилось *διδυχοϛ* ¹⁾ противорѣчіе нашихъ и возмутилась школа фарисеевъ. Тогда святая Маркелла,—которая долгое время сдерживала себя, чтобы не показаться дѣйствующею но пристрастію,—видя, что одобренная апостольскими устами вѣра многими нарушается, такъ что лжеученіе привлекаетъ въ единомысліе съ собою даже священниковъ и нѣкоторыхъ монаховъ и въ особенности мірскихъ людей, и посмѣвается надъ простотою епископа ²⁾, который судилъ о другихъ по собственному пониманію истины,—видя это, она публично противостала этому лжеученію, лучше желая угодить Богу, чѣмъ людямъ.

Спаситель въ Евангеліи одобряетъ управителя несправедливаго за то, что онъ поступилъ хотя несправедливо въ отношеніи къ господину, но благоразумно по отношенію къ себѣ (Лук. 16, 10). Еретики, видя, что отъ малой искры разгораются очень большіе пожары, и что когда-то подложенный ими огонь достигъ вершинъ, и нельзя скрыть того, что соблазнило многихъ,—просятъ и получаютъ церковныя посланія, чтобы, имѣя общеніе съ церковію, казаться отступившими отъ ереси. Черезъ нѣсколько времени вступаетъ на епископство знаменитый мужъ Анастасій, котораго Римъ не удостоился имѣть долго, чтобы глава міра не была усѣчена при такомъ епископѣ ³⁾. Даже потому онъ и восхищенъ и предложень былъ, чтобы не потщился своими молитвами отклонить однажды произнесенный словами Господа къ Іереміи приговоръ: *не молися о людехъ сихъ въ благо: егда постигнутся будутъ, не услышу прошенія ихъ, и аще принесутъ всесожженія и жертвы, не благоволю въ нихъ: яко мечемъ*

¹⁾ Т. е. разрѣшенное.

²⁾ Сиріція.

³⁾ Анастасій былъ епископомъ Рима три года съ небольшимъ. Глава міра была усѣчена, т. е. Римъ былъ взятъ готами при его пріемникѣ Иннокентіѣ.

и гладомъ и моромъ изъ скончашу ихъ. (Іер. 14, 11, 12). Но ты скажешь: что же здѣсь служить въ похвалу Маркелла? Она положила начало осужденію еретиковъ: она представила свидѣтелей, которые, бывъ сначала наставлены ими ¹⁾, впоследствии заразились еретическимъ учешемъ; она доказала множество соблазненныхъ; она представила книги *περὶ ἀρχῶν*, которыя оказывались исправленными рукою скорпіона. Еретики, которыхъ призывали къ защитѣ многократными посланіями, не осмѣлились явиться: такъ велика была сила совѣсти, что они предпочли быть осужденными заочно, чѣмъ быть обличенными въ глаза. Начало этой, столь славной побѣдѣ положила Маркелла,—и ты, стоявшая во главѣ этого дѣла и бывшая причиною этого блага, знаешь, что я говорю правду; ты знаешь, что изъ многого я говорю лишь о немногомъ, чтобы непріятнымъ распространеніемъ не наскучить читателю и чтобы неблагонамѣреннымъ не показалось, что я, подъ предлогомъ похвалы другимъ, тѣшу свое чрево. Перейду къ дальнѣйшему.

Буря, перенесшись отъ странъ запада на востокъ, очень многимъ грозила большими крушеніями. Тогда исполнилось сказанное: *Сынъ человеческій придетъ обрѣцетъ ли си въру на земли* (Лук. 18, 8)? Когда охладѣла любовь многихъ, немногіе, любившіе истину въры, присоединились къ нашей сторонѣ, хотя публично направлялся ударъ противъ главы этихъ немногихъ и хотя противъ нихъ употреблялись все средства, такъ что и Варнава ²⁾ былъ увлеченъ въ этотъ

¹⁾ Т. е. обществомъ благочестивыхъ женщинъ, о которыхъ говорится въ этомъ письмѣ.

²⁾ Іеронимъ разумѣетъ какого-то прежняго друга, который потомъ отдѣлился отъ него, какъ Варнава отъ Павла. Думаютъ, что указывается или на Іоанна Іерусалимскаго, или на Руфина, которому Іеронимъ въ апологіи приписываетъ угрозу убить его: *minaris interitum, nisi tacesco*, говоритъ Іеронимъ.

соблазнъ, или—лучше—явное, совершенное не насиліемъ, а намѣреніемъ, отцеубійство. И вотъ повѣялъ Господь—и вся буря разевъялась: и исполнилось предречіе пророческое: *отъ племени духъ ихъ и исчезнутъ и въ персть свою возвратятся* (Ис. 103, 29), *въ той день погибнутъ вся помысленія ихъ* (Ис. 145, 4), и иное евангельское: *безумис, въ сію ночь душу твою истяжутъ отъ тебе: а яже уготовавалъ еси, кому будутъ* (Лук. 12, 20)?

Во время этихъ событій въ Иерусалимѣ, съ запада приходятъ страшныя вѣсти, что Римъ въ осадѣ, что спасеніе гражданъ покупается золотомъ, что ограбленные они осаждаются снова, чтобы за имѣніемъ потерять и жизнь ¹⁾. Чѣмѣтъ языкъ и рыданія прерываютъ слова диктующаго. Берутъ городъ, который взялъ весь міръ; мало того, прежде чѣмъ погибнуть отъ меча, онъ погибаетъ отъ голода, и лишь немногіе остаются, чтобы быть взятыми въ плѣнь. Въ мучительномъ голодѣ бросаются на мерзкую пищу, рвутъ члены другъ у друга, мать не шадитъ груднаго ребенка, и снова принимаетъ въ утробу недавно изведеннаго оттуда. «Ночью плѣнени Моавъ, ночью пала стѣна его» (Ис. 31, 1). *Боже, приидоши языцы въ достояніе Твое, оскверниши храмъ святыи Твой. Положиши Иерусалимъ яко овощное хранилище, положиши труни рабъ Твоихъ брашно птицамъ небеснымъ, плоти преподобныхъ Твоихъ звѣремъ земнымъ. Проліяша кровъ ихъ яко воду окрестъ Иерусалима, и не бы погрѣбайи* (Ис. 78, 1—3).

Что словомъ выразить разгромъ и ужасы той ночи,
Для гори кто пойдетъ довольно слезъ?

¹⁾ Описывается осада Рима готскимъ царемъ Аларихомъ въ 409 г. После первой осады римляне заключили миръ съ готами, заплативши огромную контрибуцію, но Аларихъ снова осадилъ Римъ, когда условія этого мира были отвергнуты Гоноріемъ,

Паль древній градъ, царившій много лѣтъ,
 По улицамъ, въ домахъ во множествѣ разбросаны бездушныя тѣла,
 И всюду страшный образъ смерти.

(Virg. 1. II. Aeneid).

Среди этого разгрома кровожадный побѣдитель вторгается и въ домъ Маркеллы. «Да позволено мнѣ будетъ разсказать слышанное» (Ex Virgil Aeneid. C. VI), или лучше, разсказать видѣнное бывшими при этомъ святыми мужьями, которые говорятъ, что ты была не разлучна съ нею и во время несчастія. Безстрашно, говорятъ, встрѣтила она вошедшихъ; у ней потребовали денегъ, и хотя убогая одежда устранила подозрѣніе въ зарытыхъ сокровищахъ, однако не повѣрили добровольной нищетѣ. Избитая палками и бичами, она, говорятъ, не чувствовала боли; но валяясь въ ногахъ у враговъ, она слезами достигла того, чтобы тебя не разлучали съ нею, — чтобы тебѣ, молодой дѣвицѣ, не потерять того, чего не могла утрашиться ея старость. Христосъ смягчилъ жестокосердыхъ, и среди окровавленнаго оружія нашлось мѣсто состраданію. Когда и ее и тебя варвары отвели въ базилику апостола Павла, чтобы указать вамъ или мѣсто спасенія или гробъ; то она, говорятъ, пришла въ такую радость, что благодарила Бога, что Онъ сохранилъ ей тебя невредимою, что взятіе города нашло, а не сдѣлало ее бѣдною, что она не имѣла насущнаго хлѣба, что насыщенная Христомъ, не чувствовала голода, что и словомъ и дѣломъ говорила: *нага изыдохъ отъ чрева матери моя, нага и отъиду. Яко Господеви изволися, тако бысть. Буди имя Господне благословенно* (Іов. 1, 21).

Черезъ нѣсколько дней, при здоровомъ, безболѣзненномъ цвѣтущемъ тѣлѣ, почила о Господѣ, оставивъ наслѣдницею тебя, свою бѣдненькую, или лучше черезъ тебя оставивъ наслѣдниками бѣдныхъ. Закрывая глаза на рукахъ твоихъ, испускающая духъ при поцѣлуяхъ твоихъ, — среди рыданій твоихъ

она улыбалась въ сознаниі добродѣтельной жизни и предчувствіи будущихъ наградъ. Вотъ что для тебя, достопочитаемая Маркелла, и для тебя, дочь Принципія, я продиктовалъ за одинъ короткій пріемъ, желая угодить и Богу и читателямъ не красотою слова, а добрымъ расположеніемъ преданной вамъ души.

№ 104. Письмо къ Гавденцію.

О воспитаніи маленькой Пакатулы.

Нелегкое дѣло писать дѣвчкѣ, которая не понимаетъ, что ей говоришь,—душевныхъ качествъ которой не знаешь и о наклонностяхъ которой невѣрно предполагаешь, такъ что, по заключенію знаменитаго оратора, можно хвалить въ ней скорѣе обѣщающіе задатки, чѣмъ дѣйствительныя качества. Ибо какъ увѣщавать къ воздержанію ту, которая проситъ пирожковъ, которая на груди матерней лепечетъ болтливымъ язычкомъ, которой пріятнѣе сласти, чѣмъ слова? Будетъ ли внимать глубокомыслию апостола та, которую больше забавляютъ бабушкины сказки? Пойметъ ли пророческія предвѣщанія та, которую тревожитъ лишь печальное лице няни? Уразумѣетъ ли она величіе Евангелія, о сіяніи котораго притупляется всякій умъ смертныхъ? Какъ я буду внушать повиновеніе родителямъ той, которая нѣжною ручкою бьетъ смѣющуюся мать? Итакъ наша Пакатула пусть получитъ это письмо съ тѣмъ, чтобы прочитать его впоследствии, а до того времени пусть учится азбукѣ, складываетъ слоги, знакомится съ именами, совокупляетъ слова,—и для того, чтобы она упражнялась въ этомъ своимъ тоненькимъ голоскомъ, пусть предлагаются ей въ награду лакомства, сласти и все, что пріятно на вкусъ; пусть она успѣваетъ, въ надеждѣ получить что нибудь изъ милыхъ

цвѣтовъ, красивыхъ игрушекъ, любимыхъ куколъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пусть тоненькимъ мальчикомъ пробуетъ и прясть; пусть часто обрываетъ она нитки, чтобы когда-нибудь уже не обрывать, а послѣ труда пусть забавляется играми, вѣшается на шею матери, ласкается къ роднымъ; пусть и псалмы поетъ изъ-за награды, — чтобы полюбить учиться тому, чему заставляютъ ее учиться, чтобы занятіе было не работою, а удовольствіемъ, дѣломъ не принужденія; а добровольнаго желанія.

Нѣкоторые, когда обрекаютъ дѣвушку на вѣчное дѣвство, имѣютъ обыкновеніе облекать ее въ темную тунику, надѣвать черную мантию, снимать все полотняное и не класть золота ни на шею, ни на голову, — конечно, съ тѣмъ добрымъ намѣреніемъ, чтобы она въ нѣжномъ возрастѣ не приучалась къ тому, что впоследствии должна будетъ оставить. А другимъ это кажется иначе. Ибо, говорятъ, если она сама и не будетъ имѣть этого, то развѣ не будетъ видѣть другихъ, которыя имѣютъ это? Женскій полъ флѣксовъ (любящій украшенія); и мы знаемъ, что многія, даже особенно-цѣломудренныя, съ удовольствіемъ наряжаются, хотя не для мужчинъ, а для себя. Пусть лучше она тѣшится нарядами, имѣя ихъ, а не смотритъ, какъ другія хвалятся тѣмъ, чего она не имѣетъ. И лучше, если, наскучивши ими, она получитъ отвращеніе къ нимъ, чѣмъ, если не имѣя ихъ, пожелаетъ имѣть. Такъ поступилъ Господь съ народомъ израильскимъ, пославъ желавшимъ египетскихъ мясъ множество перепеловъ, до тошноты и рвоты; подобнымъ образомъ и многіе, бывшіе прежде людьми міра, легче оставляютъ испытанныя удовольствія плоти, чѣмъ тѣ, кои отъ дѣтства не знаютъ похоти. Ибо первые отвращаются испытаннаго, послѣдніе желаютъ неизвѣднаго; одни въ раскаяніи избѣгаютъ ковь удовольствія, отъ которыхъ они освободились, другіе, лаская плотскія похоти пріятнымъ щею-

таніемъ тѣла, думая вкушать въ этихъ наслажденіяхъ медь; находятъ въ нихъ смертоносный ядъ. *Медь бо каплетъ отъ устенъ жены блудницы* (Прит. 5, 3),—медь, который до времени услаждаетъ уста вкушающихъ, а послѣ кажется горче желчи. Поэтому и въ жертвоприношеніяхъ не приносятъ Господу меда, и вмѣсто воска, который составляетъ вѣстилице меда, въ храмѣ Божіемъ возжигается масло (Лев. 2), которое выжимается изъ горькихъ маслинъ. И пасха вкушается съ горькими травами (Исх. 12) въ опрѣснотахъ чистоты и истины (1 Кор. 5, 8), имѣющей которая устоитъ противъ гоненія въ мірѣ семь. Поэтому и пророкъ въ таинственномъ смыслѣ вспѣваетъ: *на единъ съдяхъ, яко горести исполнихся* (Иер. 15, 17).

Итакъ что же? нужно ли въ юность предаваться удовольствіямъ жизни, чтобы впослѣдствіи тѣмъ мужественнѣе презирать удовольствія? Нѣтъ, говорятъ, потому что *кійждо въ званіи, въ немже призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ* (1 Кор. 7, 20). Кто обрѣзанъ, т. е. призванъ къ дѣвству, тотъ пусть не возбуждаетъ своей плоти, т. е. не ищетъ кожаныхъ покрововъ брака, въ которые облекся Адамъ, изгнанный изъ рая дѣвства. *Въ необрѣзаніи кто призванъ бысть*, т. е. имѣющей жену и облеченный въ кожаныя ризы супружества, пусть не ищетъ дѣвства и обнаженія вѣчнаго цѣломудія, которое онъ однажды оставилъ, но пусть пользуется сосудомъ своимъ *во святыхъ и чести* (1 Сол. 4, 4) и пьетъ изъ источниковъ своихъ, а не ищетъ расточенныхъ водоемовъ блудницъ, которые не могутъ содержать чистѣйшихъ водъ цѣломудрія (Прит. 5). Поэтому и Павелъ, разсуждая въ той же главѣ о дѣвствѣ и бракѣ, называетъ находящихся въ супружествѣ рабами плоти, а тѣхъ, которые служатъ Господу всею свободою безъ ярма брачнаго, свободными. То, что я говорю, говорю не вообще, а въ частности, говорю не о всѣхъ, но только о нѣкоторыхъ.

Ибо моя рѣчь относится къ обоимъ поламъ, а не къ одному слабому сосуду. Ты дѣвственникъ:—что же привлекаетъ тебя въ союзъ съ женою? Зачѣмъ слабую и утлую ладью ввѣряешь ты великимъ волнамъ и беззаботно идешь на опасность неизвѣстнаго плаванія? Не знаешь, чего желаешь, а между тѣмъ соединяешься съ нею (женою) такъ, какъ будто давно желалъ, или (забавно сказать) пожелалъ бы впоследствии. Но тотъ полъ болѣе способенъ къ услуженію? Такъ выбери безобразную старуху, выбери женщину извѣстнаго цѣломудрія о Господѣ: зачѣмъ прельщаетъ тебя молоденькая, красивая, страстная? Ты моешься въ баняхъ, у тебя бѣлая кожа, розовыя щеки, ты ѣшь мясо, утопаешь въ богатствѣ, одѣваешься въ драгоцѣнныя одежды,—и неужели думаешь, что можно спать спокойно подлѣ смертоносной змѣи? Но ты не живешь съ нею въ одной комнатѣ? Только ночью; но зато цѣлые дни проводишь въ разговорахъ съ нею. Почему ты сидишь съ нею одинъ на одинъ, а не съ свидѣтелями, такъ что если ты и не грѣшишь, то другимъ кажешься согрѣшающимъ и подаешь примѣръ тѣмъ несчастнымъ, которые грѣшатъ по подражанію твоему авторитету? А тебя, дѣвица или вдова, зачѣмъ задерживаетъ продолжительная бесѣда мужчины? Зачѣмъ ты не боишься оставаться съ нимъ наединѣ? Хоть потребность желудка или мочеваго пузыря пусть побудитъ тебя выйти вонъ и оставить по этому случаю того, съ кѣмъ повела ты себя гораздо вольнѣе, чѣмъ съ братомъ, и гораздо менѣе скромно, чѣмъ съ мужемъ. Но ты спрашиваешь его о чемъ-нибудь изъ св. Писанія? Спрашивай же публично; пусть слышать служанки, пусть слышать твои подруги. *Все являемое свѣтъ есть* (Еф. 5, 13). Добрая бесѣда не ищетъ тайны; она даже находитъ удовольствіе, когда ее многіе слушаютъ и одобряютъ. А то славный учитель оставляетъ мужчинъ, пренебрегаетъ братьями и трудится въ секретномъ наставленіи одной женщины!

Отъ предмета своего разсужденія я нѣсколько уклонился, по поводу постороннихъ предметовъ, и, наставляя и воспитывая маленькую Пакатулу, нечаянно началъ войну со многими своими ненавистницами. Возвращусь къ предмету. Женскій полъ пусть соединяется съ своимъ поломъ: пусть не знаетъ, даже боится играть съ мальчиками. Пусть онъ не знаетъ никакого нескромнаго слова, и если среди пустословія прислути случайно услышитъ что-нибудь непристойное, пусть не понимаетъ. Жестъ матери пусть будетъ для нея вмѣсто словъ и увѣщаній и вмѣсто приказанія. Пусть любитъ ее, какъ родительницу, подчиняется какъ госпожѣ, боится какъ наставницы. Когда же молоденькой дѣвочкѣ съ выпавшими зубами пойдетъ седьмой годъ, и она начнетъ краснѣть, будетъ знать, о чемъ нужно молчать, сомнѣваться, о чемъ говорить: тогда пусть учить на память Псалтирь и до зрѣлаго возраста—книги Соломона; Евангелія, апостоловъ и пророковъ пусть дѣлаетъ сокровищемъ своего сердца. Пусть не ходитъ слишкомъ свободно въ публичныхъ мѣстахъ и пусть не всегда стремится въ большія собранія въ церквахъ. Всѣ удовольствія ея пусть будутъ въ ея комнатѣ. Пусть никогда не видитъ она завитыхъ молодыхъ людей; пусть будутъ удалены отъ ней сладкія рѣчи, которыя чрезъ слухъ уязвляютъ душу, и забавы дѣвушекъ, которыхъ тѣмъ труднѣе удалить, чѣмъ свободнѣе онѣ держатъ себя и которыя секретно научаютъ тому, чему научились сами, и грубыми рѣчами оскорбляютъ заключенную Данаю. Сопутницею ея пусть будетъ учительница и стражемъ воспитательница,—не преданная много вичу, по апостолу, не лѣнивая и болтливая, но трезвенная, строгая, трудолюбивая и говорящая только то, что душу дѣвическую располагаетъ къ добродѣтели. Ибо какъ вода на ровной площади слѣдуетъ за пальцемъ, который впереди ведетъ ее, такъ и мягкій нѣжный возрастъ удобно склоняется и на ту и на другую

сторону, и влечется туда, куда его поведешь. Сладострастные разряженные юноши обыкновенно ищутъ знакомства чрезъ кормилицъ или приживалокъ ласками, привѣтливостію, подарками, и, скромно вступивши въ домъ, изъ искорки зажигаютъ пожары, мало по малу доходятъ до безстыдства, и никоимъ образомъ ихъ нельзя обуздать, такъ какъ про нихъ сложенъ этотъ стишокъ: *трудно сердиться на то, чему позволилъ обратиться въ привычку*. Стыдно сказать, а сказать нужно: благородныя женщины, пренебрегши еще болѣе благородными женихами, вступаютъ въ связи съ людьми самаго низкаго званія и рабами, и подъ предлогомъ благочестія, подъ видомъ цѣломудрія, иногда оставляютъ своихъ мужей; Елены слѣдуютъ за Александрами, и не боятся Менелаевъ. Все это видятъ, бранятъ и не наказываютъ, потому что множество согрѣшающихъ подставляетъ для грѣха извиненіе.

О позоръ! рушится міръ, а грѣхи наши не рушатся. Городъ прославленный и глава римской имперіи истребленъ однимъ пожаромъ. Нѣтъ ни одной страны, въ которой не было бы римскихъ изгнанниковъ. Въ прахъ и пепелъ обращены священныя нѣкогда церкви, а мы предаемся жадности. Живемъ какъ будто собираемся на другой день умереть, и строимъ какъ будто вѣчно будемъ жить въ этомъ мірѣ. Золотомъ блещутъ стѣны, золотомъ потолки, золотомъ капители колоннъ, а нагой и алчущій Христосъ въ образѣ нищаго умираетъ предъ нашими дверями. Мы читаемъ, что первосвященникъ Ааронъ вышелъ на встрѣчу свирѣпѣющему пламени и, зажегши кадилаицу, удержалъ гнѣвъ Божій (Чис. 16). Великій священникъ сталъ между смертію и жизнью, и огонь не дерзнулъ идти далѣе ногъ его. Господь говоритъ Моисею: *остави мя, и потреблю народъ сей* (Ис. 32, 10). Когда говоритъ: *остави мя*, показываетъ, что Онъ можетъ быть смягченъ и можетъ не исполнить угрозы, но-

тому что молитвы раба противостоятъ могуществу Божию. Какъ ты думаешь, кто въ подосолнечной могъ бы теперь противостать гнѣву Божию,—кто могъ бы выйти на встрѣчу пламени и сказать съ апостоломъ: *молихся бы самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моеи* (Рим. 9, 3)? Съ пастырями гибнуть и паствы, поелику каковъ народъ, таковъ и священникъ. Моисей въ порывѣ состраданія говорилъ: *аще убо оставиши грѣхъ ихъ, остави: аще же ни, изгладн мя изъ книги Твоея* (Ис. 32, 32). Онъ хочетъ погибнуть съ погибающими и не довольствуется своимъ собственнымъ спасеніемъ, поелику *во мнозѣ языцѣ слава царю* (Прит, 14, 28). Въ такія-то времена родилась наша Пакагула. Среди такихъ-то забавъ она проводитъ дѣтство, имѣя узнать слезы прежде, чѣмъ смѣхъ, имѣя услышать вопль прежде, чѣмъ радость, не зная входа, узнать уже выходъ. Пусть думаетъ она, что міръ всегда былъ таковъ. Пусть не знаетъ прошедшаго, избѣгаетъ настоящаго, ждетъ будущаго. Твоя любовь, братъ Гавденцій, побудила меня продиктовать это въ несвязной рѣчи, и послѣ убійства друзей и постояннаго сѣтованія вынудила меня, старика, написать дитяти для ея далекаго будущаго. И я счелъ лучшимъ дать просящему немного, чѣмъ не дать ничего: потому что въ первомъ случаѣ обнаруживается доброе расположеніе, угнѣтенное печалью, въ послѣднемъ — оскорбленіе дружбы.

105. Письмо къ Дардану.

О землѣ обѣтованной.

Ты, благороднѣйшій изъ христіанъ и христіаннѣйшій изъ благородныхъ, Дарданъ, спрашиваешь: обѣтованная ли та земля, которую заняли іудеи, возвратившись изъ Египта, такъ какъ уже прежде она была во владѣніи ихъ предковъ

и потому не есть земля обѣтованная, но возвращенная,— ибо эти слова употребляешь ты въ концѣ своего письма. Спрашивая объ этомъ, кажется, ты думаешь тоже, что одобряютъ многіе изъ нашихъ, именно, что нужно искать другой земли обѣтованной, о которой и Давидъ въ псалмѣ говоритъ: *вѣрую видѣти благая Господня на земли живыхъ* (Псал. 26, 13), и Господь въ Евангеліи: *блаженни кротціи, яко тѣи наследуютъ землю* (Матѣ. 5, 5). Безъ сомнѣнія, когда Давидъ пѣлъ это духомъ, онъ находился въ землѣ обѣтованной, и не только жилъ въ предѣлахъ Іудеи, но и былъ властителемъ многихъ сопредѣльныхъ народовъ, занимавшихъ пространство отъ потока египетскаго, находящагося въ Ринокорурѣ, до рѣки Евфрата, какъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *на Идумею простру сапогъ мой, мнѣ иноплеменницы покорятся* (Псал. 59, 11). Какимъ же образомъ онъ надѣялся получить то, чѣмъ уже владѣлъ по праву завоеванія? Можетъ быть для того, чтобы не оставить сомнѣнія читающимъ іудеямъ,—какая это земля, которую онъ желалъ видѣть,—онъ объясняетъ это въ той же самой рѣчи, говоря: *вѣрую видѣти благая Господня на земли живыхъ*. Итакъ земля іудейская, которая была въ его владѣніи, не есть земля живыхъ, т. е. Авраама, Исаака и Іакова, о которыхъ Господь при вопросѣ о воскресеніи говоритъ: *нѣсть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ* (Матѣ. 22, 32). О землѣ же и странѣ мертвыхъ Іезекіиль говоритъ: *душа, яже согрѣшитъ, та умретъ* (Іезек. 18, 4), и еще: *не мертви восхвалятъ тя, Господи, но мы живи* (Псал. 113, 17 и 18), которые и при воскресеніи встрѣтятъ Господа Спасителя, по словамъ апостола: *сіе бо вамъ глаголемъ словомъ Господнимъ, яко мы живущи, оставимъ въ пришествіе Господне, не имамы предварити умершихъ* (1 Тесс. 4, 15), о которыхъ и Іеремія говоритъ: *отступающимъ (отъ Тебе) на земли да напишутся* (Іер. 17, 13).

То, что объщаетъ Давидъ словами: *върую видѣти благая Господня*, ясно возводитъ насъ къ духовному созерцанію. Ибо какихъ другихъ благъ искалъ, или въ чемъ нуждался царь, который былъ столь богатъ, что сынъ его Соломонъ (богаче котораго не было никого въ мірѣ) былъ бы доволенъ частію оставленнаго имъ богатства? Но въ землѣ живыхъ онъ искалъ тѣхъ благъ, которыхъ око не видѣло и ухо не слышало и которыя на сердце человѣку не пришли,—благъ, которыя уготовалъ Богъ любящимъ Его. А сказанное въ Евангеліи: *блаженн кротци, яко ти наследятъ землю* (Матѹ, 5, 5), въ буквальноймъ смыслѣ, кажется, содержитъ внутреннее противорѣчіе. Ибо наследованіе земли свойственно не кроткимъ и смиреннымъ, которые часто по своей кротости теряютъ и оставленное родителями, но мужамъ храбымъ и смѣлымъ, наиболѣе способнымъ къ войнѣ. Наконецъ и въ псалмѣ сорокъ четвертомъ, который относится подъ именемъ Соломона къ таинству Христа и Его церкви, пишется: *препоаши мечъ по бедра Твоея, сильне, красотою Твоею и добротою Твоею: и наляцы, и успѣвай, и царствуй истины ради и кротости и правды: и наставитъ тя дивно десница твоя* (Псал. 44, 45). Это тотъ, который и въ другомъ псалмѣ говоритъ: *помяни Господи Давида, и всю кротость его* (Псал. 131, 1), и еще: *пріемляй кроткія Господь* (Псал. 146, 6), и яенѣ въ Евангеліи: *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Матѹ. 11, 29),—тотъ, въ прообразѣ котораго и Моусей изображается кротчайшимъ изъ всѣхъ людей, бывшихъ на земли (Чис. 12, 3).

Земля живущихъ, какъ я сказалъ, это та земля, въ которой святымъ и кроткимъ мужамъ уготовляются благая Господня,—та, которой до пришествія во плоти Господа Спасителя не могли наследовать ни Авраамъ, ни Исаакъ, ни Іаковъ, ни пророки, ни другіе праведные мужи. И Авраамъ,

хотя въ различныхъ мѣстахъ представляется съ Лазаремъ въ аду (Лук. 16), и Іаковъ, мужъ праведный, говоритъ: *спиду къ сыну моему стѣя въ адъ* (Быт. 37, 35). Ключъ къ раю есть кровь Христа, который говоритъ къ разбойнику: *днесь со мною будещи въ раю* (Лук. 23, 42). Это-то и есть, какъ я сказалъ, земля живыхъ, земля богатства и благъ Божіихъ, которую первый Адамъ потерялъ, а второй Адамъ обрѣлъ, или лучше, возвратилъ потерянную первымъ, по слову апостола: *царствова смерть отъ Адама даже до Моисея* (подъ лицемъ котораго разумѣется законъ), *по подобію преступленія Адамова, иже есть образъ будущаго* (Рим. 5, 14). Хотимъ ли знать опредѣленіе, что это за земля,—прочитаемъ у Малахія: *и ублажатъ вы вси языцы, зане будете вы земля пожеланная, глаголетъ Господь Вседержитель* (Мал. 3, 12), земля, которая на греческомъ выразительнѣе называется *ἑλεῖτη*, которой или святые желаютъ, или которая угодна Господу. И Исаія соотвѣтствуетъ симъ словамъ, говоря: *и будетъ чловѣкъ скрывающій словеса своя и явится на землѣ сіонской яко рѣка текущая славная въ земли жаждущей* (Ис. 32, 2). Что это за земля сіонская, въ которой явится рѣка славная? Очевидно—та, о которой Давидъ поетъ въ другомъ псалмѣ; *преславная глаголашася о тебѣ, граде Божій*, и еще: *любитъ Господь врата Сіоня паче встѣхъ селеній Іаковлихъ* (Псал. 86, 2—3). Неужели тѣ врата любитъ Богъ, которыя мы видимъ обращенными въ прахъ и пепель? Въ этомъ нельзя убѣдить, не говоря о мудрыхъ, даже и неразумныхъ людей. Мнѣ приходитъ на умъ также и то, что съ этимъ пониманіемъ согласуется и написанное въ шестьдесятъ четвертомъ псалмѣ: *посѣтилъ еси землю и упоилъ еси ю, умножилъ еси и обогати ю: рѣка Божія наполнися водъ: уготовалъ еси пищу имъ, яко тако (есть) уготованіе. Бразды ея упои, умножи жита ея; въ капляхъ ея возвеселится возсіающіи*

(ст. 10—11). Ибо эта земля постоянно посѣщается Богомъ, и уповаема, и наполняется всеми богатствами. Изъ ней вытекаетъ рѣка Божія, о которой написано: *рѣчная устремленія веселятъ градъ Божій* (Псал. 45, 5), о которой въ таинственной рѣчи говоритъ и Іезекиль при описаніи храма (Іез. 47); на берегахъ которой растутъ деревья, которыя на той и другой сторонѣ (рѣки) производятъ каждый мѣсяць новые плоды въ великомъ изобиліи. Объ этой землѣ въ Причтахъ премудрый мужъ написалъ: *длгилый свою землю, исполнится хлббовъ* (Прит. 12, 11). Если же кто-нибудь подумаетъ, что это должно понимать въ отношеніи къ этой землѣ, которую видимъ, которою владѣютъ большею частію грѣшники, и о которой написано: *прокляти земля въ длгилыхъ твоихъ* (Быт. 3, 17), то пусть отвѣтитъ, какъ можетъ быть оправдана мысль: *длгилый свою землю исполнится хлббовъ*. Ибо сколько людей воздѣлываютъ землю и заставляютъ ее давать плоды, и однако, по многимъ препятствующимъ этому обстоятельствамъ, угнетаются нуждою и голодомъ? Но должно обратить вниманіе на то, что говоритъ Писаніе словами: *длгилый свою землю*. Земля—собственность человѣка и съ ней никогда нельзя его сбросить, почему и написано: *избавленіе мужа души свое ему богатство* (Прит. 13, 8). Этого однакоже нельзя понимать буквально. Ибо сколь многіе избавляются чужими деньгами или деньгами друзей? Воздѣлыватели и пахари этой земли суть апостолы, которымъ говорится: *вы есте соль земли* (Матѳ. 5, 13), и въ другомъ мѣстѣ: *въ терпѣрнѣи вашемъ стяжете души ваши* (Лук. 21, 19), изъ которыхъ одинъ, соудъ избранный, весьма дерзновенно говоритъ: *Богу бо есмь споспѣшникомъ: Божіе тяжаніе, Божіе зданіе есте* (1 Кор. 3, 9) и многое другое, о чемъ я не распространяюсь, чтобы не показалось, что я утомляю умъ и не довѣряю памяти читателя.

Внимательнымъ умомъ и при руководствѣ авторитета Писаній мы должны разсудить также и о томъ, что святыя той земли, которую іудеи называютъ землею обѣтованною, суть не постоянные жители ея, а странники и пришельцы. Отъ лица мужа праведнаго мы читаемъ: *пресельникъ азъ есмь у тебе и пришлецъ, якоже вси отцы мои* (Псал. 38, 13). Онъ, долго поживши во тьмѣ этой земли, съ воцлемеъ въздыхаетъ и говоритъ: *увы мнѣ, яко пришестье мое продолжится, вселихся въ селеніи кидарскими: много пришестьвова душа моя* (Псал. 119, 5—6). А если мы изслѣдуемъ всѣ мѣста, гдѣ только упоминается о жителѣ земли—въ началѣ, срединѣ и въ концѣ Писанія—тогда ясно можно будетъ доказать то правило Писанія, что жителями земли всегда называются грѣшники, какъ вотъ на примѣръ въ Апокалиписѣ Іоанна: *горе живущимъ на земли* (Апок. 8, 13). Объ Авраамѣ, который первый получилъ обѣтованіе, по слову Господа: *тебѣ и стѣмени твоему дамъ землю сію* (Быт. 12, 7), въ проповѣди перваго во Христѣ мученика Стефана говорится, что онъ не получилъ этой земли ни на стопу ноги. Ибо такъ написано: *тогда изшедъ изъ земли халдейскія, вселихся въ Харранъ: и оттуду по умертвіи отца его, пресели его въ землю сію, на нейже вы нынѣ живете: и не даде ему наслѣдія въ ней ниже стопы ногу: и обѣща дати ему ю во одержаніе, и стѣмени его по немъ* (Дѣян. 7, 4 и 5). И чтобы тайная мысль читателя не повлекла его къ такому пониманію, что недарованнос родоначальнику было возвращено потомкамъ, сосудъ избранный говоритъ въ посланіи къ евреямъ: *вѣрою, зовомъ Авраамъ послуша изыти на мѣсто, еже хотяше прияти въ наслѣдіе, и изыде неспѣдый камо грядетъ. Вѣрою прииде Авраамъ на землю обѣтованія, якоже на чужду, въ кровы вселихся, со Исакомъ и Іаковомъ съ наслѣдниками обѣтованія тогожде: Ждаше бо основанія и муцаго града,*

ему же художникъ и содѣтель Богъ (Евр. 11, 8—11). И потомъ, сказавши объ Авелѣ, Енохѣ, Ноѣ и Сарѣ, прибавилъ; *но вѣрнѣе умроша сіи вси, не пріемше обѣтованій, но издалече видѣвши я, и црѣловавше, и исповѣдавше, яко страннии и пришельцы суть на земли. Ибо таковая глаголющии являються, яко отечествія взыскуютъ. И ащебы убо оно помнили, изъ негоже изыдоша, имѣли бы время возвратитиси: нынѣ же лучшаго желаютъ, сиречь небеснаго* (Тамъ же 13—16 ст.), и упомянувши за тѣмъ о многихъ святыхъ, наконецъ сказалъ: *и сіи вси послушествовани бывше вѣрою, не пріяша обѣтованія, Богу лучшее что о насъ предзрѣвшу, да не безъ насъ совершенство пріимутъ* (Тамъ же 39—40 ст.). *Но приступисте къ сіонстѣй горѣ, и ко граду Бога живаго, Иерусалиму небесному: и тмамы ангеловъ, торжеству и церкви первородныхъ, на небесныхъ написанныхъ* (Евр. 12, 22—23). Я знаю, что невѣріе іудеевъ не принимаетъ этихъ свидѣтельствъ, которыя несомнѣнно утверждены авторитетомъ Ветхаго Завѣта. Нашимъ нужно сказать то, что это посланіе, которое надписывается къ евреямъ, не только церквами востока, но и за ними всеми церковными писателями греческими принимается какъ посланіе апостола Павла, хотя многіе и думаютъ, что оно или Варнавы или Климента,—и что нѣтъ нужды чье оно, когда оно есть произведеніе мужа принадлежащаго къ церкви (*ecclesiastici viri*) и когда оно ежедневно прославляется чтеніемъ церквей. И если обычай латинянъ не принимаетъ онаго въ числѣ писаній каноническихъ, какъ и церкви греческія, по тойже свободѣ не принимаютъ Апокалипсиса Іоанна: то мы однакоже принимаемъ и ту и другую книгу, слѣдуя вовсе не обычаю настоящаго времени, но авторитету древнихъ писателей, которые по большей части пользуются свидѣтельствомъ той и другой книги,—не такъ, какъ иногда

это дѣлають относительно апокрифовъ (такъ какъ изрѣдка они пользуются и мѣстами изъ языческихъ писаній), но какъ книгами каноническими и церковными.

Тѣ, которые думаютъ, что этою именно землею (которая страданіемъ и воскресеніемъ Христа для насъ теперь сдѣлалась землею обѣтованною) владѣлъ народъ іудейскій по возвращеніи изъ Египта, пусть скажутъ мнѣ—какимъ количествомъ земли владѣлъ онъ. Безъ сомнѣнія—отъ Дана до Вирсавіи, что равняется лишь сто-шестидесяти милямъ въ длину. Ибо Писаніе свидѣтельствуетъ, что и Давидъ и Соломонъ, самые могущественные изъ царей, не владѣли большимъ пространствомъ (2 Цар. 17), если не считать владѣнія побѣжденныхъ ими племенъ, которыя жили въ союзѣ съ ними. Говорю это, чтобы не упоминать о пяти городахъ палестинскихъ: Газѣ, Аскалонѣ, Гетѣ, Аккаронѣ и Азотѣ, равно какъ объ идумеяхъ, обитавшихъ къ югу едва на разстояніи семидесяти пяти миль отъ Іерусалима, объ арабахъ и агарянахъ, которыхъ теперь называютъ сарацинами, жившихъ въ сосѣдствѣ съ городомъ Іерусалимомъ. О широтѣ земли обѣтованной стыдно говорить, чтобы не показалось, что я подаю язычникамъ поводъ къ богохульству. Отъ Юппіи до нашей маленькой деревни Виолеема сорокъ пять миль; а за нимъ идетъ огромная пустыня, населенная дикими варварами, о которыхъ говорится: *предъ лицемъ вселъ братіи вселится* (Быт. 16, 12) и которыхъ упоминаетъ краснорѣчивѣйшій поэтъ съ словами: *широко кочующіе барцеи*—отъ лежащаго въ пустынѣ города Барка,—которыхъ теперь африканцы называютъ искаженнымъ словомъ бариціане. По особенностямъ мѣстностей они называются различными именами, и отъ Мавританіи чрезъ Африку и Египетъ, Палестину и Финикию, Келесирію и Осроэну, Месопотамію и Персію простираются до Индіи. Такова-то, іудей, долготы и

широта твоихъ земель; ими-то ты хвалишься; ими-то ты хвастаешь предъ невѣждами по разнымъ провинціямъ.

„Ты хвалишься предъ толпою, а я знаю тебя насквозь“.

(Pers. Satyr. 3).

Ты возразишь, пожалуй, что землю обѣтованною называется та, о которой говорится въ книгѣ Числь (гл. 34),— страна, которая простирается съ юга отъ моря Соленого чрезъ Синъ и Кадисъ-Варни до потока египетскаго, впадающаго около Ринокоруры ¹⁾ въ великое море;—которая съ запада граничитъ съ этимъ моремъ, омывающимъ Палестину, Финикию, Келесирію и Киликію; съ сѣвера простирается отъ горы Тавра и Зефрона до Емаа, который теперь называется Сирією Епифановою; а къ востоку отъ Антиохіи и озера Хенеріеъ, которое теперь называется тиверіадскимъ, до Іордана, впадающаго въ Соленое море, называемое теперь Мертвымъ; за Іорданомъ же находятся владѣнія двухъ съ половиною колѣнъ: Рувимова и Гадова и половины колѣна Манасіина. И я сознаюсь, что это тебѣ было обѣщано, но не дано:—обѣщано елибѣ ты хранилъ заповѣди Божіи и въ путяхъ Его ходилъ, елибѣ вмѣсто всемогущаго Бога не поклонялся Веельфегору и Ваалу, Веельзевулу и Хамосу; а такъ какъ ты предпочелъ ихъ Богу, то потерялъ все, что было тебѣ обѣщано. И мнѣ въ Евангеліи обѣщается царство небесное, о которомъ совершенно не упоминаетъ Ветхій Заветъ. Но если я не исполню того, что заповѣдано, то вина будетъ не на обѣщающемъ, а на мнѣ, незаслужившемъ получить обѣщанное. Ибо когда при выборѣ предполагается свободная дѣятельность, то ты, не желающій трудиться, напрасно и надѣешься получить обѣщанное. Читай книгу Іисуса и Су-

¹⁾ Городъ палестинскій на границѣ египетской или городъ египетскій на границѣ палестинской.

дей, и ты узнаешь, какими тѣсными предѣлами ты ограниченъ въ своихъ владѣніяхъ. Зачѣмъ упоминать объ инородцахъ, которые жили въ разныхъ городахъ, и которыхъ народъ іудейскій не могъ выгнать изъ своихъ городовъ и поселеній,—когда самая столица твоя, сначала Іевусъ, затѣмъ Салимъ, потомъ Іерусалимъ и наконецъ Элія, не могла выгнать іевусеевъ, и жила вмѣстѣ съ ними въ соблазнѣ и примѣрѣ для сосѣдей; такъ что и храмъ твой построенъ былъ тамъ, гдѣ было гумно Орны Іевусея, да и самый храмъ, по множеству живущихъ съ тобою необрѣзанныхъ, былъ выстроенъ язычниками—седмьюдесятью тысячами каменосѣщевъ и осмьюдесятью тысячами носильщиковъ ¹⁾, т. е. сто пятьюдесятью тысячами, не считая надзирателей за работами.

Я говорю это не въ поношеніе землѣ іудейской, какъ думаетъ еретическій клеветникъ, и не для того, чтобы отвергнуть истинность исторіи, составляющей основу духовнаго пониманія, но чтобы подорвать высокоуміе іудеевъ, предпочитающихъ широтѣ церкви тѣсныя предѣлы синагоги. Ибо если они слѣдуютъ только буквѣ убивающей, а не духу животворящему, то пусть покажутъ мнѣ землю обѣтованную, кипящую млекоу и медомъ. А если они думаютъ, что это сказано тропологически, вмѣсто изобилія во всемъ, то и мы предпочтемъ землѣ терній землю исповѣданія и землю живыхъ, по слову Господа Моусею объ отверженіи израиля и о призваніи язычниковъ: *остави мя, и потреблю народъ сей и сотворю тя въ языкъ великъ* (Исх. 32, 10); и по слову того же Отца Сыну: *проси отъ мене, и дамъ ти языки достояніе твое, и одержаніе твое концы земли*

¹⁾ Числа каменщиковъ и носильщиковъ въ переводѣ Іеронима представляются наоборотъ сравнительно съ нашимъ переводомъ (см. 3 Цар. 5, 15).

(Псал. 2, 8); и яснѣ чрезъ Исаю: не много для тѣя ¹⁾, еже названъ тебѣ рабомъ моимъ: еже возставити племена Иаковля, и разсыпаніе Израилево обратити: се дахъ ты въ завѣтъ рода, во свѣтъ языкомъ, еже быти тебѣ во спасеніе, даже до послѣднихъ земли (Ис. 49, 6). Этимъ ясно показывается, что все случившееся съ народомъ тѣмъ совершилось преобразовательно, въ сѣни и образѣ, а написано для насъ, въ нижше концы вѣкъ достигнуша.

Много, іудей, совершилъ ты преступленій; всѣмъ поработалъ ты окружавшимъ тебя народамъ. За что? конечно, за идолопоклонство. И во время твоихъ частныхъ страданій подъ игомъ рабства, Господь былъ милосердъ къ тебѣ и посылалъ судей и избавителей, которые освобождали тебя отъ рабства моавитянъ и аммонитянъ, филистимлянъ и другихъ народовъ. Впослѣдствіи подъ властію царей ты прогнѣвалъ Бога, и вся твоя область была опустошена разгромомъ народа вавилонскаго. Семьдесятъ лѣтъ продолжалось запустѣніе храма. Кромѣ царемъ персидскимъ ты былъ возвращенъ изъ плѣна. Ездра и Неемія весьма ясно говорятъ объ этомъ. При Даріѣ, царѣ персидскомъ и мидійскомъ, храмъ построенъ Зоровавелемъ, сыномъ Салафіиля и Исусомъ, сыномъ Іоседека первосвященника. Не перечисляю, что вы выстрадали отъ мидянъ, египтянъ и македонянъ, не буду говорить объ Антиохѣ Епифанѣ, жесточайшемъ изъ всѣхъ тирановъ, не буду впоминать о Помпеѣ, Габиніѣ, Скарѣ, Варѣ, Кассіѣ и Созіѣ, которые нападали на города твои и особенно на Іерусалимъ. Наконецъ при Веспасіанѣ и Титѣ городъ былъ взятъ и храмъ разрушенъ. Потомъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ, до императора Адріана существовали лишь остатки города и вотъ теперь, почти черезъ четыреста лѣтъ послѣ разрушенія храма, остаются только

¹⁾ Parum tibi. Въ славянскомъ читается: *веле ти естъ*.

развалины города и храма. За какое это столь великое преступление? Вѣдь ты не считаешь идоловъ; даже подъ владычествомъ персовъ и римлянъ, подъ гнетомъ рабскаго ига ты не зналъ чуждыхъ боговъ. Какимъ образомъ Богъ, нѣкогда всемилосердый, никогда не забывавшій тебя, теперь такъ долго не умилосердится надъ твоими бѣдствіями, чтобы освободить тебя отъ рабства и—вѣрнѣе сказать—чтобы послать тебѣ чаемаго антихриста? За какое, говорю, преступление, за какое столь страшное злодѣяніе отвратилъ Онъ очи свои отъ тебя? Не знаешь? Вспомни голоса твоихъ предковъ: *кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ* (Матѣ. 27, 25); *приидите убіемъ его и раздѣлимъ достояніе его* (Матѣ. 21, 8); и еще: *не имамы царя токмо кесаря* (Іоан. 19, 15). Дано тебѣ то, что самъ избралъ; до конца міра ты будешь служить кесарю, пока не войдетъ полнота народовъ, и тогда весь израиль спасается, такъ что нѣкогда стоявшій во главѣ ставится въ хвостѣ.

Тебѣ, мужъ краснорѣчивѣйшій, почтенный въ двукратномъ исполненіи должности префекта, а нынѣ еще болѣе почтенный во Христѣ, протиктовалъ я это въ поспѣшный и короткій пріемъ, чтобы не показаться вовсе неотвѣчающимъ. Потому что въ одно время, даже въ одинъ день я и твое письмо получилъ и свое долженъ былъ отправить, такъ что нужно было или не отвѣчать тебѣ, или отвѣчать неискусною рѣчью: стыдился перваго, я избралъ послѣднее, надѣясь на твою любовь.

106. Письмо къ Деметріадѣ.

О храненіи дѣвства.

Изъ всѣхъ предметовъ, о которыхъ я съ юности и до сихъ поръ писалъ своею рукою или рукою писцовъ, нѣтъ

труднѣе настоящаго. Ибо если я, думая писать первой въ римскомъ мѣрѣ и по благородству и по богатству дѣвъ Христовой Деметриадѣ, выскажу все соотвѣтственно ея добродѣтелямъ, то меня сочтутъ льстецомъ; а если умолчу о чемъ-нибудь, чтобъ сказанное не показалось невѣроятнымъ, то моя скромность будетъ въ ущербъ ея славы. Итакъ чтоже дѣлать? Не смѣю отказываться отъ того, чего не могу выполнить: съ такимъ авторитетомъ приказываютъ, съ такою вѣрою просятъ, съ такою настойчивостью домогаются (письма) знатныя женщины—ея бабка и мать. И отъ меня, часто упражнявшагося въ подобныхъ матеріяхъ, онѣ не требуютъ чего-нибудь новаго и особеннаго, а желаютъ только, чтобы съ мужской стороны не было недостатка и въ моемъ свидѣтельствѣ въ восхваленіи добродѣтелей той, въ которой, говоря словами знаменитаго оратора, слѣдуетъ больше хвалить подающіе надежду зачатки, чѣмъ дѣйствительныя качества, хотя теплотою вѣры она превзошла дѣтскіе годы—начала съ того, чѣмъ другія оканчиваютъ, и достигла полной и совершенной добродѣтели.

Пусть удалится злословіе, пусть умолянеть ненависть; пусть не упрекаютъ меня въ честолюбивыхъ видахъ. Незнакомецъ, я пишу къ незнакомой, но только по тѣлесному виду. Не то внутренній человекъ, хорошо знакомый внутреннему человеку по тому признаку по которому и апостоль Павелъ зналъ колоссянъ и многихъ вѣрующихъ, которыхъ прежде не видалъ. Какъ высоко я уважаю заслугу нашей дѣвы, и какъ удивляюсь ей, можно видѣть изъ того, что занятый изъясненіемъ храма Іезекіиля,—этимъ труднѣйшимъ вопросомъ изъ всего священнаго Писанія,—и именно той части храма, въ которой описывается святое святыхъ и алтарь кадильный, я захотѣлъ немного воспользоваться этимъ развлеченіемъ, чтобы отъ алтаря перейти къ алтарю и посвятить вѣчному цѣломудрію жертву живую, благо-

угодную Богу, безъ всякаго порока. Знаю, что по заклинанію первосвященника дѣвственный покровъ уже покрылъ освященную главу и прославлено оное великое слово апостола: *хочу же васъ всѣхъ дѣву чисту представить Христови*. Тогда предстала царица одесную ея, одѣтая въ ризу позлащенную и облеченная одеждами изъ разныхъ тканей. Этою разнотканною одеждою, составленною изъ разнообразія многихъ добродѣтелей, облеченъ былъ и Іосифъ, и ее носили нѣкогда царскія дочери. Поэтому и сама невѣста радуется и говоритъ: *введе мя царь въ ложницу свою* (Пѣсн. Пѣсн. 1, 3), и хоръ подругъ отвѣчаетъ: *вся слава дщери царицы внутри* (Пс. 44, 14). Но и моя рѣчь принесетъ нѣкоторую пользу. Бѣгъ коней отъ возбужденія дѣлается быстрѣе; мужество борцовъ возбуждается криками; рѣчь императера воспламеняетъ приготовленные къ сраженію пѣхотные полки и сомкнутую конницу. Итакъ и въ настоящемъ дѣлѣ хотя бабка и мать насадили, но и я полью, а Господь возраститъ.

У риторовъ правило—превозносить восхваляемое лице, начиная съ дѣдовъ и прадѣдовъ, чтобы безплодіе вѣтвей восполнить плодовитостію корня и въ деревѣ удивляться тому, чего нѣтъ въ плодѣ. Поэтому и мнѣ теперь нужно перечислить славныя имена Пробовъ и Олибріевъ и знаменитый родъ поколѣнія Аникія, въ которомъ или всякій заслуживалъ или рѣдко кто не заслужилъ консульства. Но предъ всѣми долженъ быть предпочтенъ Олибрій, отецъ нашей дѣвственницы, преждевременную смерть котораго оплакалъ весь Римъ. Остерегаюсь говорить много, чтобы не растравить рану святой матери и невозобновить скорби ея воспоминаніемъ о его добродѣтеляхъ. Нѣжный сынъ, любящій мужъ, добрый господинъ, привѣтливый гражданинъ, консулъ еще въ юности, и по доброй нравственности знаменитый сенаторъ, онъ былъ счастливъ своею смертію—что умеръ

не видѣвши гибели отечества; но еще болѣе счастливъ потомствомъ, возвысивши благородство прабабки своей Деметриады всегдашнимъ цѣломудріемъ Деметриады-дочери.

Но что я дѣлаю? Забывши о своемъ намѣреніи, удивляясь молодой дѣвицѣ, я похвалилъ нѣчто изъ благъ мірскихъ, тогда какъ моя дѣва достойна хвалы преимущественно за то, что все это презрѣла, что думала о себѣ не какъ о благородной, не какъ о богатой, а какъ о человѣкѣ. Среди драгоценностей и роскоши она сохраняла невѣроятную силу духа; среди множества евнуховъ и служанокъ, среди ласкъ и услугъ толпившихся около нея домашнихъ, среди изысканныхъ пиршествъ, которыя доставляло богатое большое хозяйство, она искала подвига постовъ, грубой одежды, строгаго образа жизни. Ибо она читала слова Господа, говорящаго: *иже мягкая носящии, въ домѣхъ царскихъ суть* (Матѳ. 11, 8). Она благоговѣла предъ жизнью Иліи и Іоанна Крестителя, которые оба опоясывались кожанымъ поясомъ и умерщвляли чресла свои, а о послѣднемъ говорится, что онъ пришелъ въ духѣ и силѣ Иліи, былъ предтечею Господа, пророчествовалъ въ утробѣ матери, и прежде дня суда былъ восхваленъ словомъ судіи. Удивлялась она силѣ вѣры Анны, дочери Фануиловой, которая въ молитвѣ и постахъ служила Господу до самой глубокой старости. Она стремилась присоединиться къ хору четырехъ дѣвственницъ, дочерей Филиппа, и желала быть одною изъ этихъ дочерей, которыя дѣвственнымъ цѣломудріемъ достигли благодати пророчества. Такими и подобнаго рода мыслями мучила она душу свою, ничего такъ не страшась, какъ оскорбить бабу и мать. Возбуждая ее своимъ примѣромъ, они устрашали ее своимъ намѣреніемъ и внушеніями не потому, что не нравилось имъ святое стремленіе ея, а потому, что по величію подвига онѣ не осмѣливались желать и стремиться къ нему. Пламенѣла молодая ученица Христа. Возненавидѣла она украшеніе свое

и съ Есөирью говорила ко Господу: *ты вѣси, яко гнушаюся знаменія гордости моея* (т. е. діадемы, которую носила какъ царица), *гнушаюся его яко рубицѣ оскверненныхъ* (Есө. 3, 17). Видѣвшія и знавшія ее святыя и благородныя жены, которыхъ жестокая буря враговъ съ береговъ Галліи черезъ Африку пригнала къ поселенію на святыхъ мѣстахъ, говорятъ, что тайно, съ вѣдома только дѣвственницъ Божиихъ, состоявшихъ въ обществѣ ея матери и бабки, она по ночамъ никогда не употребляла полотна и мягкихъ пуховиковъ, а вмѣсто постели полагала на голой землѣ власяпицу, орошала лице обильными слезами, припадая умомъ къ ногамъ Спасителя, чтобы Онъ принялъ ея намѣреніе, исполнилъ ея желаніе, преклонилъ волю бабки и матери.

Но зачѣмъ долго распространяться? Говорятъ, что она секретно и подъ покровомъ ночи вооружилась такими намѣреніями и тогда, когда уже наступалъ день свадьбы и готовилась спальня для будущаго брака. Что ты дѣлаешь Деметріада? зачѣмъ съ такою робостію защищаешь цѣломудріе? Дѣйствуй свободно и смѣло. Если ты такъ боязлива среди мира, то что будешь дѣлать, когда нужно будетъ претерпѣть мученичество? Если ты не можешь выносить вида своихъ родныхъ, то какъ выдержишь себя предъ трибуналами гонителей? Если тебя не возбуждаютъ примѣры мужей, то пусть убѣдить и укрѣпить блаженная мученица Агнеса, побѣдившая и возрастъ и тиранна, и храмъ цѣломудрія посвятившая мученичеству. Не знаешь ты, несчастная, не знаешь, кому ты обязана своимъ дѣвствомъ. Когда-то ты трепетала въ варварскихъ рукахъ и на груди бабки и матери пряталась подъ ихъ мантии. Ты видѣла, что ты въ плѣну, что цѣломудріе твое не въ твоей власти. Съ ужасомъ видѣла ты свирѣпыя тѣла враговъ и съ безмолвнымъ воплемъ смотрѣла на похищеніе дѣвственницъ Божиихъ. Городъ твой, бывшій нѣкогда главою вселенной, сталъ гроб-

ницею народа римскаго. И между тѣмъ на ливійскомъ берегу, ты, сама изгнанница, хочешь взять изгнанника мужа? Какая будетъ у тебя сваха? Кто будутъ твои провожатые? На грубомъ кароаганскомъ языкѣ будутъ пѣть тебѣ фесуеннинскія пѣсни. Не медли же. *Совершена любви сонъ изгоняетъ страхъ* (1 Иоан. 4, 18). Восприними щитъ вѣры, броню правды, шлемъ спасенія, и выходи на брань. И храненіе цѣломудрія имѣетъ свое мученичество. Зачѣмъ боишься бабки, зачѣмъ страшишься матери? Можетъ быть онѣ и сами пожелали бы, если бы были увѣрены въ твоемъ желаніи. Возбужденная такими и многими другими побужденіями, она отбросила всѣ тѣлесныя украшенія и свѣтскую одежду какъ помѣхи своему намѣренію. Дорогія ожерелья, многоцѣнные жемчуги и блестящіе драгоцѣнные камни возвращаются въ сундуки; она надѣваетъ дешевую туніку, накрывается еще болѣе простою мантиею, и вдругъ неожиданно повергается къ ногамъ бабки и только плачемъ и рыданіями выказываетъ, какова она. Изумилась святая и знатная женщина, увидѣвши на внучкѣ чуждую одежду. Мать стояла въ радостномъ оцѣпенѣніи. Ни та, ни другая не вѣрили тому, чему хотѣли вѣрить. Прильпнулъ языкъ къ гортани; то краснѣя, то блѣднѣя, то въ страхѣ, то въ радости, онѣ колеблются разными мыслями.

Здѣсь нужно остановиться, и я не буду продолжать разсказа о томъ, что отъ разсказа дѣлается малозначительнѣе. При выраженіи величія неимовѣрной радости изсякли бы и рѣчки краснорѣчія Цицерона, и глубокія и блестящія мысли Демосѣена текли бы слишкомъ медленно и вяло. Въ это время совершилось все, что только можетъ помыслить умъ, что только можетъ выразить слово. Внучка и дочь, мать и бабка непрерывно бросаются другъ къ другу въ объятія, отъ радости проливаютъ обильныя слезы, поднимаютъ повергшуюся и осыпаютъ поцѣлуями трепещущую. Въ намѣреніи ея онѣ признаютъ свое желаніе и радуются, что

дѣва своимъ дѣвствомъ еще болѣе облагородила благородную фамилію. Она обрѣла то, что могло возвысить родъ, украшающій гробницы Рима. Іисусе благій, что за восторгъ былъ во всемъ домѣ! Какъ бы отъ плодovitаго корня пустили ростки заразъ многія дѣвы, и примѣру матроны и госпожи послѣдовало множество кліентокъ и служанокъ. Всѣми домами овладѣло пламенное стремленіе къ дѣвству. И хотя неодинаково было по плоти состояніе дѣвственницъ, но одинакова была награда цѣломудрія. Мало этого. Всѣ африканскія церкви воодушевились какимъ-то восторгомъ. Славная молва не только прошла по городамъ, по селеніямъ и деревнямъ, но проникла даже въ африканскія хижины. Всѣ острова между Африкою и Италіею были объаты этою молвою, и радостная вѣсть безпрепятственною стезею бѣжала дальше. Италія сбросила тогда траурныя одежды, и полуразрушенныя стѣны города Рима отчасти получили прежній блескъ, видя милость къ себѣ Божию въ обращеніи своей питомицы. Можно было бы подумать, что сокрушено владычество готтовъ и сбродъ кочевниковъ и рабовъ истребленъ молніею возгремѣвшаго съ небеси Господа. Не такъ рядовались въ то время, когда послѣ Требіи, Тразимена и Каннъ, гдѣ были положены тысячи римскихъ войскъ,—въ первый разъ римскій народъ торжествовалъ побѣду Маркелла при Нолѣ. Меньше радовались прежде пораженію галльскихъ полчищъ, денежному выкупу аристократіи, сохраненію въ крѣпости разсадника римскаго племени. Молва объ этомъ достигла востока, и въ средиземныхъ городахъ было слышно о торжествѣ христіанской славы. Кто изъ дѣвственницъ Христовыхъ не хвалился ей обществомъ? Какая мать не назвала блаженнымъ чрево твое, Іуліана? Пусть для невѣрныхъ неизвѣстны будущія награды. Ты, дѣва, получила больше, чѣмъ сколько дала. Какую невѣсту человека знала хоть одна только провинція, а о дѣвственницѣ Христовой

услышалъ весь міръ. Бѣдные родители и не полной вѣры христіане имѣютъ обыкновеніе некрасивыхъ дочерей и имѣющихъ недостатки въ какомъ-нибудь членѣ обрекать дѣвству, поелику не находятъ достойныхъ зятьевъ. Куда, какъ говорится, жемчужина, туда же и стеклянная блеска. Именно считающіе себя очень благочестивыми, давши дѣвственницамъ небольшую часть, едва достаточную на пропитаніе, все имѣніе отдаютъ мірскимъ дѣтямъ обоого пола. Такъ поступилъ недавно въ этомъ городѣ одинъ пресвитеръ, двухъ дочерей дѣвственницъ оставивъ бѣдными и позаботившись о всякомъ изобиліи роскоши и удовольствій для другихъ дѣтей. Къ прискорбію, такъ дѣлаютъ многія женщины нашего обѣта, и о если бы были рѣдки такіе примѣры; но чѣмъ чаще они, тѣмъ счастливѣе тѣ, которыя не послѣдовали примѣру большинства.

Говорятъ и превозносятъ общею похвалою христіанскою, — что все, приготовленное къ святѣбѣ, святою Христовою двоицею ¹⁾ отдано было дѣвственницѣ, дабы не оскорбить Жениха, дабы она пришла къ Жениху со всеѣмъ прежнимъ богатствомъ, и гибнущими предметами міра оказала помощь нищетѣ слугителей Божіихъ. Кто бы этому повѣрилъ? Проба, окруженная всеѣми почестями, это имя знаменитѣйшее въ аристократіи всего римскаго міра, которую за святость и изливаемые на всеѣхъ благодѣянія почитали даже варвары, которая не тяготилась ординарнымъ консульствомъ троихъ сыновей Пробина, Олибрія и Проба — теперь послѣ взятія сожженнаго и ограбленнаго герода (Рима), говорятъ, продаетъ родовыя имѣнія, творитъ себѣ друзей отъ мамоны неправды, чтобы они ввели ее въ вѣчные кровы, продаетъ, чтобы церковныя чины всякой степени и монахи по имени стыдились покупать имѣнія, когда такая знаменитость про-

¹⁾ Т. е. бабкою и матерію.

даетъ ихъ. Едва избѣжала она рукъ варварскихъ и оплакала вырванныхъ изъ ея объятій дѣвственницъ, какъ вдругъ ее поражаетъ невыносимая, — потому что она никогда не опасалась этого, — потеря самаго любимаго сына; но какъ бы имѣя въ виду сдѣлаться бабкою дѣвственницы Христовой, въ упованіи на будущее, она вырвала смертоносную рану, показывая въ себѣ исполненіе того, что говорится въ лирическомъ стихѣ въ похвалу праведнаго:

„Если бы сокрушенный рушился міръ,

„Онъ безстрашно падетъ подъ развалинами“.

(Горац. lib, 3, Carm. oda 3).

Въ книгѣ Іова читаемъ: *еще сему глаголющу прииде инъ отъстникъ* (Іов. 1), и въ той же книгѣ: *не искушеніе ли* (или, какъ лучше въ еврейскомъ, не злоба ли) *житію человеку на земли* (Тамъ же 7, 1). Ибо для того и труждаемся и бѣдствуемъ въ злобѣ міра сего, чтобы быть увѣнчанными въ будущемъ. И не удивительно думать это о людяхъ, когда самъ Господь былъ искушаемъ (Матѳ. 4). И объ Авраамѣ Писаніе свидѣтельствуетъ, что Богъ искушалъ его (Быт. 22), почему и апостолъ говоритъ: *хвалимся въ скорбяхъ, видяще, яко скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ* (Рим. 5, 3—5). И въ другомъ мѣстѣ: *кто ны разлучитъ отъ любви Божіей, скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечъ; якоже есть писано, яко тебе ради умерщвляемы есмь весь день: вѣдѣюхомся якоже овцы заколенія* (Рим. 8, 35—36). И Исаія увѣщаваетъ такихъ людей говоря: *иже отдоенніи (суть) отъ млека, отторженніи отъ сосца, печали на печаль ождай, надежды къ надежди* (Ис. 28, 9—10). *Недостойни страсти нынѣшняго времени къ хотящей славы явитися въ нихъ* (Рим. 8, 18). Почему и привелъ этн мѣста, покажетъ дальнѣйшая рѣчь. Посмотрѣвши

съ моря на дымывшееся отечество и ввѣривъ спасеніе свое и своихъ близкихъ зыбкой ладѣ, она находитъ берега Африки еще болѣе недружелюбными. Она попадаетъ въ руки тому, о которомъ трудно сказать, былъ ли онъ болѣе жаденъ или болѣе жестокъ, — тому, для котораго не было никакихъ удовольствій кромѣ вина и денегъ ¹⁾, который, управляя провинцію милостивѣйшаго императора ²⁾, былъ жесточайшимъ изъ всѣхъ тирановъ и у котораго (скажу нѣчто изъ басней поэтовъ), какъ у Плутона въ аду, былъ не трехглавый, а многоглавый Церберъ, который тащилъ и грызъ все ³⁾. *Здѣсь отрывали приросшихъ къ груди матерей*, продавали благородныхъ дѣвицъ въ замужество купцамъ и самымъ жаднымъ изъ смертныхъ сирійцамъ, не щадили безпомощности ни сиротъ, ни вдовы, ни дѣвственницъ Христовыхъ, и смотрѣли болѣе на руки просившихъ, чѣмъ на лица.

Матрона, бѣжавшая отъ варваровъ, вытерпѣла эту страшную Харибду и Сциллу, окруженную множествомъ собакъ, которыя не склонялись къ состраданію ни понесенными несчастіями, ни рабствомъ. Безчеловѣчный, послѣдуй по крайней мѣрѣ примѣру врага римской имперіи. Брениъ нашего времени ⁴⁾ взялъ только то, что нашель: ты требуешь того, чего не находишь. И удивляются завистники (ибо добродѣтель всегда открыта для зависти), зачѣмъ она тайнымъ обѣгствомъ вмѣстѣ съ собою искупила цѣломудріе столь многихъ, — удивляются, тогда какъ тотъ, кто могъ отнять все, конечно счелъ бы себя въ правѣ получить и въ этомъ свою часть, и она бывшая во власти его какъ частная жен-

¹⁾ Гераклиану, губернатору Африки.

²⁾ Гонорія.

³⁾ Сабинъ, зять Гераклиана.

⁴⁾ Т. е. готскій король Аларихъ.

щина не смѣла бы отказать ему въ этомъ какъ губернатору. Знаю, что открываю себя для нападеній враговъ, что кажусь расточающимъ лесть предъ знаменитою и благороднѣйшею женщиною. Но враги мои будутъ не въ состояніи обвинять меня, если узнаютъ, что я до сихъ поръ молчалъ. Ибо я никогда не восхвалялъ ея за древность рода, за множество богатства и величіе власти при жизни и по смерти мужа, за что другіе превозносили ея быть можетъ съ продажнымъ витійствомъ. Цѣль моя—церковнымъ языкомъ воздать хвалу бабкѣ моей дѣвственницы и возблагодарить ея за то, что своею волею она поддержала ея намѣреніе. Съ другой стороны монастырская келья, простая пища, убогая одежда, возрастъ близкій уже къ смерти и оставшееся краткое жизненное поприще освобождаютъ меня отъ всякаго нареганія въ лести. Наконецъ въ остальныхъ частяхъ письма вся моя рѣчь будетъ обращена къ дѣвственницѣ, и дѣвственницѣ благородной не мѣнѣе святостію, чѣмъ родомъ, для которой тѣмъ опаснѣе паденіе, чѣмъ выше восхожденіе.

„Одно я тебѣ, для Бога рожденная, то одно прежде всего Проповѣдь буду и, повторяя, снова и снова я буду внушать“,

чтобы ты занимала умъ своей любовію къ священному чтенію, дабы на доброй землѣ сердца твоего не принять тебѣ сѣмени куколя и волчцевъ, дабы по усыпленіи домовладыки (который есть воѣзъ, т. е. духъ всегда прилѣпляющійся Богу) врагъ челоувѣкъ не насѣялъ плевелъ; но чтобы ты всегда говорила: *въ ношехъ искахъ Егоже возлюби душа моя* (Пѣснь Пѣсн. 3, 1), *гдѣ пасеши, гдѣ почиашши въ полудне* (тамже 1, 6), и еще: *прильпе души моя по тебѣ: мене же пріяте деснищи твоя* (Пс. 62, 9), и также оное Іереміи: *не утрудихся тебѣ послѣдуяй, ибо нѣтъ утомленія въ Іаковѣ, ни труда во израилѣ* (Іерем. 17, 16). Когда ты была въ мірѣ, любила что отъ міра; любила натирать лицо

бѣдилилами и раскрашивать щеки румянами, подкрашивать волосы и строить на маковкѣ башню изъ чужихъ волосъ; не говорю уже о дорогихъ серьгахъ, бѣломъ жемчугѣ, свидѣтельствующемъ о глубинахъ Краснаго моря, о зеленыхъ изумрудахъ, о пламенныхъ керавніяхъ, о яхонтахъ морскаго цвѣта,—что до безумія любятъ матроны. А теперь, поелику ты оставила міръ и на второй ступени послѣ крещенія заключила съ противникомъ своимъ договоръ, говоря ему: *отрекаюсь отъ тебя, діаволъ, и отъ міра твоего, и отъ гордыни твоей и отъ дѣлъ твоихъ*—храни условіе, которое заключила, согласуйся съ нимъ, и пока находишься на пути сего міра, будь вѣрна договору съ противникомъ своимъ, чтобы онъ не предалъ тебя судіи и не уличилъ въ какомъ-нибудь нарушеніи условія съ нимъ, чтобы тебѣ не быть преданною слугѣ, который есть онъ самъ и врагъ и мститель твой,—и не быть вверженной въ темницу (Мѡ 5). и во тму кромѣшнюю, которая чѣмъ больше удалена отъ истиннаго свѣта—Христа, тѣмъ больше внушаетъ намъ ужаса и изъ которой не выйдешь пока не отдашь послѣдняго квадранта, т. е. пока не воздашь даже за самый малѣйшій проступокъ, ибо и за праздное слово мы имѣемъ отдать отчетъ въ день суда (Матѡ. 12, 36).

Пусть это будетъ сказано не въ смыслѣ недобраго предсказанія тебѣ, а по обязанности опасливаго и предостерегающаго совѣтника, который боится въ тебѣ даже за то, что обезопасено. *Аще духъ владыющаго възидетъ на тя, мѣста твоего не остави* (Еккл. 10, 4). Мы всегда стоимъ какъ бы въ строю, какъ бы приготовившись къ битвѣ. Врагъ хочетъ сбить насъ съ мѣста, попятить назадъ; но должно укрѣплять стопы свои и говорить: *постави на камени нозъ мои* (Пс. 39, 3): и: *камень приближище залцемъ* (Пс. 103, 18). Вмѣсто этого нѣкоторые читаютъ *ежамъ*. Ежъ животное маленькое скоробѣгающее и покрытое колюч-

ками. Но Иисусъ подъялъ вѣнецъ изъ колючихъ терній, понесъ грѣхи наши и поболѣлъ за насъ для того, чтобы отъ терній и волчцевъ женщинъ, которымъ говорится: «въ воздыханіяхъ и болѣзняхъ, жена, родиши чида, и къ мужу обращеніе твое и той тобою обладати будетъ (Быт. 3, 15),—раждались розы дѣвства и лиліи цѣломудрія. Поэтому и женихъ покоится между лилій и среди тѣхъ, которыя не осквернили одеждъ своихъ, ибо пребыли дѣвственницами, и которыя внимали заповѣди: *во всякое время ризы твои бѣлы да будутъ* (Екл. 9, 8) и, какъ основатель и глава дѣвства, говорили съ вѣрою: *азъ цвѣтъ полевой и кринъ удольный* (Пѣс. Пѣс. 2, 1). Итакъ камень—прибѣжище зайцевъ, которые при гоненіяхъ бѣгають изъ города въ городъ и не боятся онаго пророческаго изреченія: *погибе бѣгство отъ мене* (Псал. 141, 5);—горы же высокія еленемъ, питающимися змѣями, которыхъ малое дитя будетъ выводить изъ пещеръ, когда будутъ вмѣстѣ пастись рысь и козель, и волъ и левъ будутъ ѣсть мякину,—не для того, чтобы бы волъ научился свирѣпости, но для того, чтобы левъ научился кротости. Возвратимся къ указанному свидѣтельству. *Аще духъ властвующаго възидетъ на тѣ, мьста твоего не остави*. За тѣмъ слѣдуетъ: *яко исцѣленіе утолитъ грѣхи велики*. Этотъ стихъ имѣетъ такой смыслъ: Если въ помыслы твои приникнетъ змѣй, то всякимъ храненіемъ блюди свое сердце и пой съ Давидомъ: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя, Господи, и отъ чуждыхъ пощадн раба твоего* (Пс. 18, 13); тогда ты не дойдешь до величайшаго хрѣха осуществленнаго на дѣлѣ, но тотчасъ поработишь въ умѣ грѣховныя въ умѣ грѣховныя возбужденія и вавилонскихъ младенцевъ разобьешь о камень, на которомъ не видны слѣды змѣя, и дашь Господу смиренное обѣщаніе: *аще не обладают мною, тогда непороченъ буду и очистишя отъ грѣха велика* (Псал. 18, 14). Тоже самое Писаніе свидѣ-

тельствуетъ въ другомъ мѣстѣ: *отдавая грѣхи отцевъ на чада до третьяго и четвертаго рода* (Чис. 14, 18), то есть: Богъ не наказываетъ насъ непосредственно за самыя помыслы и расположенія духа, но воздаетъ за нихъ въ потомствѣ ихъ, т. е. въ злыхъ дѣлахъ и въ грѣховномъ упорствѣ, какъ говоритъ чрезъ Амоса: *за три нечестія Дамаска и за четыре не отвращуся его* (Амос. 1, 3; 2, 4).

Для твоего убѣжденія достаточно, такъ сказать, бѣгло сорвать эти немногіе цвѣты съ прекраснѣйшаго луга Писаній,—чтобы ты заперла ложницу сердца и ограждала чело свое частымъ знаменіемъ креста, дабы истребитель Египта не нашель въ тебѣ мѣста, но дабы первенцы, погибшіе у египтянь, въ душѣ твоей спаслись, и ты сказала съ пророкомъ: *готово сердце мое, Боже, готово сердце мое: воспою и пою. Востани слава моя, востани псалтырю и гусли* (Пс. 107, 1—2). Взять эти гусли повелѣвается и Тиру, проникнутому многими грѣховными ранами, чтобы онъ покаялся, и скверны прежней грѣховности омылъ съ Петромъ горькими слезами. А мы не должны знать покаянія, чтобы не поддаваться легко грѣху. Пусть покаяніе будетъ, такъ сказать, второю доскою для несчастныхъ дослѣ кораблекрушенія, но въ дѣвственницѣ пусть остается цѣлымъ самый корабль. Иное дѣло искать потеряннаго, и иное дѣло обладать тѣмъ, чего никогда не теряла. Поэтому и апостоль умерщвлялъ тѣло свое и поработалъ, чтобы проповѣдая другимъ, не быть самому неключимымъ, и отъ лица рода человѣческаго, горя плотскими пожеланіями, говоритъ: *окаменѣ азъ человекъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего* (Рим. 7, 24)? И еще: *вѣмъ яко не живетъ во мнѣ, сиречь въ плоти моей. доброе: еже бо хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе не обрѣтаю. Не еже бо хошу доброе творю: но еже не хошу злое, сіе содѣваю* (ст. 18—19). И послѣ этого: *сущи во плоти Богу угоудити не могутъ. Вы же*

нѣсте во плоти, но въ душѣ, понеже Духъ Божій живетъ въ васъ (Римл. 8, 8—9):

Послѣ тщательнѣйшаго наблюденія за помыслами, ты должна вооружаться постомъ и пѣть съ Давидомъ: *покрыхъ постомъ душу мою* (Псал. 68, 11); *пепелъ яко хлѣбъ ядыхъ* (Псал. 101, 10); и еще: *всегда стужаху ми облачаша во вретнице* (Псал. 34, 13). Ева чрезъ яденіе изгнана была изъ рая. Илія, укрьпившись сорокодневнымъ постомъ, на огненной колесницѣ восхищается на небо (3 Цар. 19). Моисей въ теченіе сорока дней и ночей питается общеніемъ и бесѣдою съ Богомъ (Псал. 24; 34), воистину подтверждая сказанное: *не о хлѣбъ единомъ живъ будетъ человекъ, но о всякомъ глаголю, исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Мат. 4, 4). Спаситель рода человѣческаго, оставившій намъ образъ добродѣтелей и жизни своей, тотчасъ послѣ крещенія возводится Духомъ, для борьбы съ діаволомъ, дабы, поразивъ и сокрушивъ его, передать ученикамъ на поправленіе. Поэтому и апостоль говоритъ: *Богъ же сокрушитъ сатану подъ ноги ваша вскорѣ* (Рим. 16, 20). Однако исконный врагъ послѣ сорокодневнаго поста замышляетъ искушеніе пищею и говоритъ: *аще сынъ еси Божій, рцы, да каменіе сѣи хлѣбы будутъ* (Мат. 4, 3). По закону, въ мѣсяцъ седьмый послѣ звука трубъ, въ десятый день мѣсяца, назначается постъ для всего народа еврейскаго, и потребляется та душа отъ народа своего, которая пресыщеніе предпочтетъ воздержанію. У Іова написано о драконѣ: «сила его въ чревахъ его, и крѣпость его среди чрева его» (Іов. 38). Противъ юношей и дѣвицъ врагъ нашъ пользуется огнемъ юношескаго возраста и воспламеняетъ колесницу природы нашей во исполненіе слова Осіи: *все любодѣющіи, яко пещь сердца ихъ* (Ос. 7, 4), — которыя потушаются благодатію Божіею и суровостію поста. Таковы-то разжженные стрѣлы діавола, которыя вмѣстѣ и уязвляютъ и воспламе-

няютъ, и приготовляются для трехъ отроковъ царемъ вавилонскимъ, который разжигаетъ печь въ сорокъ девять локтей, имѣя и самъ на погибель семь седмицъ, которыя Господь повелѣлъ соблюдать во спасеніе. И какъ тамъ четвертый, имѣющій видъ какъ бы сына человѣческаго, охладилъ величайшій жаръ и среди раскаленной печи отнял у пламени его жгучесть, такъ что для осязанія оно давало не то, чѣмъ угрожало для зрѣнія: такъ и въ дѣвственной душѣ небесною росой и суровостию поста потушается юношеская страстность, и въ человѣческомъ тѣлѣ достигается житіе ангельское. Поэтому и сосудъ избранный говоритъ, что о небрачныхъ онъ не имѣетъ повелѣнія Господня, поелику не выполнять того, для чего ты рождена, убивать въ себѣ свой корень, вкушать только плоды дѣвства, не знать брачнаго ложа, бояться всякаго прикосновенія къ мужчинамъ и въ тѣлѣ жить безъ тѣла—противно природѣ и выше природы.

Я не предписываю тебѣ чрезмѣрныхъ постовъ и непосильнаго воздержанія въ пищу, быстро ослабляющихъ нѣжныя натуры и скорѣе разстроивающихъ здоровье, чѣмъ полагающихъ основу святой жизни. И у философовъ есть сентенція: μεσότης ἀρετὰς ὑπερβολὰς κακίας εἶναι — которую можно перевести такъ: умѣренность—добродѣтель, а излишнее и чрезъ мѣру считается порокомъ. Поэтому и одинъ изъ семи мудрецовъ ¹⁾ говоритъ: *ничего чрезъ мѣру*. Это изреченіе такъ прославилось, что изложено и въ комическомъ произведеніи. Ты не должна поститься до того, чтобы дрожать, чтобы едва переводить духъ, или до того, чтобы тебя носили или таскали твои спутницы, но должна поститься такъ, чтобы уничтожая вождельнія плоти, быть въ состояніи нисколько не сокращать противъ обыкновеннаго ни чтенія,

¹⁾ Соловь

ни псалмовъ, ни бдѣній. Постъ не есть самъ по себѣ добродѣтель, а только основа другихъ добродѣтелей; равно какъ невинность и чистота, безъ которой никто не узритъ Бога, составляетъ ступень для ищущихъ высшихъ добродѣтелей, но если она будетъ только одна, то не можетъ еще дать дѣвственницѣ вѣнецъ. Припомнимъ въ Евангеліи о мудрыхъ и юродивыхъ дѣвахъ, изъ которыхъ однѣ вводятся въ покой жениха, а другія, не имѣя елеса добрыхъ дѣлъ, съ угасшими свѣтильниками изгоняются (Мат. 25). Выше постовъ лежитъ поле, въ которое и я часто забѣгалъ, и относительно котораго написаны многими нарочитыя книги, къ чтенію которыхъ я отсылаю тебя, чтобъ научиться тебѣ, сколько блага въ воздержаніи, и сколько напротивъ зла въ пресмыщеніи.

Подражай жениху своему: слушайся бабки и матери. Не выдайся ни съ кѣмъ изъ мужчинъ, въ особенности юношей, иначе какъ только съ ними. Не знай никого, кого онѣ не знаютъ. И мірская пословица говоритъ: *та только дружба крѣпка, когда одного и тогоже желаютъ и одного и тогоже не желаютъ*. Стремиться къ дѣвству, познать заповѣди Христа, уразумѣть что тебѣ полезно и что ты должна любить—всему этому научили тебя примѣры ихъ,—всему этому наставила тебя святая жизнь дома. Не считай же того, что ты имѣешь, только своимъ, я приписывай это тѣмъ, которыя передали тебѣ свое цѣломудріе и возрастили въ себѣ благоуханнѣйшій цвѣтокъ честнаго брака и ложа несквернаго, цвѣтокъ, который принесетъ совершеннѣйшіе плоды, если смиришься подъ крѣпкую руку Божию и будешь всегда помнить написанное: *Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Іак. 1, 6). А гдѣ благодать, тамъ не воздаяніе за дѣла, а только милость дающаго, во исполненіе слова апостола; *ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога* (Рим. 3, 16). Однакоже хотѣть

и не хотѣть въ нашей власти; но и то самое, что наше, безъ милосердія Божія не есть наше.

Пусть предъ глазами у тебя будутъ больше нравы евнуховъ, отроковицъ и рабовъ, а не красивыя лица: во всякомъ полѣ и возрастѣ, даже въ насильственномъ цѣломудріи евнуховъ съ усѣченными членами, должно обращать вниманіе на душу, которая можетъ быть обуздана только страхомъ Христовымъ. Шутки и вольности пусть не имѣютъ мѣста въ твоёмъ присутствіи. Никогда не слушай неприличнаго слова, а если услышишь, не понимай. Люди развращеннаго ума однимъ часто и легкимъ словомъ разрываютъ покровы цѣломудрія: осмѣивать и подвергаться осмѣяніямъ предоставь людямъ міра. Твоей особѣ прилична строгость. Люцилій пишетъ, что Катонъ (говорю про Катона Цензора) и когда-то начальникъ вашего города, который и въ цензорскомъ достоинствѣ не постыдился и въ старческомъ возрастѣ не отчаялся выучиться греческому языку, и М. Крассъ только однажды въ жизни смѣялись. То была ненужная важность, ищущая славы и молвы народной; а мы можемъ умѣрять страсти и возбужденія и управлять ими, хотя и не можемъ отсѣчь ихъ, пока живемъ въ храмѣ тѣла сего и облечены брэнною плотію. Поэтому и псалмопѣвецъ говоритъ: *гнѣвайтесь и не согрѣшите* (Псал. 4, 5). Изъясняя это, апостоль такъ говоритъ: *солнце да не зайдетъ въ гнѣвъ вашемъ* (Еф. 4, 26); поелику если чело-вѣку свойственно гнѣваться, то христіаницу свойственно укрощать гнѣвъ.

Думаю, что излишне говорить тебѣ наставленія противъ скуности, когда и отличительнымъ свойствомъ всего твоего рода было имѣть и попирать богатство, и когда и апостоль поучаетъ, что сребролюбіе есть идолослуженіе (Еф. 5, 5), и Господь отвѣчаетъ вопрошающему: *учителю благій, что благо сотворю, да имамъ животъ вѣчный?*—

Аще хочещи совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ; и имѣти имаша сокровище на небеси: и гряди вслѣдъ мене (Матѳ. 19, 16 и 21). Продать все и раздать нищимъ и такимъ образомъ легко и безпрепятственно воспарить со Христомъ къ небесамъ—дѣло апостольскаго величія и совершенной добродѣтели. Намъ или лучше тебѣ предлагается серьезно размыслить, такъ какъ въ этомъ всякому возрасту и всякому лицу предоставлена свобода воли. *Если хочешь, говорить, совершенъ быти.* Не принуждаю, не приказываю, но предлагаю палму, показываю награды: отъ тебя зависитъ выборъ, если въ борьбѣ и подвигѣ хочешь получить вѣнецъ. Обратимъ вниманіе на то, какъ мудро сказала мудрость: *продаждь имѣніе твое.* Кому это предписывается? Конечно тому, кому сказано: *аще хочещи совершенъ быти.* Продай не часть твоего имѣнія, а все. И когда продашь, что дальше? *И даждь нищимъ.* Не богатымъ, не родственникамъ, не на роскошь, но на нужду. Священникъ ли онъ, знакомый или родственникъ, принимай во вниманіе не это, а только бѣдность. Пусть восхваляютъ тебя утробы алчущихъ, а не роскошныя застолья пресыщенныхъ. По Дѣяніямъ апостольскимъ, когда еще теплилась кровь Господа нашего и когда горѣла еще новая вѣра вѣрующихъ. они продавали все имѣнія свои и вырученныя деньги слагали къ ногамъ апостольскимъ, чтобы показать, что должно попираť деньги; и давалось всякому, сколько кому нужно было. Ананія и Сапфира были жертвователи боязливые или, лучше, двоедушные и за то были осуждены, поелику послѣ обѣта принесли какъ бы свое, а не Тому принадлежащее, кому однажды посвятили оное, и удержали у себя часть чужаго имѣнія, опасаясь голода, котораго не боится истинная вѣра. Они заслужили свое наказаніе не по жестокосердію своему, а для примѣра наказанія. И апостоль Петръ не проситъ имъ смерти, какъ клеветецъ неразумный

Порфирій, но въ духѣ пророческомъ возвѣщаетъ судъ Божій, чтобы наказаніе двоихъ человѣкъ послужило урокомъ для многихъ. Съ того времени какъ ты посвятила себя всегдашнему дѣвству, твое, что при жизни бабки или матери должно быть роздано по ихъ волѣ, стало уже не твоимъ, потому что стало Христовымъ. А когда онѣ умрутъ и почіютъ сномъ святымъ (потому что я знаю, что и онѣ желаютъ, чтобы ты пережила ихъ), когда настанетъ болѣе зрѣлый возрастъ, когда серьезнѣе будетъ характеръ и тверже мысль; тогда сдѣлай, что заблагоразсудишь, или лучше—что повелитъ Господь, сдѣлай въ томъ убѣжденіи, что ты ничего не будешь имѣть, кромѣ того только, что издержишь на добрыя дѣла. Пусть другіе строятъ храмы, украшаютъ стѣны мраморомъ, подвозятъ глыбы для колоннъ, золотятъ ихъ капители, не чувствующія драгоценнаго украшенія, пусть разукрашиваютъ двери слоновою костью и серебромъ, а раззолоченные алтари драгоценными камнями. Не упрекаю, не запрещаю. Пусть всякій избыточествуетъ по своему чувству. Лучше дѣлать это, чѣмъ лежать на сложенныхъ сокровищахъ. Но тебѣ предназначено другое: одѣвать Христа въ лицѣ бѣдныхъ, посѣщать—въ больныхъ, питать—въ алчущихъ, принимать Его въ неимѣющихъ крова и особенно въ присныхъ по вѣрѣ, питать монастыри дѣвственницъ и служителей Божіихъ, пецись о нищихъ духомъ, которые дни и ночи служатъ Господу твоему, которые, живя на землѣ, подражаютъ житію ангельскому и не говорятъ ничего инаго, кромѣ славословій Богу, которые, имѣя пищу и одежду, радуются этому богатству, не хотятъ имѣть ничего больше, если только исполняютъ объѣтъ свой; въ противномъ же случаѣ, если желаютъ большаго, то оказываются недостойными и самаго необходимаго. Вотъ что сказалъ я дѣвственницѣ богатой и дѣвственницѣ знатной.

Теперь я буду говорить только къ дѣвственницѣ, т. е. имѣя въ виду не внѣшнее твое, а только твое внутреннее.

Кромѣ чинопослѣдованій псалмовъ и молитвъ, которыя тебѣ всегда должно исполнять въ часъ третій, шестой и девятый, въ вечерню, полунощницу и утреню, напачь себѣ— сколько часовъ заниматься изученіемъ священнаго Писанія, сколько времени читать — не для труда, но для услажденія и назиданія души. По окончаніи этихъ уроковъ и послѣ неоднократныхъ колѣнопреклоненій во спасеніе души, всегда бери въ руки шерсть, или выводи пальцемъ нити для основы, или перебрасывай въ челнокъ нити утока; напряденное другими или мотай въ клубокъ, или снуй для тканья. Разсматривай что соткано, поправляй что сдѣлано нехорошо, распорядяйся что нужно дѣлать. Если ты будешь занята столь различными дѣлами, то дни никогда не покажутся тебѣ долгими, и даже въ лѣтнее время будутъ казаться короткими, въ теченіе которыхъ сдѣлано какое-нибудь оупщеніе въ работѣ. Поступая такъ, ты и сама спасешься, и другихъ спасешь, и будешь наставницею святой жизни, и цѣломудріе многихъ будетъ твоимъ стяжаніемъ. Писаніе говоритъ: *въ похотьхъ всякая души праздная*. Не должно тебѣ удаляться отъ работы потому, что, по милости Божіей, ни въ чемъ не нуждаешься, но тебѣ должно трудиться со всеѣми для того, чтобы при работѣ ни о чемъ другомъ не думать, кромѣ того, что относится къ служенію Господу. Скажу просто: хотя бы ты все имѣніе раздала на бѣдныхъ, у Христа ничто не будетъ такъ дорого, какъ то, что ты сама собственными руками сдѣлаешь или на собственные нужды, или въ примѣръ другимъ дѣвственницамъ, или что принесешь бабкѣ и матери въ надеждѣ получить отъ нихъ большія пособія въ пользу бѣдныхъ.

Но особенно важное я почти пропустилъ. Когда ты была еще дѣвочкою и когда римскою церковію управлялъ

святой и блаженной памяти епископъ Анастасій, подыавшая съ востока жестокая буря еретиковъ пыталась осгвернить и ослабить простоту вѣры, засвидѣтельствованной словомъ апостольскимъ. Но мужъ пребогатой нищеты и апостольской ревности тотчасъ же поразилъ вредоносную главу и заградилъ шипящія уста гидры. П поелику я опасуюсь, и даже знаю по слухамъ, что въ пѣкоторыхъ еще доселѣ живутъ и разрастаются ядовитые отпрыски, то я, какъ бы ты ни казалась благоразумною и опытною, считаю нужнымъ во имя святой любви предупредить тебя, чтобы ты держалась вѣры святаго Иннокентія, преемника на апостольской кафедрѣ и сына вышеупомянутаго мужа, и чтобы не принимала занесеннаго ученія. Ибо еретики, какъ бы ища правды Божіей, обыкновенно нащентываютъ за углами такого рода мысли: *почему та душа родилась въ той странѣ? Почему одни рождаются отъ христіанскихъ родителей. а другіе среди дикихъ и самыхъ свирѣпыхъ народовъ, гдѣ нѣтъ никакого понятія о Богѣ?* Поразивши этимъ простецовъ какъ бы жаломъ скорпіона, и, чтобы проложить себѣ дорогу, отрывивши рану, вливаютъ ядъ. Неужели ты думаешь (говорятъ они), что младенецъ, который смѣхомъ и радостію на лицѣ едва только показываетъ, что онъ узнаетъ мать, который не сдѣлалъ ничего добраго и не испорченъ демономъ зла,—что этотъ младенецъ невинно подвергается желтухѣ, и терпитъ то, чего, какъ мы видимъ, не терпятъ нечестивые, а терпятъ рабы Божіи? Если же, говорятъ, суды Божіи истинны, правы сами въ себѣ (Псал. 18), и нѣтъ ничего несправеднаго у Бога, то, естественно, мы должны признать, что души были на небесахъ и въ тѣлахъ челоувѣческихъ осуждены, или, такъ сказать, погребены за какіе-нибудь прежніе грѣхи, и что мы въ юдоли плача несемъ наказанія за прежнія преступленія. Поэтому и пророкъ говорить: *прежде даже не смѣртимися, азъ прегрѣшихъ*

(Псал. 118, 67), и еще: *изведи изъ темницы души мою* (Псал. 141, 8), и также: *кто согрѣши, сей ли или родителя его, яко слѣпъ родися* (Іоан. 9, 2), и прочее тому подобное.—Это нечестивое и тлетворное ученіе нѣкогда было въ ходу въ Египтѣ и странахъ восточныхъ и теперь живетъ между многими тайно, какъ бы въ пещерахъ ехиднѣ, оскверняетъ чистоту тѣхъ странъ, и, подобно заразной болѣзни, прокрадывается къ немногимъ, чтобы потомъ перейти на очень многихъ. Я увѣренъ, что ты, если услышишь, не примешь этого ученія. Ибо у тебя есть наставницы въ Богѣ, вѣра которыхъ представляетъ образецъ ученія. Ты понимаешь, о чемъ я говорю, потому что Богъ далъ тебѣ разумъ во всемъ. Противъ дикой ереси и противъ еще болѣе непотребнаго, чѣмъ то, о чемъ я говорилъ, ты не проси тотчасъ же отвѣта отъ онаго мужа, чтобы не показалось, что я не столько предостерегаю тебя отъ ереси, сколько вовлекаю въ нее, такъ какъ цѣль настоящаго произведенія—наставить дѣвственницу, а не отвѣчать еретикамъ. Впрочемъ, всѣ лжеумствованія ихъ и подкопы, какими усиливаются они извратить истину, я съ помощію Божіею опровергъ въ другомъ сочиненіи, которое, если хочешь, скоро и охотно пришлю, такъ какъ непрощенные подарки, говорятъ, неприяты, и награды, получаемыя легко, теряютъ свою цѣну, и напротивъ болѣе цѣнятся, если дѣлаются рѣдко.

Многіе обыкновенно спорятъ—отшельническая ли жизнь лучше или общежительная, и первую предпочитаютъ второй. Но если отшельническая жизнь для мушнѣ представляетъ ту опасность, что, отдѣлившись отъ общенія съ людьми, они могутъ быть доступны гнуснымъ и нечестивымъ помысламъ и, исполнившись надменности и гордости, могутъ всѣхъ презирать и изощрять свои языки, осуждая или клириковъ или другихъ менаховъ, о чемъ весьма справедливо говорится: *сынове челоувѣстїи, зубы ихъ оружія и стрѣлы,*

и языкъ ихъ мечь остръ (Псал. 56, 5);—то не тѣмъ ли болѣе одиночная жизнь опасна для женщинъ, измѣнчивый и непостоянный умъ которыхъ, если предоставляется своему произволу, скоро впадаетъ въ самое худшее? Я знаю нѣкоторыхъ изъ того и другого пола, у которыхъ отъ излишняго воздержанія, въ особенности у тѣхъ, которые жили въ сырыхъ и холодныхъ кельяхъ, до того разстроены былъ мозгъ, что они не знали, что дѣлать и куда повернуться, не знали, что нужно говорить и чего не говорить. Если эти невѣжды въ свѣтскихъ наукахъ читали что-нибудь изъ трактатовъ ученыхъ, то заучивали только одни слова безъ пониманія написаннаго и, по старой пословицѣ, не умѣя говорить, не умѣли и молчать. Они учатъ Писанію, котораго не понимаютъ, и, наставляя другихъ, принимаютъ на себя высокомеріе ученыхъ—эти болѣе учителя невѣждъ, чѣмъ ученики ученыхъ. Итакъ доброе дѣло повиноваться старшимъ, слушаться начальниковъ и послѣ правилъ Писанія учиться пути жизни у другихъ, и не руководиться самымъ худшимъ учителемъ, т. е. гордостію. О таковыхъ женахъ и апостолъ говоритъ: *влающеся и скитающеся всякимъ вътромъ ученія* (Ефес. 4, 14); *всегда учащеса и николиже въ разумъ истины приити могуція* (2 Тим. 3, 7).

Уклоняйся отъ сообществъ съ мужами матронъ и живущихъ въ мірѣ, чтобы не смущаться духомъ и не слышать того, что говоритъ мужъ женѣ, или жена мужу. Такія сообщества вредны. Осуждая оныя, апостолъ, приводя свѣтскій стихъ, дѣлаетъ его церковнымъ; *тлятъ обычаи благи бестды злы* (1 Кор. 15, 33). Латинскій переводъ не выражаетъ вполне метра этого ямбическаго стиха, если передать его слово въ слово. Выбирай въ спутницы строгихъ женъ и въ особенности вдовъ и дѣвственницъ, жизнь которыхъ безукоризненна, рѣчь скромна, цѣломудріе свято. Избѣгай вольности дѣвицъ, которыя украшаютъ головы,

распускають волосы, лоснять кожу, румянятся, носятъ тѣсныя перчатки, платье безъ складокъ и башмаки со скрипомъ, чтобы съ именемъ дѣвъ удобнѣе погибнуть. Ибо о нравахъ и склонностяхъ госпожъ судятъ большею частію по правамъ слуганокъ и спутницъ. Твоею хорошею, твоею любимую, твоею подругою должна считаться та, которая не считаетъ себя краснею, которая не заботится о красотѣ лица и въ публичныхъ мѣстахъ не обнажаетъ груди и шеи, и спустивши мантию не открываетъ верхней части спины, но закрываетъ свою наружность и ходитъ чуть открывши одинъ глазъ, чтобы видѣть дорогу.

Сомнѣваюсь говорить ли, но хочу ли не хочу ли, а нужно сказать, потому что это часто случается;—не потому, впрочемъ, что я опасуюсь этого въ тебѣ, которая можетъ быть этого и не знаешь и никогда не слышала, а для того, чтобы по поводу тебя предостеречь прочихъ. Пусть удалается дѣвственница, какъ нѣкоторой язвы и яда для цѣломудрія, завитыхъ и раздушенныхъ юношей, о которыхъ говоритъ Арбитръ: *не хорошо пахнетъ тотъ, который хорошо пахнетъ*. Не говорю о прочихъ, коихъ неблаговременное посѣщеніе безславить и ее и другихъ, такъ что хотя бы и не было въ этомъ ничего дурнаго, но уже то величайшее зло, что язычникамъ напрасно открывается поводъ къ злословію и глумленію. Я говорю это не о всѣхъ, а только о тѣхъ, которыхъ порицаетъ сама церковь и иногда извергаетъ, на которыхъ часто падаетъ обличеніе епископовъ и пресвитеровъ, такъ что дѣвицамъ легкаго поведенія почти опаснѣе ходить въ мѣста богослуженія, чѣмъ въ мѣста публичныя. Живущія въ монастырѣ и живущія вмѣстѣ въ большомъ числѣ пусть никогда не выходятъ однѣ, никогда безъ матери. Изъ стаи голубей ястребъ часто отдѣляетъ одну, на которую тотчасъ нападаетъ и растерзываетъ, насыщаясь ея плотію и кровію. Хилыя овцы отстаютъ отъ

своего стада и пожираются челюстями волковъ. Я знаю святыхъ дѣвственницъ, которыя въ праздничные дни, по причинѣ множества народа, не переступаютъ порога своего дома и не выходятъ и тогда, когда нужно соблюдать наибольшую осторожность и почти избѣгать публики. Почти тридцать лѣтъ назадъ я издалъ книгу о храненіи дѣвства, въ которой мнѣ было необходимо выпустить противъ пороковъ и раскрыть ковы діавола для вразумленія дѣвственницы, которой я писалъ. Это оскорбило многихъ, такъ какъ всякій, относя къ себѣ сказанное, неохотно слушалъ меня какъ наставника, но отвращался какъ обличителя своихъ беззако́ннѣй. Однако какая была польза въ томъ, что я вооружилъ противъ себя крикуновъ своимъ сѣтованіемъ и раскрылъ рану совѣсти? Книги остались, а люди умерли. Я писалъ ко многимъ дѣвственницамъ и ко вдовамъ *σποδαματία* ¹⁾, и что только могло быть высказано въ тѣхъ книжечкахъ, все было расписано, такъ что или излишне повторять одно и то же, или опускаемое мною теперь принесло бы больше вреда. И блаженный Кипріянь издалъ прекрасную книгу о дѣвствѣ и многіе другіе какъ на латинскомъ, такъ и на греческомъ языкахъ; жизнь *ἀγνή* ²⁾ восхвалена въ писаніяхъ и на языкахъ всѣхъ народовъ и преимущественно въ церквахъ. Но все это относится къ тѣмъ, которыя еще не избрали дѣвства и нуждаются въ наставленіи, чтобы знать, какъ высоко то, что они должны избрать. А намъ нужно сохранить избранное и ходить какъ бы среди скорпіоновъ и змѣй, чтобы, препоясавши чресла, обувши ноги и взявши въ руку посохи, идти среди ковъ и соблазновъ міра сего, чтобы достигнуть до сладкихъ водъ Іордана, вступить въ землю обѣтованія, взойти въ домъ Божій и сказать съ

1) Т. е. сочиненьца, книжечки.

2) Т. е. дѣвственная, непорочная.

пророкомъ: *Господи, возлюбихъ благолюбїе дому твоего, и мѣсто селенїя славы твоея* (Псал. 25, 8) и еще: *едино просихъ отъ Господа, то взышу: еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего* (Псал. 26, 4). Счастлива та совѣсть и блаженна та дѣвица, въ сердцѣ коей, кромѣ любви Христовой, которая есть мудрость, чистота, терпѣніе и правда и прочія добродѣтели, не жило никакой другой любви, которая никогда не вздыхала при воспоминаніи о человѣкѣ и не желала видѣть того, увидѣвши котораго не захотѣла бы оставить. Имѣя нѣкоторыхъ, нехорошо себя ведущихъ, безславить святой обѣтъ дѣвственницъ и славу небснаго и ангельскаго житїя. Имъ прямо должно сказать, чтобы: или посягали, если не могутъ удержаться, или удерживались, если не хотятъ посягать. Достоинo смѣха или лучше слезъ, что когда идутъ госпожи, дѣвица—служанка идетъ наряднѣе, такъ что, по общему обыкновенію, очень часто признаешь госпожу въ той, которую видишь хуже одѣтою. Нѣкоторыя хотятъ жить въ отдѣльныхъ помѣщенїяхъ, безъ постороннихъ людей, чтобы жить свободнѣе, мыться въ баняхъ, дѣлать все, что хотятъ, и соблазнять совѣсть многихъ. Это мы видимъ и терпимъ, и если блеститъ при этомъ золото, считаемъ добрыми дѣлами.

Связываю конецъ съ началомъ и не довольствуюсь однократнымъ увѣщанїемъ. Люби священное Писанїе и возлюбить тебя мудрость, прїими ее и сохранить тебя, почти ее и объиметь тебя. Эти-то украшенїя пусть будутъ на груди и въ устахъ твоихъ, языкъ твой пусть не знаетъ ничего, кромѣ Христа; пусть ничего не можетъ говорить, кромѣ того, что свято. Въ устахъ твоихъ пусть всегда будетъ сладость твоей бабки и матери, подражанїе коимъ составляетъ образецъ добродѣтели.

107. Письмо къ Ктезифонту.

Ты поступилъ не дерзко, какъ ложно представляешь себѣ, а подружески и осмотрительно, когда послалъ мнѣ новый вопросъ по старому предмету. Еще до твоего письма вопросъ этотъ на востокѣ ввелъ въ заблужденіе очень многихъ, заставивъ ихъ подъ личиною смиренія учить гордости, и говорить вмѣстѣ съ діаволомъ: *на небо възду, выше звездъ небесныхъ поставлю престолъ мой и буду подобенъ Вышнему* (Исаи 14, 13. 14). Ибо какое безразсудство можетъ быть болѣе того, какъ усвоить себѣ не говорю—подобіе, а равенство Богу, и въ краткомъ положеніи схватывать все, что есть отравляющаго у еретиковъ, что заимствовано стойками у философовъ и особенно у Пифагора и Зенона? Они полагаютъ, что можно истребить въ душѣ то, что греки называютъ *πάθη*, а мы можемъ назвать душевными волненіями (*perturbationes*), т. е. печаль и радость, надежду и страхъ, изъ коихъ два относятся къ настоящему, а два къ имѣющему быть; и что при размышленіи и постоянномъ упражненіи въ добродѣтели, въ человѣкѣ можетъ не остаться рѣшительно никакого слѣда и корня пороковъ. Противъ нихъ весьма сильно говорятъ и перипатетики, ведущіе свое начало отъ Аристотеля, и новые академики, которымъ слѣдуетъ Туллію; и опровергаютъ—не говорю ихъ опыты, которыхъ нѣтъ, но мечты и предположенія. Ибо это значитъ истребить въ человѣкѣ человека, и въ образѣ человека жить безъ тѣла; скорѣе можно этого желать, чѣмъ объ этомъ учить, какъ говоритъ апостоль: *окаяненъ азъ человекъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего?* (Рим. 7, 24). Но такъ какъ письмо не можетъ вмѣстить всего, я укажу тебѣ коротко, чего слѣдуетъ избѣгать. Есть вотъ стихъ и у Virgilія:

Отъ того-то у нихъ и страхъ и желанье, скорбь и радость; не видятъ И свѣта они, заключенные въ душной и мрачной темницѣ.

(Енеид. кн. 9).

Ибо кто можетъ не восхищаться отъ радости, не огорчаться въ печали, не ободряться надеждою, не задрожать отъ страха? Почему и самый строгій изъ поэтовъ, Флаккъ, написалъ въ сатирѣ:

Никто не родится безъ пороковъ: лучший тотъ,
У кого ихъ меньше.

(Горація сатир. 3)

Прекрасно говорить одинъ изъ нашихъ ¹⁾: философы—патріархи еретиковъ. Превратнымъ ученіемъ они пятнаютъ чистоту церкви; какъ будто не знаютъ извѣстнаго изрѣченія: *почто гордится земля и пепелъ* (Сир. 10, 9)? особенно, когда тоже говоритъ апостоль: *вижду инъ законъ во удѣхъ моихъ противу воюющъ закону ума моего, и плняющъ мя* (Римл, 7, 23), и еще: *не еже бо хошу творю: но еже не хошу, сіе содѣваю* (тамъ же ст. 19). Если онъ дѣлаеть то, чего не хочетъ: то какъ можетъ статься, что говорятъ, будто человекъ можетъ быть безъ грѣха, если захочетъ? Какимъ образомъ можетъ онъ быть тѣмъ, чѣмъ хочетъ, когда апостоль утверждаетъ, что онъ не можетъ исполнить того, что желаетъ? А когда мы спрашиваемъ у нихъ, кто эти люди, которыхъ они считаютъ безгрѣшными, — хотятъ увернуться отъ истины посредствомъ новой уловки: мы-де говоримъ не о тѣхъ, которые есть или были, а о тѣхъ, которые могутъ быть. Отличнѣйшіе учителя, говорятъ они, доказываютъ, что можетъ быть и то, чего никогда не было, хотя и говоритъ Писаніе: *еже будетъ, уже бысть въ вѣцяхъ бывшихъ прежде насъ* (Евкл. 1, 9. 10). Мнѣ нѣтъ необходимости въ настоящемъ случаѣ

¹⁾ Тертуліанъ противъ Гермогена гл. 9.

перебирать каждаго изъ святыхъ и какъ бы на прекраснѣйшемъ тѣлѣ указывать нѣкоторыя морщинки и пятна. Такъ по простосердечію дѣлаютъ очень многіе изъ нашихъ, хотя могли бы опровергнуть доводы еретиковъ, а чрезъ нихъ и философовъ, нѣсколькими изрѣченіями Писаній. Ибо что говорить сосудъ избранный? *Затвори Богъ всѣхъ въ грѣхѣхъ, да всѣхъ помилуетъ* (Рим. 11, 32); и въ другомъ мѣстѣ: *все бо согрѣшиха, и лишени суть славы Божіей* (тамъ же 3, 23). Равно и Екклесіастъ, устами котораго говорила сама мудрость, заявляетъ откровенно, и говоритъ: *яко нѣсть чловѣкъ праведенъ на земли, иже сотворитъ благое, и не согрѣшитъ* (Еккл. 7, 21). И опять: *если согрѣшитъ народъ твой, яко нѣсть чловѣкъ, иже не согрѣшитъ* (3 Пар. 8, 46). И еще: *кто похвалится чисто имѣти сердце* (Притч. 20, 9)? и — *никтоже чистъ отъ скверны, аще и единъ день житія его на земли* (Іов. 14, 4)? Потому и Давидъ говоритъ: *се бо въ беззаконіихъ зачатъ есмь, и во грѣсахъ роди мѣ мати моя* (Пс. 50, 7). И въ другомъ псалмѣ: *не оправдится предъ тобою всякъ живой* (Псал. 142, 2). Надъ послѣднимъ свидѣтельствомъ они подшучиваютъ, подъ видомъ благочестія, новаго рода умствованіями. Говорятъ, что никто не совершенъ по сравненію съ Богомъ. Какъ будто Писаніе въ такомъ смыслѣ выразилось? Вѣдь оно не говоритъ: *не оправдится по сравненію съ тобою всякъ живой*; а — *не оправдится предъ тобою всякъ живой*. Ибо, когда говоритъ: *предъ тобою*, даетъ этимъ понять, что даже тѣ, которые людямъ кажутся святыми, вовсе не святы по тому познанію и пониманію, какое имѣетъ Богъ. Чловѣкъ смотритъ на лице, Богъ же на сердце. Если же нѣтъ никого праведнаго, когда всматривается и все созерцаетъ Богъ, котораго не обманываютъ тайны сердечныя: то этимъ ясно показывается, что еретики не чловѣка возносятъ до небесъ, а отрицаютъ могущество Божіе, и такъ далѣе (потому что

если бы я рѣшился все приводить, что есть въ священномъ Писаніи, то преступилъ бы границы не только письма, но и книги).

Ничего новаго не прибавляютъ тѣ, которые въ самохвальномъ вѣроломствѣ этого рода, хотя и увлекаютъ въ заблужденіе простыхъ и неученыхъ, но служителей церкви, день и почь поучающихся въ законѣ Божиємъ, увлечь не въ силахъ. Да будетъ имъ стыдно за ихъ вождей и союзниковъ, говорящихъ, что можетъ человѣкъ, если захочетъ, быть безъ грѣха, что греки называютъ ἀναμάρτητον. Такъ какъ церкви восточныя не могутъ слышать послѣдняго слова, то они притворяются, что хотя-де и говорятъ—*безъ грѣха*, но сказать ἀναμάρτητον не имѣютъ; какъ будто — *безъ грѣха* — одно, а ἀναμάρτητον — другое, и будто латинская рѣчь двумя словами выразить не греческое слово, у нихъ образовавшееся! Если говоришь: *безъ грѣха*, а сказать ἀναμάρτητον отказываешься, то произнеси осужденіе тѣмъ, которые проповѣдуютъ ἀναμάρτητον. Но ты этого не дѣлаешь. Ты знаешь, чему тайкомъ училъ своихъ учениковъ. Одно говоришь ты языкомъ, а другое хранишь въ секретѣ; и намъ, людямъ чужимъ и не ученымъ, говоришь притчами, а своихъ посвящаешь въ таинство, и хвастаешь, что дѣлаешь такъ по Писанію; потому что сказано: *глагола Іисусъ въ притчахъ народомъ* (Мат. 13, 34), а ученикамъ въ домѣ говорить: *вамъ дано есть разумѣти тайны царствія небеснаго, онѣмъ же не дано есть* (тамъ же ст. 11). Но для начала я вкратцѣ выставлю на позоръ имена твоихъ вождей и союзниковъ, чтобы ты видѣлъ, чѣмъ сообществомъ хвалишься. Манихей говоритъ, что его избранные, которыхъ онъ помѣщаетъ въ небесахъ между ἀφίδας ¹⁾ Платона, вовсе

¹⁾ По Плинію (lib. 2, cap. 15), у грековъ назывались абсидами звѣздные круги. По Тертуллиану, Платонъ училъ, что души мудрыя витаютъ въ высотахъ зѣира (lib. de anim. cap. 54).

не имѣютъ грѣха и не могутъ грѣшить, если бы и захотѣли, потому что достигли такой высокой степени добродѣтели, что смѣются надъ дѣлами плотскими. Сообщникъ Манихея Прискилліанъ въ Испаніи (за безпутство котораго тебя особенно любятъ ученики, безразсудно приписывая тебѣ совершенство и мудрость въ ученіи) запирается наединѣ съ бабенками, и въ промежуткахъ между совокупленіемъ и объятіями, напѣваетъ имъ извѣстную пѣсню:

Тогда отецъ всемогущій эфиръ плодотворнымъ дождемъ
Нисходитъ на лоно счастливой супруги: и всѣ
Плоды питаетъ великій, съ великимъ смѣшавшись тѣломъ
(Вирг. Георг. 2).

У нихъ есть доля и гностической ереси, перешедшая къ нимъ отъ нечестія Василида. Оттуда же и вы утверждаете, что незнающіе закона грѣха избѣжать не могутъ. Но зачѣмъ говорю я о Прискилліанѣ, которому произнесли приговоръ и мечъ гражданскій, и власть вселенская? ¹⁾ Евагрій Понтикъ иберіецъ, писавшій къ дѣвамъ, писавшій къ монахамъ, писавшій къ той, о темномъ вѣроломствѣ которой свидѣтельствуешь ея имя черноты ²⁾, издалъ книгу и мысли пері *ἀπαθείας*, что мы можемъ перевести словомъ *безстрастіе* или *невозмутимость*, когда душа ни въ какомъ случаѣ не возмущается никакимъ волненіемъ, и сказать попросту—представляетъ собою или камень, или Бога. Его книги, на востокѣ на греческомъ языкѣ, а на западѣ на латинскомъ, въ переводѣ его же ученика Руффина, почитываютъ очень многіе. Этотъ послѣдній написалъ также книгу якобы о монахахъ; но въ ней перечисляетъ много такихъ, которыхъ никогда не бывало, а изъ бывшихъ описываетъ

¹⁾ Преданный анафемѣ двумя соборами, Прискилліанъ былъ осужденъ на смертную казнь императоромъ Максимомъ въ 385-мъ году.

²⁾ Т. е. къ *Меланіи*. Меланія—*μελανία*, съ греческаго—чернота.

оригенистовъ, и такихъ, о которыхъ извѣстно несомнѣнно, что они осуждены епископами, то есть: Аммонія, Евсевія, Евемія, самаго Евагрія, равно какъ Исидора, и многихъ другихъ, которыхъ пересчитывать скучно. Въ тоже время, но Лукрецію:

Какъ врачи, когда думаютъ дѣтямъ дать горькій польшь,
Напередъ обмажутъ стаканъ по краямъ влагой
Золотистаго, сладкаго меда.

(Лукрецъ о природѣ вещей кн. 4):

такъ онъ въ началѣ своей книги поставилъ одного Іоанна, о которомъ извѣстно несомнѣнно, что онъ былъ и православный и святой, чтобы подъ прикрытіемъ его включить въ число членовъ церкви остальныхъ, выставленныхъ имъ, еретиковъ. А кто въ состояніи выяснитъ вполне то безразсудство и глупость его, что онъ подложнымъ именемъ Сикста, мученика и епископа римской церкви, написалъ книгу Сикста пифагорейца, челоуѣка не имѣвшаго понятія о Христѣ и язычника? Написалъ такъ книгу, въ которой много говорится о совершенствѣ по ученію пифагорейцевъ, равняющихъ челоуѣка Богу и приписывающихъ ему божественное естество; и это для того, чтобы незнающіе книги философа пили отъ имени мученика изъ золотой чаши вавилонской. Наконецъ въ самой книгѣ нѣтъ никакого упоминанія ни о пророкахъ, ни о патриархахъ, ни объ апостолахъ, ни о Христѣ, чтобы провести мысль, будто епископъ и мученикъ не имѣлъ вѣры во Христа. Изъ этой книги и вы приводите множество свидѣтельствъ противъ церкви. Тоже сдѣлалъ онъ и съ именемъ святаго мученика Памфила: первую изъ шести книгъ, въ защиту Оригена, Евсевія кесарійскаго, о которомъ всякому извѣстно, что былъ аріанинъ, онъ написалъ именемъ Памфила мученика съ цѣлю, разумѣется, познакомить латинянъ съ извѣстными превосходными четырьмя книгами Оригена περί 'Архῶν. Хочешь знать и еще

одного изъ виновниковъ своихъ заблужденій? Твое ученіе есть отростокъ Оригена. По поводу псалма, въ которомъ пишется (о прочихъ уже умолчу): *еще же и до ночи наказаша* (научили) *мя утробы моя* (Пс. 15, 7), онъ утверждаетъ, что святой мужъ, къ числу которыхъ принадлежишь конечно и ты, когда достигнетъ верха добродѣтелей, даже и во время ночи не испытываетъ свойственнаго человѣку, даже и въ помыслахъ не ощущаетъ никакого порочнаго щекотанія. Не краснѣешь ли за сообщество съ такими лицами, которыхъ назвать на смѣешь, но въ богохульствѣ которыхъ участвуешь? Второй вопросъ Іовіана ¹⁾ занимаетъ и твою голову. Что служить отвѣтомъ ему, то, вѣрно, служить отвѣтомъ и тебѣ. Не можетъ быть, чтобы тѣ, у кого одна мысль, пришли къ рѣшенію различному.

Какъ скоро это такъ, то чего хотятъ эти жалкія бабенки, обремененныя грѣхами, влающіяся всякимъ вѣтромъ ученія, всегда учащіяся и никогда до познанія истины не достигающія (2 Тим. 6 7)? Чего хотятъ и тѣ бабы общники, чувствующіе зудъ въ ухахъ и не понимающіе, что слышать, что говорить,—которые весьма давнюю грязь принимаютъ за вновь сдѣланный составъ,—мажутъ, по Іезекіилю, стѣну въ непогоду, и разбѣгаются, когда нахлынетъ дождь истины? Симонъ Магъ сочинилъ ересь при помощи блудницы Елены. Николай антиохійскій, изобрѣтатель всякихъ нечистотъ, вель за собою женскіе хороводы. Апеллесъ имѣлъ сообщницею въ своемъ ученіи Филумену. Монтанъ, проповѣдникъ нечистаго духа, чрезъ Приску и Максимиллу, благородныхъ и богатыхъ женщинъ, сперва обольстилъ золотомъ, а потомъ осквернилъ ересью многія церкви. Оставлю

¹⁾ Іовіанъ сходился съ нелагіанами въ ученіи о безстрастіи. Второе положеніе его, о которомъ говорятъ Іеронимъ, было, что „получившіе крещеніе не подлежатъ навѣтамъ демона“.

примѣры древніе, перейду къ ближайшимъ. Арій, расчитывая вовлечь міръ въ заблужденіе, увлекъ сперва сестру императора. Донатъ въ Африкѣ воспользовался богатствами Люциаллы, чтобы нѣкоторыхъ несчастныхъ осквернить болотною водою. Въ Испаніи Агапія—женщина Елпидія—мужчину, слѣпая слѣпая, завела въ яму; этого имѣлъ преемникомъ Прискиліана, бывшаго ревностнѣйшимъ ученикомъ мага Зороастра и изъ мага—епископомъ; а сообщница послѣдняго Галла оставила по себѣ всюду бродящею наслѣдницею той и другой ереси женщину, родную ей не по происхожденію, а по имени ¹⁾. И вотъ совершается теперь тайна нечестія. Оба пола подставляютъ другъ другу ногу, и поневолѣ приходишь къ извѣстному пророческому изрѣченію: *возгласи рѣчь* (куропатка), *собра, ихже не роди, творяи богатство свои не съ судомъ. Въ преполовеніи дней своихъ оставитъ е, и ни послѣдокъ свой будетъ безуменъ* (Іерем. 17, 12).

А то, что послѣ присоединили они къ этой мысли для оболъщенія всякаго рода людей, хотя съ перваго взгляда и завлекаетъ, но если разсмѣтрѣть и внимательно разобрать—увлечь не можетъ. Ибо они благодать Божію представляютъ не такъ, чтобы при всякомъ въ частности дѣлѣ мы укрѣплялись и управлялись ея помощію; но полагаютъ ее въ свободномъ произволѣ и въ предписаніяхъ закона, ссылаясь на извѣстное изрѣченіе Исаіи: *законъ бо Богъ въ помощь даде* (Ис. 8, 20); такъ что слѣдуетъ благодарить Бога за то, что Онъ такими насъ создалъ, что мы можемъ по своей доброй волѣ избирать доброе и избѣгать злаго. И говоря такъ, они не понимаютъ, что устами ихъ доселѣ шипитъ, нестерпимо богохульствуя, діаволь. Ибо, если благодать Божія состоитъ въ томъ только, что создалъ Онъ насъ съ личною волею, и мы сохраняемъ за собою свободный про-

¹⁾ Т. е. Меланію (о которой выше). Galia—чернильный орѣшекъ.

изволь; и если мы даже не нуждаемся въ Его помощи, такъ какъ подобная нужда уничтожала бы свободный произволь: то послѣ этого мы ни въ какомъ случаѣ не должны молиться, не должны обращаться къ Его милосердію съ молитвами, чтобы Онъ давалъ намъ ежедневно то, что разъ навсегда предоставлено нашей власти. Люди этого вида отрицаютъ молитву, и, говоря о свободномъ произволѣ, выставляютъ себя созданными не съ волею, свойственною людямъ, а съ могуществомъ свойственнымъ Богу, который не нуждается ни въ чьей помощи. Отрицаютъ они и посты и всякое воздержаніе. Ибо какая мнѣ необходимость трудиться, чтобы усиліями добиваться того, что разъ навсегда предоставлено моею власти? Это я говорю не свой доводъ: такъ философствуетъ и разсуждаетъ одинъ изъ его учениковъ, а вѣрнѣе—учитель и вожатый всей толпы, сосудъ погибели, возстающій противъ апостола съ жалкимъ оружіемъ не силлогизмовъ (какъ они хвалятся), а солецизмовъ. «Если я не дѣлаю ничего безъ помощи Божіей, и если, потому, за всякое дѣйствіе, которое бы я ни совершилъ, слава будетъ принадлежать не мнѣ, а помощи Божіей во мнѣ: то напрасно Богъ и далъ мнѣ свободу, которою я не могу пользоваться, если Онъ же самъ не будетъ всегда помогать мнѣ. То произволеніе ничтожно, которое нуждается въ чужой помощи. Но Богъ далъ свободное произволеніе, которое иначе не будетъ свободнымъ, если я не буду дѣлать того, что ни захочу. И поэтому, говоритъ онъ, или я всегда пользуюсь тою властію, которая мнѣ дана, и тогда свободное произволеніе сохраняется; или я нуждаюсь въ помощи другаго, и въ такомъ случаѣ свобода произволенія во мнѣ уничтожается».

Неужели говорящій такъ не впадаетъ въ крайнее богохульство, не превосходитъ еретиковъ въ причиняемомъ ими вредѣ? Утверждаютъ, что при свободномъ произволѣ,

они уже не имѣютъ никакой необходимости въ Богѣ; а не знаютъ написаннаго: *что имали, егоче нѣси пріять? Аще же пріять еси, что хвалитися яко не пріемь* (1 Кор. 4, 7)? Большую благодарность высказываетъ Богу тотъ, кто, пользуясь свободою произвола, возстаетъ противъ Бога?! И мы признаемъ охотно свободу, но такъ однакоже, что всегда благодаримъ щедрого подателя ея, и знаемъ, что мы ничто, если давшій самъ же не сохранить въ насъ даннаго, по слову апостола: *ни хотищаго, ни текущаго, но милующаго Бога* (Рим. 9, 16). Хотѣть и течь—мое дѣло; но и то, что мое, не будетъ моимъ безъ постоянной постоянной помощи Божіей. Ибо тотъ же апостолъ говоритъ: *Богъ естъ дѣйствующій въ насъ и еже хотѣти, и еже дѣяти* (Фил. 2, 13). Всегда Онъ—щедрый податель, всегда даритель. Разъ данное Имъ недостаточно для меня, если Онъ не будетъ всегда дарить. Прошу, чтобы получить; и получивъ, снова прошу. Я алченъ на полученіе благодѣяній Бога; и какъ Онъ не устанетъ давая, такъ и я не насыщусь принимая. Чѣмъ болѣе буду пить, тѣмъ болѣе жажду. Ибо читалъ я пѣснь псалмопѣвца: *вкусите и видите, яко благъ Господь* (Пс. 33, 9). Все, что имѣемъ мы добраго, вкушаемъ отъ Господа. Когда думаю о себѣ, что достигъ уже верха добродѣтелей, окажусь только въ началѣ пути. Ибо *начало премудрости страхъ Господень* (Пс. 110, 10), который изгоняется и уничтожается любовью. Единственное совершенство для людей въ томъ, если они сознаютъ себя несовершенными. *И вы, говоритъ, егда сотворите вся повѣтная вамъ, глаголите, яко раби неключими* (безполезны) *есмы: яко еже должны бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лук. 17, 10). Если неключимъ (безполезенъ) тотъ, кто все сдѣлалъ;—что сказать о томъ, кто исполнить всего не мѣгъ? Почему и апостолъ говоритъ о себѣ, что онъ отчасти получилъ, и отчасти уразумѣлъ, и далеко еще не совер-

шенъ,—задняя забываетъ, и въ предняя простирается (1 Кор. 13, 9; см. Филипп, 3, 13). Кто всегда забываетъ прошедшее и желаетъ будущаго, тотъ даетъ видѣть, что настоящимъ онъ недоволенъ. Что же касается тѣхъ, которые со всѣхъ сторонъ кричатъ, будто мы уничтожаемъ свободный произволъ, то пусть узнаютъ, что напротивъ они уничтожаютъ свободу произвола, пользуясь ею худо, вопреки благодареніямъ давшаго ее. Кто уничтожаетъ свободу: тотъ ли, кто всегда благодаритъ Бога и все, что течетъ въ ручьѣ его, относить къ источнику, или тотъ, кто говоритъ: *отъиди отъ мене, яко чистъ есть* (Ис. 65, 5), не имѣю я въ тебѣ нужны? Даль-де ты мнѣ разъ свободную волю дѣлать что захочу: зачѣмъ же вмѣшиваешься снова, чтобы я не могъ дѣлать ничего, пока ты не удовлетворишь своихъ даровъ мнѣ?.. Ложно представляешь ты благодать Божію, когда принимаешь ее за свойство человѣческое и на каждое дѣло не просишь помощи Божіей; не потеряй вслѣдствіе этого свободной воли, и презирая помощь Божію, не попроси пособія человѣческаго.

Послушайте, прошу васъ, послушайте святотатца. «Если, говоритъ онъ, я захочу согнуть палецъ, двинуть рукою, сѣсть, стать, пройти, пробѣжать, плюнуть, высморкаться посредствомъ двухъ пальцевъ, испражниться, освободиться отъ урины,—неужели мнѣ всегда будетъ необходима помощь Божія»? Послушай, неблагодарный, послушай, святотатецъ, что проповѣдуетъ апостоль: *аще убо ясте, аще ли ино что творите, вся во славу Божію творите* (1 Кор. 10 31); равно и извѣстное изрѣченіе Іакова: *слышите нынѣ глаголющии: днесъ ими утрѣ поидемъ во онъ градъ, и сотворимъ ту лѣто едино, и куплю дѣмъ и приобритеніе: иже не вѣсте что утрѣ случится. Кая бо жизнь ваша? Дуновѣніе вѣтра, или пара есть, яже в малъ является, потомъ же исчезаетъ. Вмѣсто еже бы глаголати*

вамъ: аще Господь восхоцетъ, и живи будемъ, и сотворимъ сіе или оно. Нынѣ же хвалитесь въ гордыняхъ вашихъ: всяка хвала такова зла есть (Іак. 4, 13—16) Ты думаешь, что для тебя обидно, и свобода произвола уничтожается, если Богъ творецъ всегда останея опорюю твою, если ты зависишь отъ Его воли, и говоришь: *очи мои выну ко Господу, какъ той исторгнетъ отъ стѣнъ нозѣ мои* (Пс. 24, 15)? Отъ того и осмѣливаешься ты дерзко утверждать, что каждый управляется по своему произволу, а если каждый управляется по своему произволу, то на что помощь Божія?—Если нѣтъ нужды въ Христѣ правителѣ, то какимъ образомъ пишетъ Іеремія: *нѣтъ чловѣку (въ чловѣкѣ) нуть его* (Іерем. 10, 23), и *отъ Господа стоны чловѣку испривляются* (Пс. 36, 23)? Ты говоришь, что заповѣди Божіи легки; однакоже не укажешь никого, кто исполнилъ бы всѣ. Отвѣчай мнѣ, легки онѣ или трудны? Если легки, скажи, кто ихъ исполнилъ, и зачѣмъ Давидъ поеть въ псалмѣ: *созидай трудъ на повелѣніе* (Пс! 93, 20); и еще: *за словеса устенъ твоихъ азъ сохранихъ нити жестоки* (Пс. 16, 4); и Господь говоритъ въ Евангеліи: *видите узкими враты* (Мат. 7, 13), и *любите враги ваши и молитесь за творящихъ вамъ напасть* (Мат. 5, 44)? Если же онѣ трудны, то какъ смѣешь ты говорить, что заповѣди Божіи легки, когда никто ихъ не исполнилъ? Не понимаешь, какъ твои мысли противорѣчатъ между собою? Или онѣ легки, и въ такомъ случаѣ есть безчисленное множество людей, исполнившихъ ихъ; или онѣ трудны, и тогда ты безсудно назваешь легкимъ то, что трудно.

Имѣете вы обыкновеніе говорить и такъ: «заповѣди или возможны для исполненія, и въ такомъ случаѣ справедливо даны Богомъ; или невозможны, и тогда виноваты не тѣ, которые получили заповѣди, но тотъ, кто далъ невозможное». Неужели Богъ заповѣдалъ мнѣ, чтобы я былъ

какъ Богъ, чтобы не было различія между мною и Господомъ Творцемъ, чтобы я превзошелъ величіемъ ангеловъ, чтобы имѣлъ чего не имѣютъ ангелы? О Немъ писано, какъ и свойственно Ему: *яко беззаконія не сотвори, ниже обрѣтешя лстѣ во устѣхъ его* (Пс. 53, 9). Но неужели это обще и мнѣ со Христомъ, которому было свойственно?—Вѣдь иначе твое мнѣніе уничтожается само собою. Утверждаешь, что человѣкъ можетъ быть безъ грѣха, если захочетъ; и очнувшись отъ бреда, стараешься напрасно, для обмана невѣжественныхъ умовъ, прибавить: не безъ благодати Божіей. Если уже человѣкъ самъ собою можетъ быть безъ грѣха, то какая необходимость въ благодати Божіей? Если же безъ Божіей благодати онъ ничего не можетъ дѣлать,—какая была необходимость говорить, что можетъ, когда не можетъ? Можетъ, говоритъ онъ, быть безъ грѣха, можетъ быть совершеннымъ, если захочетъ.—Кто же изъ христіанъ не хочетъ быть безгрѣшнымъ, или кто отказывается отъ совершенства; и неужели тотчасъ слѣдуетъ возможность, если предшествуетъ желаніе? Такъ какъ изъ христіанъ нѣтъ никого, кто не захотѣлъ бы быть безгрѣшнымъ: то слѣдовательно всѣ будутъ безъ грѣха, потому что всѣ непремѣнно желаютъ быть безгрѣшными. И ты поневолѣ остановишься на томъ, что признаешь возможность всѣмъ быть безгрѣшными, хотя не можешь указать безгрѣшнаго никого или только немногихъ. Богъ, говоритъ онъ, далъ заповѣди возможные къ исполненію.—Кто это и отрицаетъ? Но какъ слѣдуетъ понимать это положеніе, весьма ясно учитъ соудъ избранный; потому что онъ говоритъ: *неможное закона, въ немже немоществоваше плотию, Богъ Сына своего посла въ подобіи плоти грѣха, и о грѣсѣ осуди грѣхъ во плоти* (Рим. 8, 3); и еще: *отъ дѣлъ закона не оправдится всѣхъ плоть* (Рим. 3, 20). А чтобы не подумалъ ты, будто это сказано только о законѣ Моисеевомъ, а не

о всѣхъ заповѣдяхъ, которыя разумѣются подъ однимъ именемъ закона, тотъ же апостолъ пишетъ: *соуслаждаюся бо закону Божию по внутреннему человеку: вижу же инъ законъ во удыхъ моихъ противу волюющъ закону ума моего, и плъняющъ мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удыхъ моихъ. Окаяненъ азъ человекъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего? Благодарю Бога моего Иисусомъ Христомъ Господемъ нашимъ* (Рим. 7, 22—25). А въ какомъ смыслѣ сказалъ онъ это, поясняетъ въ другомъ мѣстѣ. *Вѣлы бо, яко законъ духовенъ есть, азъ же плотянь есмь, проданъ подъ грѣхъ. Еже бо содѣваю, не разумлю. Не еже бо хошу, сіе творю; но еже ненавижду, то содѣлаю. Аще еже не хошу, сіе творю, хвалю законъ яко добръ. Нынѣ же не къ тому азъ сіе содѣваю, но живый во мнѣ грѣхъ. Вѣмъ бо, яко не живетъ во мнѣ, сиричь въ плоти моей, доброе. Еже бо хотѣти привлежитъ ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю. Не еже бо хошу доброе, творю; но еже не хошу злое, сіе содѣваю. Аще ли еже не хошу азъ, сіе творю, уже не азъ сіе творю, но живый во мнѣ грѣхъ* (Тамъ же ст. 14—20).

Заспорить и скажешь, что мы слѣдуемъ ученію манихеевъ и тѣхъ, которые ведутъ войну съ церковію за противоположность естествъ, утверждая, что то естество злое, которое никоимъ образомъ не можетъ быть измѣнено. И это не мнѣ вмѣняй, но апостолу, который зналъ, что иное есть Богъ, иное человѣкъ, — иное немощь плоти, иное вѣрность духовная. *Плоть бо похотствуетъ на духа, духъ же на плоть; сія же другъ другу противится, да не яже хошемъ сіе творимъ* (Гал. 5, 17). Отъ меня никогда не услышишь ты, чтобы плоть была зла. Но какъ слѣдуетъ разсуждать о немощи плоти, поучимся у того самаго, кто писалъ объ этомъ, поучая насъ. Спроси его, для чего онъ сказалъ: *не еже бо хошу, сіе творю; но еже ненавижду, то*

содѣловаю? Что это за необходимость, сказывающая его волю, что за сила такая, побуждающая дѣлать ненавистное, такъ что онъ принужденъ дѣлать не то, что хочетъ, а что ненавидитъ и чего не хочетъ? Онъ отвѣтитъ тебѣ: *о человецѣ, ты кто еси противъ отвѣщай Богови? Еда речетъ зданіе создавшему е: почто мя сотворилъ еси тако? Или не имать власти скудельникъ на брени, отъ тогожде смѣтенія сотворити, овъ зубо сосудъ въ честь, овъ же не въ честь* (Рим. 9, 20, 21)? Еще сильнѣе можешь порицать Бога по тому поводу, что Онъ сказалъ, когда Исавъ и Иаковъ были еще во чревѣ: *Иакова возлюбихъ, Исавъ же возненавидѣхъ* (Малах. 1, 2). Обвиняй его въ несправедливости и по тому случаю, что Ахаръ сынъ Хареміи укралъ нѣчто изъ добычи іерихонянъ, а столько тысячъ людей было убито изъ-за его преступленія (Нав. 7 гл.). Согрешили сыновья Илія; а зачѣмъ же весь почти народъ истребленъ и ковчегъ плѣненъ? Согрешилъ Давидъ, потому что исчислялъ народъ; за что же въ цѣломъ народѣ израильскомъ поражено столько тысячъ людей? И наконецъ (что обыкновенно противопоставляетъ намъ вашъ товарищъ Порфирій), по какой причинѣ Богъ, благій и милосердый, допустилъ, чтобы отъ Адама до Моисея и отъ Моисея до пришествія Христова всѣ народы погибли въ невѣдѣніи закона и заповѣдей Божіихъ? Ибо и Британія, плодоносная провинція тирановъ, и жители Шотландіи, и всѣ окружные народы до самаго океана не знали Моисея и пророковъ. Зачѣмъ необходимо было Ему (Христу) прійти въ послѣднее время, а не прежде чѣмъ погибло такое безчисленное множество людей? Ниша по этому вопросу къ римлянамъ, блаженный апостолъ весьма благо-разумно заявляетъ, что не знаетъ этого и предоставляетъ вѣдѣнію божественному. Откажись снисходительно и ты отъ знанія того, о чемъ спрашиваешь. Уступи Богу Его могущество, чтобы не нуждаться Ему въ твоей защитѣ. Я бѣд-

ный, ждущій отъ тебя поношенія, читающій всегда извѣстное изреченіе: *благодатию есте спасени чрезъ вѣру* (Ефес. 2, 8), и *блаженни ихже оставишиа беззаконія и ихже прикришиа грѣси* (Іс. 31, 1),—я (чтобы сказать о своей немощи) зналъ, что хочу многое такое, что долженъ дѣлать, и однако исполнить не могу. Ибо сила духа направляетъ меня къ жизни, но немощь плоти ведетъ къ смерти. И слышу я увѣщаніе Господа: *бдите и молитесь, да не внидете въ напасть: духъ убо бобръ, плоть же немощна* (Матѳ. 26, 41).

Напрасно ты злословишь и набиваешь въ уши невѣждамъ, будто мы осуждаемъ свободный произволь. Тотъ самъ осудится, кто осуждаетъ. Впрочемъ, мы не тѣмъ разнимся отъ животныхъ, что созданы съ свободнымъ произволомъ; но тѣмъ, какъ мы сказали, что самый свободный произволь опирается на помощь Божию и на каждый частный случай нуждается въ содѣйствіи ея. Вы такъ не думаете; но полагаете, что разъ получившій свободный произволь въ Богѣ помощникъ нужды не имѣеть. Свободный произволь служитъ основаніемъ свободному намѣренію; но не тотчасъ дѣйствуетъ человекъ по свободному произволу, но при помощи Господа, который не нуждается ни въ чемъ пособін. Ты самъ, разглашающій о совершенной и равняющейся съ божественною правдѣ въ людяхъ, и въ тоже время сознающій себя грѣшникомъ, отвѣчай мнѣ: хочешь или не хочешь оставить грѣхъ? Если хочешь, то почему сообразно съ намѣреніемъ своимъ не исполняешь того, чего желаешь? Если же не хочешь, — доказываешь, что ты презритель Божіихъ заповѣдей. Если презритель, — непременно и грѣшникъ. Если грѣшникъ, — послушай, что говоритъ тебѣ Писаніе: *грѣшнику рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія моя, и воспріемлещи заветъ мой усты твоими? Ты же возненавидѣлъ еси наказаніе, и отвергъ еси словеса моя вспять*

(Пс. 49, 16, 17). Не хочешь исполнять слова Божіи, значить—отбрасываешь ихъ за спину. И новый апостоль, ты предписываешь, что должна и чего не должна дѣлать вселенная. Но не такъ это, какъ говоришь ты: иное у тебя на умѣ. Когда говоришь, что ты грѣшникъ и что человѣкъ можетъ быть безъ грѣха, если хочешь: ты хочешь дать понять, что ты-то человѣкъ святой и не имѣешь никакого грѣха; но по смиренію называешь себя грѣшникомъ, такъ какъ лучшимъ-де считаешь хвалить другихъ, а себя уничивать.

А кто въ состояніи понять ваше слѣдующее доказательство?—Вы говорите такъ: «Одно—быть, другое—мочь быть. Быть — не въ нашей власти; мочь же быть, говоря общимъ образомъ,—въ нашей: почему, хотя бы кто нибудь и не былъ, однако могъ бы быть тотъ, кто захотѣлъ бы быть». Спрашиваю, что за доказательство: можетъ быть, чего никогда не было? Можетъ сдѣлаться, чего, по свидѣтельству твоему, никто не дѣлалъ? Приписывать это кому-то, о комъ не знаешь—будетъ ли онъ, и неизвѣстно кому придавать то, существованіе чего ты не можешь доказать ни въ патріархахъ, ни въ пророкахъ, ни въ апостолахъ? Обрати вниманіе на простоту, или грубость и невѣжество, какъ это кажется вамъ, ученія церковнаго. Говори, какъ вѣришь: проповѣдуй открыто, что говоришь ученикамъ своимъ наединѣ. Говоришь, что имѣешь свободный произволъ: почему же не говоришь свободно, что чувствуешь? Одно слышать стѣны твоей спальни, другое слышитъ народъ съ публичной кафедры. Неученый-де народъ не въ состояніи понять таинственнаго въ твоёмъ ученіи и не можетъ принять твердой пищи; почему-де и довольствуется дѣтскимъ молокомъ?! Ты еще не писалъ, а грозишь уже мнѣ громами своихъ писаній, чтобы я, т. е., испугавшись ихъ, не осмѣлился открыть рта; а не замѣчаешь, что мы для того и

пишемъ, чтобы принудить васъ отвѣчать и высказать наконецъ открыто то, что вы, смотря по лицамъ и мѣсту, или высказываете или умалчиваете. Не хочу, чтобы вы пользовались свободою отказываться отъ того, что разъ напишете. Побѣда церкви несомнѣнна, какъ скоро вы открыто выскажете, что чувствуете. Потому что вы или отвѣтите тоже, что говоримъ мы, и тогда окажетесь не врагами, а друзьями; или если выскажете противное нашему ученію, побѣдимъ уже тѣмъ самымъ, что всемъ церквамъ едѣлаются извѣстны ваши мысли. Выставить на свѣтъ ваши мнѣнія значить побѣдить. Съ перваго разу выступаетъ на видъ богохульство. Нѣтъ необходимости опровергать то, что богохульно при самомъ заявленіи своемъ. Угрожаете намъ отвѣтомъ, котораго избѣжать не можетъ никто, кромѣ развѣ того, кто ничего не пишетъ. Откуда знаете вы, о чемъ намѣрены мы говорить, что готовите отвѣтъ? Можетъ случиться, что мы будемъ говорить по вашему, и въ такомъ разѣ напрасно пропадутъ остроты, надъ которыми ломаете свою голову. Евноміане, аріане, македоніане, различные по имени, но единопутные по нечестію, не затрудняютъ насъ. Они говорятъ, что думаютъ. Одна эта ересь краснѣетъ говорить открыто то, чему не боится учить тайкомъ. Тайны учителей обнаруживаетъ бѣшенство учениковъ. Что слышать внутри дома, то проповѣдуютъ они съ кровель; это для того, чтобы сказанное ими, если понравится слушателямъ, было отнесено къ славѣ учителей, а если не понравится, вмѣнено было въ ошибку ученику, а не учителю. Потому и разраслась ваша ересь, и увлекли вы въ заблужденіе очень многихъ, особенно тѣхъ, которые льнутъ къ женщинамъ и знаютъ, что грѣшить они не могутъ, — что вы всегда учите и всегда отказываетесь; и заслуживаете слышать извѣстное пророческое изреченіе: *славу отъ порожденій и родовыхъ болѣзней... даждь имъ Господи. Что*

даси имъ? Утробу неплодную и сосцы сухи (Осѣи 9, 11. 14). Кипитъ сердце, и не могу быть сдержаннымъ въ выраженіяхъ. Краткость письма не дозволяетъ слишкомъ распространяться. Въ этомъ сочиненіицѣ ничье собственно имя не затронуто. Мы говорили противъ учителя превратнаго догмата. Если кто разсердится и напишетъ къ отвѣтъ, тотъ, какъ мышъ, выдастъ самъ себя, рискуя въ настоящемъ бою получить болѣе глубокія раны.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ, отъ юности до теперешняго возраста, я написалъ разныя сочиненія, и всегда старался говорить слушателямъ то, чему всенародно училъ въ церкви; и не гонялся я за приемами въ доказательствахъ философскими, а старался довольствоваться апостольскою простотою, зная написанное: *погублю премудрость премудрыхъ, и разумъ разумныхъ отвергну* (1 Кор. 1, 19),—и *буде Божіе премудрѣе чловѣкъ есть* (1 Кор. 1, 25). Имѣя это въ виду, я приглашаю противниковъ; пусть разберутъ безпристрастно заброшенныя бумажки, и если откроютъ что нибудь въ моихъ разсужденіяхъ погрѣшительное, пусть выведутъ на свѣтъ. Или эти разсужденія окажутся добрыми; и я опровергну ихъ клеветы, или достойными порицанія, и я сознаюсь въ ошибкѣ, желая лучше исправить погрѣшность въ образѣ мыслей, чѣмъ упорствовать въ ней. Такъ и ты, превосходный учитель, или защищай что сказалъ, и тонкость своихъ мнѣній подтверди, изложивъ ихъ въ сочиненіи, чтобы не могъ отказаться, когда бы ни захотѣлось тебѣ, отъ того что сказалъ; или, если ты дѣйствительно впалъ въ заблужденіе, какъ свойственно чловѣку,—сознайся откровенно, и возврати миръ находящимся между собою въ раздорѣ. Прими къ свѣдѣнію, что хитонъ Спасителя былъ раздранъ не воинами только. Видишь споры между собою братьевъ, и смѣешься и радуешься, что одни называютъ себя твоимъ именемъ, другіе Христовымъ? По-

дражай Іонѣ и скажи; если мене ради волненіе сіе великое, возмите мя и вверзите въ море (Іон. 1. 12). Онъ въ униженіи вверженъ былъ въ глубину, чтобы возстать во славу въ образъ Господа; а ты возносишься гордостію до звѣздъ, чтобы Іисусъ сказалъ о тебѣ: *видѣхъ сатану, яко молнію съ небесе спадши* (Лук. 10, 18).

Касательно же того, что въ священномъ Писаніи многіе называются праведными, какъ то: Захарія и Елисавета, Іовъ, Іосафатъ, Іосія и другіе, которыхъ имена внесены въ священное Писаніе: то хотя я и буду говорить объ этомъ полнѣе (если дастъ благодать Божія) въ обѣщанномъ сочиненіи, но и въ настоящемъ письмѣ считаю достаточнымъ сказать коротко слѣдующее. Называются они праведными не потому, чтобы вовсе не имѣли порока, но потому, что заявили себя большею частію добродѣтелей. И Захарія послѣдокъ осуждается на молчаніе, и Іовъ перерывается во время рѣчи, и Іосафатъ съ Іосіею, хотя названы праведными несомнѣнно,—сдѣлали, какъ повѣствуется, не угодное Господу. Одинъ изъ нихъ оказалъ помощь нечестивому (3 Цар. 22), и получилъ упрекъ отъ пророка; другой, вопреки заповѣди Господа изъ устъ Іереміи, вышелъ навстрѣчу египетскому царю Нехао, и былъ убитъ (4 Цар. 23; и 2 Парал. 35): тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ называется праведнымъ. Болѣе писать теперь не время. Да ты и требовалъ отъ меня письма, а не книги, которая должна быть диктована на досугѣ, и съ помощію Христовою должна опровергнуть всѣ ихъ возраженія; въ послѣднемъ мы должны быть увѣрены, имѣя свидѣтельства святыхъ Писаній, въ которыхъ ежедневно говоритъ вѣрующимъ Богъ. И я прошу и увѣщаваю чрезъ тебя оный соборикъ святаго и знаменитаго дома, изъ-за одного, много—трехъ ничтожныхъ людей не принимать поддонковъ или (говоря снисходительно) безславія этихъ ересей, чтобы тамъ, гдѣ прежде восхваля-

лась добродѣтель и святость, не нашло себѣ мѣста безобразіе дьявольской надменности и гнуснаго общества. И доставляющіе помощь людямъ этого рода пусть знаютъ, что они собираютъ толпу еретиковъ, умножаютъ враговъ Христу и вскармливаютъ противниковъ Ему; и напрасно стараются они увѣрить языкомъ въ одномъ, когда есть ясныя доказательства на то, что въ душѣ они чувствуютъ другое.

108 Письмо къ Августину.

Господину истинно святому, и отъ всего сердца уважаемому мною папѣ—Августину Иеронимъ желаетъ во Христѣ здравія.

Почтеннаго мужа, брата моего, сына твоей чести, пресвитера Орозія я принялъ по его заслугамъ и по твоему повелѣнію. Но время выпало слишкомъ трудное, когда мнѣ лучше было молчать, чѣмъ говорить; такъ что занятія наши прекратились и оставалось, по Аппію, упражняться въ собачьемъ краснорѣчій ¹⁾. Поэтому я не могъ въ надлежащее время отвѣчать на двѣ твои книжки, полныя учености и блистающія всѣми цвѣтами краснорѣчія, которыя ты посвятилъ моему имени. Я вовсе не думаю, чтобы въ нихъ было что либо достойное порицанія; но, по апостолу, всякъ богатъ своимъ разсудкомъ: *овъ убо сице, овъ же сице* (1 Кор. 7, 7). Все, что можно было сказать и все, что при возвышенномъ умѣ можно было почерпнуть изъ святыхъ Писаній, все то ты изложилъ и изъяснилъ. Но я прошу твою честь позволить мнѣ высказать хоть малую похвалу твоему уму. Наши завистники, а особенно еретики, когда находили между

¹⁾ Т. е. смѣяться, показывая языкъ. Намекъ на сатиру Персея, въ которой въ числѣ трехъ видовъ пасмѣшки указывается и этотъ (Перс. сат 1).

нами различіе во мнѣніяхъ, клеветали, будто оно вытекаетъ изъ давней непріязни. А между тѣмъ мнѣ суждено любить тебя, уважать, почитать, удивляться тебѣ, и сказанное тобою защищать какъ бы свое собственное. Такъ и въ Діалогѣ, недавно изданномъ мною, я какъ и достойно было, вспомнилъ о твоёмъ блаженствѣ. Постараемся же еще болѣе, чтобы пагубнѣйшая ересь ¹⁾ была исторгнута изъ церкви,— ересь, всегда относящаяся лицемерно къ покаянію, чтобы имѣть возможность учить въ церкви: потому что если бы она высказалась открыто, исчезла бы, будучи изгнана изъ церкви.

Святая и достопочтенная дочери твои, Евстохія и Павла (*младшая*) ведутъ жизнь достойную своего рода и твоихъ наставленій, и свидѣтельствуютъ твоему блаженству свое особенное почтеніе (равно какъ и все братство, подвижающееся съ нами въ служеніи Господу Спасителю). Въ прошломъ году мы отправили по дѣлу ихъ святаго пресвитера Фирма въ Равену, а оттуда въ Африку и Сицилію. Думаемъ, что онъ находится уже въ областяхъ Африки. Прошу поклониться отъ меня святымъ, близкимъ твоимъ. Если до тебя дойдутъ письма мои, посланные мною къ святому пресвитеру Фирму, не потяготись отправить къ нему. Христосъ Господь да сохранитъ твое здоровье, господишь истинно святой и блаженнѣйшій папа, и твою память обо мнѣ.

Приписка.

Мы терпимъ въ здѣшней области великій недостатокъ въ переписчикахъ для латинскихъ книгъ. Поэтому мы не могли исполнить твоихъ приказаній, особенно касательно изданія Семидесяти, которое испещрено звѣздочками и черточками. Ибо по недобросовѣстности одного переписчика мы очень многое упустили въ предыдущемъ своёмъ трудѣ.

¹⁾ Пелагіанъ.

109. Письмо къ Рипарію.

Изъ твоихъ писемъ и изъ разсказовъ очень многихъ людей я узналъ, что ты ведешь войны съ врагами православнои вѣры, что вѣтры неблагопріятны и неотвѣтимо должны содѣйствовать общей гибели защитниковъ вѣка. Знай, однакоже, что въ здѣшней области, безъ всякаго содѣйствія человѣческаго, но единственно судомъ Христовымъ, Катилина ¹⁾ изгнанъ не только изъ города, но и изъ Палестины и предѣловъ ея; и мы скорбимъ очень, что съ Лентуломъ осталось много сообщниковъ заговора, которые проживаютъ въ Іонціи. Намъ же кажется лучшимъ перемѣнить мѣсто, чѣмъ истину вѣры, и потерять пріятное зданіе и мѣстопробываніе. чѣмъ скверниться сообществомъ тѣхъ, въ присутствіи которыхъ слѣдовало бы или уступить, или уже каждый день сражаться не языкомъ, а мечемъ. А сколько мы вытерпѣли, и какъ грозно за насъ вооружилась противъ врага высокая рука Христова, — думаю, что ты узналъ по молвѣ. Итакъ прошу тебя, кончай мужественно начатое дѣло; не допусти, чтобы въ твоемъ присутствіи церковь не имѣла защитника. Всякому хорошо извѣстно (чѣмъ владѣешь и ты по мѣрѣ силъ), что должно бороться не силами тѣлесными, а любовію, которая никогда не можетъ быть побѣждена. Святые братья, живущіе съ нашимъ смиреніемъ, свидѣтельствуютъ тебѣ глубочайшее почтеніе. Думаю, что твоей чести разскажетъ вѣрно все и святой братъ діаконъ Алентій. Христось, всемогущій Господь нашъ, да сохранитъ твое здоровье и память обо мнѣ, господинъ истинно-святой и братъ достойный всякаго уваженія.

¹⁾ Иеронимъ приѣзжаетъ къ Целасію (очевидно) исторію Катилины, который, убѣжавъ ночью изъ Рима, оставилъ въ городѣ Лентула, чтобы овъ поддержалъ заговорщиковъ въ ихъ намѣреніяхъ.

110 Письмо къ Апронію.

Не знаю, по какому дѣвольскому навожденію случилось, что и твой трудъ, и старанія святаго пресвитера Иннокентія, и наше желаніе въ наступающемъ случаѣ, очевидно, ни къ чему не послужили. Но, благодареніе Богу, узналъ я, что среди самыхъ искушеній дѣвольскихъ ты остался невредимъ и сохранилъ пламень вѣры. Это моя радость, когда я слышу, что дѣти мои сражаются о Христѣ; и Тотъ, кому мы вѣруемъ, укрѣпляетъ насъ самихъ въ такой ревности, что мы охотно прольемъ кровь за Его вѣру. Скорблю, что благородная фамилія разорена до основанія, и однако, какая была тому причина, узнать не могъ. Ибо и самъ податель писемъ отозвался, что не знаетъ этого. Поэтому мы можемъ скорбѣть за общихъ друзей и молить милосердіе Христа, который одинъ всемогущій и Господь,—хотя и навлекли на себя отчасти немилость Божію, покровительствуя врагамъ Господа. Ты сдѣлаешь прекрасно, если, бросивъ все, отправишься на востокъ, особенно—въ святыя мѣста. Здѣсь все покойно; и хотя не выбросили яда изъ сердца, — усть нечестивыхъ открывать не смѣютъ, но какъ аспиды глухи и затыкаютъ уши свои (Пс. 27, 5). Привѣтствуй святыхъ братьевъ. Наше же семейство, по отношенію къ плотскимъ благамъ совершенно разоренное преслѣдованіями еретиковъ, по милосги Христовой полно богатствъ духовныхъ. Лучше жевать сухой хлѣбъ, чѣмъ потерять вѣру.

III. Письмо къ пресвитеру Кипріану.

Прежде я зналъ только по письмамъ, что ты, ревностнѣйшій изъ пресвитеровъ Кипріанъ, принадлежишь къ числу тѣхъ, о которыхъ сказано Моисею: избери пресвитеровъ, *иже ты самъ вѣси, яко тиѣ суть* пресвитеры (Числ. 11,

16), и наследовать имя блаженнаго мужа, который поучается въ законѣ Божіемъ день и ночь (Пс. 1). Теперь же мы узнали другъ друга и по вѣшнему человѣку; и послѣ привѣтствій и сладкихъ объятій, которыми скрѣпляется взаимная дружба, ты тотчасъ, чтобы увѣриться въ истинѣ того, о чемъ слышалъ, просишь меня объяснить одинъ изъ труднѣйшихъ псалмовъ, который у грековъ и латинянъ надписывается восемьдесятъ девятымъ,—объяснить не тѣмъ краснорѣчивымъ и вызывающимъ рукоплесканья толпы языкомъ, который обольщаетъ и ласкаетъ слухъ невѣждъ, но рѣчью простою и точнымъ церковнымъ языкомъ,—такъ то есть, чтобы толкованіе наше не нуждалось въ другомъ толкователѣ: потому что со многими слишкомъ краснорѣчивыми случается обыкновенно, что ихъ объясненія понимать гораздо труднѣе, чѣмъ то самое, что они стараются объяснить. Итакъ начну дѣло весьма трудное, и поддержанный святыми молитвами твоими, припомню извѣстный стихъ: *Господь дастъ глаголъ благоутрующему силую мноюю* (Пс. 67, 12).

И во первыхъ, должно знать, что псаломъ этотъ въ еврейскомъ имѣетъ такое надписаніе: *молитва Моисея мужа Божія*, а у семидесяти: *молитва Моисея человѣка Божія*. Какое различіе между выраженіями человѣкъ и мужъ, учить насъ священное Писаніе. Пятидесятникъ говоритъ Иліи: *человѣче Божій, царь зоветъ тя*. Этотъ отвѣчаетъ ему: *ище есмь человѣкъ Божій азъ, то да снидетъ огонь съ небесе, и сипетъ тя и пятьдесятъ (мужей) твоихъ* (4 Цар. 1, 9. 10). И къ Тимоѣю апостолъ пишетъ: *ты же, о человѣче Божій, сихъ бѣгай* (Тим. 6, 11). Затѣмъ о мужѣ Божіемъ тотъ же апостолъ учить: *хощу же васъ видѣти, яко всякому мужу глава Христосъ есть, главы же женъ мужъ; главы же Христу Богъ* (1 Кор. 3). Мужъ тотъ, кто не долженъ покрывать главы: потому что есть образъ и глава Божія и ежедневно говоритъ въ молитвѣ:

мы же вси откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающе, въ той же образъ преобразуемъ отъ славы въ славу, отъ Господня Духа (2 Кор. 3, 18). И въ другомъ мѣстѣ: дондеже достигнемъ вси... въ мужа совершенна. въ тѣру возраста исполненія Христова (Ефес. 4, 13). Итакъ, какъ названіе мужа, такъ и названіе челоуѣка прилично мужу святому, и такому, который видѣлъ Бога лицемъ къ лицу и жива была душа его; изъ усть котораго мы узнали о твореніи міра, о твореніи того, что видимо, о состояніи челоуѣка, — узнали истину всей прошлой исторіи; который оставилъ намъ не только пять книгъ, Бытіе, Исходъ, Левитъ, Числа и Второзаконіе, но и одиннадцать псалмовъ, отъ восемьдесятъ девятого, начинающагося словами: *Господи, приближише былъ еси намъ*, до девяносто девятого, который надписывается: *псаломъ во исповданіи*. Что же касается надписанія: *псаломъ Давида*, которое въ очень многихъ кодексахъ имѣетъ псаломъ девяносто восьмой, то его нѣтъ въ еврейскомъ. Въ священномъ Писаніи такъ дѣлается обыкновенно, что всѣ псалмы, которые не надписаны, чьи они, почитаются принадлежащими тѣмъ, чьи имена содержатся въ псалмахъ предыдущихъ.

Есть четыре псалма, надписывающіеся—*молитва* (oratio): шестнадцатый, который надписывается: *молитва Давида*, и начинается: *Услыши, Господи, правду мою*, восемьдесятъ пятый: *приклони, Господи*; восемьдесятъ девятый, который теперь у насъ подъ руками: *Господи, приближише былъ еси намъ*; и сто первый, который имѣетъ надписаніе: *молитва нищаго, егда уныетъ и предъ Господомъ пролетѣтъ моленіе свое*. Давидъ и нищій, бывший богатымъ, но ради насъ обнищавшій, это—относится ко Христу, который, по словамъ Захаріи (гл. 9, ст. 9), возсѣлъ на жребя ослицы, бѣднякъ и кроткій. Моисей же, чрезъ котораго Господь далъ законъ, изъ усть котораго мы слышали слова

Божіи: *сотворимъ челоѡвка по образу нашему и по подобію* (Быт. 1, 26), и тотчасъ же упоминается: *и сотвори Богъ челоѡвка по образу своему, по образу Божию сотвори его, мужа и жену сотвори ихъ* (ст. 27).—Моисей подробно раскрываетъ состояніе челоѡвѡка отъ происхожденія его до смерти и воскресенія, —какимъ онъ сотворенъ, сколько времени живетъ, что дѣлаетъ въ мірѣ, какими пользуется наслажденіями въ жизни, изъ-за чего трудится, къ чему стремится. И такъ какъ писавшій это самъ челоѡвѡкъ же, то онъ изображаетъ состояніе всего рода челоѡвѡческаго подъ видомъ самого себя. Есть впрочемъ толкователи, которые этотъ псаломъ или молитву относятъ къ народу израильскому, —къ тому (обстоятельству), какъ онъ оскорбилъ Бога въ пустынѣ и вымеръ и не удостоился войти въ землю обѣтованную; а вмѣсто отцевъ вошли дѣти, и надѣются снова умиловитъ Бога: что исполняется въ пришествіе Христово.

Oratio (молитва), по словамъ грамматиковъ, означаетъ всякую рѣчь говорящихъ; этимологию этого слова они объясняютъ такъ: *oratio est oris ratio*. Но въ священномъ Писаніи трудно встрѣтить слово *oratio* съ такимъ смысломъ; оно примѣняется здѣсь къ молитвамъ и прошеніямъ. Евреи говорятъ, что въ одной книгѣ псалмовъ содержится пять книгъ: отъ перваго псалма до сороковаго; отъ сорокъ перваго до семьдесятъ перваго; отъ семьдесятъ втораго до восемьдесятъ восьмаго; отъ восемьдесятъ девятаго, которымъ начинается четвертая книга и который мы теперь разбираемъ, до сто пятаго (въ концѣ всѣхъ ихъ поставлено двойное *аминь*, которое семьдесятъ толковниковъ переводятъ *буди, буди*); и за тѣмъ отъ сто шестаго до конца. Это по примѣру двѣнадцати пророковъ, которые, хотя и издали каждый особенную книгу, входятъ въ составъ одной книги. Нашему мнѣнію, по видимому, противорѣчитъ только что ска-

занное нами, когда мы къ одиннадцати Моисеевымъ псалмамъ причислили и девяносто восьмой, въ которомъ говорится: *вознесите Господа Бога нашего и покланяйтесь подножію ногу его, яко свято есть. Моисей и Ааронъ во іереехъ его, и Самуилъ въ призывающихъ имя его* (Пс. 98, 5. 6): какимъ образомъ можетъ принадлежать Моисею псаломъ, называющій Самуила, о которомъ извѣстно, что онъ жилъ спустя долгое время? Но рѣшеніе этого вопроса не представляетъ трудности: имя Самуила названо пророчески; потому что заслуги его такъ велики, что у Іереміи онъ сопоставляется съ Моисеемъ: *ище стануть Моисей и Самуилъ* (Іер. 15, 1). Это точно также, какъ человекъ Божій говоритъ въ Самаріи: *олтарю, олтарю, сице глаголетъ Господь: се сынъ рождается дому Давидову. Іосія имя ему* (3 Цар. 13, 2). Знаемъ также, что погрѣшаютъ тѣ, которые всѣ псалмы считаютъ Давидовыми, а не тѣхъ, чьими именами они написаны. Почему и этотъ псаломъ считаютъ написаннымъ Давидомъ отъ лица Моисея, т. е. какъ бы законодатель священными устами изображалъ заблужденія и бѣдствія человѣческаго рода, а затѣмъ и чаяніе имъ спасенія.

Господи, обиталище былъ еси намъ въ родъ и родъ.
 Семьдесятъ: *Господи, прибѣжище былъ еси намъ въ родъ и родъ.* Въмѣсто обиталище и прибѣжище въ еврейскомъ стоитъ *маоп*, слово, которое болѣе значить обиталище, чѣмъ прибѣжище. Предполагая вести разсказъ о печальномъ и оплакивать человѣческій родъ, составитель псалма начинаетъ похвалами Богу, чтобы все, что послѣ случится несчастнаго съ человекомъ, казалось случившимся не по жестокости Творца, но по винѣ сотвореннаго. Кого застаютъ ненастье, тотъ ищетъ убѣжища подъ скалою или подъ кровлею. Кого преслѣдуетъ врагъ, тотъ прячется за городскія стѣны. Утомленный путникъ отъ солнца и пыли ищетъ отдыха въ тѣни. Если свирѣпѣйшій звѣрь жаждетъ крови человека,

послѣдній старается и употребляетъ всевозможныя усилія избѣжать предстоящей опасности. Такъ и человѣкъ съ первыхъ дней существованія своего пользуется помощію Божіею; и какъ твореніемъ своимъ обязанъ его благодати, и существуетъ и живетъ благодаря Его милосердію, такъ и ничего добраго не можетъ дѣлать безъ того, кто далъ ему свободный произволъ въ такомъ видѣ, чтобы послѣдній не отрицалъ его благодати для каждаго дѣйствія въ частности. Это для того, чтобы свобода произвола не перешла въ оскорбленіе Создателя, и не надмила гордостію того, кто для того и созданъ свободнымъ, чтобы безъ Бога сознавалъ себя ничѣмъ. Выраженіемъ же: *въ родъ и родъ* обозначаются всѣ времена, и до закона, и подъ закономъ; и подъ евангельскою благодатию. Почему и апостоль говоритъ: *благодатию есте спасени чрезъ вѣру, и сіе не отъ васъ*, но по Божіему дару (Ефес. 2, 8). И во всѣхъ его посланіяхъ, въ началѣ привѣтствія, не прежде стоитъ миръ, а потомъ—благодать, по прежде благодать, а затѣмъ уже миръ; это потому, что по отпущеніи уже намъ грѣховъ нашихъ наслѣдуемъ мы миръ Господень.

Прежде чѣмъ горы родились и произошли земля и вселенная, отъ вѣка и до вѣка ты еси Богъ. Семьдесятъ: *прежде чѣмъ горы утвердились и образовалась земля и вселенная, отъ вѣка и до вѣка ты еси Богъ.* Нѣкоторые извращаютъ смыслъ этого мѣста злонамѣренною разстаповкою словъ; особенно дѣлаютъ это тѣ, которые утверждаютъ, что души существовали прежде, чѣмъ созданъ былъ, въ шестой по числу день, человѣкъ. Они такъ читаютъ и раздѣляютъ это мѣсто: *Господи, приближище былъ еси намъ въ родъ и родъ, прежде чѣмъ горы утвердились и образовалась земля и вселенная;* такъ т. е., что выраженіе: *отъ вѣка и до вѣка ты еси Богъ.* слѣдуетъ послѣ. Толкуютъ они такъ. Если Господь былъ приближищемъ для людей

прежде, чѣмъ утвердились горы и образовалась земля и вселенная: то слѣдовательно души существовали на небесахъ прежде, чѣмъ образовались тѣла человѣческія. Но мы, какъ упомянули уже, должны читать съ такою разстановкою: *прежде чѣмъ горы утвердились и образовалась земля и вселенная, отъ вѣка и до вѣка ты еси Богъ*: не такъ, чтобы Богъ былъ прабѣжникомъ нашимъ до сотворенія міра: потому что мы еще не существовали. но такъ, что Богъ отъ вѣчности и до вѣчности всегда Богъ. Ибо тамъ, гдѣ латинскій переводчикъ поставилъ: *отъ вѣка и до вѣка*, и гдѣ по еврейски говорится *olam*, мы переведемъ точнѣе: *отъ вѣчности и до вѣчности*. Такъ точно и въ притчахъ отъ лица премудрости, которая есть Христосъ, говорится: *Господь созда мя начало путей своихъ въ дѣла своя, прежде вѣкъ основа мя въ начало, прежде неже землю сотворити и бездны, прежде неже произыти источникомъ воды, прежде неже горамъ водрузитися, прежде же встѣхъ холмовъ роди мя* (Притч. 8, 22—23). А между тѣмъ нѣтъ слова, которое наводило бы на мысль о твореніи; потому что въ еврейскомъ пѣть творенія, которое называется *бага*, но *стяжаніе*. Ибо такъ пишется: *Adonai sanani bresith dercho*, что на нашемъ языкѣ выражается: *Господь стяжи мя въ начало путей своихъ*. Между стяжаніемъ же и твореніемъ большое различіе. Словомъ стяжаніе выражается, что Сынъ всегда былъ во Отцѣ и Отецъ въ Сынѣ. Твореніе же означаетъ начало существованія того, кого прежде не было. По законамъ иносказательной рѣчи, выраженіе: *прежде чѣмъ горы утвердились и образовались земля и вселенная*, можетъ означать, что прежде чѣмъ въ душѣ нашей утвердились возвышенные догматы, и прежде чѣмъ образовалась или укрѣпилась отъ Бога земля тѣла нашего и утвердилась или укрѣпилась вселенная, которая по еврейски называется *thebel*, по гречески называется выразительнѣе

διχορμήν, что мы можем перевести *обитаемая*, — прежде всего этого Богъ былъ всегда намъ прибѣжищемъ. Душа же обитаема, а не въ запустѣннн, тогда, когда удостоивается имѣть гостемъ Бога, по слову Спасителя: *Азъ и Отецъ придемъ и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 23). А выраженіе, находящееся въ еврейскомъ и у всѣхъ другихъ переводчиковъ: *прежде чѣмъ горы родились, и произошла¹⁾ земля*, очевидно побуждаетъ насъ видѣть смыслъ иносказательный. Ибо горы и земля не рождены и притомъ—съ муками родовыми, но созданы. Этимъ съ очевидностію указывается, что какъ святые, такъ и возвышенные добродѣтели всегда раждаются по милосердію Божию.

Обрати человека къ сердечному сокрушенію, и скажи, возвратитесь сынове Адама. Семьдесятъ: не отврати человека во смиреніе. и рекъ еси: обратитесь сынове человечести. То, что говорится въ еврейскомъ, значитъ слѣдующее: «о. Боже, Ты, который создалъ человѣка и служишь ему изначала прибѣжищемъ и обиталищемъ, обрати его къ сердечному сокрушенію; ты создалъ и образовалъ его, чтобы сталъ онъ добычею смерти, и, твой сосудъ, сокрушился въ послѣдніе дни своей жизни; ему, которому угрожаетъ судьба, что родившись онъ умретъ, и какъ бы долго ни жилъ, въ концѣ концовъ уничтожится, говори ему ежедневно чрезъ пророковъ: *обратитесь сынове Адама*, оскорбившіе своимъ преступленіемъ *Бога* и сдѣлавшіеся изъ безсмертныхъ смертными. Ибо вы не захотѣли слушать повелѣнія Того, который предписывалъ: *отъ всякаго древа, еже въ раи, съядію съяси: отъ древа же еже разумѣти доброе и лукавое, не съясте отъ него. А въ оныяже аще день съясте отъ него, смертію умрете* (Быт. 2, 16. 17)». Затѣмъ, переводъ семидесяти: *не отврати человека во смиреніе. и*

¹⁾ Буквально—родилась съ муками родовыми, *parturiretur*.

рекаъ еси: обратителся сынове челоувѣчестіи, имѣеть смыслъ такой: «молю тебя о челоувѣкѣ, котораго Ты создалъ по образу своему и по подобію и удостоилъ его такой чести, что вмѣсто раба назвалъ сыномъ,—молю не уничижи его навсегда во грѣхѣ, да не имѣеть надъ нимъ силы древній приговоръ: *земля еси и въ землю отъидеши* (Быт. 3, 19). Ибо Ты общалъ намъ покаяніе, говоря: *не хочу смерти грѣшника. но еже обратитися и живу быти ему* (Иезек. 33, 11). Ты сказалъ устами веѣхъ святыхъ своихъ: обратитесь, или возвратитесь, сыны челоувѣческіе, къ милосердію Отца; Онъ идетъ на встрѣчу приходящимъ къ Нему, кладеть печать на нихъ, которую они потеряли по своей винѣ, и облакаетъ въ древнюю одежду нетлѣнія».

Ибо тысяча лѣтъ предъ очами твоими, какъ день вчерашній, который шелъ мимо, или прошелъ, и какъ стража ночная, или какъ стража въ ночи. «Тебя, который всегда призываетъ насъ чрезъ пророковъ къ покаянію, говоря: *возвратитесь сынове челоувѣчестіи*, Тебя просимъ (какъ я уже сказалъ прежде), не дай челоувѣку пребывать во всегдашнемъ уничиженіи. Когда общаешь Ты дать намъ спасеніе спустя многое время, мы не думаемъ, чтобы это былъ срокъ отдаленный. Ибо, сравнительно съ вѣчностію, коротко все продолженіе временъ. Предъ взоромъ Твоимъ тысяча лѣтъ будто день одинъ». И тотчасъ останавливаетъ самъ себя. «Я дурно сказалъ: день одинъ, и сопоставилъ долготу тысячи лѣтъ предъ тобою съ продолженіемъ одного дня; я скорѣе долженъ бы сказать, что продолженіе одной стражи равняется пространству тысячи лѣтъ. Ночь раздѣляется на четыре стражи, изъ коихъ въ каждой считается по три часа. Такъ и Господь пришелъ къ плавающимъ апостоламъ въ четвертую стражу (Мат. 14; Марк. 6). Итакъ, какъ быстро проходитъ одна ночная стража, особенно для утомленныхъ трудомъ стражниковъ, такъ и продолженіе ты-

сячи лѣтъ представляется кратчайшимъ временемъ для Тебя, который всегда есть, и будешь, и былъ». А когда прибавляетъ: *какъ день вчерашній, который мимо шель*, думаемъ, дѣлаетъ также, какъ апостоль, когда писалъ къ евреямъ: *Иисусъ Христосъ вчера и днесь, той же и во вѣки* (Евр. 14, 8). Итакъ, на основаніи этого мѣста и посланія, которое надписывается именемъ апостола Петра ¹⁾, я полагаю, что однимъ днемъ называется тысяча обыкновенныхъ лѣтъ; и потому, какъ міръ созданъ въ шесть дней, такъ вѣроятно и существовать будетъ только шесть тысячъ лѣтъ, а затѣмъ наступитъ число седмичное, когда настанетъ истинное субботствованіе и возстановится чистота обрѣзанія. Почему и въ блаженствахъ обѣщается восемь наградъ за добрыя дѣла. Апостоль же Петръ пишетъ такимъ образомъ: *едино же сіе да не утаится отъ всѣхъ возлюбленнѣи, яко единъ день предъ Господемъ яко тысяща лѣтъ, и тысяща лѣтъ яко день единъ. Не коснутся Господь обитованія, якоже нѣщии коснѣніе мнѣтъ* (2 Петр. 3, 8, 9).

Когда поражаешь ты ихъ, будутъ сномъ, какъ бы травую утромъ проходящую. Утромъ разцвѣли и отошла, къ вечеру истерлась и засохла. Семьдесятъ: какъ ничто ихъ мѣта будутъ: утро яко травы мимоидетъ, утро процвѣтетъ и преидетъ, на вечеръ отидетъ, ожестыетъ и изсхнетъ. По еврейски смыслъ такой: много со-

¹⁾ Разумѣется второе посланіе апостола Петра, которое въ первые вѣка не всеми церквами признавалось за каноническое. Самъ Иеронимъ говорить о немъ въ каталогѣ: „второе посланіе многіе отвергаютъ за несходство съ первымъ въ слогѣ“. На основаніи ниже приведеннаго мѣста изъ этого посланія нѣкоторые изъ древнихъ заключали, что настоящій міръ будетъ продолжаться только шесть тысячъ лѣтъ. См. наприм. Иренея кн. 5, гл. 28; Оригена противъ Цельсія кн. 2; Лактанція кн. 7, гл. 14; и Августина о градѣ Божіемъ кн. 20, гл. 7

дѣйствуетъ нашему обращенію и спасенію то, что вся жизнь смертныхъ, будто сонъ, такъ сокращена скоро наступающею смертію: какъ цвѣты и сѣно, она въ тотъ же почти срокъ времени засыхаетъ и пропадаетъ. *Когда поражаешь ты, говорить, ихъ, т. е. людей, исполняется извѣстное изреченіе: безумны, въ сію ночь душу твою истязаютъ отъ тебе, а яже уготовалъ еси кому будутъ* (Лук. 12, 20)?.. Вся жизнь человѣка похожа на сонъ. Какъ трава, которая утромъ зеленѣетъ и распускаетъ цвѣты свои, составляетъ удовольствіе глазамъ любующихся ею, а скоро затѣмъ увядая, теряетъ красоту и обращается въ сѣно, чтобы быть истертою въ этомъ видѣ: такъ всякая красота человѣческая распускается въ дѣтяхъ, цвѣтетъ въ юношахъ, находится въ силѣ въ мужахъ зрѣлаго возраста, и вдругъ, незамѣтно, сдѣлаетъ голова, покрывается морщинами лицо, кожа, прежде тягучая, сжимается, а напоследокъ, что здѣсь называется въ вечеру, т. е. въ старости, едва уже въ состояніи двигаться; такъ что прежде бывшаго человѣка не узнаешь, а онъ почти перемѣняется въ другаго. Но зачѣмъ говоримъ мы о лѣтахъ отъ дѣтства до глубокой и дряхлой старости?—Наводитъ тоску и теряется аппетитъ, когда представишь, что лицо, которое прежде было прекраснѣе женскаго, дѣлается такимъ безобразнымъ, что любовь смѣняется ненавистью. Объ этой судьбѣ смертныхъ говорить и Исаія: *всяка плоть сѣно, и всяка слава человѣка яко цвѣтъ травный. Изше трава, и цвѣтъ отпаде* (Исаія 40, 6, 7). Подобнымъ же образомъ должно объяснять это мѣсто и слѣдуя семидесяти. Все, что кажется въ мірѣ долгимъ, предъ Тобою, Боже, кратко. Ибо дни и годы, которыми ограничена жизнь человѣческая, если сравнить ихъ съ вѣчностію, окажутся ничтожными. Какъ трава, что утромъ выросла, отцвѣла и стала сохнуть, а къ вечеру сдѣлалась жесткою и пропала: такъ и всякая красота человѣческая.

Ибо при ярости твоей мы погибли, и при гнѣвѣ твоемъ мы приведены въ смятеніе. Семдесятъ: ибо мы приняли въ изнеможеніе при гнѣвѣ твоемъ, и при ярости твоей смутились. Вмѣсто сказаннаго нами, смутились, Симмахъ и Аквила перевели—постыжили. Этимъ обозначается скоротечность человѣческой жизни. А вноска: при гнѣвѣ твоемъ и при ярости твоей, указываетъ непреложность приговора Божія, коему веѣ мы люди подлежимъ, т. е. извѣстнаго—земля еси и въ землю отъидеши. Прекрасно сказано (не у семедесяти, гдѣ стоитъ—смутились, но по еврейскому подлиннику) постыжили; ибо хотя вѣкъ людскій и кажется долгимъ, но въ сравненіи съ вѣчностію коротокъ. Это свидѣтельствуетъ и знаменитый поэтъ, когда говорить:

Но бѣжить между тѣмъ, бѣжить невозвратное время.

(Virg. Георг. кн. 3).

И еще:

Долго мы жили, Фебъ (если есть что нибудь для смертныхъ Долгое).

(Энеид. 10).

Положилъ еси беззаконія наши предъ тобою, нерадѣніе наше въ свѣтъ лица твоего. Семдесятъ: положилъ еси беззаконія наши предъ тобою, вѣкъ нашъ въ просвѣщеніе лица твоего. Тамъ, гдѣ мы, слѣдуя еврейскому и Симмаху, поставили нерадѣніе наше, а семдесятъ вмѣсто этого перевели вѣкъ нашъ, въ еврейскомъ стоитъ αλοσηπι; пятое изданіе переводитъ это словомъ—юность; Аквила—παροράσεις, а мы на нашъ языкъ можемъ перевести—заблужденія или невѣдѣніе. Почему въ другомъ мѣстѣ сказано: грѣхи юности моея и невѣдѣніе мое не помни (Пс. 24, 7). И еще: грѣхопаденія кто разумѣетъ? И отъ тайныхъ моихъ очисти мя, и отъ чуждыхъ пощади раба твоего (Пс. 18, 13. 14). Тѣ грѣхи для насъ чужіе, которые часто дѣлаемъ мы хотя и по доброй волѣ,

но по невѣжеству и заблужденію; и однакоже, при ненамѣренности преступленія, въ вину вмѣняется самое заблужденіе. Но удивляюсь, по какимъ побужденіямъ Семьдесятъ вмѣсто *юность, нерадѣніе, и заблужденіе* или *невѣденіе*, говорятъ *вѣкъ*; развѣ те потому ли, что вѣкъ и время этой жизни проводится въ грѣхахъ. Но прибавленіе: *въ просвѣщеніе* или *во свѣтъ лица твоего*, имѣетъ смыслъ слѣдующій. «Никакой грѣхъ нашъ не укрывается отъ тебя; твое око пазираетъ самыя тайны наши, соотвѣтственно писанному: *тма не помрачится отъ тебе* (Пс. 13, 12); и *испытаяй сердца и утробы, Боже* (Пс. 7, 10); и еще: *яко тма ея, тако и свѣтъ ея* (Пс. 138, 12)». Ибо человекъ видитъ лицо, а Богъ сердце.

Ибо всѣ нынѣ дни прошли, и во гнѣвъ твоимъ мы расточили свои годы какъ говорящій рѣчь. Семьдесятъ: *яко вси дніе наши оскудѣша, и гнѣвомъ твоимъ исчезохомъ. Лѣта наши, когда расмыслишь о нихъ, какъ паутина.* Краткость жизни, которая до сихъ поръ еще подлежитъ приговору Божію, и которую въ предыдущемъ стихѣ сравнилъ со сномъ, говоря: *когда поражаешь ты ихъ, будутъ сномъ*, въ настоящемъ разѣ сравниваетъ онъ съ рѣчью говорящихъ; т. е., какъ рѣчь, что обращается на устахъ, когда произносится, прерывается и перестаетъ существовать: такъ и вся жизнь наша проходитъ и прекращается. И это—подъ гнѣвомъ и яростію Божіею, коимъ по справедливости мы подвержены; ибо живетъ еще для насъ, какъ мы выше сказали, приговоръ Божій. А что гнѣвъ и ярость Божія означаетъ не то, чтобы Богъ, разгнѣвавшись, мстилъ, но что Онъ кажется гнѣвнымъ тѣмъ, которые терпятъ наказаніе,—объ этомъ мы часто говорили. Ибо что у насъ бываетъ слѣдствіемъ волненія душевнаго, то въ Богѣ бываетъ дѣломъ правосудія. Вмѣсто—*рѣчь говорящаго* Семьдесятъ перевели *паутина для размышляющаго*. Ибо какъ улетаетъ

рѣчь говорящаго, такъ попусту работается и ткань паутинная. Почему объ еретикахъ и написано у Исаи: *поставь научившій ткуть* (Ис. 59, 5).—Животныхъ маленькихъ и легкихъ, какъ мухъ, комаровъ и т. п., ловить она можетъ; но болѣе сильныя ее разрываютъ. Такъ точно и въ церкви заблужденіями еретиковъ увлекаются легкомысленные и простоватые, между тѣмъ какъ мужей твердыхъ въ истинахъ вѣры они уловить не въ состояніи.

Дніе лѣтъ нашихъ въ нижше семьдесятъ лѣтъ: а буде много, осмьдесятъ лѣтъ; и множае ихъ, трудъ и болѣзнь. Семдесятъ: *Дніе лѣтъ нашихъ въ нижше седмьдесятъ лѣтъ. Аще же въ силахъ, осмьдесятъ лѣтъ: и множае ихъ трудъ и болѣзнь.* Въмѣсто поставленнаго нами въ нижше и имѣющагося въ еврейскомъ *באם*, Симмахъ перевелъ выразительнѣе—*δλβκλ ηροι*, что, придерживаясь болѣе смысла, чѣмъ буквы, мы можемъ перевести словомъ вообще. Итакъ, насколько живемъ мы дѣйствительною жизнью и насколько жизнь смертныхъ имѣетъ свою пріятность,—ограничивается пространствомъ семидесяти лѣтъ. *А буде много*, и, какъ перевелъ Симмахъ—*вопреки мнѣнію*, то восемьдесятъ лѣтъ; а что сверхъ того,—проводится съ болѣзнями и дряхлостію, спутницею старости: при чемъ темнѣютъ глаза, болятъ или выпадаютъ прежде весьма крѣпкіе зубы, какъ съ болѣею полнотою описывается это божественными словами у Екклезіаста: *прідутъ дніе злобы, въ нижше* речемъ: *нѣсть намъ въ нихъ хотѣнія*. Когда померкнетъ солнце, и луна, и звѣзды, и обратятся облацы соади дожда. *Въ день, въ онъже* подвижутся стражіе дому и развратятся мужіе силы, и упряднятся мелющіи, яко умалишася, и помрачатся зрящіи въ скважняхъ; и затворятъ двери на торжищю, въ немощи гласа мелющія, и возстанетъ на гласъ птицы, и смирятсѣ вся дщери пѣсни; и на высоту узрятъ, и ужасъ

на пути и процвѣтетъ амигдалъ. и отолстѣютъ пружы и разрушится катпарисъ. Яко отъиде человекъ въ домъ вѣки своего, и обыдоши на торжмици пмачуцим; дондеже не превратится уже серебряное. и не сокрушится повязка золотая, и сокрушится водоносъ у источника. и сло-мится колесо въ колѣм. И возвратится персть въ землю, якоже бѣ, и духъ возвратится къ Богу. иже даде его. *Суета суетствій, рече Екклесіастъ, всяческая суета* (Еккл. 12, 1—8). Все это относится къ бѣдствіямъ человѣческой жизни и особенно старости, а какой имѣеть смыслъ, покажемъ въ своемъ мѣстѣ ¹⁾. Нѣкоторые, толкуя это мѣсто аллегорически, относятъ его къ таинству субботы и обрѣзанія: такъ какъ сперва мы успокоиваемся на законѣ, а потомъ утверждаемся въ таинствахъ истиннаго евангельскаго обрѣзанія; припоминаютъ и извѣстное выраженіе: *дай часть седьмую, и дай часть восьмую*, и тѣ семьдесятъ тысячъ и восемьдесятъ тысячъ народа, которыя строили храмъ при Соломонѣ. Но зачѣмъ это по отношенію къ настоящему мѣ-сту, для котораго достаточно объясненіе простое и прямое, расчитанное не на тщеславное показаніе учености многорѣ-чьемъ, а на пониманіе читающаго?

Ибо прошли мы быстро и улетѣли Семьдесятъ: *яко приде кротость на ны, и накажемся*. Въмѣсто этого по-гречески стоитъ: *παίδευσις ὀβριεῖα*, слово двусмысленное, означающее какъ исправленіе, такъ и ученіе и наставленіе. Ибо егоже любитъ Господь, наказуетъ (исправляетъ), или научаетъ, и биемъ всякаго сына, егоже приѣмлетъ. Мѣсто это Симмахъ перевелъ такъ: *падаемъ мы внезапно, и уле-таемъ*; пятое изданіе слѣдующимъ образомъ: *ибо проходимъ скоро, и разрушаемъ*. Смыслъ такой. Послѣ семидесяти, а много восьмидесяти лѣтъ, проживаемыхъ человѣкомъ, когда

¹⁾ Въ толкованіяхъ на кн. Екклесіаста, гл. послѣд

душа отдѣлится отъ тѣла. мы улетаемъ подобно вѣтру; или, какъ выше онъ сравниваетъ человѣка съ зеленью травы и красотою цвѣтовъ и съ засыханьемъ ихъ къ вечеру: такъ теперь вмѣсто вечерняго усыханія указываетъ на отпаденіе цвѣтовъ. И когда пройдетъ, говоритъ онъ, наша жизнь, неожиданная смерть разрушаетъ насъ. А что говорится у семидесяти: *яко прииде кротость на ны, и накажемся*, имѣть смыслъ слѣдующій. Когда, послѣ семидесяти и восьмидесяти лѣтъ, придетъ кротость Господня и наступитъ день смерти для насъ,—будемъ судимы не по заслугамъ, а съ милосердіемъ; и то, что почитается за наказаніе, есть только наученіе и вразумленіе. Но я не мало удивляюсь, почему семьдесятъ, Θεοδοτιὸνъ и шестое изданіе рѣшили перевести еврейское слово *ais*—*кротость*, когда Аввила, Симмахъ и пятое изданіе перевели его словомъ *поспѣшность*. *внезапно и быстро*.

*Кто вѣсть твердость гнѣва твоего, и послѣ страха твоего, негодование твое? Семьдесятъ: кто вѣсть державу гнѣва твоего, и отъ страха твоего ярость твою исчезитъ? Различіе между еврейскимъ и семидесятью въ раздѣленіи стиховъ. Семьдесятъ слово *исчестити* присоединяютъ къ словамъ страхъ и ярость Господня. А въ еврейскомъ оно относится къ слѣдующему стишку, который будетъ читаться такъ: *какъ исчисляются дни наши, то покажи; и приидемъ съ мудрымъ сердцемъ*. Въ короткихъ словахъ мы можемъ изъяснить это такъ. Кто можетъ знать, какъ долго продлится гнѣвъ твой, наводящій страхъ на родъ человѣческій, если не вразумишь ты, который еси Богъ? Итакъ молю тебя, покажи намъ срокъ нашей жизни, чтобы мы могли мудрымъ сердцемъ приготовить себя къ суду твоему. А словами: *кто вѣсть твердость или державу гнѣва твоего, негодование твое*—указывается, что трудно знать тайну и причину гнѣва, страха и негодованія Божія. Почему и про-*

рокъ умоляеть со слезами: *Господи, да не зростію твоєю обличіи мене, ниже гнѣвомъ твоимъ накажешь мене* (Пе. 6, 2). Ибо не тогда наказываетъ (исправляетъ), когда убиваетъ и разрушаетъ, но когда исправляетъ и вразумляетъ. Почему у Оеи (гл. 4, 14) онъ говоритъ народу іудейскому, на который сильно разгнѣвался, что онъ отнюдь не разгнѣвается и не посѣтитъ невѣстокъ его, когда онъ соблюдатъ. И чрезъ Іезекиля онъ говоритъ Іерусалиму: уже не разгнѣваюсь на тебя, *и отзймется рвеніе мое отъ тебе* (Іезек. 16, 42). Тоже говоритъ и въ Паралипоменонъ, когда Израиль идетъ на сраженіе противъ враговъ съ сердцемъ миролюбивымъ.

Какъ исчисляются дни наши, то покажи; и придемъ съ мудрымъ сердцемъ. Семьдесятъ: десницу твою тако покажи, и наученныхъ сердцемъ въ мудрости. Аквила, Саммахъ и пятое изданіе перевели это такъ: *дни наши такъ покажи, чтобы мы пришли съ мудрымъ сердцемъ.* Ошибка, вслѣдствіе которой семьдесятъ вмѣсто *дни* употребили слово *десница*. очевидна: потому что *јашени* слово сложное, означающее *дни наши*. Если это слово употребляется въ единственномъ числѣ, то послѣдняя буква, которая называется *пип*, означаетъ *десница*; такъ это въ имени *Вениаминъ*, которое переводится *сынъ десницы*. Если же имѣть *теш*, то значить *день* или *дни*. Смыслъ же мѣста слѣдующій. Покажи намъ число лѣтъ и дней нашихъ, которые опредѣлилъ ты прожить намъ въ этомъ мірѣ, чтобы мы приготовили себя къ пришествію твоему: презрѣвъ заблужденіе смертныхъ, мы послѣшимъ притти къ тебѣ, возжелаемъ присутствія твоего, и восхотимъ къ тебѣ сердцемъ мудрымъ. Ибо ничто не обольщаетъ до такой степени родъ человѣческій, какъ то, что, по неизвѣстности продолженія своей жизни, онъ обѣщаетъ себѣ долгое обладаніе благами этого вѣка. Превосходно извѣстное изреченіе ¹⁾: никто не

¹⁾ Вѣроятно Цицерона въ книгѣ о старости.

считаетъ себя такимъ старикомъ и въ такомъ дряхломъ возрастѣ, чтобы не надѣялся прожить еще одинъ годъ. Къ тому же относится и извѣстное изреченіе: *помытай смерть свою, и во вѣки не согрѣшиши* (Сир. 7, 39). Ибо кто помнитъ постоянно, что онъ имѣеть умереть, тотъ презираетъ настоящее и заботится о будущемъ. Объ этомъ молится Давидъ въ другомъ мѣстѣ, говоря: *не возведи (не исторгни) мене въ преполовленіе дней моихъ. прежде даже не отгиду, и ктому не буду* (Пс. 101, 25; Пс. 38, 14). Это такъ объясняется: не дай мнѣ умереть въ такое время, когда я еще надѣюсь жить, чтобы могъ я загладить грѣхи покаяніемъ. Ибо если ты сдѣлаешь это, то захваченный во грѣхахъ, я перестану существовать. Говоря такъ, онъ не отрицаетъ надежды воскресенія; но говорить, что не можетъ устоять предъ тѣмъ, предъ которымъ всѣ, упорствующіе во грѣхахъ, вмѣняются за ничто. Гдѣ мы перевели *наученныя сердцемъ въ мудрости* (вѣрнѣе—*мудрыми*), другіе, введенные въ заблужденіе двумысліемъ слова, перевели *окованныя*. Ибо, если читать *πεπεδημένους*, то будетъ значить *окованныя*.

Обратися Господи, доколы? и умоленъ буди на рабы твоя. Семьдесятъ перевели также. Такъ какъ мы раскаиваемся, и, зная краткость своей жизни, желаемъ прійти къ тебѣ сердцемъ мудрымъ: то и ты, Господи, обратися къ намъ. Изъ-за грѣховъ нашихъ ты далеко отступалъ, и оставлялъ насъ ходить по произволу и по мыслямъ нашимъ. Вставка же, *доколы*, имѣеть тотъ же смыслъ, съ какимъ употребляется въ двѣнадцатомъ псалмѣ: *доколы, Господи, забудеши мя до кони* (Пс. 12, 1)? Ибо кто находится въ бѣдственномъ положеніи, и помощь Божія представляется ему поздно, тотъ съ особеннымъ усердіемъ молится, чтобы тотчасъ же ощутить помощь Бога, и Бога не гнѣвнаго суди, а милосердаго.

Исполни насъ утреннюю милостію твою, и восхваляемъ и возрадуемся во вся дни наша. Семьдесятъ: исполнихомся заупра милости твоея, и возрадовалихомся и возвеселихомся въ вся дни наша. Что у евреевъ ставится въ будущемъ времени, семьдесятъ почти всюду имѣють обыкновеніе переводить такъ, какъ бы то было уже сдѣлано и прошло. И здѣсь евреи не говорятъ, какъ хотятъ семьдесятъ, что они исполнились утреннею милостію Божіею и возрадовались; иначе, если бы это уже случилось, незачѣмъ было бы послѣ молиться и говорить: *призри на рабы твоя и на дѣла твоя.* Но все, чего они требуютъ, о чемъ и молятся, это—удостоиться утренней милости его. А когда получаютъ ее, восхваляютъ Бога и возрадуются во все дни жизни своей. А мнѣ кажется, что словами: *исполни насъ утреннюю милостію твою.* они молятся о наградахъ вѣчной жизни въ надеждѣ воскресенія. На это указываетъ и написаніе двадцать перваго псалма, который, относясь къ страданіямъ Господа и къ воскресенію Его, подписывается *о заснувшихъ утреннемъ.*

Возрадуи насъ за дни, которыми насъ удручилъ, и льта, въ няже видѣхомъ злая. Семьдесятъ: *возвеселихомся за дни, въ няже смирилъ ны еси, льта же въ няже видѣхомъ злая.* И Лазарь, пріившій злая въ своей жизни, успокоился въ вѣчной радости на лонѣ Авраама (Лук. 16). Зломъ же здѣсь называетъ не то, что противоположно добру; но онъ употребляетъ его вмѣсто огорченія и бѣдствій. Такимъ зломъ удручила и Сара свою рабу Агарь; и въ Евангеліи писано о немъ: *довольте дни злорада его* (Матѣ. 6, 34). И такъ, чѣмъ болѣе въ этой жизни мы страдаемъ отъ преслѣдованій, бѣдности, силы враговъ, или болѣзней: тѣмъ большія наследуемъ награды въ жизни будущей, послѣ воскресенія. Прекрасно онъ сдѣлалъ, что не сказалъ: *терпимъ злая, но—видимъ.* Ибо кто есть человекъ, иже поживетъ

и не узритъ смерти (Исх. 88, 49)? Последнее слѣдуетъ относить не столько къ разрушенію тѣла, сколько ко множеству грѣховъ, по сказанному: *душа согрѣшившая, та умретъ* (Иезек. 18, 20).

Да явится въ рабахъ твоихъ дѣло твое, и слава твоя на сынѣхъ сыновъ ихъ. Семьдесятъ: *празри на рабы твоя и на дѣла твоя, и настави сыны ихъ.* И такъ самъ Господь творить дѣло свое въ рабахъ своихъ. И кеалмопѣвецъ не удовлетворяется собственнымъ только спасеніемъ, котораго требуетъ, но просить славы сыновъ, т. е. рабовъ Божіихъ. Подъ сынами же мы должны разумѣть не столько сыновъ по плетскому происхожденію, сколько учениковъ, о которыхъ и Павелъ говорилъ: *чидца моя, имижже паки бо-лѣзную* (Гал. 4, 19). Почему и апостоль Іоаннъ, сообразно съ заслугами своихъ сыновъ и преуспѣяніемъ въ дѣлахъ каждаго изъ нихъ, писалъ къ малюткамъ, писалъ къ юношамъ, писалъ къ отцамъ.

И да будетъ красота Господа Бога нашего на насъ, и дѣло рукъ нашихъ упрочь на насъ, и дѣла рукъ нашихъ утсерди. Семьдесятъ: *и буди свѣтлостъ Господа Бога нашего на насъ и дѣла рукъ нашихъ исправи на насъ, и дѣло рукъ нашихъ исправи.* Гдѣ тѣ, которые, тщеславясь властію свободного произвола, въ томъ полагають для себя благодать Божію, что имѣють власть дѣлать и не дѣлать доброе или злое? Блаженный Моисей вотъ чего требуетъ по воскресеніи, говоря: *исполни насъ утреннею милостію твоею, и восхвалимъ и возрадуемъ во вся дни наша.* Не доволенъ онъ тѣмъ, что воскреснетъ и наследуетъ награды вѣчной жизни, но требуетъ, чтобы красота Господа Бога его была на тѣхъ, которые воскреснутъ, и блистала въ душахъ и сердцахъ святыхъ; и чтобы самъ онъ управлялъ дѣлами рукъ ихъ и едѣлалъ эти дѣла неразрушимыми, — самъ утвердилъ, что есть въ святыхъ добраго. Какъ смире-

ніе молящася заслуживаетъ награды, такъ гордость дерзновеннаго отклоняетъ Божію помощь.

112. Письмо къ Августину.

Господину святому и блаженнѣйшему папѣ Августину Іеронимъ.

Всегда я воздавалъ твоему блаженству приличную честь, и любилъ обитающаго въ тебѣ Господа Спасителя. Но теперь, если то возможно, я прибавилъ еще нѣчто къ прежнему и преисполнилъ его, такъ что не пропускаю и одного часа, чтобы не вспомнилъ о тебѣ, который пламенемъ вѣры твердо противустать противнымъ вѣтрамъ. Ты лучше пожелаешь, сколько это отъ тебя зависѣло, выйти одинъ изъ Содома, чѣмъ остаться тамъ съ погибающими. Твоя мудрость знаетъ, что говорю я. Ты торжествуешь въ мірѣ побѣду добродѣтели. Православные почитаютъ и съ удивленіемъ видятъ въ тебѣ возстановителя древней вѣры; а всѣ еретики, что служить признакомъ большей славы, клануться. Преслѣдуютъ они и меня такою-же ненавистью: кого не могутъ убить мечемъ, — убиваютъ зложеланіемъ. Милость Христа Господа да сохранитъ тебя невредимымъ и ионящимъ меня, господинъ досточтимый и блаженнѣйшій папа.

113. Письмо къ Августину.

Господину святому и блаженнѣйшему папѣ Августину Іеронимъ.

Многіе хромаютъ на обѣ ноги, и не преклоняютъ сокрушенной выи, сохраняя пристрастіе къ прежнему заблужденію, хотя и не имѣютъ прежней свободы проповѣдывать его. Святые братія, живущіе съ нашимъ смиреніемъ, а особенно святые и достопочтенныя дочери твои, низайше при-

вѣтствуютъ тебѣ. Прошу твою честь привѣтствовать отъ моего имени братьевъ твоихъ, господина моего Алипія и господина моего Еводія. Пльбненнй Іерусалимъ остается во власти Навуходоносора, и не хочетъ слушать увѣщаній Іереміи; а еще болѣе желаетъ въ Египеть, чтобы жить въ Таенесѣ и погибнуть въ вѣчномъ рабствѣ.

114 Письмо къ Алипію и Августину.

Господамъ поистинѣ святымъ, глубоко и по праву досточтимымъ, епископамъ Алипію и Августину, Іеронимъ во Христѣ желаетъ здравія.

Податель сего письма, святой пресвитеръ Иннокентій, въ прошломъ году не взялъ для доставленія вашей чести моихъ писемъ, такъ какъ не думалъ возвращаться въ Африку. Но благодареніе Богу, случилось такъ, что вы побѣдили наше молчаніе. Всякій случай писать къ вашей чести доставляетъ величайшее удовольствіе. Свидѣтель Богъ, если бы было то возможно, воспользовался бы крыльями голубиными, чтобы броситься въ ваши объятія. Такъ всегда изъ уваженія къ добродѣтелямъ вашимъ; но теперь особенно. Благодаря вашему содѣйствію и вашей помощи, подавлена ересь целестіанская, — ересь, до такой степени заразившая сердца многихъ, что хотя они и чувствуютъ себя побѣжденными и осужденными, удерживаютъ ядъ въ умахъ, и, что единственно могутъ, ненавидятъ насъ, изъ-за которыхъ считаютъ себя лишившимися свободы учить ереси.

Что касается вашего вопроса: писалъ ли я отвѣтъ на книги Ациана, псевдодіакона целеденскаго, который всячески подкармливалъ себя, чтобы подслужиться чужому богохульству ни къ чему негодными словами: то вамъ извѣстно, что самыя книги, присланныя мнѣ на клочкахъ бумаги святымъ братомъ нашимъ Евсевіемъ пресвитеромъ, я получилъ

не такъ давно, а потому, то наступившія болѣзни, то смерть святой и досточтимой дочери вашей Евстохіи причинили мнѣ такую скорбь, что я рѣшился почти пренебречь ихъ. Ибо онъ вьзнетъ въ той же грязи, и кромѣ словъ звонкихъ и собранныхъ нищенски, не говоритъ ничего. Впрочемъ мы сдѣлали довольно; потому что, усиливаясь отвѣтить на наше письмо, онъ высказалъ себя открытѣе и предъ всѣми заявилъ свои богохульства. Отъ чего онъ отказывался прежде, какъ сказаннаго имъ на извѣстномъ, достойномъ сожалѣнія синодѣ дисполитанскомъ, въ томъ сознается въ этомъ произведеніи; и не велика уже вещь отвѣчать на негѣпѣйшія дѣтскія сказки. Если продолжитъ Господь жизнь и будетъ излишекъ въ писцахъ, отвѣтимъ маленькими вечерними замѣтками, — отвѣтимъ не съ цѣлю побѣдить мертвую уже ересь; но чтобы пристыдить нашимъ отвѣтомъ его невѣжество и богохульство. Но было бы лучше, если бы сдѣлала это ваша святость, чтобы чужь не сказали, что мы хвалимъ противъ еретика свое собственное. Общія святые дѣти, Альбина, Пиніанъ и Меланія, усерднѣйше привѣтствуютъ васъ. Это письмо изъ святаго Виселема я вручилъ для доставленія святому пресвитеру Иннокентію. Племянница ваша Павла усерднѣйше проситъ васъ не забывать ея, и искренно васъ привѣтствуетъ. Милость Господа нашего Іисуса Христа да сохранитъ васъ здоровыми и помнящими меня, Господа истинно святые и глубоко чтимые отцы.

115. Письмо къ Екзуперанцію ¹⁾.

Изъ всего, что принесла мнѣ дружба святаго брата Квинтилиана, самое важное то, что сблизила душевно насъ

¹⁾ Письмо это, равно и два слѣдующія за нимъ (116 и 117), писаны блаж. Іеронимомъ въ неизвѣстное время, почему и помѣщаются въ заключеніе всѣхъ.

съ тобою, не знакомыхъ тѣлесно. Да и кто не полюбитъ того, кто подъ военнымъ плащемъ и наружностію дѣлаеть дѣло пророческое, и человѣка внѣшняго, общающаго иное, побѣждаетъ человѣкомъ внутреннимъ, созданнымъ по образу Творца? Почему я прежде всего и приглашаю тебя поддерживать переписку, и прошу давать мнѣ случай почаще тебѣ отписывать; по крайней мѣрѣ я буду писать тогда смѣлѣе. Твоей мудрости достаточно краткога намека, чтобы ты вспомнилъ апостольское изреченіе: *привязался женѣ, не ищи разрѣшенія; отрѣшился, не ищи жены* (1 Кор. 1. 27). т. е. не ищи связи, которая противоположна разрѣшенію. Кто несетъ обязанности супружескія, тотъ связанъ; кто связанъ, тотъ рабъ; а кто разрѣшенъ, тотъ человѣкъ свободный. Итакъ если ты радуешься свободѣ Христовой, одно дѣлаешь, другое предпринимаешь, и поставленъ почти на кровѣ: то не слѣдуетъ уже сходить съ кровли, чтобы взять тушику (Лук. 17, 31),—нечего озираться всячь и отнимать отъ рала разъ положенную на него руку (Лук. 9, 62). Но если можно, подражай Іосифу и оставь египетской госпожѣ епанчу, чтобы нагнмъ послѣдовать Господу Спасителю, который говоритъ въ Евангеліи: кто не оставитъ всего, и не *поситъ креста своего, и вслѣдъ мене грядетъ, не можетъ мой быти ученикъ* (Лук. 14, 27). Отбрось мірскую котомку; не ищи богатствъ, которыя сравниваются съ верблюжьей неуклюжестію (Мат. 19, 24). Улетай къ небу нагнмъ и легкимъ, чтобы тяжесть золота не тянула къ землѣ крыльевъ твоихъ добродѣтелей. Говорю это не потому, что хотѣлъ бы дать тебѣ, какъ скупцу, наставленіе; но подразумеваю, что ты продолжаешь военную службу, съ цѣлію наполнить кошелекъ, который Господь заповѣдалъ опорожнять. Если владѣющимъ имѣніями и богатствами повелѣно все продать и отдать бѣднымъ. и такъ послѣдовать Спасителю: то твоя честь, если богатъ, долженъ поступить какъ заповѣдано; а

если бѣдень—не долженъ и заботиться о приобрѣтеніи того, что подлежитъ раздачѣ. Христось, поистинѣ, записываетъ все въ приходъ, сообразуясь съ благорасположеніемъ душевнымъ. Никого не было бѣднѣе апостоловъ; а никто не отказывался отъ такъ многого для Господа. Въ Евангеліи извѣстная бѣдная вдова, вбросившая въ сокровищехранильницу двѣ мелкія монеты, предпочитается всѣмъ богачамъ: потому что отдала все что имѣла (Лук. 21, 2—4). Итакъ, не старайся и ты собирать то, что должно быть роздано, а обратное уже раздай. Тогда Христось признаетъ въ тебѣ своего храбрѣйшаго воина; Отець съ радостію встрѣтитъ твое возвращеніе изъ страны далекой, облечетъ тебя въ одежду первую, дастъ перстень, заколетъ для тебя тельца упитаннаго (Лук. 15), дастъ тебѣ скоро приплыть по морю къ намъ, вмѣстѣ съ святымъ братомъ Квинтилианомъ. Я толкнулся въ двери дружбы: отворишь ихъ, будешь имѣть насъ часто своимъ гостемъ.

116. Письмо къ Евангелу.

Читаемъ у Исаіи: *городъ гордивія изречетъ* (Ис. 32. 6). Слышу я, что нѣкто дошелъ до такого сумазбродства, что отдаетъ діаконамъ преимущество предъ пресвитерами, т. е. предъ епископами. Если апостоль ясно учитъ, что пресвитеры суть тѣже епископы: то можно ли сносить равнодушно, когда служитель трапезъ и вдовицъ надмѣвается передъ тѣми, по молитвамъ коихъ совершается тѣло и кровь Христова? Ищешь доказательства? Выслушай свидѣтельство: *Павелъ и Тимофей рабы Іисусъ Христовы, всѣмъ святымъ о Христвъ Іисусъ сущимъ въ Филиппѣхъ, съ епископы и діаконы* (Филип. 1, 1). Хочешь и другаго примѣра? Въ Дѣянїяхъ апостольскихъ Павелъ такъ говоритъ къ священникамъ одной церкви: *внимайте себѣ и всему стаду,*

въ немже васъ Духъ Святый постави епископы, пасти церковь Господа, юже стяжи кровію своею (Дѣян. 20, 28). А чтобы кто нибудь не заспорилъ, утверждая, что въ одной церкви было много епископовъ, выслушай и еще свидѣтельство, въ которомъ очевиднѣйшимъ образомъ утверждается, что епископъ и пресвитеръ одно и тоже. *Сего ради оставихъ тя въ Критъ, да недокопчанная исправииши, и устроиши по вѣмъ градомъ пресвитеры, якоже тебѣ азъ повелѣхъ. Аще кто есть непороченъ, единыя жены мужъ, чада имыи вѣрни не во укореніи блуда, или непокорива. Подобаеъ бо епископу безъ порока быти, якоже Божію строителю* (Тит. 1, 5—7). И къ Тимоѳею: *не неради о своемъ дарованіи живущемъ въ тебѣ, еже дано тебѣ бысть пророчествомъ съ возложеніемъ рукъ священничества* (Тим. 4, 14). И Петръ говоритъ въ первомъ посланіи: пресвитеры (старцы) *иже въ васъ молю, яко сопресвитеръ (старецъ) сый и свидѣтель Христовымъ страстемъ, иже и хотящей славы явитися общникъ, пасите еже въ васъ стадо Божіе, поспыцающе не нуждею, но волюю по Бозъ* (1 Петр. 5, 1. 2). Въ греческомъ это (поспыцающе) выражено яснѣе — ἐπισκοποῦντες, т. е. надзирая; откуда заимствовано и имя епископа. Мало тебѣ кажется свидѣтельство столькихъ мужей? Звучить труба евангельская, сынъ грома, котораго Иисусъ любилъ преимущественно, который лилъ потоки ученія отъ персей Спасителя: пресвитеръ (старецъ) *избранный господь и чадомъ ея, иже азъ люблю воистину* (2 Иоан. 1, 1). И въ другомъ посланіи: пресвитеръ (старецъ) *Гайеву возлюбленному, егоже азъ люблю воистину* (3 Иоан. 1, 1). А что впоследствии избранъ одинъ и поставленъ начальникомъ надъ остальными, — это сдѣлано для устранения раскола, чтобы, всякій къ себѣ привлекая, не разрывалъ Христовой церкви. Ибо въ Александріи, со времени евангелиста Марка даже до епископовъ Геракла и Діонисія, пресвитеры

всегда выбирали одного изъ среды своей, и, возведши его на высочайшую степень, называли епископомъ (такъ точно, какъ войско дѣлаетъ императоромъ); а діаконы изъ своей среды выбираютъ такого, который извѣстенъ имъ за чело-вѣка рачительнаго, и называютъ архидіакономъ. Ибо что дѣлаетъ епископъ, исключая рукоположенія, чего не дѣлалъ бы пресвитеръ? Не слѣдуетъ думать, что иная церковь въ Римѣ, а иная во вселенной. И Галлія, и Британія, и Африка, и Персія, и Востокъ, и Индія, и все варварскіе народы одному поклоняются Христу, одно соблюдаютъ правило истины. Гдѣ бы епископъ ни былъ, въ Римѣ ли, въ Евгубіи, или въ Константинополѣ, или въ Регіи, Александріи, или Танисѣ, всюду имѣетъ одинаковое достоинство, одинаковое и священство. Могущество богатства и смиреніе бѣдности не дѣлаетъ епископа ни высшимъ, ни низшимъ. Все они равно преемники апостоловъ.

Скажешь: какимъ же образомъ въ Римѣ пресвитеръ рукополагается на основаніи свидѣтельства (о немъ) діакона? Но зачѣмъ выставляешь ты мнѣ обычай одного города? Зачѣмъ изъ-за малости, подавшей поводъ къ превозношенію, ослаблять силу законовъ церковныхъ? Все рѣдкое желательно. Полій ¹⁾ у индійцевъ цѣнится дороже перцу. Діаконовъ дѣлаютъ почтенными ихъ малочисленность, — пресвитеровъ при-нижаетъ ихъ множество. Впрочемъ, и въ римской церкви пресвитеры сидятъ, а діаконы стоятъ; хотя, при возрастающемъ развращеніи, мнѣ случалось видѣть, что въ отсутствіи епископа діаконы сидятъ между пресвитерами, а на пирахъ въ домахъ частныхъ благословляютъ пресвитеровъ ²⁾. Пусть дѣлающіе это научатся, что они дѣлаютъ неправильно, и

¹⁾ Трава отъ блохъ.

²⁾ Въ одномъ изъ списковъ мѣсто это читается: *благословляютъ въ присутствіи пресвитеровъ* (coram presbyteris).

пусть выслушаютъ апостоловъ: неприлично *намъ, оставльшимъ слово Божіе, служить трапезамъ* (Дѣян. 6, 2). Пусть знаютъ чего ради установлены діаконы. Пусть читаютъ Дѣянія апостольскія и помнятъ свое положеніе. Пресвитеръ и епископъ, это имена—одно возраста, другое сана. Въ посланіяхъ къ Титу и Тимоѳею говорится о рукоположеніи епископа и діакона (Тит. гл. 1, 1; Тим. гл. 3) о пресвитерахъ же совершенно умалчивается: потому что подъ епископомъ разумѣется и пресвитеръ. Кто производится, производится изъ низшаго въ высшіе. Итакъ, пусть діаконъ рукополагается изъ пресвитеровъ, чтобы пресвитеръ считался ниже діакона, до котораго онъ долженъ возвыситься; а если пресвитеръ рукополагается изъ діаконовъ, то хоть бы пользовался онъ и меньшими выгодами, долженъ считать себя высшимъ по священству. Да будетъ извѣстно намъ и те, что преданія апостольскія заимствованы изъ ветхаго завѣта; чѣмъ были Ааронъ, сыны его и левиты въ храмѣ, то усвоили себѣ епископы, пресвитеры и діаконы въ церкви.

117. Письмо къ Сабиніану.

Плакалъ нѣкогда Самуилъ о Саулѣ, потому что раскаялся Господь, что помазалъ его въ цари надъ израильтемъ (1 Цар. 15, 35); и Павелъ къ коринѳянамъ, слыша о любодѣяніи между ними, и такомъ любодѣянніи, какого не было и между язычниками, обращался съ трогательнымъ увѣщаніемъ, говоря: *да не наки пришедши мя смиритъ Богъ мой у васъ, и восплачуся многихъ прежде согрѣшившихъ, не покаявшихся о нечистотѣ и блужденіи и студоложствѣи, яже содѣяши* (2 Кор. 12, 21). Если пророкъ и апостоль, сами ни чѣмъ не запятнанные, дѣлали это по снисходительности сердечной ко всѣмъ: то не чѣмъ ли болѣе я, самъ грѣшникъ, долженъ дѣлать это въ отхошеніи къ

тебѣ грѣшнику, который не хочешь вставать послѣ паденія, не поднимаешь и глазъ къ себѣ, но, промотавъ имѣніе Отца, находишь удовольствіе въ свиныхъ рожцахъ (Лук. 15, 16), и, веходя на крутизну гордости, стремительно низвергаешься въ бездну? вмѣсто Христа ты хочешь имѣть богомъ своимъ чрево. Рабъ похоти, ты тщеславишься своею плотію и стыдомъ, откармливаешь себя, какъ тучную жертву на смерть, и подражаешь жизни тѣхъ, чьи мученія не страшатъ тебя; ты не знаешь, что благодать Божія призываетъ тебя къ покаянію. *По жестокости же твоей и непокаянному сердцу, собираеши себѣ гнѣвъ въ день гнѣви* (Рим. 2, 5). Или потому ожесточается сердце твое, какъ у Фараона, что поражение слѣдуетъ не тотчасъ, и наказаніе долго откладывается? И для него была отсрочка; и онъ вытерпѣлъ десять ударовъ какъ бы не отъ Бога, который разгнѣвался, а отъ отца, который увѣщавалъ, пока, отвергая всякое раскаяніе, не послѣдовалъ въ пустыню за народомъ, который отпустилъ, и не осмѣлился вступить въ море. Уже одно море могло научить его, что должно бояться того, кому служатъ самыя стихіи. И онъ говорилъ: *не вѣмъ Господа и Израиля не отпущу* (Исх. 6, 2). А ты подражая ему говоришь: *видѣніе, сже сей видитъ, на дни многи, и на времена долги сѣи прорицаетъ* (Іезек. 12, 27). Почему тотъ же пророкъ говоритъ: *сіа глаголетъ Адонаи Господь: не продолжатся потому вся словеса моя, яже возглаголю; яко возглаголю слово, и сотворю* (тамъ же ст. 28). Святой Давидъ говоритъ о нечестивыхъ и беззаконныхъ (между которыми ты вовсе не изъ послѣднихъ, а изъ первыхъ), что они пользуются благами вѣка и говорятъ: *како увидѣтъ Богъ, и аще есть разумъ въ Вышнемъ? Се сіи грѣшницы и гобзующіи* (изобилующіе) *въ вѣкъ удержаша богатство* (Пс. 72, 11. 12): но чуть не оступившись и не поскользнувшись, онъ оправдывается говоря: *еда всуе оправдихъ сердце мое, и умыслъ*

въ неповинныхъ руку мон (тамъ же ст. 13). Потому что выше онъ говорилъ: яко возревновашъ на беззаконныя, миръ грѣшниковъ зря: яко нѣсть восклоненія въ смерти ихъ, и утверженія въ раки ихъ. Въ трудныхъ чело-веческихъ не суть и съ челоуки не примутъ раки. Сего ради удержи я гордыни ихъ до конца: одѣяшася неправдою и нечестіемъ своимъ. Изыдетъ яко изъ тука неправда ихъ: престоша въ любовь сердца. Помыслиши и глаголиши въ лукавствѣ, неправду въ высоту глаголиши. Положиши на небеси уста свои, и языкъ ихъ преиде по земли. (Тамъ же ст. 3—9).

Не кажется ли тебѣ, что весь этотъ псаломъ о тебѣ составленъ? Здоровъ ты тѣломъ, и новый апостоль антихриста, сдѣлавшись извѣстнымъ въ одномъ городѣ, переходишь въ другой. Не нуждаешься въ деньгахъ на издержки; не тершишь сильныхъ ударовъ; и съ людьми, которые, какъ ты, не похожи на безсловесныхъ животныхъ, нужды не несешь. Отъ того и надменъ ты гордостію; одежда твоя сдѣлана съ роскошью, и какъ изъ свинаго сала жиръ и нѣкоторый тукъ, изрыгая слова смертоносныя, ты не заботишься о томъ, что имѣешь умереть, и, насытивъ похоть, никогда не знаешь угрызений раскаянія. Перешолъ ты въ страсть сердечную, и вмѣсто того, чтобы видѣть заблуждающимъ только себя одного, притворно взводишь мерзости на рабовъ Божіихъ, не вѣдая, что говоришь неправду въ высоту и полагаешь на небо уста свои. Не удивительно, что какихъ нибудь рабовъ Божіихъ хулишь ты, когда отцы твои называли Веельзевуломъ самого Начальника рода. Ученіе не больше учителя, и рабъ не больше господина своего. Если отцы твои поступали такъ съ деревомъ зеленымъ, то чего ты не сдѣлаешь съ деревомъ сухимъ (Лук. 23, 31)? Нѣчто подобное и у Малахіи говоритъ устами твоими пошатнувшійся въ вѣрѣ народъ: сказали: *суетенъ работайи Богу,*

и что больше, яко сохранихомъ храненияіа (заповѣди) его, и яко идехомъ молитвенницы предѣ лицемъ Господа Вседержителя? И нынѣ мы блажимъ чуждыхъ. Созидаются вси творящии беззаконія (сопротивившася Богови, и снисошася (Малах. 3. 14, 15). Потомъ Господь угрожаетъ имъ днемъ суда, и, предвѣщая задолго то, что имѣеть быть между праведнымъ и не праведнымъ, говорить: *и обратитесь, и увидите между праведнымъ, и между беззаконнымъ, и между служащимъ Богови, и не служащимъ ему* (тамъ же ст. 18).

Можеть быть, все это покажется тебѣ смѣшнымъ,—тебѣ который услаждаешься комедіями, писателями лирическими и мимами Лентула; хотя я и не допускаю, чтобы, при крайней отупѣлости твоего сердца, оно было для тебя непонятнымъ. Изреченія пророковъ ты пренебрежешь; но Амосъ отвѣтитъ тебѣ: *за три и за четыре нечестія не отвращуся ли его*, говорить Господь (Ам. 1, 3)? Такъ какъ Дамаскъ, Газа, Тиръ, Идумея, аммониты и моавиты, равно іудеи и Израиль часто не хотѣли слушать предвѣщанія Божіи, направленные къ нимъ, чтобы возбудить ихъ къ покаянію; то Господь приводитъ справедливѣйшія причины своего гнѣва, которымъ имѣеть разразиться, говоря: *за три и за четыре нечестія не отвращуся ли его?* Нечестиво, говорить онъ, мыслить злое: я снисходилъ. Неотребнѣе принять намѣреніе привести въ исполненіе зло задуманное; и это я благосклонно прощаль по своему милосердію. Неужели грѣхъ долженъ быть исполненъ на дѣлѣ, и милосердіе мое должно быть поправлено съ гордостію? Однако и послѣ того, какъ грѣхъ совершенъ, желая лучше покаянія грѣшника, чѣмъ смерти его, ибо *не требуютъ здравіи врачи но болящии* (Лук. 5, 31), я простираю руку падшему и увѣщѣваю забрызганнаго своею кровію обмыться собственными слезами. Но если онъ нехочеть и покаяться, и послѣ того какъ корабль

разбить не держится за доску, которая одна может спасти его: то я вынужденъ сказать: *послѣ трехъ и четырехъ нечестій не отверащуся ли его, говоритъ Господь?* Отвращеніе Онъ считаетъ наказаніемъ: такъ какъ грѣшникъ тогда предоставляется собственной волѣ. Поэтому-то Онъ взыскиваетъ грѣхи отцовъ на третьемъ и четвертомъ родѣ (Исх. 20, 5), когда не хочетъ наказывать грѣшниковъ тотчасъ же, но прощая первыхъ, осуждаетъ послѣдніе. Въ противномъ случаѣ, если бы Онъ тотчасъ же являлся мстителемъ за беззаконія,—церковь не имѣла бы какъ многихъ другихъ, такъ во всякомъ уже случаѣ—апостола Павла. Пророкъ Іезекіиль, о которомъ мы упомянули выше, повѣствуя о бывшемъ къ нему словѣ Божиемъ, говоритъ: *отверзи уста твоя, и съядь яже азъ даю тебѣ. И видѣхъ, продолжаетъ онъ, и се руки простерты ко мнѣ, и въ ней свитокъ книжный. И развѣ его предо мною, и въ томъ писана была предняя и задняя (и вписано было въ немъ), рыданіе и пѣснь и горе* (Іезек. 2, 8—10). Первое, что написано, касается тебя, если впрочемъ захочешь послѣ грѣха принести покаяніе. Второе относится къ святымъ, которые приглашаются воспѣвать Бога. Третье—къ подобнымъ тебѣ, которые съ отчаяніемъ предали самихъ себя нечистотамъ, любодѣянію, чреву, и тому, что ниже чрева.—которые думаютъ, что смертію все оканчивается, что послѣ смерти нѣтъ ничего, и говорятъ: *буря еще мимоидетъ, не придетъ ли насъ* (Ис. 28, 15). Книга, которую пожираетъ пророкъ, это—весь рядъ Писаній. Въ нихъ и плачь о кающемся, и пѣснь о праведномъ, и проклятіе отчаянному. Ничто не противно такъ Богу, какъ сердце нераскаянное. Есть одно преступленіе, которое не можетъ получить прощенія. Если прощается тому, кто послѣ грѣха пересталъ грѣшить, и тотъ преклоняетъ судью къ милосердію, кто проситъ; а всякій нераскаянный возбуждаетъ гнѣвъ въ судѣ: то только пре-

ступленіе отчаянія не можель уврачеваться. А что Бога, ежедневно призывающаго грѣшниковъ къ покаянію, изъ милосердаго дѣлають строгимъ и грознымъ тѣ, которые остаются упорными, выслушай слова Исаи, который говоритъ: *и призва Господь Саваоузъ въ той день плачъ и рыданіе, и остриженіе, и препоясаніе во вретници. Ты же сотвориши радость и веселіе закаляюще тельцы, и жруще овцы, яко ясти мяса, и пити вино, глаголюще: да ямы и піемъ, утръ бо умремъ* (Ис. 22. 12. 13). Послѣ этихъ возгласовъ и этой дерзости развращеннаго ума, Писаніе замѣчаетъ: *и откровени сія суть во ушю Господа Саваоа, не оставится вамъ той грѣхъ, дондеже умрете* (тамъ же ст. 14). Если бы они умерли для грѣха, грѣхъ тогда оставился бы имъ. Но пока будутъ жить во грѣхѣ, не оставится онъ.

Прошу тебя, пощади душу свою. Вѣрь, будетъ судъ Божій. Вспомни, какой епископъ рукоположилъ тебя въ діакона. Не удивительно, что онъ, хотъ и святой человѣкъ, могъ ошибиться въ выборѣ человѣка, когда и Богъ раскаялся, что помазалъ Саула на царство (1 Цар. 15, 35), и въ числѣ двѣнадцати апостоловъ Іуда оказался предателемъ. Повѣствуютъ, что и изъ людей твоего званія. Николай антиохійскій явился нѣкогда виновникомъ всякихъ нечестотъ и николаитской ереси. Въ настоящее время не ставлю я на видъ, что ты, какъ разсказываютъ, разстлилъ многихъ дѣвиць; что оскверненныя тобою благородныя супружества разорваны общественнымъ судомъ; что бѣгалъ ты, оскверненный и развратный, по публичнымъ домамъ. Какъ ни тяжело все это само по себѣ, оно легко еще въ сравненіи съ тѣмъ, что я сказать намѣренъ. Спрашиваю, какъ велико преступленіе, когда блудъ и прелюбодѣніе (въ сравненіи съ нимъ) малосъ? Несчастнѣйшій изъ смертныхъ, въ ту пещеру, въ которой родился Сынъ Божій, и истина возсіяла отъ земли, и земля

дала плодъ свой, ты вошелъ, чтобы условиться на счетъ любодѣянiя! И не боишься ты, что заплачетъ Младенецъ въ ясляхъ, что увидитъ тебя родительница Дѣва, усмотритъ Матерь Божiя? Ангелы восклицаютъ, пастыри текутъ, звѣзда блистаетъ вверху, волхвы поклоняются, Иродъ ужасается, Иерусалимъ приходъ въ смятенiе, а ты прокрадываешься въ ложницу Дѣвы, чтобы обольстить дѣвственницу? Боюсь, бѣднiй, и душою и тѣломъ прихожу въ ужасъ, намѣреваюсь выставить предъ глазами твоими поступокъ твой. Во время ночнаго бѣднiя вся церковь громко вослѣвала имя Господа Христа, и въ хвалахъ Богу, которыя пѣла она на разныхъ языкахъ, слышался одинъ духъ. А ты у входа нѣкогда яслей, а нынѣ алтаря Господня, подбрасывалъ любовныя письма, которыя она, бѣдняжка, становясь на колѣна будто для молитвы, поднимала и читала; ты же стоялъ потомъ съ лицомъ пѣвцовъ и разговаривалъ съ нею безстыдными минами.

О непотребство! Продолжать далѣе я не въ силахъ. Прежде словъ вырываются стоны, и гнѣвъ со скорбiю захватываютъ духъ въ самой гортани. Гдѣ это море Цицероновскаго краснорѣчiя? гдѣ стремительная рѣка Демосенова?

Оба вы теперь совершенно нѣмы, и языкъ вашъ оцѣпенѣлъ. Обнаружилось то, чего не въ состоянiи выразить никакое краснорѣчiе. Открылось дѣянiе, котораго не въ силахъ изобразить мина, осмѣять шутъ, пересказать комедiантъ. Есть обычай въ монастыряхъ Египта и Сирии, по которому какъ дѣвица, такъ и вдова, посвятившия себя Богу и поправшия всѣ утѣхи мiра, отъ котораго отказались, даютъ обрѣзывать свои волосы матерямъ монастырей; хотя потомъ ходятъ не съ открытою, вопреки волѣ апостола, головою, но съ повязанною и покрытою, какъ и прежде. И этого не знаетъ никто, кромѣ обрѣзывающихъ волосы, и тѣхъ, кому они обрѣзаны; только потому, что это бываетъ со всѣми, всѣмъ почти и извѣстно. Обычай этотъ обратился въ естественную

необходимость по двумъ причинамъ: частію потому, что онѣ не ходять въ баню, частію потому, что не употребляютъ масла ни для головы, ни для пищи. Маленькія животныя, которыя обыкновенно заводятся между кожею и волосами, и сгустившаяся грязь были бы, иначе, большимъ стѣсненіемъ для нихъ.

Посмотримъ же, что дѣлалъ между тѣмъ ты, мужъ добрый? Въ одной достопоклоняемой пещерѣ, какъ бы въ нѣкоторое ручательство за будущій бракъ, ты берешь волосы, платки несчастной, и взаимно даешь ей кольцо, брачный залогъ, увѣряя ее съ клятвою, что никого болѣе не полюбишь такъ. Бѣжишь потомъ къ мѣсту пастырей, и между тѣмъ какъ свыше слышится пѣснь ангельская, продолжаешь увѣрять ее въ томъ же. Не говорю, сверхъ того, что дошелъ ты до поцѣлуевъ, что заключалъ ее въ объятія. Всему можно вѣрить на твой счетъ; но изъ благоговѣнія къ пещерѣ и мѣсту, я позволяю себѣ вѣрить только тому, что ты палъ произволеніемъ и мыслию. Бѣдный, и у тебя не потемнѣли глаза, не оцѣпенѣлъ языкъ, не опустились руки, не затрещала грудь, не подкосились ноги, когда сталъ ты вмѣстѣ съ дѣвою? Послѣ базилики апостола Петра, въ который освящена она фатою Христовою; послѣ торжественныхъ обѣтовъ жить въ монастырѣ, повторенныхъ ею въ храмахъ креста, Воскресенія и Вознесенія Господня, ты осмѣливаешься брать волосы съ обѣщаніемъ спать съ тобою ночи, — волосы, которые она пожала для Христа въ пещерѣ? За тѣмъ съ вечера до утра ты сидишь у ней подъ окномъ, и такъ какъ, по причинѣ высоты, вамъ было нельзя прильнуть другъ къ другу, то посредствомъ веревочки ты или принимаешь отъ ней, или передаешь ей что нибудь. А каковъ былъ надзоръ госпожи ¹⁾: только въ церкви ты и ви-

¹⁾ *Госпожесю* — *domina* — называется, очевидно, начальница женской общины въ монастырѣ.

далъ дѣву, и какъ ни велико было желаніе каждаго изъ васъ, вы имѣли возможность разговаривать только ночью чрезъ окно. Солнце всходило для тебя, какъ я послѣ узналъ, на неволю. Безъ кровинки въ лицѣ, изнуренный, блѣдный, чтобы избѣжать всякаго подозрѣнія, ты какъ діаконъ читалъ Евангеліе Христово. А мы блѣдность объясняли постомъ, и удивлялись отсутствію крови въ лицѣ, полагая это слѣдствіемъ непривычныхъ и необычныхъ для тебя бдѣній. Уже была приготовлена у тебя и лѣстница, по которой ты хотѣлъ спустить бѣдняжку; ужъ былъ расположенъ путь, договорено судно, условленъ день, обдумано въ душѣ бѣгство... И вотъ тотъ самый ангелъ, который былъ придверникомъ у чертога Маріи, стражъ Господней колыбели и служитель (носитель) Христа младенца, въ виду котораго ты все это дѣлалъ, самъ же предалъ тебя.

О глаза мои несчастные! О день, достойнѣйшій всякихъ проклятій, въ который съ растеряннымъ умомъ читалъ я твои письма, еще доселѣ хранящіяся у меня! Какое тамъ безстыдство, какая лезть, какой восторгъ по поводу условленнаго любодѣянія! Могъ ли діаконъ, не скажу—говорить, но и знать это? Гдѣ ты несчастный научился этому,—ты, который хвалишься, что воспитанъ въ церкви? Развѣ, какъ клянешься въ тѣхъ же письмахъ, ты никогда не былъ цѣломудреннымъ, никогда не былъ діакonomъ? Если бы захотѣлъ ты отказываться, тебя уличить въ томъ рука твоя; самыя ударенія надстрочныя возопіютъ о томъ. Пользуйся, однако, выгодною злодѣйства: я не могу сдѣлать для тебя выписокъ изъ того, что ты писалъ.

Итакъ лежишь ты, припавши къ моимъ колѣнамъ и, говоря твоими же словами, умоляешь о геминѣ ¹⁾ крови, и,

¹⁾ Гемина (hemina) почти самая малая мѣра вмѣстимости, равнявшаяся половинѣ секстарія: чтобы тронуть Иеронима, Сабиніанъ, *изну-*

о несчастный, презирая судъ Божій, страшишься только меня, какъ мстителя! Признаюсь, я простилъ, ибо что другое могъ бы я, христіанинъ, сдѣлать тебѣ? Я убѣждалъ тебя нести покаяніе, повергшись во вретнице и пепель,—искать уединенія, жить въ монастырѣ, непрестанными слезами умолять милосердіе Божіе. А ты, на котораго возлагалъ я благія надежды,—ты, воспламененный возбужденіями выдры, обратился въ лукъ, противъ меня же направленный, и бросаешь въ меня стрѣлами злословія. По правдѣ говоря, я сдѣлался для тебя врагомъ. Не скорблю о злословіи; ибо кому не извѣстно, что твои уста хвалятъ только развратъ? Не плачу: потому что ты самъ не плачешь; потому что не чувствуешь, что умрешь, но, какъ гладіаторъ, приготовляющійся сражаться на похоронахъ, украшаешь себя на собственное погребеніе. Одѣваешься въ ткани, обременяешь пальцы кольцами, чистишь порошкомъ зубы, расчесываешь рѣдкіе на просвѣчивающейся лысинѣ волосы; воловьѣ шея, вздутая жиромъ, не стѣбается и послѣ тѣхъ ударовъ, какіе получила за распутство. Издаешь ты, сверхъ того, благовопія, мѣняешь бани, и ведешь войну съ отрастающими волосами; выглаженнымъ и вышлифованнымъ любовникомъ ходишь ты по площадямъ и улицамъ. Ты не красѣешь, что наружность твоя сдѣлалась наружностію блудницы. Обратись несчастный къ Господу, чтобы Господь обратился къ тебѣ. Раскайся, чтобы раскался и Онъ во всѣхъ тѣхъ бѣдствіяхъ, о которыхъ сказалъ, что пошлетъ на тебя.

Зачѣмъ, пренебрегши собственную рану, ты усиливаешься безславить другихъ? За что меня, дающаго тебѣ добрые и искренніе совѣты, рвешь на куски, какъ сумасшедшій? Пусть я человѣкъ развратный, какимъ представляешь

ремный, блѣдный, безъ кровинки въ лицѣ, обращалъ вниманіе его на небольшое количество оставшейся въ себѣ жизни.

ты меня передъ всѣми, — по крайней мѣрѣ носи со мною покаяніе; пусть я злодѣй, какъ изображаешь ты, — подражай слезамъ злодѣя. Развѣ грѣхи мои суть твои добродѣтели? Или въ своихъ бѣдствіяхъ ты утѣшаешься тѣмъ, что есть много похожихъ на тебя? Пусть текутъ понемногу изъ глазъ слезы между тканями и шолкомъ, въ которыхъ ты кажешься себѣ такимъ блестящимъ и прекраснымъ; пойми, что ты нагъ, истерзанъ, грязенъ, нищъ. Покаяніе всегда не поздно. Хоть и вышелъ ты изъ Іерусалима и израненъ на пути, — Самарянинъ, возложивши тебя на свой скотъ, перенесетъ оттуда для излеченія въ гостинницу. Даже если и мертвый лежишь ты въ гробѣ, и тогда, и смердящаго возставитъ тебя Господь. Подражай по крайней мѣрѣ тѣмъ слѣпцамъ, ради которыхъ Спаситель, оставивъ домъ свой и наслѣдіе свое, пришелъ въ Іерихонъ. Изъ сѣдящихъ во тмѣ и снѣни смертнѣй, свѣтъ возсіялъ тѣмъ, которые, узнавъ проходящаго мимо Господа, стали вопіять, говоря: *Сыне Давидовъ, помилуй насъ*. Можешь и ты прозрѣть, если будешь вопіять, если по призыву Его сбросишь грязныя одежды. *Егда возвратився вздохнешь, тогда спасешися, и уразумеши, гдѣ еси былъ* (Ис. 30, 15). Онъ прикоснется только къ язвамъ твоимъ, дотронется только до слѣдовъ бывшихъ нѣкогда зрачковъ въ глазахъ твоихъ. Хоть ты и отъ чрева такъ рожденъ, и мать твоя зачала тебя въ беззаконіяхъ, — Онъ окропитъ тебя иссопомъ, и очиститъ; омыеъ тебя, и паче снѣга убѣлишься. Зачѣмъ скорчившись прильнулъ къ землѣ, и лежишь весь въ грязи? Та, которую сатана связалъ на восемнадцать лѣтъ, получивъ исцѣленіе отъ Спасителя, возрѣла выпрямившись на небо. Сказанное Каину считай сказаннымъ тебѣ: *согрѣшилъ, успокойся* (Быт. 4, 13) ¹⁾. Зачѣмъ продолжаешь убѣгать

¹⁾ Такого мѣста нѣтъ въ книгѣ Бытія. Вѣроятно бл. Іеронимъ хотѣлъ выразить этияъ коротко смыслъ всей рѣчи Божіей къ Каину.

отъ лица Божія, и живешь въ землѣ Найдъ? Зачѣмъ носишься въ волнахъ морскихъ, и не ставишь на камень ногу свою? Берегись, чтобы не пронзилъ тебя сулицею Финеевъ, во время блуда твоего съ мадіанитянкою (Числ. гл. 25). Зачѣмъ осквернивши дѣву Ѡмарь, которой ты братъ и единокровный, обратился въ Авесалома, и хочешь убить того, кто оплакиваетъ твое возмущеніе и смерть? Вопіеть противъ тебя кровь Навуея; и виноградникъ *Іезраэля*, т. е. *семьни Божія*, который ты обратилъ въ садъ похотей и въ огородъ сладострастія (3 Цар. гл. 21), требуетъ справедливаго тебѣ мщенія. Посылается къ тебѣ Ілія, возвѣщающій муки и погибель. Смирись, облекись поскорѣе во вретище; и Богъ можетъ сказать о тебѣ: *видѣлъ ли еси, яко устрашился Ахаавъ отъ лица моего? Сего риди не наведу зла во днехъ его* (Тамъ же ст. 20).

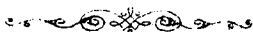
Но можетъ быть льстишь себѣ тѣмъ, что рукоположенъ такимъ епискомъ? Я уже выше сказалъ, что не наказывается ни сынъ за отца, ни отецъ за сына. *Душа яже согрѣшитъ, та умретъ* (Іезек. 18, 4). И Самуилъ имѣлъ такихъ сыновей, которые забыли страхъ Божій и предались корыстолюбію и неправдамъ. И священникъ Ілій самъ былъ человекъ святой, но сыновей имѣлъ такихъ, которые, какъ читаемъ мы въ еврейскихъ книгахъ, прелюбодѣйствовали съ женщинами въ скинїи Божіей и, подобно тебѣ, безстыдно обращали въ свою пользу служеніе Божіе (1 Цар. гл. 2). Отъ чего и самая скинїя была испровергнута; и ковчегъ, за пороки священниковъ Божіихъ, пламень; да и Ілій оскорбилъ Бога тѣмъ, что былъ слишкомъ снисходителенъ къ сыновьямъ. Столь же мало можетъ помочь тебѣ праведность твоего епископа. Можно опасаться даже, чтобы, упавъ съ своего сѣдалища, онъ не погибъ изъ-за тебя отъ неизлѣчимаго ушиба шеи (*ἄπιστοςτόνυφ*). Если левитъ Оза, котораго обязанностію было носить ковчегъ за-

вѣта, былъ пораженъ за то, что хотѣлъ поддержать его, когда онъ казался падающимъ: то чего ты ждешь себѣ,— ты, который старался опрокинуть стоящій ковчегъ Господень? Чѣмъ болѣе достоинъ одобренія рукоположившій тебя епископъ, тѣмъ болѣе заслуживаешь омерзѣнія ты, который обманулъ такого человѣка. Обыкновенно мы послѣдними узнаемъ дурное о своемъ семействѣ, и о порокахъ дѣтей и супруговъ не знаемъ, когда поють объ нихъ сосѣди. Тебя знала вся Испанія. Всѣ были огорчены, что ты сталъ предъ алтаремъ Христовымъ. И ты не былъ такъ искусенъ, чтобы благоразумно скрывать сви пороки. Ты такъ пылалъ страстью, до такой степени похоть увлекала тебя то въ томъ, то въ другомъ случаѣ къ блуду и сладострастію; что удовлетвореніе любострастію ты выставлялъ какъ бы нѣкоторый триумфъ, какъ бы нѣкоторый знакъ своей прочной побѣды.

Наконецъ, пламень распутства охватилъ тебя, когда былъ ты подъ мечами варвара и подъ надзоромъ варвара— супруга, и супруга могущественнаго. Ты не испугался совершить прелюбодѣяніе въ такомъ домѣ, въ которомъ оскорбленный мужъ могъ отмстить за себя безъ суда. Уводишь въ сады, завлекаешь въ загородніе дома: дѣйствуешь такъ свободно и нагло, какъ будто въ отсутствіе мужа ты имѣешь ее женою, а не прелюбодѣйствуешь съ нею. Когда же она попалась въ нѣкоторую ловушку, ты успѣлъ убѣжать. Тайно ты пробираешься въ Римъ, скрываешься между самнитскими разбойниками, и при первой вѣсти о мужѣ, который будто новый Аннибалъ сошелъ къ тебѣ съ Альпъ, ты ищешь безопасности на кораблѣ. Ты бѣжалъ съ такою поспѣшностію, что считалъ бурю безопаснѣе земли. Кое какъ пробираешься въ Сирію, оттуда хочешь пройти въ Іерусалимъ, и обещаешься служить Господу. Кто не принялъ бы того, кто общался быть монахомъ; особенно—не зная твоихъ траге-

дѣй и читая рекомендательныя письма отъ твоего епископа къ прочимъ священникамъ? А ты, несчастный, преобразился въ ангела свѣта, и служитель сатаны, принялъ видъ служителя правды. Подъ одеждою овчею ты скрывалъ въ себѣ волка, и послѣ прелюбодѣянiя въ отношенiи къ человѣку, желалъ быть прелюбодѣемъ въ отношенiи ко Христу.

Я разсказалъ это для того, чтобы въ маленькой картинѣ обрисовать всю сцену твоихъ дѣйствiй, и представить глазамъ твоимъ знаменитыя дѣла твои, чтобы ты милосердiе и чрезмѣрную снисходительность Господню не обращалъ въ поводъ къ преступленiямъ, снова распиная и выставляя на позоръ въ себѣ самомъ Сына Божiя, и не читая нижеслѣдующаго: *земля бо пившая сходящiй на ню множущею дождь, и раждающая былія онымъ, и мже дѣлаема бываетъ, прiемлетъ благословеніе отъ Господа; а износящая терніе и волчецъ, непотребна естъ и клятвы блзъ, сяже кончина въ пожженіе* (Евр. 6, 7. 8).

ОГЛАВЛЕНІЕ

3-й ЧАСТИ

ТВОРЕНІЙ БЛАЖЕННАГО ІЕРОНИМА, ПИСЬМА.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

	СТРАН.
87. Письмо къ Летѣ.	1
88. Письмо къ Евстохiи	17
89. Письмо къ Рипарію пресвитеру	59
90. Письмо къ Августину	63
91. Письмо къ Теофилу	86
92. Письмо къ Августину	88
93. Письмо къ матери и дочери, живущимъ въ Галліи	89
94. Письмо къ Юліану	101
95. Письмо къ Минервію и Александру—мона- хамъ.	110
96. Письмо къ Гебидіи	131
97. Письмо къ Алгазіи	169
98. Письмо къ Рустіку. О покаяніи	218
99. Письмо къ Агерухіи. О единобрачii	230
100. Письмо къ Авиту. О томъ, чего должно остерегаться въ книгахъ <i>περὶ ἀρχῶν</i>	251
101. Письмо къ Рустіку монаху	269
102. Письмо къ Маркеллину и Анапсихіи.	288

103.	Письмо къ дѣвицѣ Принципіѣ, или надгробное слово вдовѣ Маркеллѣ	290
104.	Письмо къ Гавденцію. О воспитаніи маленькой Пакатулы	303
105.	Письмо къ Дардану. О землѣ обѣтованной .	309
106.	Письмо къ Деметриадѣ. О храненіи дѣвства	320
107.	Письмо къ Ктезифонту	347
108.	Письмо къ Августину	367
109.	Письмо къ Рипарію	369
110.	Письмо къ Апронію	370
111.	Письмо къ пресвитеру Кипріану	—
112.	Письмо къ Августину	390
113.	Письмо къ Августину	—
114.	Письмо къ Аліпію и Августину	391
115.	Письмо къ Экзуперанцію	392
116.	Письмо къ Евангелу	394
117.	Письмо къ Сабиніану	397

